

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(96)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 6. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fljournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Российский антикризис как насущная актуальность (семь значимых тезисов) . 9

Н.Б. Шулевский

Логос, София, Россия 12

С.С. Слепаков

Деструкция национально-государственных интересов под воздействием
«нового мирового порядка» 27

Е.Н. Яркова

Хозяйственная культура как ценностно-смысловая система
(культурологический аспект) 41

А.Ю. Горбачев

Власть (тезисы) 51

В.В. Гришин, Н.С. Шиловская

Человек и город: шаги навстречу 56

П.П. Жуликов

Три базовые формы управления экономическим хозяйством 63

М.Р. Эляян

История философии хозяйства: демиургическое (солярное) земледелие
Японии 67

Р.Е. Соколов

Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской
православной церкви (РПЦ)..... 80

Раздел II

Экономическая теория

В.Т. Рязанов

Хозяйственная система России: новые приоритеты
в условиях возросших системных и геополитических рисков 89

Ю.М. Осипов

Экономика и экология 102

М.Л. Хазин

О посткризисной экономике 106

П.С. Лемещенко

О рациональности экономической науки и понимании теоретических
конструкций реальности..... 109

В.В. Кашицын

Санкции как фактор стимулирования развития внутреннего рынка 123

Л.Ю. Андреева, А.В. Андреева, М.С. Тимофеева

Изменение стратегии развития российских коммерческих банков:
финансовые инновации и маркетинговые технологии 131

И.А. Сушкова

Предпосылки формирования политики неоиндустриализации 139

Р.А. Мусаев, Ю.Д. Магомедова

Особенности деятельности Исламского банка развития и возможные пути
сотрудничества с финансовой системой РФ..... 148

Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сознание: смена перспектив	161
<i>К.В. Молчанов</i>	
Некоторые вопросы осуществления диалектического рефлексивного изложения в Интернете	174
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Знание как механизм достижения интеллектуального совершенства	188
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса	196
<i>А.А. Федотов, М.С. Ракова</i>	
Одиночество человека в глобальном мире	211
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
О «Новом Домострое» Т.Н. Юдиной	221
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Евангелие интегрализма. К 50-летию публикации монографии Питирима Сорокина «Главные тенденции нашего времени»	224
<i>Е.С. Зотова</i>	
Методология исследования глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства	232
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Лентулов: между смертью человека и поисками первоначал	238
<i>А.А. Антропов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына</i>	
Эссе о лукавых и истинных числах, экономистах, юриспруденции и «палочке-выручалочке» философии хозяйства	244
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальные принципы организации российской экономики	254
<i>И.П. Смирнов</i>	
Неодирижизм в медиасфере современной Германии	256
Belle-Lettre	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Симпозиум. Рассказ-очерк	269
Наши авторы	289
Содержание за 2014 г.	293

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Russian Anti-Crisis as Essential Relevance (Seven Significant Theses)..... 9

N.B. Shulevsky

Logos, Sofia, Russia 12

S.S. Slepakov

Destruction of National and State Interests in the Situation
of a «New World Order» 27

E.N. Yarkova

Economic Culture as a Value-Semantic System (Cultural Studies Aspect) 41

A.Yu. Gorbachev

Power 51

V.V. Grishin, N.S. Shilovskaya

A Person and a City: Steps Towards 56

P.P. Zhulikov

Three Basic Forms of Governance Economies Will 63

M.R. Eloyan

History of Philosophy of Economy: Demiurgichesky (Solar) Agriculture
of Japan 67

R.Ye. Sokolov

Modern Canonical Philosophy of Economy. Point of the Russian Orthodox
Church (ROC)..... 80

Part II

Economic Theory

V.T. Ryazanov

Russia's Economy: New Priorities in the Conditions of the Increased
Systemic and Geopolitical Risks 89

Yu.M. Osipov

Economy and Ecology 102

M.L. Hazin

On Post-Crisis Economy 106

P.S. Lemeshchenko

On Rationality of Economic Science and Understanding of Reality
Theoretical Designs 109

V.V. Kashitsyn

Sanctions as a Factor of Stimulation of the Domestic Market Development 123

L.Yu. Andreeva, A.V. Andreeva, M.S. Timofeeva

Changes in Development Strategies of Russian Commercial Banks: Financial
Innovation and Marketing Technologies..... 131

I.A. Sushkova

Prerequisites for the Formation of the Policy of Neoliberalization 139

R.A. Musayev, Yu.D. Magomedova

Features of the Islamic Development Bank and the Possible Ways
of Cooperation with the Russian Financial System..... 148

Part III	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Consciousness: Change of Prospects	161
<i>K.V. Molchanov</i>	
Some Questions of Implementation of a Dialectic Reflective Statement in the Internet.....	174
<i>D.L. Rodzinsky</i>	
Knowledge as Mechanism of Achievement of Intellectual Perfection.....	188
<i>E.V. Shelkopyas</i>	
Decline of Liberal Culture: Philosophical and Psychological Roots of Crisis Development.....	196
<i>A.A. Fedotov, M.S. Rakova</i>	
Loneliness of the Man in a Global World	211
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
About «The New Domostroy» of T.N. Yudina	221
<i>Yu.V. Yakovets</i>	
The Gospel of Integralism.....	224
<i>E.S. Zotova</i>	
Methodology of the Global Capital Research: a Look Through a Philosophy of Economy Prism.....	232
<i>N.N. Rostova</i>	
Lentulov: Between Death of the Person and Searches the Sources of Painting	238
<i>A.A. Antropov, T.S. Sukhina, T.G. Trubitsyna</i>	
The Essay about Crafty and True Numbers, Economists, Law and Philosophy of Economy as a «Lifesaver»	244
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Actual Principles of Russia's Economy Organization	254
<i>I.P. Smirnov</i>	
Neodirigism in the Media Sphere of Modern Germany	256
Belle-Lettre	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Symposium. Story Sketch	269
Our Authors	289
Contents of the Journal for 2014	293

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**



Ю.М. ОСИПОВ

**Российский антикризис как насущная актуальность
(семь значимых тезисов)**

Аннотация. Рассматривается актуальная тенденция России к преодолению длительного системного кризиса, что обозначено автором как *российский антикризис*.

Ключевые слова: Россия, кризис, антикризис, философия, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The actual is devoted to Russia's tendency to overcoming of long system crisis that is designated by the author as the Russian anti-crisis.

Keywords: Russia, crisis, anti-crisis, philosophy, historiosophy, philosophy of economy.

1

Кризис только поначалу *кризис*, а через какое-то время он уже несет в себе *антикризис*, если, конечно, не имеет летального исхода. Кризис — проявитель возникших проблем и востребователь перемен. Кризис — неперемнное условие меняющегося бытия: от отрицательного бытия к положительному. Кризис — сначала выворачивание бытия к негативу, а затем выворачивание уже вывернутого бытия — к позитиву. Время разбрасывать камни и время собирать камни! Отрицание устаревшего и ненужного с последующим положением нового и нужного. *Кризис* всегда и *антикризис*, если, повторяем, он не имеет летального исхода. Такой летальный исход можно, конечно, тоже принять за антикризис, но тогда уж особого рода. За примерами летальных исходов ходить далеко не надо: кризис Святой Руси (Московской), кризис Российской империи (Романовской), кризис СССР (Сталинского) — все имели для кризисных организмов летальный исход, правда, не для самой по себе Руси-России, а лишь для ее исторических форм.

2

Кризис России 1990-х и 2000-х гг. — как наследственный кризис от СССР, так и благоприобретенный — трансформационный, усиленный глобалической реформой-революцией: от общественного по характеру бытия к частнособственническому. Кризис тотальный, затяжной, тяжелый. *Апокалиптический кризис* (как, собственно, и предшествовавший ему кризис СССР), кризис, не имеющий прогнозируемого выхода. Антикризис здесь обозначился не сразу, а лишь к середине 2000-х, по

достижении жизнеподобной стабилизации *пореформенной* системы, однако системы, вовсе еще не адекватной эффективному бытию, а аномальной, даже и уродливой. Апокалиптический кризис не был преодолен — и для его преодоления нужно было перейти к иной, более здоровой и жизнотворной, системе бытия — *постреформенной*, что как раз и осмысливалось более всего в связи с мировым экономическим кризисом 2007—2009 гг. В это время (в 2009 г.) и была выдвинута идея *российского перестроения*, подкрепленная идеей *хозяйственного неодирижизма* (государственно-корпоративного). Дело фактически к этому идет, хотя правящие круги избегают неудобной для них, как бы антиреформенной, терминологии. Однако 2014 г. подтвердил правильность именно такого подхода: *постреформенного, управляемого из национального (имперского) центра, перестроения*.

3

Помогло несчастье — украинские события, ничего из существенного (сущного) не родившие, но зато все существенное (сущное) обнажившие, а также сдвинувшие мировое бытие хоть и не с мертвой, но все-таки точки — ложного зависания. Россия вдруг неожиданно для себя одним махом перескочила из положения *субстраны* (в рамках глобалической мировой системы) в положение самостоятельной страны-*субъекта*, причем субъекта вовсе не локального (регионального), а мирового — да мало просто субъекта — еще и геополитически лидирующего (первенствующего). А последовавшие за этим скачком анти-российские санкции, означавшие если не объявление новой холодной войны, то отчетливое явление ее рецидива, оказались как раз сигналом к... *постреформенному, управляемому из национального (имперского) центра, перестроению*. Теперь уже не раздумывать было надо, не слишком-то действуя, а действовать, не очень-то уже и раздумывая! Так или иначе, но... явилась *война*, а война не терпит отлагательств! Теперь только вперед, не закрываясь вовсе от внешнего мира, но уже с явной опорой на собственные силы. Вот он — *российский антикризис!*

4

Уже вполне осознанный антикризис — как движение к *новой России*: живоносной, полноценной, убедительной, той самой, в которой хочется быть, жить, трудиться, овладевать будущим — людям, коллективам, народам. Хорошо сказать, да как этого достичь? Нужно многое осознать, не пряча голову в песок, вполне и самокритично. Апокалиптический кризис ослаблен, но не преодолен: страна, ее социум, все ее насельники, ее деревни и города, ее школы и театры — все больны; социо-идейно-духовный климат пока негативен; зверо-животный, античеловеческий, антигражданский моменты сильны; по России воль-

готовно разгуливает анти-Россия — разнообразная, настырная, ядовитая; активны и наглы антицивилизация и антикультура, разъедающие бытие, социум, человека; грабительство, коррупция, ложь — верные спутники пореформенной России, которые вовсе не собираются просто так сдаваться. Быть России или не быть? — не снятый с повестки дня вопрос! И ежели сила «не быть» ослаблена, то сила «быть» еще недостаточно крепка. Российский кризис смягчен, Россия его уже отрицает, но он все еще в наличии, — и России еще только предстоит его преодолеть.

5

Не слишком дружелюбные, а то и прямо враждебные, обстоятельства — что внутренние, что внешние — заставляют Россию не просто сосредоточиваться, но и, что особенно важно, *идти к себе*. Настало время перестать заниматься необдуманным заимствованием, играть по чужим нотам, думать по чужим шаблонам, а начать выработать *свое* — не Западное и не Восточное, как и не Евразийское, а именно *Российское*, имея в качестве корневого основания, генетического ядра и главного критерия *русскость*, что хоть и связано с этно-национальным моментом, но к нему вовсе не сводится, ибо содержит в себе все историко-бытийственное своеобразие страны, образованной и поддерживаемой русским народом (населением) совместно со всеми примыкающими к нему народами. Борьба с русскостью в России — заблуждение, ошибка и даже преступление, восходящие еще ко времени и деяниям Петра I и имевшие роковые негативные последствия для судеб страны. Пора это понять: из России нельзя делать не-Россию, из России надо делать Россию, предоставив и ей самой творить саму себя! Россия — не Европа, как и не Азия, и никакие Соединенные Штаты России из России не получатся, как не получится никакого и ничьего послушного филиала — ни Европы, ни Азии, ни США. Россия может быть только Россией, как Европа — Европой, Азия — Азией, США — США, а тот же Израиль — Израилем. На повестке дня — движение к *новой России* посредством преобразования существующей России, но непременно на российском пути!

6

Есть ли у России силы, резервы и шансы преодолеть затянувшийся кризис, поощряя лишь только проклевывающийся антикризис? Есть, конечно, и их можно использовать. Дело за духовным, деловым и творческим подъемом, который, кажется, не за горами. Разор, падение и уничтожение Россия уже пережила: Россия 2014 г. — не Россия 1994 г. Сегодня Россия устремлена к подъему, развитию и достижению новых исторических высот. Запас прочности, сообщенный России Со-

ветским Союзом, а до него — Российской империей, оказался гораздо прочнее, чем это совсем недавно казалось. Есть варианты, а есть инварианты! Российское общество, немало расстроившись, угаснув и истребившись, все-таки выдюжило, сохранилось и выходит на новый исторический старт. Если б это было не так, то не было бы и 2014 г. — со всеми его нестандартными событиями! Россия восстанавливает русский мир, столь для нее драгоценный, его защищает и укрепляет, наделяет его заслуженным будущим.

7

Российский антикризис: утопия или реальность? Пусть каждый отвечает по-своему, но, пардон, не по базарному, или тому же интернетному, разряду, как всего лишь кому-то кажется, а хорошенько подумав и вполне отвечая за свои слова. Не вредно вспомнить, к примеру, Сергея Радонежского, тоже ведь задававшегося когда-то вопросом: «Быть Руси Святой или не быть?», и вместо того, чтобы ответить себе, сидя на завалинке: «Не быть, конечно!», ответил, упорно трудясь не покладая рук, уверенно молясь и выдержанно переживая: «Разумеется, быть!», — и добился же своего, став фактическим прародителем Святой Руси. Вот и сегодня тот же вопрос: «Быть или не быть?», как и те же ответы: для кого-то «Не быть!», а для кого-то «Быть!», — но ответит на этот вопрос сама историческая реальность, причем сделает это независимо от того или иного «звездного» суждения. В Париж россиянину надобно время от времени наезжать — факт! — а вот жить и трудиться надо все-таки в России, где и энергии больше, и возможностей, и творчества, что тоже факт! — разумеется, ежели покончить с навязываемой стране убогой и вредной реформой образования и науки, да повнимательнее отнестись к неординарным поступкам того же Жерара Депардьё, взыскующего своей Шамбалы не в Тибете даже, а в матушке России — не любопытно ли?!

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Логос, София, Россия

Аннотация. В статье исследуется взаимодействие Логоса, Софии и России. Обнажается умственная нищета чистого Логоса, приоткрывается смысловое богатство Софии и скрывается духовно-проективное богатство России. Показывается движение мудрости от логики через софиологию к софиасофии. Раскрывается софиасофская неизбежность

превращения Земли в Субъекта эволюции, ведущей Россию к самой себе, в ее Отчий Дом.

Ключевые слова: Логос, София, Россия, софиасофия, планетарный эволюционизм.

Abstract. The article is devoted to the interaction of Logos, Sofia and Russia phenomena. The author shows intellectual poverty of pure Logos, the semantic richness of Sofia and the ideological and projective richness of Russia. The article reveals the wisdom movement from logic through sophiology to sophiasophy, inevitability of Earth transformation into the Subject of the evolution conducting Russia to itself, in its Native home.

Keywords: Logos, Sophia, Russia, sophiasophy, planetary evolutionism.

«Логос» и «София» представляют собой сакральные, миротворные и социокультурные принципы [1, 277—278; 395—399]. В этих терминах действует некая тайна, превосходящая религиозные, научные и философские смыслы: Логос и София вообще преодолевают терминологические каноны, являясь, с одной стороны, творящими силами мира, а с другой — пронизывают своими нормативными, знаковыми, символическими, смысловыми и экзистенциальными инициативами все миры. Логос и София задают абсолютные миротворные *контексты* для любых событий, предметов, динамических композиций, они устанавливают матрицы культур, цивилизаций, будучи незримыми эсхатологическими режиссерами возможных событий и невозможных происшествий.

Далее, Логос и София являются смысловыми крыльями и сакральными программами мудрости. И все проблемы возникают вследствие разрыва тайного союза Логоса и Софии, или животворных связей формы и смысла. Поэтому *софийно-логосные* связи служат, по Бэкону, истоком плодоносных и даже светоносных размышлений и опытов.

Разум изначально в решении жизненных проблем человека взывал к мудрости, которая воспринималась всеми народами *количественно* — как *везнание* и *качественно* — как *целостный ум*. «*Нельзя все знать, но можно и должно знать то, что может все знать, т. е. цельный ум*», — таков закон мудрости. Сова мудрости имеет два крыла — Логос (закон) и Софию (смысл). В Античности, когда Европа была нормальной, культура людей, которые еще не знали, что они станут европейцами, была пропитана логосной софией и софийным логосом. Затем христианская мудрость освятила софиасофский брак Логоса и Софии, соединив в себе логосные смыслы Софии и софийные законы Логоса.

Но европейцы приняли из мудрости только Логос, который стал для них высшей ценностью, всеобщим законом бытия, слова, мысли, действия и законов, основанием, демиургом Запада, архитектором его институтов, изобретателем и конструктором его экономики и... кризисов! Если до XX в. кризис крушил формы Логоса, то мировые войны стали кризисом самого Логоса, но в то же время и торжеством смертельной логистики его оружия. Разум стал задыхаться в объятиях Логоса и логики, которая оказалась столь сложной, что уже не могла постигать мир, самое себя, отрицая себя посредством парадоксов, апорий, антиномий. Логос и логика пали до уровня технического администрирования разумом лучшими менеджерами Аида — Мефисто и Воландом. Логос превращает познаваемые предметы в незримые, неральные, мертвые абстракции. Даже Бог в фирме Логоса стал абстракцией, забыв о Личности и Любви, заменив человечность механизмом и законом. Но ослабление Логоса разрушает цементирующие сакральные связи Запада, которыми сегодня движет энтропия слепой разрушительной свободы. Против нее бессилён искусственный интеллект и его сестра — бессознательное, зовущая его на отдых в inferнальную пучину безумия.

Абсолютизация Логоса как творящего основания Запада завела современный мир в тупик. Парадоксы, алогизмы, апории софистов, антиномии Канта, военная диалектика Гегеля, мировые войны показали ограниченность Логоса, который не выражает всей полноты мудрости как в мире, так и в божестве, как в человеке, так и в его знаниях. Ибо ответы всегда коренятся там, где смыслы еще вольнодумствуют и не схвачены Логосом.

Но вскоре вместе с отречением от Христа Запад отрёкся и от сакрального Логоса, узрев в нем скрытую репрессивность («логоцентризм»), и пошел путем создания искусственного интеллекта и Логоса.

София же представляет смысловые потенции мудрости, творит новые умения и способности людей, новые средства спасения ничто в бытии. И нет в Софии парадоксов, антиномий, апорий, нет безличных абстракций. Отвергает она и хрематистику, ибо копит знания, способности, умения, а не злато. София направляет жизнь к ее сакральным знаниевым истокам, выявляя те упрямые пласты мира, которые избегают словесного обличения. София хранит ключи оригиналов вещей, идей, людей, общества, власти, экономики, институтов, оригиналов ума, сознания, души, знания, понимания и языка, смыслы тех законов, норм, мер, гармоний, посредством которых Логос заимствовал в мудрости свои законы, правила, логические формы.

Мысль России не ведаёт отрыва Логоса от Софии, признавая смысловую логику, в которой работает не закон исключения «третьего», а

закон неперменного нахождения «третьего». Например, неклен означает не отрицание клена, а другое растение — *acer tataricum*, лимок, кустовой клен. Жизнь и смерть не исключают «третьего», а допускают его в качестве нежити¹. Эта логика продолжает традиции прирожденной триалектики мысли, для которой между добром и злом есть еще и благо; между скупостью и расточительством — щедрость; между истиной и ложью — правда. В Логосе отрицание — два особых автономных инструмента и акта мысли — отрицание позитива и отрицание самого отрицания. София же вообще устраняет автономию отрицания, делая его частной функцией «третьего» бытия. Поэтому Логос в России не властвует над умом. (Отсюда — умом Россию не понять! Логосным, логосным умом не понять!)

В глубинах божественного Первозакона таятся истоки Логоса, и его противоположностью служит хаос. Истоки Софии уходят в глубины Первосмысла, За-мысла Бога, преображающего хаос в умения, способности существ и людей, а ее противоположностями служат безумие и бессмыслица, кои изводят хаос и смерть, страдающие от своей глупости. София хранит знания, в которых земное и трансцендентное сливаются в живые смыслы, в умения созидать Дома, Храмы Духа, бытия, жизни и разумения. Материалом Логосу служат хаос, беззаконие, произвол, а материалом Софии — сакральные смыслы, творящие сам разум, питающие его млеком понимания.

Античность полагала, что человеку доступна не мудрость, а лишь знания, ведущие к Недоступной. Эти знания и стали философией, единой в себе отдельные свойства Логоса и Софии. Поэтому софийно-логосная парадигма есть основание и метод постижения катастроф современного мира. А истоком кризиса служит разрыв Логоса и Софии в глубинах человека, общества и власти. Два крыла мудрости не сходятся, и «hoto», его «рацио», накрывает пелена безумия. Кризис есть суд Софии над Логосом за его надменный отказ от истины, за возвращение плевел дьявола.

Сегодня важно выявить новый объективный контекст, в рамках, на основе и посредством которого можно изучать новые структуры бытия и ума, новые радости, страсти иные. И таким сакральным контекстом всех контекстов, парадигмой всех парадигм является София. Этот контекст не может не быть софийным, ибо София требует только одного — обретения ума-разума, черпающего мудрость из божественных

¹ «Нéжить — существа без плоти и души, все, что не живет человеком, но имеет человеческий облик. Это не мертвецы и не привидения, а существа особого рода. Нéжить не живет и не умирает, она есть, существует, обитает. У Нéжити своего обличья нет, она ходит в личинах и бессловесна» [2, 129].

Первосмыслов, из бездн, из хаоса, из ничто; поэтому она и может помочь миру, извлекая для него смысловые ископаемые, свет из банков «ничаво»-ничто. София — это целостный ум-разум, который уже все понимает, а мы лишь ищем его. София — это ум, который недоступен для воландов, бесов, психоаналитиков, сгорающих в смысловой атмосфере Софии. Софийный контекст содержит благо, ибо София с нами; но в нем есть и горечь, ибо мы еще не с Софией. И не знаем, как заслужить ее милость! Ибо ее повсюду не знает исключений!

Поэтому именно София Премудрость Божия указывает пути из лабиринтов и паутины современных виртуальных, завиральных, финансовых и аморальных миров в царствие их смысловых и хозяйственных оригиналов. Промыслительно, что софийная философия и философия хозяйства оформились в идейную школу именно в МГУ, выявив тем самым подлинно сакральное ядро университета. Провиденциально, что взрывной интерес к Софии-мудрости проявляется накануне величайших катаклизмов истории; когда безумие охватывает почти всех, именно тогда мудрость-София протягивает свою спасительную руку². Ибо София — сакральный антидот против безумия, невежества, бессознательного, агрессивности санкционеров.

София — сакральный феномен, смыслы которого невозможно раскрыть путем аналитических расчленений, как, например, механические часы, ибо она сохраняет нетронутую грехом первозданную целостность ума. София есть идейный аналог Св. Троицы, выражая в качестве знаний нераздельность и неслиянность ее Лиц. Именно эта софийная целостность Св. Троицы сохраняет сознание, ум, душу и язык людей в рабочем состоянии. Софиология содержит в себе огромный запас неиспользуемых смыслов, приложений, таящих в себе свободу жизненных импровизаций. Софийная философия держит ветер вечности в своих парусах, а потому в ее идеях даны ключи к пониманию того, что есть и что непременно будет! Она содержит абсолютный смысловой контекст всех иных экологических, экономических, информационно-сетевых, инфернальных и антропологических контекстов исследования и анализа современного бытия.

София Премудрость Божия была всегда, а для людей и мира она есть первый результат божественного преображения ничто в сознание

² Храмы Софии строились в тяжкие годы катастроф Византии, Киевской и Московской Руси. Софиология Вл.С. Соловьева возникла накануне Первой мировой войны, а философия хозяйства и софиология С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского — в лихолетье революций и гражданских войн; философия хозяйства и софийная философия Ю.М. Осипова возродилась в 1991 г. — инфернально злодейского убийства СССР!

и мысль. И для волянтов всех рангов она неуязвима, ибо обладает цельным умом и знанием, адекватно понимая, выражая, исполняя волю Бога святыю. Мысль, ум, разум обретают смысловые силы из Откровения, рождая в человеке временные копии. Понимание, присущее уму, сознанию, зависит не от всецело аидного времени, а от вечности. И человек приобщен к этим всепостигающим силам вечным посредством Софии; отсюда его чудовищная ответственность, ибо своим умом и сознанием он воздействует на весь мир. Главный враг Софии — это псевдознание, гонящееся за пользой и модой и не ведающее о вечных трансцендентных смыслах; и это невежество реально разъяряет смерть. Жизнь без трансцендентных энергий иссыхает, превращаясь в полное незнание жизни или в начальное знание смерти.

И русская софийная философия черпает энергии, стимулы, вдохновение и озарения не из распада, не из кризисов и энтропии, не из пороков, а из сакральных источников вечности; она берет заем у вечности, которая требует от нее процентов в виде смыслов необычных и непривычных, смыслов, вытекающих не из времени, а из самовозгорающего, непрестанно пылающего, созидającego света Софии. Именно через софиологию осуществляется смысловое откровение людям смыслов вечности и прорыв человеческих мыслей в миры трансцендентные.

Именно софиология ставит вопрос не просто о будущем *бытия*, но и о будущем *самого будущего*, о *судьбе самого времени*. Сегодня для размышляющего сознания главными проблемами являются именно онтология и эсхатология времени. Одно ясно: время — орудие разрушения, а вот созидает не время, а природа, ум, люди. Само время есть посланник смерти, которая через время смерть приводит нас в соответствие с черной дырой преисподней. Владыка времени породил виртуал, который считает реальное время нереальным, а самого себя реальностью, предлагая людям общение в режиме «реального времени», как будто вне виртуальности люди живут не в реальном времени, и как будто виртуальность — это не время смерти! Нет, время — это не бытие, а оккультная реалья, хранящая в себе безумие бездн.

Именно внутренняя измена времени самому себе, самопоедание времени вызывают цепную реакцию внешних непонятных и катастрофических перемен. А сегодня время радикально входит в режим реального самоотрицания, нагнетая в бытии апокалипсические силы, что мол-де с концом времени и рухнет само бытие, конечно, вместе с деньгами!

Парадокс! Но София-мудрость размышляет так, как будто времени не было, нет и оно вообще невозможно, ибо изменениями в мире правят смысловые ритмы ее разума, понимания и радости. И это вполне понятно, ибо София была в Боге и с Богом уже тогда, когда времени

еще не было, а поэтому она не зависит от его суицида. Она — царица Творения.

София — это вневременной и сверхвременной ум, который в силу своей независимости от времени может оценивать и судить умы земные, дела человеческие. Поэтому и появление Софии-мудрости в центре бытия и мысли обусловлено инфернальным банкротством времени и заменой его числовой длительностью. В то же время в конфликт со временем вступила вечная суть ума, сознания, души и слова. И сегодня наступил апогей несовместимости ума и сознания со временем. И философия хозяйства, софиология, являясь выражением этого конфликта, исследует его в рамках хозяйства как его атрибут. Время в экономике умножает богатство, а в хозяйстве — смысловое оснащение, софийную ноосферу жизни. Через софийные смыслы хозяйство восстанавливает живые связи с Богом.

Парадокс! Безальтернативная София — в то же время и самая демократическая, соборная сила, ибо признает все идеи, указывая им место в общем смысловом строю без всяких внутренних раздоров. Сегодня София — единственная миролюбивая творчески-созидательная идеология, ибо Запад умеет только разрушать. У него нет позитивной идеи, а свою реальную идеологию он не может огласить, ибо это античеловеческий зомбидурман концлагеря. Удивительно, как быстро и внезапно Запад теряет креативность мысли. Сегодня мыслит не Запад, убегающий от мысли, а его инфернальный дублер — главный аватара безумия.

И поскольку мы находимся ныне в двух чрезвычайных контекстах, то возможны и два институциональных пути движения человечества к своей конечной цели: *инквизиция и софиократия*.

В социальном плане инквизиция представляет собой информационную и технологическую организацию жизни людей в режиме видимого-невидимого тюремного времени. Инквизиция — это стремление безумия продлить себя в качестве посла вечности. Поэтому сегодня все государство опутано оккультной идеологией, инквизиционными сетями тотального электронного контроля.

Но власть остается властью во времени, вне времени, в вечности. И власть может обойтись без услуг времени и его властителей. А для этого государство, власть должна обрести софийное мировоззрение, иначе инквизиция с помощью информационных и электронных технологий сожрет государство и установит свои институты управляемого хаоса.

Запад ушел от Софии, доверившись Логосу, логике, информатике и технике, которые могут развиваться лишь в направлении единой элек-

тронно-информационной и технологической матрицы без социально-сти и личности человека! Беда с этим человеком — одни проблемы!

В софиократии вся страна становится одной Школой, изучающей и вырабатывающей сакральную субстанцию вечности для спасения человека. Да, и православие может работать лишь на основе и в контексте софийной идеологии, ибо оно наполняет Логос-логику, Слово-схоластику, хозяйственную жизнь смысловыми ценностями. Но церковь, косо поглядывая на софиологию, видимо, тоже пилит свой сук.

Парадокс или...? В православном богословии есть демонология, масса книг о нечистой силе и бесах, Воланда изучают в школах, хотя в самом Писании о дьяволе говорится мало. Нет ни одной канонической книги, ему посвященной. А вот Софии Премудрости посвящена целиком каноническая Книга Притчей Соломоновых. Этой Премудростью назван и Христос, много икон, храмов посвящены Софии Премудрости Божией. А вот учение об этой же Софии — софиологию официальное богословие считает ересью. Это о мудрости-то? Странно! А о чем говорят признание демонологии и неприятие софиологии? Как мир не узнал своего Спасителя, а казнил его, так и Церковь, не узнавая свою же спасительницу-мудрость, гонит ее, призывая... кого?

Идет война информационная, священная война, призванная уничтожить любые смыслы, заменив их программами; смыслы всегда от Софии-мудрости, и несут в себе непредвиденные вести, а программы — отключают ум, заменяя его механизмами современного мира. Сегодня спасти ум, сознание, душу и язык, власть, институты, само православие можно только при содействии Софии Премудрости Божией, ибо она в своем смысловом пространстве уже одолела мрак, inferнальность, бессознательность, демонизм, которые добивают мир. Мудрость дает знания и понимание, необходимые для спасения человека. Только София может запустить двигатель человеческого духа, хотя мы и не знаем, как он работает.

Поэтому и в крушении СССР нужно видеть позитив (антиадская операция) и негатив (антирусская операция против существ, сохраняющих человечность и в Аиде). Эта катастрофа нужна для того, чтобы человек понял пагубность использования чужой мудрости, мерзость цитирования «классики» и начал самостоятельно думать, чтобы вышибить из себя раба, который способен понимать мысли других людей, но не умеет творить свои мысли. Западная и восточная философия исследуют проблемы своей жизни для своих же людей. Они же придумали цитирование, дабы вовремя обновлять состав ученых рабов. Только София-мудрость несет в себе чудо рождения мысли из ничего для всего, развивая новые формы мудрости!

Сегодня сакральная эволюция Земли трансформирует человека, культуру, технологии, разум, экономику и власть в апокалипсическую целостность, из которой выйдут в бытие лишь существа и власти, соответствующие новой мудрости — *софиасофии*, которая уже начала готовить Землю к встрече Главного Властителя мира. И софиасофия несет в себе новую мысль, которая калеными смыслами выжжет все гаденькое и подлое, все коварное и развратное, все мерзкое и смердяковское в мире истины, и снова сделает мысль прекрасной незнакомкой Кали и Судьбы³.

Поэтому софиасофия представляет мудрость современной эпохи. Ее первоаксиома гласит, что преображение ничто в мир не завершено. Софиасофия выявляет новый контекст, в котором философия, устанавливая смысловые контакты, диалоги, дискурсы ничто и нечто, может сознать современные превращения ничто в неведомые законы, регионы бытия и хозяйства. Софиасофия преображает вулканические выбросы язвящего ничто в русское «ничего» («ничаво»), ищущее праведный мир Иной. Нравственным центром софиасофии служат мера и аскеза, противостоящие потребительству и нищете. Высшим спасительным выражением софиасофии становится абсолютная экология. Софиасофия есть новая мудрость, посредством которой продолжается Писание, творимое всем Русским Миром.

Честь открытия софиасофии принадлежит великому русскому уму современности — Ю.М. Осипову, узревшему в философии хозяйства знаниевый, мыслительный переворот, скачок в движении русских

³ Есть веское мнение великого мошенника, который не страшился коммунизма и СССР, но мысли боялся пуще всего на свете. «Я нахожу утешение в открытии, что мысль намного страшнее реальности» [3, 257]. Почему же мысль страшнее реальности? И для кого она страшнее? Мысль страшнее реальности, ибо содержит в себе суд вечности, определяет смысл и сроки жизни. Русская поговорка гласит: «Если бы все знал, то бы не умирал!». Глубокая правда простоты! А гласит она о том, что тайна смерти коренится в тайне мысли; насколько мы знаем мысль, настолько мы угрожаем смерти. И мысль страшной реальности лишь для тех, кто для жизни страшнее смерти! А таковы спекулянты; угрожая реальности, они вызывают обратный удар возмущенной мысли. Мысль есть ответ на страшную финансовую реальность, которая угрожает мысли. А Страшный Суд есть кара всезнающей, всевидящей мысли над теми, кто финансами заменяет Божий мир, жизнь, людей и мысль. Это отчасти объясняет то, почему западный человек боится мысли; но это не объясняет того, почему же мысль убегает от западного человека к смерти? Неужели западоиды страшнее смерти? Сорос правильно утешается мыслью, ибо она уж точно придумала, как она будет страшно, страшно утешатся им. Финансы здесь не помогут!

творческих инициатив, извлекающих из своего ничто смыслы неруко-
творные накануне величайших битв и катастроф бытия.

Философия реализуется в мире, но и мир реализуется через фило-
софию, ибо мир неполон, да и нереален без своей мудрой подруги. Но
мудрость и любовь нужны и безднам ничто, страдающим без просвет-
ляющей их мысли, ведущим тайный диалог с ничто! Это Альфа и Оме-
га жизни и мысли! В религиях этот диалог дан раз и навсегда, искус-
ство ищет его формы, но в софиасофии он имеет начало, середину, и
продолжение, а его цель — творчество меры, правящей мыслью в ее
воспитательной работе с ничто.

Софиасофия — это не софиология, которая исследует логику и
филологию Софии, а самообоснование-манифест новой мудрости
(*мудрости, а не только философии!*). Это идейный, творческий и
смысловой контакт с Софией. Это — провиденциальная встреча-
откровение искателя истины с истиной, ищущей своего открывателя;
это откровение, выходящее из сокрытости и мысль, преодолевающая
субъективность человека ради нахождения в мире метафизики новых
смыслов для обесмысливающейся жизни. Софиасофия — это Смысл,
дающий Слово и Голос мудрости в России.

И тут есть существенный нюанс. Встреча эта произойдет в любом
случае, но путь к ней долгий, тернистый, мучительный, страдательный
и рискованный, покрытый мраком, а перспективы неясные. «Софиасо-
фия — постнаучная и даже во многом постфилософская мудрость,
рождающаяся от кризиса науки и академической философии, как и от
кризиса религии тоже. Это мудрость человека, лишившегося вдруг
мудрости, а потому возвращающегося к Богу и Софии, к той же перво-
родной философии. Очень много повидавшего, об очень многом по-
размышлявшего и очень немало настрадавшегося. Однако возвраще-
ние тут не ученическое, а творческое, созидательное, новаторское, а
потому с новой силой, с не бывшей ранее, мудростью» [4, 123]. Мир
требует новой мудрости, а потому и нужна софиасофия как прямое
обращение к Софии через знание-размышление, творящее из ничего
новые смыслы. Да, софиасофия режет слух и мозги ученым, акаде-
микам, богословникам, имеющим сотворческое отношение к апока-
липсису; хотя он и пришел не по их воле, но их непонимание и столь
же лукавое безмыслие не заметили новую главную аксиому Слова.

Но софиасофия — это не религиозная философия, а новое мышле-
ние, возникающее вследствие острейшего кризиса Модерна и цинич-
ного «логикомолайства» Постмодерна. «Апокалиптическое время тре-
бует и соответствующего ему мудрствования — *апокалиптико-
апокастатического*, а таковое может состояться на основе и в рамках
софиасофии» [4, 123].

Долгое игнорирование Софии привело к атрофии тех умений и способностей, посредством которых в трансцендентном мире воспринимается идеальная пища жизни — смыслы, числа, знаки, символы, коды, идеи, сознание, мысль, значения и др.; да и природные о-вещественные феномены — вещи, стихии, растения, животные, человек тоже ведь вышли из метафизики софийных проектов. Софиасофия признает смысловые силы Софии, ибо познавательно, разъяснительно, интуитивно они не постигаются. Они как Солнце появляются независимо от нашего хотения и веления.

В связи с софиасофией Ю.М. Осипов затрагивает крайне болезненные вопросы религии, Священного Писания и Откровения, стоящих на страже высшей мудрости. «Ответ тут может быть таким: знать и использовать, понимать и руководствоваться, но, видимо, этим всем не ограничиваться, ибо жизнь всегда полнее и богаче, она активно изменяется, хотя в чем-то всегда лишь воспроизводясь, рождает новые проблемы и ставит новые вопросы человеку, меняет его отношение к божественному сакралу, к природе, ну и к самому себе» [4, 126]. Ведь Писание не только изображает прошлое, сопровождает настоящее, но оно неразрывно свершается, пишется самой жизнью человека и сегодня. «Не надо принижать человека, запрещая ему продолжать свое глобальное имманентно-трансцендентное историческое писание, пусть поначалу и боговдохновенное» [4, 127]. Человек узнал не только то, что произошло с Христом, что было после, в Средневековье, в Новое время, узнал инквизицию и научно-технический прогресс, ядерные игрушки, геноциды и мировые войны. Человек узнал не только первое Откровение, но в нем и через него он жаждет новых откровений, новых суждений и оценок; он хочет познать себя на страдном пути откровенческих знаний. Не надо модернизировать первоизданную сакральность древних писаний. «Но ничто не должно мешать человеку вести текущее писание — научное, философское, религиозное, как и... метафизическое. Бытие человека думающего, ищущего решений, жаждущего откровений и есть по сути своей писание, выраженное при этом в письме или нет, но писание, которое в итоге никогда не прекращается и прекратиться, пока есть человек, не может» [4, 127].

Ю.М. Осипов впервые в мировой культуре развил гипотезу новой мудрости, рожденной нашей эпохой — софиасофию. Это не просто и не только любовь к мудрости, а действия самой мудрости через человека. Пока наиболее действенный свой орган софиасофия нашла в экологии, или в экософии, которая становится первым словом, продолжающим Писание на русской земле о Земле... Можно в софиасофии видеть метафилософию, метабогословие, но реально она говорит сакральным языком Земли, сражающейся с лярвами и лузерами «золото-

го тельца». Софиасофия — философия Земли пока идеально, самим выходом своим из нави в явь, укрощает деструкции кризиса, превращая его в живые дискурсы и обращения вечности к обреченным рабам хрематистики.

Современная русская философия не случайно избегает концептуальных и социальных новаций, ибо знает, что любой миг чреват Главным Событием мироздания — Вторым Пришествием. И это вселенское Событие принесет с собой такие просвещающие и проясняющие смыслы, «концепты» софиасофии, перед которыми нам будет так мучительно стыдно за свои инновации, что мы можем и не вынести позора за свой «базар».

Православие хранит тайный сакральный смысл всех существующих идей, планов, проектов, событий и деяний. Речь идет не только о Софии Премудрости Божией, но и о софиасофии, представляющей абсолютное миротворное знание. И этот критерий говорит, что мир правят, мир создают, мир изменяют, мир направляют Идеи, Мысли, Мудрость. Не героизм, не страсти, не расчеты, не выгода, не экономика и войско, не PR, не хитрость, не подлость, а именно духовное творчество, владеющее тайнами превращения ничто в бытие, использующее скрытые смысловые проекты веры, определяющие победное продолжение бытия народа и страны. И в критических бифуркациях России София и софиасофия вносят незаметные, но спасительные смысловые коррективы в сознание, разум и в планы ее властителей, что с внешней стороны выглядит как чудо.

Сегодня нет у России задачи более важной, чем идейное осмысление, осознание путей к самой себе, к своей неопределенности и неопределимости, к своей *софиасофской идентичности*. «Телеология России — не просто тайна, а тайна очень большая, совершенно закрытая, вполне конспиративная, наглухо засекреченная, — так что игровая сверхзадача России никому из смертных не известна» [5, 238]. Но знание неизвестного, неразрешимого для человека есть и венец познания, и условие малого знания.

Важным принципом софиасофии является планетарный эволюционизм, выражающий становление Земли Субъектом мировой апокалиптики. Он не случайно вышел из нави в явь в момент украинского апокалипсиса, в момент брани Русского мира с еврикским Антимиром. Планетарный эволюционизм полностью очищает Россию от всех иллюзий благотворительного Запада, благодетельного рынка, от верности и дружбы близких государств, от эффективного глобализма, от возвышенного гуманизма и справедливой демократии. Его содержание несет в себе софиасофские смыслы нового мировоззрения, спасающего человеческое в человеке от расчеловечивания, обогащающего муд-

рость, вдыхающего жизнь в теорию жизни. Но главное — планетарный эволюционизм впервые позволяет России идти к самой себе не чужим, а своим путем, исследовать себя своими же жизнеутверждающими софийными смыслами.

Софиасофия и планетарный эволюционизм содержат в себе триалектику: «*пути людей — пути Земли — пути Тайны*», что позволяет им предвидеть бифуркации, кризисы, катастрофы и смысловые вихри. Но главное — они заметили и выразили величайшее метафизическое событие — смену Субъекта развития. Банкротство человека-субъекта (постмодернизм провозгласил «смерть субъекта», а «индивид» стал лишь «дивидом!»), его безответственность за плоды развития, ведет к тому, что Земля возвращает свою исконную сакральность и становится Субъектом развития в качестве Матери-Земли многодетной и много-страдальной, Геи-Земли многомудрой и многотерпеливой, Богородицы-Земли благой, спасающей Логос от безумия.

Единым маркером софиасофии и планетарного эволюционизма служит творящий диалог *ничто, никто и нечто*. Но ничто в России особое. На Западе ничто — это челюсти смерти, а потому nihil не склоняется. Русское же ничто заряжено метафизикой смысла. Оно склоняется (ничего, ничему, ничем), субъективируется (никому, никого, никем), а потому оно целиком не поглощает мир, а представляет его скрытую целостность, спасающую нас в години бед. Не такая уж сволочь русское ничто, ставшее в просторечии брендом «ничего» («ничаво»). Русское «ничего» — это трансцендентное созерцание-размышление, ищущее цели жизни и дел; оно далеко от западного жестокого насилия над реальностью, от восточных культовых заклинаний и холодных йогнутых глаз. В России «ничего» представляет максимум бытия и экзистенции русскости. И это «ничего» мы хозяйственно обихаживаем, ценим, сражаемся за него, умудряясь в его жутком трагизме любить свою незабвенную Родину. Наиболее полную софиасофскую формулу русского ничто, русского никто, русского «ничего», планетарного эволюционизма, идентичности самой России дал фольклор: «*Есть нечто или нет, не знаю; ищи то, не зная, что; ищи там, не зная где; пойми то, не зная что; пойдти туда, не зная куда; сделай то — не зная что; отдай тому — не зная кому; выстрадай сполна, не зная, за что; найди то, не зная что; принеси туда, не зная, куда; получи сполна, не зная, за что; вытерпи все, узнаешь ТО*». Эта полуонтология, полугносеология, полуметодология, полуантропология и полуметафизика недоступны Логосу, но улавливается смыслами софиасофии и триалектики. Только в них Россия встречает свою тайну, свою цель, вернее, они сами открываются страдающей стране, которая-то и живет непостижимыми и недостижимыми реалиями, находя в них ис-

точники, энергию и смыслы своего бытия. Мудрость разлита по всей земле русской, а сова Логоса не знает, когда и куда вылетать. Да и зачем? И страной восходящего Солнца является Россия, ибо Солнце в ней восходит непрерывно, но так и не может взойти без прихода Сакрального Сверхчеловека.

Поэтому в планетарном эволюционизме никто-ничто-ничего участвует в миротворной трагедии перехода смыслов и энергий метафизики в хозяйственные дела людей. Софиасофия посредством планетарного эволюционизма правит этим диким «ничаво», как математика правит «иксом».

И планетарный эволюционизм, столь же необыкновенный и непостижимый, как и сама Россия, как само ничто! Но в России западное ничто превращается в скрытое и немереное богатство импровизаций, даодействований людей, вещей, судьбы, ибо все окончательно оформленное развитие погубит! Эта специфика русского Dasein, объясняет бескорыстие, аскезу, космизм, хозяйственную и бытовую атараксию русских, их открытость, беззащитность, но и их грозную мощь, коль скоро речь идет о защите именно своего «ничаво», своих невозможных устремлений и проектов.

Ясно, что такой народ недоступен пониманию логосного разума и логосной мудрости, кем-то услужливо разработанной и навязываемой всему миру. Русские верят не этой мудрости, а молча доверяют Софии, ищут в ее смыслах, храмах, иконах, в ее литургии нужное им понимание самих себя, тайну своего бытия. Узнать о наличии тайны этой можно лишь с помощью Софии, которая опекает незавершенный народ, открытый для невозможного, жаждущий его и живущий невозможным. Но никому не следует прикасаться к этой тайне русскости, а тем более пытаться ее раскрыть или присвоить! Прикосновение к ней — смерть! Это не наша, не русская тайна, но нам она по неведомому закону дана на хранение и для защиты! И взаимопонимания с другими народами у русских нет и не может быть, ибо все «другие» уже исчерпали лимит понимания, полученного ими от Логоса.

Сегодня Россия не зависит от воли Традиции, от лукавых идеологий, от гипноза гуманизма, от иллюзий разума, от научного блага, даже от мудрости Софии и православия она независима, хотя с ними-то она советуется. Сегодня Россия находится в стихии своей неопределенности, плывет, идет, летит сама по себе... к самой себе. Все другие пути, найденные человечеством, ею уже испытаны и признаны опасными для ее бытия. Остается последний путь — идти к Земле и вместе с Землей — к самой себе. Этим путем идут планетарный эволюционизм и свободное, направляемое только софиасофией, сознание, которое влечет за собой человека, спасая его от блаженно счастливого иди-

отизма антропологической катастрофы. Россия первой в мире преодолевает эту катастрофу, этот Ад, стихийно вырабатывая сценарии выхода из него и спасения для всего человечества.

В России, именно в России, всегда сохранялась небольшая община русских голов, которых не удалось никому и ничем зазомбировать, духовно и телесно поработить. Никому и ничем! И эта софиасофская община, постоянно противостоя Аду в России и исполняя волю Земли, сегодня не только думает и решает, но и вырабатывает вечное — софиасофское — понимание мира и человека. Ибо мысль и понимание нужны только в Аду.

Софиасофия — это внутренняя рефлексия размышлений над ведическими, философскими, богословскими, христианскими, европейскими, православными, мондиалистскими и экологическими смыслами. Это мудрость самой мудрости, накопившей огромный исторический опыт понимания, который уже не вмещается в старые меха, требуя для нового вина новые меха, испытанные сибирскими морозами и вечными льдами. Наконец, это скрытая глубинная мудрость самой России. «Россия ныне — миротворческий очаг, если не просто котел, в котором действительно вываривается что-то новое. Россия — кладбище внешних, особенно западных, идей, но в то же время еще не вскрытая как следует идеальная кладовая, она же и сокровищница» [6, 298].

А институционализация Западом искусственного Логоса есть гипноз виртуальности, энтропия майданутого хаоса, который мечтает добраться до предмета его вечной и алчной провокации — русского человека.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь: В 2 ч. Киев, 2006.
2. Персонажи славянской мифологии. Киев, 1993.
3. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. М., 1999.
4. *Осипов Ю.М.* Философические откровения // *Философия хозяйства*. 2014. № 1.
5. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.
6. *Осипов Ю.М.* Интервью (Из новой книги) // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.

С.С. СЛЕПАКОВ

Деструкция национально-государственных интересов под воздействием «нового мирового порядка»

Скрестим же с левой, вобравшей
когти,
правую лапу, согнувши в локте;
жест получим, похожий на
молот в серпе, и, как чорт Солохе,
храбро покажем его эпохе,
принявшей образ дурного сна.

И. Бродский. Лагуна (1973)

Аннотация. Национальной идеей любого государства следует признать эффективную реализацию национально-государственных интересов проживающего в нем сообщества — *социально-экономическую функцию воспроизводства его жизнедеятельности*. Функция нового мирового порядка состоит в проведении системной, агрессивной политики доминирования интересов мирового финансового альянса, выражающего и реализующего глобальные интересы, над интересами национальных сообществ.

Ключевые слова: национально-государственный интерес, собственный интерес, глобальный интерес, новый мировой порядок, гендерный мейнстриминг, мировой финансовый альянс, глобальная политика, отчуждение интересов, отчуждение политики, регенерация национальной экономики.

Abstract. National idea of each country could be considered as an effective realization of national and state interests by the its community and can be named social-economic function of reproduction of its vitality. New world order' s function consists in implementation of systematic and aggressive policy in domination of the interests of world financial alliance that expresses global interests rather than national interests of each country.

Keywords: National state interest, own interest, global interest, new world order, gender mainstreaming, world financial alliance, global policy, disposal of interests, disposal of policy, regeneration of national economy.

Введение

Управление жизнедеятельностью российского, равно как и любого национального сообщества, должно обеспечивать реализацию его *национально-государственных интересов*, согласующих совокупность представленных в их составе собственных интересов в единую социально-экономическую функцию. Решение задачи соответствия нацио-

нальной системы хозяйства интересам национального сообщества обусловлено многообразными факторами экзогенного и эндогенного свойств. В их числе существенная роль принадлежит глобальному явлению, которое принято именовать *новым мировым порядком* — о его влиянии на национальные интересы и хозяйственные системы и пойдет речь.

В общественном сознании сформировалось устойчивое убеждение, в том, что силой, управляющей социально-экономическим развитием, служит *политика* (глобальная, государственная, региональная, корпоративная и пр.). Она опирается на ресурсы власти, собственности, идеологии, мировоззрения, духовных, политических и иных институтов и технологий. Феномен политики является формой сознания и реализуется в присвоении, удержании, распределении и использовании власти.

Основу формирования и развития политики составляют социальные и экономические интересы. Политика представляет собой искусство управления обществом на основе учета и согласования интересов всех участников воспроизводственного процесса. В управлении на основе интересов состоят генеральная функция и содержание политики, зрелость и эффективность политических деятелей, агентов, стратегов.

Определение политики связано с этимологией греческого слова *πολιτικός*, где *поли* (поли) означает *множество*, а *тикос* (тикос) — *интерес*; (дословно — «множество интересов»). Так, государственные служащие в городах древней Греции именовались *политикос*, а граждане, которые мало интересовались и участвовали в политической жизни своего города, именовались *идиотикос* (*идиотикос*) [1; 2].

Государственную политику мы определим как системную, организованную, целенаправленную (программную) деятельность государства по формированию и осуществлению властных полномочий в национальном сообществе, используемую в качестве механизма и инструментально-методического средства реализации национальных (общественных) интересов в сложившейся производственно-технической и социально-экономической среде.

Аксиомой служит истина: «политика — искусство *допустимого*». Нормы допустимого определяются содержанием и потенциалом, составляющими основу политического процесса экономических и социальных интересов, а также сложившимися в стране материально-техническими и социально-экономическими условиями. Поведенческие модели деятельности политических организаций по согласованию интересов, консенсусные либо конфронтационные, должны находиться в

допустимых пределах, сохраняющих возможности движения национальных сообществ по пути экономического и социального прогресса.

По вопросу сущности интересов мы исходим из следующего предположения: целью и определяющей ценностью каждого участника хозяйственного процесса служит собственная жизнедеятельность; доходы же вместе со способами их извлечения являются средствами ее поддержания и развития. Из данной посылки следует, что прогрессивное развитие общества и его членов возможно лишь в параметрах *наиболее эффективной реализации глобальной функции воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности*. («Развитие, если иметь в виду не просто развитие, а само-развитие» [3, 10].)

Эта функция является выражением сущности интереса любого ассоциированного субъекта, равно как и каждого субъекта-индивида.

Таким образом, в сущности, интересы индивидов и многообразных ассоциированных субъектов, включая общенациональные и международные, идентичны. При этом интересы каждого индивидуального и ассоциированного субъекта обладают особым, собственным содержанием.

Предложенный подход к определению интересов существенно отличается от традиционно используемых. Наиболее распространенная трактовка определяет экономические интересы как потребности в присвоении и потреблении благ, побуждающие (мотивирующие, стимулирующие) носителя к определенному поведению в хозяйственной системе.

Однако потребности субъектов многообразны. Определение интересов как системы потребностей, т. е. отождествление этих понятий, в принципе, не продуктивно, поскольку не позволяет сформулировать сущность категории «интерес» (в отличие от категории «потребность»), равно как и выявить его особое содержание. Кроме того, идентификация реальных (требующих реализации) интересов по единственному, ортодоксальному критерию на основе спроса и предложения (как с потребностями, подлежащими удовлетворению по законам купли-продажи) вульгарно подчиняет жизнедеятельность общества законам рынка. Такое доминирование носит по отношению к обществу глобально дискриминационный характер. Не общество должно служить рынку, а рынок обществу.

Сведение интереса лишь к стремлению его субъекта присвоить различные (по формам, видам, источникам, содержанию и проч.) доходы означало бы, что люди (общество и его представители) видят и признают смысл своего существования не в осуществлении собственной полноценной жизнедеятельности, а исключительно в беспредельном нарастающем потреблении. В этом смысле простой обыватель от-

личался бы от олигарха лишь масштабами доходов и потребления. Первый «сводил бы концы с концами», второй же — программировал инвестиции в самого себя (любимого?), как бы раздвигая вместимость всех имеющихся в его распоряжении «резервуаров», чтобы «упаковать» в них возможно больше всего на свете, сокрушаясь: «не дай бог, не успею потратить, использовать, потребить».

В этом случае прибыль, во всех ее формах и видах, предстает не только как фетиш, но и демиург (в значении «созидающего начала вселенной» [4]). С позиций морали и здравого смысла это и протivoестественно, и пошло.

Реальный, позитивный смысл социально-экономической жизнедеятельности не может быть ограничен лишь состязанием ее субъектов в уровнях богатства и потребления. Находясь на службе у бизнеса и власти, участник хозяйственного процесса должен быть *свободен* служить собственным интересам, производя товары и услуги на благо общества. А бизнес и власть *обязаны* обслуживать общество. *Свобода прямых и обратных связей между обществом и его членами, с одной стороны, и бизнесом и властью, с другой,* служит необходимым условием социально-экономического прогресса, стабильности, устойчивости, благополучия. (Еще У. Черчилль предостерегал от создания общества, в котором «никто, кроме политиков и чиновников, ничего не решает», «люди контролируют правительство, а не правительство людей» [5, 124—125]. Вот уж, воистину, в каждой шутке есть доля шутки.

Собственный интерес — интерес конкретного участника хозяйственного процесса — реализуется лишь в системном взаимодействии с другими интересами. В этом смысле любой собственный интерес всегда объективно обусловлен. Даже самой процветающей семье крайне обременительно проживать в стране с полуизношенной, находящейся на грани системных аварий инфраструктурой, среди бедного, склонного к агрессии, социальным протестам и криминалу населения.

А.В. Бузгалин справедливо указывает на то, что: «и в Финляндию, и в Великобританию, где подоходный налог 45%, едут и скупают там недвижимость крупнейшие русские бизнесмены и прекрасно там выплачивают 45% подоходного налога, и счастливы, что они живут в стране, где можно открывать дверь пинком ноги, потому что она не запирается, а не строить себе тюрьму, в которую прячется современный бизнес в России. Сегодняшний бизнесмен в России боится выйти за свои ворота. Он боится отправить девочку в школу пешком. Он посылает ее с телохранителем. Вы тратите на охрану, уважаемые коллеги, примерно столько же, сколько могли бы заплатить на создание

нормального социального климата в стране. У нас в стране два миллиона охранников» [6], т. е. порядка 3% трудоспособного населения.

Реализация собственного интереса во всех случаях содержит в себе момент, его согласования с интересами взаимодействующих, взаимосвязанных с ним субъектов. Существенную роль при этом играют механизмы формирования и диапазон дифференциации собственных интересов.

Согласование интересов не может состояться (произойти) в ситуации безраздельного доминирования интересов одного или нескольких субъектов. Господство одних интересов над другими деформирует и разрушает интересы, их общую систему. Возможности осуществления функции воспроизводства жизнедеятельности (интересов) отдельных участников оказываются необоснованно (зачастую безгранично) расширены, за счет (в ущерб) столь же необоснованного ограничения (отчуждения) функций воспроизводства жизнедеятельности прочих участников.

Возможность разрешения данного противоречия может быть обеспечена единственным образом. *Национально-государственным сообществом должен управлять ассоциирующий (объединяющий) и согласующий совокупность составляющих его собственных интересов национально-государственный интерес — социально-экономическая функция эффективного воспроизводства жизнедеятельности национального сообщества, его объединения, сохранения, защиты, обеспечения консервативной стабильности и модернизационного развития.* Непризнание места и роли национально-государственного интереса, его отчуждение неминуемо влекут за собой последствия, деструктивные для любого общества и для России в частности. Следует признать справедливость утверждения: «российское развитие не может не быть государственно-общественным... Дирижистское общеразвитие, долженствующее стать и национальным саморазвитием!» [3, 18].

Национально-государственные и глобальные интересы

Отчуждение у общества национально-государственных интересов [7] вследствие установления приоритета над ними интересов глобальных [8] и собственных несет в себе ни много ни мало момент отчуждения у него национально-государственной политики. Возникающий в результате эффект проявляется в деструкции государственных образований, их социальной и хозяйственной жизнедеятельности.

Современная политика, реализуемая в России, во многих своих проявлениях противоречит своим национально-государственным интересам. К числу основных причин такого положения следует отнести и то, что в современном глобальном политическом процессе домини-

рующей тенденцией служат рассогласованность и ожесточенное столкновение интересов. Характерным проявлением их противоборства служит экспансия мировой финансовой системы [9] в отношении национально-государственных социально-хозяйственных систем. Обострение данного противоречия по своим результатам деструктивно: под натиском глобальных процессов национально-государственные хозяйственные системы дестабилизируются и разрушаются. Чрезвычайно динамичный, неуправляемый, развивающийся в нарастающем противостоянии и столкновении интересов современный мир все более напоминает гигантский фантом, несущийся в никуда.

Руководствуясь концептуальным подходом, согласно которому движущим фактором социально-экономического развития являются интересы (Ф. Гегель), предпримем попытку выявить роль и значение их национально-государственной формы в данном процессе.

Сложившаяся в современной России хозяйственная система характеризуется отсутствием стратегической направленности на определение содержания и реализацию собственных национально-государственных интересов. Об этом свидетельствуют:

- укоренившаяся, в принципе, нежизнеспособная модель развития национально-хозяйственной системы (ориентированная на экспорт сырья и энергоносителей и импорт технологий, оборудования, продукции обрабатывающей промышленности и продовольствия, управляемая в «ручном режиме», государственно-корпоративная, олигархическая с зашкаливающим уровнем коррупции и крайне неэффективной судебной системой);
- сокращение населения страны и серьезные проблемы в ее демографическом развитии [10];
- деструктивные тенденции, доминирующие в развитии отраслей инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства, социальной сферы и культуры;
- деваستация малых и средних городов, сельских поселений — динамичные сокращения освоенных и нарастание дефицита пригодных для жизнедеятельности территорий национального пространства (уничтожение провинции) [11];
- приоритетные национальные проекты, которые по своим результатам не соответствуют цели реализации национальных интересов [12];
- разрушение и деградация условий жизнедеятельности в мегаполисах, крупных, средних и малых городах, сельских районах (в многообразных сферах и аспектах: экологии, безопасности, инфраструктуры и коммуникаций, культурной среды, чрезмерной дифференциации

условий жизнедеятельности в регионах-донорах и реципиентах, столице и за ее пределами, в мегаполисах и провинции) [13];

- недопустимо высокий уровень межрегиональных социально-экономических диспропорций [14, 126—130; 15] и пр.

Наиболее адекватно положение дел представлено следующей констатацией Ю.М. Осипова: «В стране нет сегодня адекватной основы, лучше бы сказать — *субстанции* — *субстанции развития* — ни духовной, ни моральной, ни трудовой, ни интеллектуальной, ни творческой, ни технической, ни экономической, ни управленческой. Тенденция антиразвития сильнее тенденции развития» [3, 10].

В хозяйственном развитии современной России национальные интересы дискриминируются интересами госкорпораций, олигархических кланов, топ-менеджмента и финансово-производственных элит в центре и на местах. Реализация интересов данных групп ориентирована на извлечение основной массы доходов из национального хозяйства и приобретение благ, а также инвестирование преимущественно за рубежом, в местах с благоприятным, инвестиционно привлекательным климатом, включая прямую офшоризацию российской экономики.

В этом смысле российские топ-менеджеры, олигархи, представители элит различных уровней из национальных буржуа успешно трансформировались в агентов мирового финансового альянса [16], для которых национально-государственные интересы как таковые чужды и бесполезны. «Властей предержажие» России в союзе с представителями ее крупного бизнеса, без учета и часто вопреки национальным интересам целенаправленно внедряют здесь, под влиянием и совместно с мировым финансовым альянсом, *новый мировой порядок*⁴.

Через внедрение нового мирового порядка к глобализации интересов

Влияние нового миропорядка на национальные интересы не означает, что причины проблем российской экономики кроются исключительно в воздействии на нее нового миропорядка. Проблемы имеют не только экзогенную, но и эндогенную природу. Однако проблематика настоящей публикации существенно шире, чем рамки национальной экономики, поскольку речь идет о глобальном процессе.

Этот процесс реализуется проведением системной, жесткой и агрессивной политики всеобщего подчинения интересов национальных государств интересам мирового финансового альянса, выражаю-

⁴ Термин, применяемый в конспирологических теориях управляемых глобализационных процессов. Обычно его трактуют как девиз курса политики США, ведущейся совместно с главами транснациональных корпораций.

щего и реализующего глобальные интересы. Новый миропорядок принципиально противостоит национальным интересам посредством насаждения единых мировых денежных и политических систем, формирования и деятельности единого мирового правительства.

О роли глобальных процессов в развитии мирового кризиса написано немало. Прочитируем мнение по этому вопросу А.В. Бузгалина: «А то, что система привела к кризису, я позволю себе только одно свидетельство. Всем известно, что объем мировых финансовых активов оторвался в несколько раз от мирового ВВП. А если добавить туда все те спекулятивные ценные бумаги, которые обращались накануне кризиса, то это будет сумма под тысячу триллионов долларов, трудно себе вообразимая, превышающая в 12 раз мировой ВВП. Это огромный финансовый пузырь, который был создан финансовой глобализацией как главным продуктом современного капитализма. Вот этот пузырь лопнул и под собой норовит похоронить огромное количество людей, которые становятся безработными, нищают и так далее» [6].

Изменения, которые привносятся новым мировым порядком в общественное сознание и образ жизни, осуществляются, прежде всего, неэкономически, нерационально. Воздействие достигается институциональными средствами, психолого-идеологической обработкой населения, так называемым «промыванием мозгов».

Основа продвижения нового мирового порядка — изменение философии развития межгосударственных отношений и самих государств, глубокие трансформации, происходящие в институциональной сфере (прежде всего в областях права и юриспруденции, но не только в них) на протяжении последних 20—25 лет. До конца периода «холодной войны» в мировом сообществе определяющую роль играл свод законов, сформированных на основе модели международного права. Его субъектами являлись суверенные государства.

В течение 1980-х — 2000-х гг. в нормах и организации жизнедеятельности мирового сообщества произошла смена приоритетов: нормы международного права были стремительно отодвинуты на второй план нормами «защиты прав человека». Прежде государства были независимы и суверенны, происходящие в них процессы и события признавались их внутренними делами и ни для США, ни для ООН не служили поводами к вмешательству. Таковыми (поводами) становились лишь процессы экстраординарные, например, несущие (либо представленные как несущие) угрозы миру и человечеству, преступления против мира, вооруженные агрессии в отношении государств.

В новых условиях международное право и государственные суверенитеты сами по себе не в тренде. О них «вспоминают» и активно отстаивают лишь тогда, когда это соответствует интересам глобально-

го центра. Одновременно с этим реализуемая международными надгосударственными структурами доктрина защиты прав человека предписывает мировому сообществу (по инициативе и под эгидой глобального центра) активно действовать, постоянно вмешиваясь во внутренние дела государств, вплоть до введения санкций, военного вторжения, оккупации, территориального расчленения стран. Примерами служат военные вторжения и агрессивные действия, спровоцированные и осуществленные США и их союзниками в Сербии и Косове, Ираке, Афганистане, Грузии и Южной Осетии, Ливии, Сирии, Украине и проч. При этом широко используется политика двойных стандартов, позволяющая глобальным игрокам в своих интересах манипулировать нормами международного права, информацией, отстаивая либо отвергая национальные суверенитеты.

Аномальными особенностями продвижения идеологии нового мирового порядка служат упразднение общепринятых категорий, понятий, норм, их замена новыми, как правило, не вполне адекватными понятиями.

Прежде всего, успех достигается агентами, контролирующими информационные ресурсы и СМИ, при этом *обеспечение массированного потока заказной информации*, как правило, не бывает ориентировано на соблюдение принципов ее полноты, оперативности, достоверности, непредвзятости, наконец, полезности и позитивной значимости.

Так, в ущерб потребности народов в решении насущных проблем, мнениям количественно преобладающей здравомыслящей части населения, его общенациональным историко-культурным традициям и интересам, в качестве приоритетных продвигаются интересы меньшинств и маргиналов.

Общественное сознание загружается, например, невнятной проблемой выбора предпочтений в диапазоне от воинствующей гомофобии до агрессивной содомии. При этом мировому сообществу в качестве мировоззренческой нормы сегодня *навязана* именно содомия. Проблемы маргинальных групп выдвинуты на первый план. Реальные ценности сообщества вполне вменяемых гетеросексуалов оттеснены на «периферию», в лучшем случае игнорируются, а чаще бывают представлены в негативном свете.

Вследствие того, что определенная часть граждан обладает правами нескольких гражданств, понятия нации и народа объявлены (продекларированы) искусственными, вследствие чего в рамках нового миропорядка перестали признаваться и приниматься во внимание [17; 18].

Новый миропорядок ликвидирует понятие пола. Если 20—25 лет назад все еще пропагандировалось *равноправие двух* полов, то в насто-

ящее время его упразднили и заменили *унисексуализацией* — *тождественностью* полов. Именно такой подход служит продуктом общественного дискурса.

Упразднение очевидных противоположностей, отмена и необоснованное «обновление» основополагающих понятий мировоззрения и мироустройства не только превращают сложившийся порядок вещей в их аморфную массу. Подобными «новациями» *создается новый вид человека, психологически и социально нестабильного, вследствие того, что в информационно обновленном мире «гендерного мейнстриминга»* [19] индивид оказывается дезориентированным. Он не находит собственной идентичности — ни половой, ни социальной. В XXI в. призрак, точнее вирус, «гендеризма» («призрак коммунизма» по Европе отбродил) вышел на мировой простор и распространяется с огромной скоростью. Новый социальный пол отныне утратил зависимость от биологического. Вместо традиционных двух полов, как выяснилось, их теперь, минимум, шесть, в зависимости от сексуальной ориентации.

Сам термин — гендерный мейнстриминг — населению, его широким слоям, в принципе, чужд. Люди в странах Европы и за ее пределами, как правило, понятия не имеют о том, что эти слова означают. Однако изъятие привычных (примелькавшихся?) двух полов в пользу некоего нового, вариативного, постоянно меняющегося пола превратилось в элемент правительственной политики, установку в воспитании дошкольников, школьников и студентов во всех государствах — членах ЕС, США, Канаде и проч. Граждане и организации, не признающие, тем более осуждающие подобные новшества, подвергаются жесткой обструкции представителями и сторонниками гомофобии, тождественности полов, в СМИ, преследуются по закону. В XXI в. на этой почве вновь процветает своего рода *экзорцизм*, кампании по изгнанию бесов из одержимых с помощью «новейшей религии» — канонов гендерного мейнстриминга⁵.

Представляет интерес источник идеологии нового миропорядка. Кто и каким образом произвел столь мощный «вброс»? — ведь совершенно очевидно, что ни один народ (который в современной политической драматургии даже не «безмолвствует», он вообще, отсутствует, ведь так значительно проще, кому и зачем он нужен?) на такие перемены никогда не давал своего демократического согласия.

Понятие и решение о его (гендерного мейнстриминга) внедрении явились на свет как результат работы Международной женской конфе-

⁵ Экзорцизм (в католической традиции, греч. ἐξορκισμός) — процедура изгнания бесов и других сверхъестественных существ из одержимого с помощью молитв, обрядов определенной религии.

ренции ООН, проведенной в Китае в 1995 г., поддержавшей инициативу женских, феминистских, лоббистских групп участников. Характерно, что предложение о гендерном мейнстриминге по итогам конференции было рекомендовано лишь в качестве предмета дискуссии, поскольку, например, представители традиционных государств Азии (мусульмане), Латинской Америки (представители католической церкви) были «против». Однако позднее в рамках ЕС была создана видимость того, что в основе политики гендерного мейнстриминга лежит обязательное решение ООН. Феномен, изначально представленный рядом неправительственных организаций, впоследствии был преобразован («продавлен») структурами мировой финансовой элиты в виде нормы европейского права и далее «железной рукой» претворен в жизнь правительственными структурами ЕС [20].

Обобщая изложенное, отметим отчетливый, нарастающий *тренд уничтожения «глобальным финансовым центром» сложившихся представлений и форм организации социально-экономической жизнедеятельности* посредством системного продвижения многообразных *рецидивов*, по природе неэкономических, иррациональных. Примерами такого рода видятся переходы:

- от международного права к единому новому мировому порядку;
- от национального суверенитета и права государств на самоопределение к защите прав человека;
- от народов и наций к единому, вполне стерильному, мировому сообществу;
- от приоритета национальных интересов к доминирующей роли интересов альянса мировой финансовой элиты;
- от равноправия полов к их тождественности (унисексуализации) и «гендерному мейнстримингу»;
- от относительной свободы слова и информации к их практически полному подчинению глобальным интересам, доминирующим в информационном пространстве, что делает возможным и допустимым любые манипуляции информацией: от искажения роли и содержания событий до информационных войн и управления мировоззрением мирового сообщества;
- в конечном итоге, через формирование нового, психологически и социально нестабильного человека к доминированию интересов мирового финансового альянса над национальными и частными интересами посредством их подавления, деструкции и подчинения; в последнем и видится смысл ускоренного перехода к новому мировому порядку.

Главное противоречие и национальная идея

Изложенное убеждает в том, что *главное противоречие современности проявляется в подавлении и уничтожении глобальными финансовыми интересами интересов национальных, а также прочих ассоциированных, традиционно сложившихся интересов.*

В России его (этого противоречия) содержание продиктовано псевдолиберальным порядком, внедренным в 1990-е гг. на основе Вашингтонского консенсуса. Суть вопроса состоит в том, что национальные интересы должны закрыться (самоликвидироваться), уступив поле деятельности глобальным интересам.

По существу, это выглядит как «закрытие» национальных государств, идущее от парадокса «самозакрытия» Америки (США) с целью ее открытия в новом качестве — глобальной державы в однополярном мире. Государство, в котором постепенно «схлопываются» интересы национального сообщества, утрачивает возможность существования как национального государства. «Мегаворонка» («черная дыра»), в которую уносятся и где исчезают национальные интересы, суверенитеты народов государств — мировых лидеров и тех стран, которые находятся под их абсолютным влиянием (например, Украины, стран-аутсайдеров ЕС, Ирака, Ливии, Афганистана и проч.), превратилась в своего рода антитезу международных объединений, ассоциаций, автономий, негодных мировому финансовому альянсу. Вот мнение по этому вопросу М. Делягина: «Сегодняшние войны другие — это разрушение человеческого социума. Оно осуществляется не из-за кровожадности, оно осуществляется, во-первых, потому что интересы бизнеса этого требуют, а во-вторых, потому что необходимо удержаться от срыва в глобальную депрессию. Логика американской внешней политики — уничтожать страны, чтобы поддерживать глобальное равновесие на сужающемся, как шагреновая кожа, кусочке цивилизованного мира — и сейчас пришла очередь Украины. Отсутствие правил разрушает даже сильнейшего — это неструктурированное противостояние; есть только глобальная конкуренция» [21].

Современные либералы-глобалисты, «закрыватели» стран и народов, антиколумбы XX—XXI вв., позиционирующиеся как силы, торящие пути к мировому господству на основе «глобального доллара», ставят национальные государства перед альтернативой: покориться и, формально сохранившись, фактически отказаться от национальной идентичности в самом широком понимании (суверенитета, истории, культуры, экономики) и в этом качестве самоликвидироваться; либо «принять бой» и выстоять.

Из одного крайнего положения *движения к мировому господству* — «битвы под эгидой СССР за идеалы мировой революции в XX в.»

(политической, но, в принципе, неэкономической идеи) — «маятник» глобального мейнстрима сегодня переместился в противоположную крайнюю позицию — «битвы под эгидой США за глобальную гегемонию доллара» (политической идеи доминирования, по сути асоциальной и деструктивной глобальной финансовой системы). Такой переход — от ортодоксальной политики к ортодоксальной экономике — воспринимается как своеобразный сигнал (привет?!) через столетие из небытия от Л.Д. Троцкого неоглобалистам-современникам.

Одни национальные государства могут находиться в тренде и «плыть по течению», будучи в полном распоряжении глобального центра. Другие — защищая национальную идентичность (историко-культурную, духовную, экономико-хозяйственную, политическую и пр.), определенным образом, с большим или меньшим успехом противостоят глобальному тренду. Каждая страна должна определиться, выработать и принять самостоятельное решение. Его принятие и реализация зависят от многих факторов. В распоряжении России имеются все ресурсы, необходимые для самосохранения и успешного развития как суверенного национального государства. Решение этой задачи требует следующих шагов.

1. Признания национально-государственного интереса в качестве главной национальной идеи, определив данный интерес как функцию эффективного воспроизводства жизнедеятельности национального сообщества. Жизнедеятельность российского сообщества должна управляться в соответствии с объединяющим совокупность составляющих его собственных интересов, национально-государственным интересом. В этом смысле идеи реиндустриализации, импортозамещения, реформирования институциональной системы, реализации национальных проектов и пр., при всей своей несомненной актуальности и значимости должны являться составляющими предложенной общей идеи социально-экономической *регенерации России* [22, 159].

2. Избавления российской экономики от власти либеральных глобалистов, которые уже без малого 25 лет уверенно уничтожают страну (ее промышленность, сельское хозяйство, города и сельские поселения, науку, образование, здравоохранение, культуру и проч.), от «заимствованных извне и дурных по исполнению и результатам реформ, насаждающих глобо-колониальную экономику и приводящих к стагнации, деградации и развалу народного хозяйства» [3, 18—19].

3. Создания и укрепления властных структур, которые служили бы делу реализации национально-государственных интересов России, ее национального сообщества. Защита национальных интересов требует сильной, устойчивой экономики. Этому состоянию современная российская экономика, к сожалению, не соответствует. Извечные для Рос-

сии вопросы — «кто виноват?» и «что делать?» — сегодня отступили на второй план перед вопросами: кто и каким образом сможет воссоздать Россию и, прежде всего, ее экономику? Здесь главный нерв и ахиллесова пята в защите и продвижении национально-государственных интересов России.

4. Активного участия России в союзах и ассоциациях суверенных государств, руководствующихся в своем развитии аналогичными стратегическими целями, решающими сходные задачи.

Литература

1. *Kreis S.* The Athenian Origins of Direct Democracy. Lecture 6 // <http://www.historyguide.org/ancient/lecture6b.html>.

2. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E2%84%80-%E2%84%80> — cite_ref-4.

3. *Осинов Ю.М.* Российский вызов развитию России // *Философия хозяйства*. 2013. № 1.

4. <http://otvet.mail.ru/question/18691790>.

5. Черчилль шутит. Лучший юморист британской политики. М., 2014.

6. Мировой кризис — следствие экономического глобализма. А. Бузгалин в программе «Народ против» // <http://www.alternativy.ru/ru/node/831>; <http://esdek.narod.ru/17/buzgalin1.htm>.

7. dic.academic.ru «Национальные интересы».

8. universal_ru_en.academic.ru «...глобальные_интересы».

9. <http://www.globfin.ru/articles/finsyst.htm>.

10. Демографический кризис в Российской Федерации // http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E3%F0%E0%F4%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E9_%EA%F0%E8%E7%E8%F1_%E2_%D0%E8%F1%F1%E8%E9%F1%EA%E8%E9_%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%8%E8.

11. Сергей Слепаков. Вымирание малых городов и деревень в России: «огораживание» XXI века? Журнальный клуб Интелрос. «Альтернативы» // <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a3-2012/16623-vymiranie-malyh-gorodov-i-dereven-v-rossii-ogorazhivanie-xxi-veka.html>.

12. <http://national.invr.ru/>.

13. http://referatyk.com/bezopasnost_jiznedeyatelnosti/8304-doklad:_faktoryi_jiloy_sredyi_v_formirovanii_usloviy_jiznedeyatelnosti_c_heloveka.html.

14. Киселева О.В. Регионы России: диспропорции в инвестиционной активности // Российское предпринимательство. 2012. № 19 // <http://www.creativeconomy.ru/articles/25242/>.

15. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gks.ru>; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-03.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-05.htm.

16. Экспертно-аналитический отчет: Мировой финансовый и экономический кризис: причины, развитие (прогноз), оценка мер антикризисного правления, дополнительные управленческие рекомендации // http://rusrand.ru/files/13/09/04/130904113607_Mirovoy_finansovyj_krizis_ocenka.pdf.

17. <http://oko-planet.su/politik/politwar/177976-konceptualnye-osnovaniya-politicheskoy-rusofobii.html>.

18. <http://referati.me/politicheskaya-filosofiya-nauka/otritsanie-natsionalnoy-nezavisimosti-33766.html>.

19. <http://www.un.org/womenwatch/osagi/gendermainstreaming>.

20. Гендер-мейнстриминг как эффективный способ разрушения человеческого общества // <http://annatubten.livejournal.com/242365.html>;

21. <http://delyagin.ru/articles/>.

22. Слепаков С.С. Политико-экономические перемены — главный фактор инновационного обновления России // Философия хозяйства. 2012. № 4.

Е.Н. ЯРКОВА

Хозяйственная культура как ценностно-смысловая система (культурологический аспект)

Аннотация. В статье рассматривается хозяйственная культура как самобытная, не сводимая к иным, реальность, как объект культурологических исследований. Представляется оригинальная типология хозяйственной культуры — познавательная модель, которую можно рассматривать как инструмент анализа ценностно-смысловых аспектов хозяйственных явлений и процессов.

Ключевые слова: хозяйственная культура, культурологический подход, традиционализм, утилитаризм, креативизм, потребление, производство, обмен, распределение.

Abstract. The article presents a special perspective of economic culture as unique, not eliminated to a different reality, as an object of cultural stud-

ies research. The author represented an original typology of economic culture is a cognitive model which can be seen as a tool to analyze value-semantic aspects of economic phenomena and processes.

Keywords: economic culture, cultural studies approach, traditionalism, utilitarianism, creativity, consumption, production, exchange, distribution.

«Открытие» хозяйственной культуры как значимого элемента общественного производства происходит в рамках целого ряда дисциплин, среди которых: политическая экономия (Ф. Лист, В. Рошер, К. Книс и др.), экономическая социология (М. Грановеттер, Р. Коуз, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.В. Радаев и др.), социология религии и морали, прикладная этика (М. Вебер, М. Оссовская, В. И. Бакштаиновский, Ю.В. Согомонов и др.), экономическая антропология (Б. Малиновский, К. Полани, М. Салинз и др.). Вместе с тем хозяйственная культура по-прежнему котируется как феномен, плохо поддающийся концептуализации в силу его сложности, неопределенности, плохой переводимости на язык научных понятий. Как представляется, одним из способов преодоления сложившейся проблемной ситуации является развитие культурологического подхода к изучению хозяйственной культуры. Специфика этого подхода заключается в том, что хозяйственная культура позиционируется не как атрибут политического, социального бытия, т. е. не как некое свойство объекта, но как самобытная не сводимая к иным реальность, т. е. как непосредственный объект изучения. Такой подход позволяет сделать предметом научного изучения те аспекты хозяйственной деятельности, которые в рамках иных подходов рассматривались как второстепенные, а именно, ценности и смыслы, составляющие мотивационную основу этой деятельности. Наиболее релевантной методологией исследования этих аспектов, по нашему убеждению, является модель, соединяющая герменевтические, аксиологические, феноменологические исследовательские процедуры, методология идеального типизирования. Хозяйственную культуру можно концептуализировать посредством системы идеальных типов — ценностно-смысловых моделей, которые конструируются вокруг такого критерия, как способ отношения человека к миру. Существуют, как представляется, три основные модальности мировосприятия: «мир — условие», «мир — средство», «мир — цель», соответственно три типа хозяйственной культуры: традиционный, утилитарный, креативный; три варианта осмысления таких базовых элементов социально-экономического бытия, как потребление, производство, обмен, распределение.

Хозяйственная культура традиционного типа генерируется вследствие восприятия мира как установленного вне участия человека все-

объемлющего космического или божественного порядка, господствующего в природе и обществе, который следует принимать и которому следует подчиняться. Этот порядок определяется как заданная некоей высшей силой, незыблемая традиция. Такое отношение к миру формируется в эпоху собирательства и охоты и сохраняется на протяжении длительного периода господства аграрной традиционной цивилизации. Объективная зависимость человека от природной среды обусловила его отношение к природе с суеверным страхом как к объекту благоговения и религиозного поклонения. Носитель традиционной хозяйственной культуры — *homo traditional* — человек традиционный, целиком и полностью подчиняет свою хозяйственную деятельность передаваемой от поколения к поколению традиции.

Традиция обуславливает характер *потребления*. Особенности хозяйственной культуры традиционного типа являются стагнация представлений о потребностях, их сведение к закрепленному посредством обычая количеству и качеству материальных благ. Заданной традицией стандарт потребления исключает не только возможность роста потребностей, но и формирование каких бы то ни было экономических интересов. Например, М. Салинз отмечает такую особенность хозяйственного поведения архаического человека, как отсутствие жажды наживы, стяжательства, богатства: «...дикари счастливы, так как в их лесах не царствуют два тирана, приносящих ад и пытки множеству европейцев — амбиции и скупость... они довольствуются скромной жизнью, и никто из них не продает душу дьяволу, чтобы обрести богатство» [1, 28]. Человеком традиционным материальное благосостояние не рассматривается как смысложизненный ориентир — следование традиции, служение сакральным целям представляется несоизмеримо более важным.

Традиция предопределяет способы *производства*. Стагнация представлений о потребностях влечет стагнацию представлений о производстве. Хозяйственный традиционализм ориентирован на простое воспроизводство — воспроизводство хозяйственной системы в неизменном виде. Нацеленная на сохранение и культивирование сложившихся форм хозяйствования традиционная культура догматична: способы хозяйственной деятельности канонизированы, технологии ведения хозяйства осмысливаются как сакральные, трудовые процессы синкретически слиты с ритуалом. Подобного рода ритуальность хозяйственной деятельности описывает М.К. Мамардашвили: «Не сеют и не жнут, а миф инсценируют и разыгрывают» [2, 184]. Труд для человека традиционного выступает как незыблемое условие существования — служение, повинность, тяжкое бремя. В области хозяйственной мотивации он ориентируется не на материальные или творческие стиму-

лы, но на выработанную привычку исполнения долга. Соответственно традиционалистская этика труда является минималистской, предписывающей работать столько, сколько необходимо для удовлетворения установленного стандарта жизнеобеспечения. Такая зависимость была отмечена, например, А.В. Чаяновым, который утверждал, что целью российского семейного крестьянского хозяйства являлось удовлетворение жизненных потребностей всех членов семьи как «едоков», поэтому: «...объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» [3, 241]. Традиционное хозяйство — хозяйство без предпринимателя; смысловые детерминанты предпринимательской деятельности — достижительность, рационализм, инновационность — чужды человеку традиционному.

Традиция определяет состояние *обмена*. Хозяйственный традиционализм не ориентирован на «производство для обмена», его цель — «производство для потребления». Яркой иллюстрацией этого положения является такой формирующийся в первобытнообщинном социуме феномен, как дарообмен — традиция отдавать избыточный продукт представителям иных социальных общностей с целью завоевания престижа [4]. Человеку традиционному присуще двойственное отношение к торговле: с одной стороны, она воспринимается как явление, несущее в себе определенную опасность — традиционализм направлен на воспроизводство хозяйства в неизменном виде, а производство для обмена постоянно стремиться его приумножить; с другой стороны, речь не идет о полном неприятии торговой деятельности, лишь об ее ограничении — в традиционалистском осмыслении предназначение торговли заключается в обеспечении существования, но не в получении прибыли. Соответственно деньги рассматриваются как неизбежное зло, а стяжательство, ростовщичество — как феномены культурно маргинальные. Таким образом, традиционализм позиционирует натуральное хозяйство как единственно верную и достойную хозяйственную систему.

Традиция диктует правила *распределения* ресурсов и потребительских благ. Представление о распределении в рамках традиционной хозяйственной культуры опирается на традиционалистское понимание справедливости как заданного традицией порядка. Разница в уровнях доходов определяется не столько производственными, сколько сословно-иерархическими факторами, т. е. носит не функциональный, но структурный характер.

Хозяйственная культура утилитарного типа основана на восприятии мира как средства существования человека, природа в таком контексте осмысливается как неисчерпаемый резервуар ресурсов, призванный удовлетворять растущие потребности человека. Такое отно-

шение к миру, зарождаясь в глубокой древности, становится господствующим в культуре индустриальной цивилизации. Хозяйственный утилитаризм имеет в своем основании принцип полезности, который нацеливает человека и общество на поиск ситуативно эффективных форм хозяйствования. Носителем утилитарной хозяйственной культуры является *homo utilitarian* — человек утилитарный, «утилитарианин» (Дж. Ст. Милль), который, по сути, является двойником *homo economicus* — сосредоточенного на постоянном подсчете выгод и потерь человека экономического. Переход от традиционализма к утилитаризму — важный этап модернизации хозяйственной культуры, в его русле происходят вытеснение стратегии примирения с существующим положением вещей и становление стратегии активного преобразования окружающего мира.

Утилитаризм модифицирует характер *потребления*. Собственно говоря, актуализация утилитарного отношения к миру связана с изменением представлений о потребностях человека. Таковое может быть обусловлено общим усложнением материальной культуры вследствие инокультурных влияний, а также кризисов, связанных с исчерпанием ресурсов и поисков новых источников жизнеобеспечения. Однако специфика утилитаризма заключается не только в изменении представления о потребностях, но и в формировании качественно новой потребности — потребности роста потребностей, что, в конечном счете, ведет не только к разрушению сложившихся стандартов потребления, но к проблематичности стандартизации потребления в принципе. Хозяйственный утилитаризм инициирует процесс осознания социальными группами и индивидами своих интересов, делает актуальной проблему согласования интересов индивидов, социальных групп. В его ценностно-смысловом пространстве материальное благосостояние, богатство обретают статус смысложизненных ориентиров.

Утилитаризм изменяет представления о способах *производства*. Катализатором развития производства выступает рост потребностей, однако прямой зависимости здесь нет. Можно выделить две формы утилитаризма: экстенсивную, нацеливающую на перераспределение, присвоение, накопление уже существующих благ; и интенсивную, ориентирующую на развитие технологий, увеличение производства благ. В рамках интенсивной формы утилитаризма утверждается модель расширенного воспроизводства хозяйственной системы. Как производительные силы, так и производственные отношения становятся изменчивыми, подчиненными ситуационной пользе. Таким образом, происходит десакрализация технологий хозяйственной деятельности и передачи права их установления человеку.

Труд для человека утилитарного выступает как средство достижения благосостояния. Главный теоретик утилитаризма И. Бентам утверждал: «Принцип полезности есть основание настоящего труда...» [5, 10]. Прагматизация трудовой деятельности сопровождается ее отделением от ритуала. В области хозяйственной мотивации человек утилитарный в целом ориентируется на материальные-экономические стимулы. Вследствие этого осуществляется переход к максималистской этике труда, ориентирующей на увеличение производительности труда, максимизацию трудовых процессов. Интенсивный утилитаризм в целом аннулирует отношение к труду как к навязанной извне обязанности, не имеющей отношения к человеческому счастью, неизбежному злу. Однако самооценку труда не актуализирована, потому как труд рассматривается как средство, но не как цель. Хозяйственный утилитаризм — основа предпринимательства, именно человек утилитарный является носителем главных предпринимательских «добродетелей» — достижения, рационалистичности, инновационности. Однако следует различать предпринимательство торговоростовщическое, питаемое экстенсивно-утилитаристскими представлениями и предпринимательство производительное, имеющее в качестве смысловой основы интенсивную разновидность утилитаризма.

Утилитаризм освобождает представления об *обмене* от негативных коннотаций. Человеку утилитарному присуще позитивное отношение к торговле — «производство для обмена» ставится им на первое место, в сравнении с «производством для потребления», тем самым производству задается товарный характер. В таком смысловом контексте деньги определяются не как средство, но как цель, мерило благосостояния и успеха. Крайним выражением утилитарно-меркантилистского отношения к деньгам является денежный фетишизм, связанный с квалификацией денег как могущественной силы, подменяющей действительные сущностные силы и способности человека. Этот феномен хорошо описывает К. Маркс: «То, что существует для меня благодаря *деньгам*, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — *я сам*, владеец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть — мои — их владельца — свойства и сущностные силы. Поэтому то, что я *есть* и что я в *состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я *уродлив*, но могу купить себе красивейшую женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит я не *хромой*. Я *плохой*, *нечестный*, *бессовестный*, *скудоумный* человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владеец. Деньги являются высшим благом — значит, хороши и их владеец»

[6, 148]. Для человека утилитарного обогащение выступает как призвание, долг и обязанность гражданина, следовательно, стяжательство, ростовщичество получают статус деятельности не только допустимой, но и достойной.

Утилитаризм переворачивает представления о справедливом *распределении*. Справедливость в его ценностно-смысловом пространстве предстает не как некий установленный порядок, но как мера согласования интересов. Распределение экономических ресурсов и потребительских благ приобретает функциональный характер, определяется не сословно-иерархическими, как это было в традиционной хозяйственной культуре, но производственно-экономическими факторами.

Хозяйственная культура креативного типа формируется на основе восприятия мира как высшей ценности и цели существования человека. Креативная стратегия бытия это стратегия охраны и творческого созидания природы, осуществляемого в соответствии с пониманием ее сущности, законов. Подобного рода созидательное отношение к природе присуще «посттехногенной» (В.С. Степин), «постэкономической» (В.Л. Иноземцев), постиндустриальной цивилизации, теоретическое выражение оно получает в концепции ноосферы, позиционирующей человеческий разум как созидательную, изменяющую облик нашей планеты и ближайшего космоса силу. Ю.М. Осипов указывает: «Стратегическая цель человечества, которую мы можем сегодня предвидеть, — ноосфера. Это как раз есть главное и самое масштабное дело всего человечества» [7, 363]. Носителем креативной хозяйственной культуры является *homo creator* — человек креативный, создатель креатосферы.

Креативизм радикальным образом преобразует характер *потребления*. Суть этого преобразования заключается в качественно новом понимании потребностей, в превращении в жизненную потребность — потребность в самоактуализации. А. Маслоу называет эту связанную со стремлением к развитию и использованию своего творческого и интеллектуального потенциала потребность метапотребностью [8, 47]. Формирование потребности в самоактуализации кардинальным образом модифицирует интересы людей, которые уже не сводятся к материальному благосостоянию, но осмысливаются как возможность и доступность творческой деятельности. «Богатство служит базой, с которой человек начинает стремиться к разнообразным постэкономическим целям», — утверждает У. Тоффлер [9, 370]. Более того, как полагает В.Л. Иноземцев, богатство все более ассоциируется с обладанием знанием, информацией [10].

Креативизм кардинально перестраивает представления о способах *производства*. Подобно утилитарной креативная хозяйственная куль-

тура стоит на позициях расширенного воспроизводства хозяйственной системы. Однако в отличие от утилитаризма, который опирается на тактику ситуационно эффективных форм хозяйствования, креативизм полагает расширенное воспроизводство как стратегию хозяйствования. Это отличие фиксирует У. Тоффлер, выделяющий два типа планирования — эконоцентрическое, технократическое, индустриальное, ориентированное на максимизацию материального состояния, и гуманистическое, супериндустриальное, ориентированное на цели самореализации личности: «Технократическое планирование является кратковременным... Технократы обычно страдают от собственной близорукости, они инстинктивно мыслят о немедленных выгодах и немедленных последствиях... Чтобы выйти за пределы технократии, наши социальные и временные горизонты должны простираться на десятилетия и даже поколения в будущее» [11, 375].

Хозяйственный креативизм имеет в своей основе принцип самоорганизации, который можно расшифровать как принцип формирования стратегий хозяйственной деятельности на основе разумной перестройки, реконструкции, совершенствования имеющегося опыта с учетом постоянно изменяющейся реальности и вновь возникающих жизненных факторов. В его русле преодолеваются представления как о неизбежности технологий хозяйственной деятельности, так и о ситуационной их мобильности. Специфика креативной хозяйственной культуры заключается в ее перспективности, направленности на постоянное технологическое обновление и усовершенствование всей хозяйственной системы. Ч. Лэндри указывает: «Креативность — это интеллектуальная позиция и определенный подход к проблемам, который раскрывает спектр возможностей. Существенно, что она — не пункт назначения, но путешествие, не состояние, но процесс» [12, 40]. П. Друкер полагает, что в обществе XXI в. единственная политика, которая может обеспечить успех, заключается в сознательном строительстве будущего [13].

Труд для человека креативного выступает как цель, как ценность сама по себе; он осмысливается в категориях призвания, предназначения. В качестве движителя трудовой активности выступают не принуждение и не погоня за прибылью, но профессиональный интерес, стремление к реализации своего творческого потенциала. Например, создатель теории креативного класса Р. Флорида полагает, что представителей творческой интеллигенции отличает особая мотивация в профессиональной деятельности, деньги для них не являются основным фактором удовлетворенности трудом, наиболее важными становятся содержание работы, возможность испытать себя, добиться признания своих профессиональных заслуг [14]. Таким образом, труд при-

обретает творческий созидательный характер, происходит интеллектуализация труда. Креативизм генерирует особый тип предпринимательства — предпринимательства, связанного с производством и внедрением наукоемких, интеллектуальных технологий. Такой тип предпринимательства составляет основание, например, венчурного бизнеса.

Креативизм способствует формированию новых представлений относительно *обмена*. Это связано, в первую очередь, с проблематичностью рассмотрения творчества как товара. Некоторые исследователи полагают, что товарное отношение к творчеству ведет к его деградации. Например, А. Бузгалин и А. Колганов позиционируют противоположность товарного производства и креатосферы, полагая, что в той степени, в какой субъект товарного производства подчинен рынку, деньгам, капиталу, его потребности, ценности, мотивы будут оставаться по преимуществу утилитарными. Субъект творческой деятельности, в их видении, не может быть целиком и полностью подчинен рыночным механизмам, более того мотивации творческой деятельности лежат за пределами рынка — поскольку творчество, по определению, не может быть средством, но только целью, точнее говоря, самоцелью. Исследователи указывают, что: «...степень развития рыночных <...> механизмов организации и мотивации деятельности постепенно “убывает” <...> по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому» [15, 134—135]. Добавим, к этому, что современные аналитики полагают, что в информационном обществе на качественно новом уровне возрождается такой феномен, как дарообмен, который получает форму диалога творческих личностей [16].

Креативизм перекраивает представления о *распределении*. Креативное понимание справедливости сводится к требованию исходного равенства возможностей творческой, интеллектуальной деятельности. Однако это не означает торжества уравнительности по формуле «каждый по способностям, каждому по потребностям». В контексте креативной хозяйственной культуры складывается представление, что разница в уровнях доходов определяется наличием или отсутствием способностей перерабатывать информацию, решать сложные интеллектуальные задачи. А. Гулднер, например, полагает, что в информационном обществе интеллектуалы превращаются в «Новый эксплуататорский класс», вызывающий к жизни новую форму господства — меритократию [17, 10—39].

Резюмируя наши рассуждения о типах хозяйственной культуры, необходимо еще раз уточнить, что названные типы необходимо рассматривать как идеальные модели — инструменты познания хозяй-

ственных явлений и процессов прошлого и настоящего. Любая исторически сложившаяся хозяйственная культура представляет собой соединение традиционализма, утилитаризма, креативизма, различия заключаются в распределении их ролей. Например, в хозяйственной культуре традиционного аграрного общества главную роль играет традиционализм, тогда как утилитаризму и креативизму отведены, соответственно, второстепенные и эпизодические роли. В хозяйственной культуре индустриального общества лидирует утилитаризм, а традиционализм и креативизм являются периодическими дающими о себе знать аутсайдерами. Наконец, в хозяйственной культуре постиндустриального общества превалирует креативизм, тогда как утилитаризм и традиционализм превращаются в культурные рудименты. Что касается современной России, то она являет собой общество переходного типа, хозяйственная культура которого представляет собой противостояние двух ценностно-смысловых блоков: традиционализма в союзе с экстенсивным утилитаризмом и интенсивного утилитаризма в союзе с креативизмом. Характеризуя эту культурную ситуацию, А.С. Ахиезер назвал Россию «застрявшим» обществом [18, 786]. Хозяйственное развитие России во многом зависит от способности преодолеть такого рода культурный антиномизм. Одной из значимых сил, способных оказать весомую помощь в этом вопросе, является наука о культуре — культурология, важнейшими задачами которой являются наращивание знаний относительно хозяйственной культуры прошлого и настоящего и формирование эффективных моделей ее движения к будущему.

Литература

1. *Маршалл С.* Экономика каменного века. М., 1999.
2. *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя // Мамардашвили М.К. Лекции. Статьи. Философские заметки / Под ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1996.
3. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство // Чаянов А.В. Избр. труды. М., 1989.
4. *Mauss M.* Essai sur le don // L'annee sociologique, n. s., I (1923—1924). P., 1925.
5. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42.
7. *Осинов Ю.М.* Опыт философии хозяйства. М., 1990.
8. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
9. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.
10. *Иноземцев В.* Расколота цивилизация. М., 1999.

11. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.
12. Лэндри Ч. Креативный город. М., 2011.
13. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. М., 2000.
14. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М, 2005.
15. Бузгалин А., Колганов А. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3.
16. Hyde L. The Gift: the Erotic Life of Property. N. Y., 1993.
17. Гулднер Э. Будущее интеллектуалов и восхождение Нового класса // Рубежи. 1997. № 4.
18. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Власть (тезисы)

Аннотация. Власть является принципом отношений, следовательно, она представляет собой отношенческий и смысложизненный феномен. Власть — социальный, а не духовный смысл человеческой жизни.

Ключевые слова: власть, отношения, смысл жизни, коллективное бессознательное, обыватель, мистицизм, идеология, деньги, финансы.

Abstract. The power is a relationship principle. Consequently, it is a relational phenomenon that has direct connection with the meaning of life. The power is social, not spiritual meaning of human life.

Keywords: power, relations, the meaning of life, the collective unconscious, philistine, mysticism, ideology, money, finance.

1. Власть есть отношение отношений, или принцип отношений.
2. Отношения строятся на основании неравенства их сторон. В любых отношениях одна сторона доминирует, вторая находится в подчиненном статусе. И эта диспропорция, она же — власть, выступает движущей силой отношений.
3. Поскольку власть представляет собой отношение отношений, а отношения служат основой высшего смысла жизни, власть является смысложизненным феноменом, правда, с существенной оговоркой.

4. Власть занимает срединное положение в иерархии смыслов жизни. Власть есть социальный смысл жизни человека, ниже ее находится биологический (продолжение рода), выше — духовный (познание и любовь). И хотя власть выступает необходимым условием осуществления познания и любви, как отдельный феномен она не образует смысла жизни (счастья).

5. Подавляющее большинство людей являются носителями коллективного бессознательного, или обывателями. У них место высшего смысла жизни принадлежит власти.

6. Потребность во власти обратно пропорциональна степени удовлетворенности человека актуализацией смысла его жизни.

7. Все, что совершает человек как носитель коллективного бессознательного, делается им в рамках отношений и ради власти. Следовательно, выяснение отношений — это борьба за власть, или способ самоутверждения.

8. И сила, и слабость, проявляемые людьми в отношениях, служат инструментами отношений и, следовательно, инструментами власти: сила — активным, слабость — пассивным.

9. Власть представляет собой отношение, объект которого используется в качестве средства для удовлетворения потребностей субъекта.

10. Поскольку власть есть отношение, а не взаимодействие, она является социальным, а не биологическим (и тем более не физическим), и поэтому — исключительно человеческим феноменом. В среде живых существ, обладающих психикой, наличествует не власть, а ее природный аналог — психическое доминирование.

11. В связи со сказанным необходимо уточнить определение власти и обозначить следствия из него. Власть является отношением, субъект которого выступает психически доминирующей стороной, объект — психически угнетенной стороной. Всякое отношение репрезентировано противоречивым единством вербализованно-психического доминирования (господства) и вербализованно-психической зависимости (подчиненности).

12. Механизм осуществления власти таков: субъект власти актуализирует свой комплекс превосходства при одновременной актуализации у объекта власти комплекса ничтожества. Проще говоря, главный принцип власти — возвышение себя за счет принижения другого либо других.

13. Комплекс превосходства является психической проекцией инстинкта самосохранения (витального инстинкта), власть — его социальная проекция, познание и любовь — духовная. Кроме того, власть есть интегральная форма социальной конкуренции, биологическим аналогом которой выступает конкуренция среди живых существ.

14. Обыватели судят об окружающих от уровня своего комплекса превосходства и ниже. Даже преклонение перед величием и могуществом другого обыватель допускает лишь в той мере, в какой намеревается подчинить величие и могущество другого своим потребностям.

15. Любое имеющееся у него преимущество над кем-либо обыватель использует прежде всего как орудие власти. Сущностно он нуждается в людях как в объектах власти, т. е. настолько, насколько ему удалось навязать им собственные интересы (потребности).

16. Обыватель сохраняет интерес к определенному виду своей деятельности в той мере, в какой эта деятельность способствует удовлетворению потребности обывателя властвовать.

17. В обывательском (социоцентрическом) социуме воспитание, или обучение отношениям, представляет собой процесс психического программирования (внушения), инструментом которого является психический ресурс воспитателя и воспитуемого, а их обоюдной, хотя и разнонаправленной, целью — власть. Проще говоря, обыватели обучают людей властвовать и подчиняться, т. е. воспитывают их как субъектов и объектов власти.

18. Поскольку инструментом отношений и, соответственно, инструментом власти служит человеческая психика (коллективное бессознательное) и поскольку она продуцирует исключительно заблуждения, гносеологически и этически актуализация власти означает введение в заблуждение, или обман, объекта власти ее субъектом.

19. Тот, кто обманывает других, в первую очередь обманывает себя, поскольку верит в действенность обмана, т. е. верит в обман с целью достижения власти. Следовательно, этот человек подсознательно позволяет и другим обманывать себя с той же целью. Вывод: субъект власти остается таковым благодаря своей постоянной неосознаваемой готовности к превращению в объект власти, и наоборот.

20. Однако магистральная проблема отношений состоит в том, что в них каждый обыватель считает себя субъектной стороной. Иными словами, вступая в отношения, он рассчитывает доминировать в них. Поэтому загадка участия обывателя в отношениях заключается не в наличии у него властных амбиций, а в их направленности и силе.

21. Некоторые заявляют: «Мне не нужна власть». Подобные утверждения — следствие непонимания того, что такое власть. Власть есть инструмент обретения человеком определенного социального статуса, или места в социуме (в социальной (отношенческой) иерархии). Будучи законом отношений, власть оказывается неизбежностью. Как она может быть не нужна?

22. Социальная активность проявляется в стремлении к власти и выступает интегральной формой компенсации несостоятельности ин-

дивида в личной жизни — в познании (для человека в целом и мужчины) и любви (для женщины).

23. Но одно дело власть и совсем иное властность — утверждение власти в качестве высшей ценности. Высшей ценностью является смысл жизни — познание и любовь. А властность представляет собой атрибут духовной бездарности. Поэтому властная женщина бездарна в любви, властный мужчина бездарен в любви и познании.

24. Сущностной чертой властности является мизантропия. Властный индивид есть мизантроп. Однако, поскольку мизантропия, как и всякое отношение, обоюдоостра, она разлагает в первую очередь самого субъекта властности и только потом переносится им на окружающих.

25. Власть осуществляется как месть субъекта власти ее объекту.

26. Властный индивид не любит человека противоположного пола, а мстит ему за свою человеческую бездарность и поэтому присваивает его, т. е. относится к нему как к своей собственности.

27. Власть идеологична. Пребывая в отношениях, обыватель не просто ведет себя определенным образом, но через свою деятельность навязывает окружающим представление о приоритетности собственного мировоззрения, т. е. навязывает им индивидуализированную форму коллективного бессознательного. Таков вершинный компонент власти — ее идеологическая (мировоззренческая) составляющая.

28. А поскольку концептуальное ядро всякой идеологии — мистицизм, сущностно власть мистична. Мистицизм является интегральным методом обожествления власти.

29. В социоцентрическом (обывательском, возглавляемом обывателями) социуме власть принадлежит мистикам.

30. Потенциально высшей властью в социоцентрическом социуме обладают носители религиозного мистицизма, а среди них — приверженцы той религии, которая глубже и полнее воплощает обывательский идеал, т. е. адепты наиболее тоталитарной религии. Что это за религия?

31. Для того чтобы ответить на данный вопрос, учтем, что внешними атрибутами власти, ее базисом являются витальные ценности, в пределе — деньги (финансы). Поэтому обывательскую элиту составляют деньговеры (финансоверы), а предельно концентрированным выражением власти выступает финансовое могущество.

32. Следовательно, наибольшим потенциалом мистической тоталитарности и, значит, наивысшим потенциалом власти обладает финансовое — вершина идеологии постмодернизма.

33. Потенциальные приверженцы финансоверия — обыватели (носители коллективного бессознательного), т. е. подавляющее большин-

ство людей. Коллективное бессознательное — сила безумия, причем сила колоссальной разрушительной мощи. А финансоверие как апофеоз власти представляет собой не только пик этой силы, но и фактор угрозы ее стремительного, скачкообразного заката. Финансоверие при его неуклонной эскалации ведет к саморазрушению власти и с ним — к коллапсу человечества.

34. Власть надо беречь, но грамотно беречь. Она порочна по своей сути, однако ее существование продлится до тех пор, пока будут существовать обыватели и отношения, следовательно, до тех пор, пока существует человечество.

35. Отрицать власть нелепо. Всякое отрицание власти (нигилистическое, анархическое и т. п.) выражает претензию на власть и тем самым оказывается ее проявлением. Более того, целью и результатом любого отрицания власти выступает достижение власти во всей полноте ее атрибутов, включая те, которые первоначально вызывали возмущение со стороны отрицателей власти. Вывод: отрицание власти формально и представляет собой неконформистскую разновидность ее утверждения.

36. Нужно не отрицать власть, а так распорядиться ее потенциалом, чтобы направить его на создание положительной альтернативы власти. Для этого необходимо совершенствовать природу человека, возвышая ее от бессознательной — обывательской к сознательной — философской.

37. Субъектом власти является обыватель. Следовательно, до тех пор, пока в социуме продлится доминирование представителей этого антропологического типа, они будут не просто продуцировать власть, но и утверждать ее в качестве приоритетной цели человеческого существования, т. е. в роли смысла жизни (счастья). Однако неисчислимость обывателей не означает их духовного верховенства и, стало быть, не влечет за собой неизбежность их социального лидерства.

38. Положительная альтернатива власти — познание: овладение истиной, а не властвование над человеком. В разумно организованном (персоноцентрическом) социуме ключевым, правда, не единственным, инструментом оперирования информацией вместо коллективного бессознательного станет сознание, а власть хотя и останется, но уступит роль главного регулятора отношений познанию (пониманию) действительности.

39. Политическая власть, как и власть в любой ее форме, сущностно представляет собой тиранию. Политическая власть, тиранический компонент которой по преимуществу вынесен за границы сферы ее непосредственного правового регулирования, есть демократия.

40. Всякий правитель является тираном. Правитель-демократ — это тиран, которому витальная состоятельность его подданных позволяет быть демократом.

41. Типы (полюсы) политической власти:

а) патриархальный (свойственный первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной общественным формациям) — тирания;

б) цивилизационный (свойственный капиталистической общественной формации) — демократия.

42. Демократ — это человек, витально богатый настолько, чтобы быть толерантным (безразличным) ко всему, кроме власти и ее экономических эквивалентов: имущества, денег и т. п.

43. Такие аспекты власти, как игровой, гендерный, возрастной, семейный, этнический, религиозный и т. д., мы оставляем за пределами нашего рассмотрения, потому что их анализ не добавит ничего кардинального к изложенному выше пониманию сущности власти.

В.В. ГРИШИН, Н.С. ШИЛОВСКАЯ

Человек и город: шаги навстречу*

Аннотация. В статье сквозь призму эмоционального переживания человеком места его обитания противопоставляются две исторические вариации города — города как формы хозяйства и города как формы культуры.

Ключевые слова: человек, субъективное, город-завод, город как культурная форма, качество жизни.

Abstract. The article devotes to the emotional experience by the person of a place of his dwelling. As a result shows two historical variations of the city — the city as form of economy and form of culture.

Keywords: person, subjective, city as a plant, city as a cultural form, quality of life.

Город как субъективное и объективное города

Петр Вайль в предисловии к «Гению места» говорит о загадочной интеллектуальной, духовной и эмоциональной связи человека с местом его обитания, которой ведает известный древний *genius loci*. Для человека Нового времени и, можно от себя добавить, для современно-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-13-52002.

го человека, местом применения его духовно-культурных сил стал город. Между человеком и городом очевидна и обратная связь: представление человеком города сугубо субъективно, и эта субъективность многослойна: город каждого человека не только разный, но и особый [1].

Город есть огораживание: человек огораживает собственное пространство, конституируя и конструируя его. Как следствие, человек неизбежно становится сопричастным объективно огороженному им миру города и его культуры. Но данная сопричастность воспринимается субъективно, отсюда она многовариантна и разнопланова: ее полюсы от резонирования и отторжения до принятия и включенности базовых идей, нормативов и ценностей города. Поэтому подлинная сущность города и оценка эффективности функционирования его институций будут очевидны только в процессе выяснения субъективной степени удовлетворенности каждого его обитателя качеством жизни и уровнем комфорта.

В то же время разнообразно и многопланово не только субъективное лицо города, но и исторически ретроспективное, причем субъективное восприятие города детерминировано его историческим лицом.

Концепция возведения древних городов, как правило, содержала эстетический аргумент, а сам город выступал как определенная культурная форма. Так, античный город, город-колония, возводился древним греком в соответствии с его представлениями о прекрасном: грек выбирал самое живописное место, учитывал наличие пресных водоемов и естественный ландшафт местности при строительстве общественных сооружений (храмов, гимнасий, театров). Большая часть жизни грека протекала вне дома в постоянном общении друг с другом, в общении не житейско-бытовом, а культурном: грек любил дискутировать, философствовать (не случайно Сократ, бродивший по Афинам и беседовавший «о мудрости» с жителями, собрал столько учеников, а позднее Аристотель сформулировал коммуникативную теорию возникновения государства). Местом философских дискуссий, новостным центром древнегреческого города была агора. Поэтому древнегреческий город был культурно центрирован и в меньшей степени экономически детерминирован, культура — выше хозяйства, культурная институция — выше хозяйственной. Античный город, тем самым, не только выполнял экономические и военные функции, но был прежде всего определенной культурной формой, создающей комфортное культурное пространство для своего обитателя.

Если мы рассмотрим древнерусский город, то очевидна его близость античному. Как и античный, древнерусский город строился в первую очередь как убежище от врагов и стихии природы, при этом

вписывался в ландшафт, используя реки, овраги, холмы и леса для защиты своих жителей. Большинство древних городов России расположено в живописных местах, а наличие возвышающихся крепостей, кремлей, соборов эстетизировало природную среду. Древний город является произведением искусства, произведением в хайдеггеровском смысле: «про-изведение — не только ремесленное изготовление, не только художественно-поэтическое выведение к явленности и изображенности», но и «самобытное вырастание», «распускание цветов при цветении» [2, 224]. Поэтому древний город так органично «вливался» как в окружающую природу, был «второй природой», так и в природу самого человека. Город переживался человеком эстетически: красота русских белокаменных городов и монастырей была сравнима с античными городами, поражала как местных крестьян, так и иностранцев. И сейчас исторические центры русских городов сохранили свою эстетическую ценность.

Между тем по мере роста населения город разрастался хаотичными застройками, убогими жилищами, серыми казенными зданиями, питейными заведениями. Санитарной гигиеной в городах не занимались. Сначала торговые пути, а впоследствии промышленность определяли лицо города. Из всех российских городов только Санкт-Петербург и его окрестности строились по плану, в котором эстетика барокко и классицизма задавала тон экономической целесообразности и шла вопреки природе. Екатерининский регламент, утверждающий планомерное строительство городов в соответствии принципам классицизма, мало где соблюдался. Образ русского города адекватно отразился в русском классическом искусстве.

В годы промышленного подъема город привлекал к себе рабочие руки и мало заботился о комфортном бытии человека. В советскую эпоху города были социально ориентированы, тем не менее производственная необходимость выходила на первое место. Иногда хорошо распланированные благоустроенные районы городов вплотную подходили к заводам и фабрикам, что вредило здоровью жителей. Иллюстрациями к сказанному являются город Дзержинск Нижегородской области и Автозаводский район Нижнего Новгорода.

Советские города планировались под общественный транспорт, мест под стоянки личного транспорта не предусматривалось, гаражи выносились на окраины. Постсоветское время изуродовало как старую историческую часть города, так и относительно новые советские районы — соцгорода и микрорайоны: мозаичная постройка элитного жилья в лучших местах города без всякой привязанности к архитектурному стилю и истории формировала безвкусную городскую эклектику.

Снос исторических памятников, массовая вырубка деревьев, навязчивость уличной рекламы — повсеместная участь всех городов России.

Главной проблемой постсоветского города стали автомобильные пробки. Автомобиль потихоньку вытеснял пешехода, шум от автомобилей стал городским фоном, выхлопные газы не только компенсировали потухшие трубы городских заводов, но и превзошли их.

Поэтому концепция города XX в. — как мегаполиса, так и города провинциального — в корне отлична от древнего: город подчинен экономической целесообразности. Это город-завод, город-предприятие, в котором культурное аннигилируется хозяйственным. Если мы возьмем советский город, то он по-пролетарски мифологизирован, западный город — город капиталистической рациональности. И гораздо реже город есть город-университет (знаменитые Оксфорд и Кембридж), город-курорт (немецкий Баден-Баден), город-музей (итальянская Венеция) или город-церковь (Ватикан). Отсюда очевидные индустриализация пространства города и городской архитектурной эстетики, конструирующая повседневную жизнь, и вторичность и более того периферийность и маргинальность культурных институций и, как следствие, их малоэффективность. Город перестает быть хайдеггеровским про-изведением, теряет связь с природой, бытием, человеком, теряет и человека в себе. Человек такого города становится totally одиноким, заключенным в каменную темницу города, отчужденным от него, от культуры, ощущает себя шестеренкой городской мегамашины, его поглощает гигантское «чрево» завода, «переваривает», перерабатывает и за ненужностью выбрасывает. Человек города-завода есть своего рода хайдеггеровский «постав» [2, 226]: не город встроено в человека, делая пространство его жизни психологически и физически комфортным, а человек «поставлен» в город, встроено в него. Вместо духовной комфортности и душевной удовлетворенности жесткая функциональность человека: заставить вращаться гигантские механизмы завода, поставить промышленную продукцию, произвести или оказать некую услугу, заработать максимум денег. Город эксплуатирует человека, вместо того чтобы оберегать его, человек для города есть «источник энергии», которую город безжалостно извлекает из человека, перерабатывает, копит, распределяет, преобразовывает.

Поэтому человек, отторгая обездушенную машину города, считает идеалом города старый город или старую часть города, в которой сосредоточены культурные институции. Однако субъективно, на уровне личного сознания, возможны ситуация включения, принятия человеком технизированного города-машины, восприятие собственной функциональности и редуцирование себя к некой функции как культурной нормы. Допустим, если в советское время спрашивали под-

ростка, проживающего в рабочем районе, куда ты пойдешь работать, то он, как само собой разумеющееся, отвечал — на завод! Куда же еще!

Город XX в., таким образом, в отличие от города древности, излишне брутален, агрессивен по отношению к человеку и к природной среде. Город поглощает человека и природу. Вследствие крайней редукации культурной жизни, ее максимального сжатия, ее маргинальности, маргинальности и неэффективности культурных институций и, напротив, гипертрофии хозяйства человек города не может раскрыться как личность, личностное аннигилируется, поглощается безличным городом. Город становится каменной ловушкой, уничтожающей человека, калечащей его телесно и духовно; оказывается антигуманным, бесчеловечным.

Однако в конце XX в. прослеживается несколько иная тенденция в развитии города. Индустриальное общество благодаря новому этапу НТР, в результате которого появились новейшие электронные технологии, безотходные производства, удельный вес промышленности, особенно тяжелой, упал, стало трансформироваться. На Западе и в Японии вредное производство постепенно выводилось в «третьи» страны; в современной России часть промышленности погибла (в результате международной конкуренции или вследствие приватизации 1990-х гг.). Город XXI в. постепенно из дымящего города-завода превращается в город-услугу, город-бизнес-центр (неслучайно М. Горький еще в XX в. назвал Нью-Йорк «городом Желтого дьявола»). Города стали преобразовываться, а экология улучшаться.

Если сравнивать современные города с городом-заводом XX в., то может показаться, что речь идет не только о разных городах, но и о разных странах (здесь есть доля правды: современное общество по многим критериям резко отличается от общества XX в.). Так, Центральный парк в Нью-Йорке из криминогенного становится самым безопасным и любимым местом для отдыха. Сидней, некогда построенный английскими каторжниками, в котором еще недавно преступность зашкаливала, превратился в абсолютно безопасный для своих жителей город. Преобразился и городской ландшафт: в центре — эстетика и комфорт. Дизайн выходит на первое место среди искусств, а на практике экономическая целесообразность подчиняется дизайнерской логике. В исторические центры многих современных городов нельзя въезжать на личном автомобиле. Некоторые города полностью лишились промышленности, став туристическими центрами. И такая трансформация не редкость, однако и не правило.

В то же время высокий уровень жизни, социальные программы и пособия стали привлекать мигрантов. Города все больше становятся

мультикультурными, возникают целые мигрантские анклав. И зачастую эти анклав представляют собой небезопасные для коренного жителя городские трущобы. Здесь действуют собственные неписанные законы, сформирована несколько иная, отличная от доминирующей, шкала культурных ценностей. Мигрантские анклав растут. В результате современный город становится многослойным, и культурная политика многих современных государств оказывается несостоятельной в преодолении культурно-социальной дифференциации современного города. Так, политика в области культуры единой Европы не стала единой: в Голландии, например, социальное неравенство скрыто равными возможностями городского комфорта (в одном доме, допустим, могут проживать как миллионеры, так и простые служащие), в Великобритании же, напротив, достаточно много закрытых мест, в которых находятся особняки олигархов.

Несомненно, самосознание европейцев выросло: культура и история стали их ценностными ориентирами. Кроме того, по тому, как заботятся в Европе об инвалидах, можно судить о культуре и здоровье европейцев в целом. Европейцы сформировали высокие требования к городскому уровню жизни, сформулировали новую концепцию городского комфорта, главным стержнем которого является забота о здоровье. Что же касается духовного комфорта, то здесь нет однозначного ответа. Город живет не по аристотелевскому принципу коммуникативности, а по английскому — «Мой дом — моя крепость». Живое общение вытесняется виртуальной коммуникацией. В итоге одиночество опять же является уделом жителя большого города. Крайним результатом низкой коммуникативности является самоубийство, о чем говорил еще Э. Дюркгейм. Статистика доказывает рост самоубийств в наиболее благополучных городах Европы. Кроме того, бегство от одиночества приводит к росту сектантства, криминала, международного терроризма.

Качество жизни человека современного города

Основы концепции качества жизни были заложены классической социологией XIX в. (М. Вебер, Э. Дюркгейм, утилитаризм И. Бентама и др.). Считается, что в научный обиход данное понятие ввел в 1964 г. американский экономист Дж.К. Гэлбрейт в своей работе «Общество изобилия», определив качество жизни как возможность потребления товаров и услуг. Именно качеством жизни, по его мнению, определяется культурно-досуговая сфера человеческой жизни: жизнь человека экономически бедных стран с низким качеством жизни сводится к экономическим заботам, напротив, высокий уровень качества жизни обуславливает возможность культурно-досуговой деятельности и со-

зерцания. Сегодня качество жизни — социальная категория, которая фиксирует не только уровень потребляемых материальных благ, но и духовно-культурную насыщенность жизни человека, его душевный комфорт. Например, французский социолог Р. Арон считал, что качество жизни проявляется в возрастании индивидуального дохода и его пропорциональном расходовании не только на предметы потребления, но и на нематериальные вещи, культуру.

Таким образом, очевидна двумерность понятия «качество жизни». С одной стороны, экономическая доминанта, определяющая уровень потребления человеком товаров и услуг, с другой — материально-потребительское измерение жизни человека определяет его нематериальное культурно-экзистенциальное самоощущение.

Потребительское измерение человека современного города пространственно расширяется. Современный человек с размахом потребляет и стремится потреблять все больше и больше товаров и услуг. В современном обществе потребление гипертрофировано, разрастается до невероятных размеров. Напротив, культурно-экзистенциальное измерение сжимается, сужается, трансформируется в бездумное развлечение, удовольствие, это новая разновидность потребления, только нематериального. Культурное и материальное измерения качества жизни человека современного города, иными словами, диспропорциональны. Душа человека современного города «просит» шоппинга. И, напротив, человек стремится сбросить с себя бремя отягчающей его культуры, в лучшем случае превратить культуру в разновидность потребительского удовольствия. В результате на экзистенциальном уровне возникает экзистенциальный вакуум. Человек современного города есть по сути скучающий абсурдный человек А. Камю [3, 29]: он живет машинальной рутинной жизнью: подъем, автомобиль, весь день в офисе, ужин, сон, торговый центр, бар; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота — вот путь, которому легко идти день за днем.

Вместо заключения

Любовь человека к родному городу не зависит ни от качества его жизни, ни от концепции города (пролетарский город-завод или капиталистический город-офис), ни от его размеров (мегаполис или маленький провинциальный городок). Человек иррационально связан с местом своего рождения и обитания: ему может быть дорог дом с печным отоплением, заброшенный убогий сквер с заржавевшим фонтаном, скучная серая улочка, опутанная километрами труб. Человек сам устанавливает свои отношения с городом: любимые места и не очень, свой «лабиринт» движения. В то же время в любом городе есть и об-

щезнечисленные места: старинные сооружения, памятники, в том числе и природные, музеи — все то, что стало знаком города, его символом, по которому город узнается всеми, и потеря какого-либо символа есть потеря частички души города.

Иррациональная близость человека и места его обитания настолько мощна, что оказалась литературно проговоренной: в творчестве многих писателей и поэтов тема города становится сквозной: из классики — Пушкин и Блок, например, из современного — акройдовский «Лондон» и «Стамбул. Город воспоминаний» Охрана Памук. Здесь связь человека с городом из тривиальной локальной инертной привязанности превращается в родственную близость городу как некому живому существу; история города, переплетаясь с авторскими воспоминаниями и переживаниями, оказывается его биографией. «Недавно я опубликовал книгу под названием “Стамбул”, — говорит Памук, — половина которой — моя автобиография до настоящего момента, а вторая половина — эссе о Стамбуле, точнее говоря, о детском восприятии Стамбула. Это некий симбиоз размышлений об образах и ландшафтах города, его индустриальной жизни; о восприятии его ребенком и о жизни этого ребенка» [4, 458]. Так город через человека сохраняет свою историю и ее переживание передает новым поколениям.

Литература

1. *Вайль П.* Гений места // <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/genij.txt>.
2. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Время и бытие.* М., 1993.
3. *Камю А.* Миф о Сизифе // *Бунтующий человек.* Философия. Поэтика. Искусство. М., 1990.
4. *Памук О.* Другие цветы: избранные очерки и эссе. СПб., 2008.

П.П. ЖУЛИКОВ

Три базовые формы управления экономическим хозяйством

Аннотация. В текущих отрезках времени сформировалась объективная необходимость осмысления возможности создания единой матрицы экономических процессов и явлений, которая бы позволяла понять их взаимосвязь и предложить модели развития современного экономического хозяйства. В статье в формате философии хозяйства представлены базовые категории экономического хозяйства и определены основные закономерности их взаимодействия. В качестве базовых

вых форм экономического развития хозяйства и соответственно форм управления развитием рассматриваются милитаристическая, религиозная и образовательная.

Ключевые слова: милитаризм, религия, образование, экономика.

Abstract. At the current time period to form an objective necessity of understanding the possibility of creating a single matrix of economic processes and phenomena, which would allow them to understand the relationship and propose a model of the modern economic sector. In an article in the format of management philosophy, presented the basic categories of economic management and the basic laws of their interaction. As basic forms of economic development of the economy and accordingly forms of development management considered militaristic, religious and educational.

Keywords: militarism, religion, education, economy.

При анализе экономического хозяйства любого уровня будем рассматривать три базовые формы существования экономического хозяйства и соответственно три формы управления: милитаристическую, религиозную и образовательную. При этом заметим, что каждая форма имеет свои функциональные институции: армию, церкви, школы со всеми инфраструктурными элементами. Применяя такой подход, можно, анализируя различные сочетания форм, проследить тренд развития экономического хозяйства на всех временных отрезках и на всех уровнях от мирового до домового.

В начальные периоды развития первичной формой, по аналогии с живой, органической природой, являлась милитаристическая форма управления развитием: поймал, убил и получил продукт для развития, разделил и потребил продукт по своему усмотрению — получил рост своего хозяйства, рост человеческой массы.

Сформировалась удобная для управления схема: убил, накормил, воспроизвел новое поколение, научил убивать — получился замкнутый цикл воспроизводства человеческого хозяйства — выживания, и субъектом управления становится правитель-завоеватель.

По мере роста человеческого хозяйства, человеческой массы, расширения ореола обитания милитаристической формы управления становилось недостаточно. Да и не все могли стать охотниками, или воинами-добытчиками, и не всех можно было силой обучить искусству убивать. Для выживания в новых условиях потребовались иные способы добычи-производства продукта и его распределения. Хозяйство стало стремительно усложняться, появились специализация и кооперация, потребовалась новая форма управления развитием, основанная не на физическом-имманентном воздействии, а скорее на метафизиче-

ском, трансцендентном. Появилась религия как новая форма управления развитием.

Религия не устранила милитаризм, но все расставила по местам: богу — божье, кесарю — кесарево, рабу — труд, а потребление — по значимости потребителя, а вот саму значимость определяет религия. В разные периоды времени и расширения человеческого хозяйства религиозные догмы менялись, развивались, но сохранялась главная линия: там — бог, ниже — кесарь и пастырь божий. Опять сформировалась удобная для управления структура: породил, накормил, заставил под страхом ада работать, расширенно воспроизводить человеческое хозяйство. Субъектами управления становятся пастырь и кесарь.

Но человеческое хозяйство продолжало плодиться, развиваться и расширяться, специализироваться, кооперироваться и образовывать сложные хозяйственные конгломераты, появились новые институции. И потребовалась новая форма хозяйства и новая форма управления — образовательная, которая и дала толчок индустриальному и постиндустриальному развитию общества.

В настоящих отрезках времени и пространства все формы управления развитием задействованы одновременно и определить, какая из форм — милитаристическая, религиозная или образовательная — доминирует, проблематично, но, по нашему мнению, образовательная форма управления имеет определенные преференции, поскольку наиболее эффективно обеспечивает достижение цели постиндустриального экономического развития человеческого хозяйства.

Доминирование любой формы управления определяется количеством и эффективностью использования вложенного капитала-собственности в расширенное воспроизводство. Изменение доминанты происходило и при качественном изменении состояния общества в процессе экономической бифуркации, когда человеческое хозяйство накапливало капитал и происходили бифуркации-революции, в результате чего появлялись новые направления хозяйствования, новые фракталы.

Таким образом, можно проследить следующую цепочку. В природе появился человек. Семья — это первичный фрактал, в котором накопился потенциал и произошла бифуркация. В результате сформировалось первобытно-общинное хозяйство, в котором опять накопился потенциал и произошла бифуркация — сформировались рабовладельческие хозяйства, феодальные и как апофеоз капиталистические. На каждом уровне, фрактале доминирует своя форма управления: на первобытнообщинном — примитивный милитаризм, многобожная религия и первородное образование; на рабовладельческом — технический милитаризм, иерархическое многобожие и иерархическое образование;

на феодальном — милитаризм, монобожная религия и иерархическое образование, на капиталистическом — технологический милитаризм, монобожная конфессиональная религия и профилирующее образование. Каждая форма-фрактал управления развитием совершенствуется во взаимосвязи с другими формами, которые оказывают друг на друга взаимное влияние.

Формы управления развитием совершенствовались, создавались соответствующие социальные институты, через которые реализовывалось управление развитием усложняющегося экономического хозяйства. Социальным институтом в обществе, через который реализуются милитаристические формы управления, являются вооруженные силы. Социальным институтом, через который реализуются религиозные формы управления развитием человеческого хозяйства, является церковь (церкви). Социальным институтом, через который реализуются образовательные формы управления, являются школы и университеты.

Каждый из социальных институтов, реализующих формы управления развитием человеческого хозяйства, сформировал свой набор инструментов, обеспечивающих реализацию форм управления развитием. Инструменты управления, совершенствуясь, формируют и определяют технологические уклады человеческого хозяйства.

Каждый технологический уклад задается доминантой формы управления развитием, которая влияет на развитие инструментов других форм управления.

В Премодерне решается задача первичного накопления и закрепления собственности и наиболее эффективными являются милитаристические инструменты, причем милитаристическая форма управления задает основы религиозных и образовательных инструментов. В Премодерне набор форм управления развитием представляется следующей формулой: М—Р—О (милитаризм, религия, образование).

В Модерне наиболее эффективно с задачей уже накопления капитала-собственности справляется религиозная форма управления развитием. При этом религия, решая миссионерские задачи овладения умами людей, формирования необходимого образа жизни населения, стимулировала развитие в большей степени милитаристических инструментов, которые невозможно было развивать без образования, т. е. в эпоху Модерна микс форм управления развитием хозяйства можно определить формулой Р—М—О.

В Постмодерне уже образование, доминируя как форма управления развитием хозяйства, определяет направления развития и милитаристических, и религиозных инструментов, выводя их на новый уровень, который вскоре приведет к формированию следующего (шестого) технологического уклада. Образовательная форма управления связана с

развитием таких милитаристических инструментов, как бактериологическое, информационное, психологическое оружие, но образовательная форма управления развитием определяет и модернизирует и религиозную форму управления, формируя новые религиозные направления, которые кардинально отличаются от традиционных религий. В первую очередь, необходимо говорить о том, что в настоящее время такой новой религией становится маркетинг с идеологией безграничности потребления. Таким образом, милитаристическая форма управления слабо воздействовала на развитие инструментов других форм управления. Доминирование религиозной формы управления привело к совершенствованию и активному развитию и милитаристических, и образовательных инструментов, что в конечном итоге определило формирование технологических укладов. Доминирование образовательной формы управления должно определить новое качество и переход от технологических укладов, видимо, либо к информационным укладам, либо к образовательным укладам развития общества.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: демиургическое (солярное) земледелие Японии

Аннотация. В данной статье выявлена специфика японского мифа как «солярная демиургия». Проведена аналогия между буддийским и синтоистским земледелием. Показан демиургический характер земледелия Японии, отрицающего роль «земли» и «труда» в качестве производительных факторов. Показано, что основной производительной силой демиургического (солярного) земледелия Японии являются «небесные семена».

Ключевые слова: демиургия, теллурия, солярно-ураническая и лунно-хтоническая мифология, иерогамия, «семена», пища.

Abstract. In this article specifics of the Japanese myth as «a solar demiurgiya» are revealed. The analogy between Buddhist and Shinto agriculture is drawn. Demiurgic nature of the agriculture of Japan denying a role of «earth» and «work» as productive factors is shown. It is shown that the main productive force of demiurgic (solar) agriculture of Japan are «heavenly seeds».

Keywords: demiurgiya, telluriya, solar uranium and lunarnohtonichesky mytheme, ierogamiya, «seeds», food.

«Солярная демиургия»

Из истории мифологии мы знаем, что модели космообразования в основе своей имеют бинарную структуру, которую Ратцель назвал «мировым мифом» [1, 57]. Это — Небо и Земля, мужское и женское начало, день и ночь, где Небо — не просто пространственный верх, а обитель света и разумного порядка, где пребывают боги — учредители и правители мира, а Земля — это не просто пространственный низ, а стихия чувственная, иррациональная, подверженная хаосу, но и развитию, динамике. В зависимости от того, какое начало преобладает в мифе — Небо или Земля, — выстраиваются две модели космообразования: демиургическая и теллурическая. Согласно первой, мир был построен сверху — демиургом, выступающим в качестве внешней причины этого мира; согласно второй, мир произошел снизу, и он имеет внутренние источники своего развития, а именно, плодоносящие силы Матери-Земли. В соответствии с этим в демиургической концепции мироздания главной движущей силой истории выступает «борьба за власть», направленная на уничтожение противоположной тенденции развития, идущей снизу — от Земли, тогда как в теллурической концепции — «любовь», понятая как иерогамия — священный брак между Небом и Землей.

В японском мифе мы имеем дело с демиургической концепцией космообразования, где Небесные боги являются не только учредителями и правителями, но и производителями этого мира, принимающими как личное участие в строительстве этого мира, так и участие через других богов. Специфика японского мифа состоит в том, что со временем произошла «соляризация» Небесных богов синтоизма, и японский миф приобрел черты «солярной демиургии» (М. Элиадэ). Поэтому в японском мифе Небо, Солнце, Огонь — взаимозаменяемые понятия, точно так же, как в солярно-уранической мифологеме Небо, Солнце, Огонь — взаимозаменяемые верховные правители мира. Окончательное утверждение солярно-уранической мифологии Неба прошло за счет последовательного подавления и, в конечном итоге, уничтожения лунарно-хтонической мифологии Земли.

После того как Идзанаги и Идзанами произвели страну Японию, они приступили к рождению богов. Всего вместе они родили 35 земных богов. Последним среди совместно рожденных ими детей был Бог Огня (Солнца) — Хи-но-кагуцути-но ками, в имени которого содержится слово «хи». «Слово “хи” означает “солнце”. То есть изначально смысл слова “хи”, как солнце, и “хи”, как огонь, совпадал» [2, 307]. Его рождение стало причиной смерти Идзанами. Сам факт смерти Матери-Земли во имя рождения Бога Огня (Солнца) говорит об уничтожении принципа Земли во имя верховенства Неба (Солнца). В итоге

вся миссия Идзанами свелась к укреплению Земли, а управление землей будет отдано другим космическим силам — Огню, Небу, Солнцу. «Она становится Богиней умерших, и это соответствует тому, что обычно происходит с хтоническими Богинями и Богинями сельского хозяйства, которые являются божествами плодovitости и в то же время рождения, смерти и возвращения в материнское чрево» [3, 211].

Этот сюжет созвучен буддийской догматике, где смерть Майи — матери Будды была необходимым условием его рождения. «Концепция уничтожения мира получила свое отражение в буддийской догматике, где было дано представление о Майе, как о земной матери Будды... Соответственно с этим представлением телесная мать нужна была буддийской догматике только для телесного проявления и для внешнего же восприятия его окружающими. И как только в образе Будды открылась Вечная Истина, Майя оказалась не нужна. И буддийская догматика уничтожила ее точно так же, как до этого уничтожила мир. Мир Майи, иллюзии всего материального, кончается там, где восходит Солнце Истины. Поэтому, исполнив свою кратковременную функцию, Майя умирает через 7 дней после рождения Будды. И если смерть ее приурочена не к самому моменту рождения Будды, то это для того, чтобы не подумали, будто обнаружение истины сопряжено со злом (с умерщвлением матери)» [4, 62—63]. В синтоистской догматике тот же завуалированный сюжет: Идзанами умирает не сразу, а успевает, лежа на смертном одре, родить еще семерых детей.

Но японский миф пошел еще дальше буддийской догматики в отрицании женского начала мира. Так, в «Кодзики» главные боги синтоистской космологии будут рождены не от священного брака матери Земли (Идзанами) и отца Неба (Идзанаги), т. е. не на основе иерогамического мифа, а уже после смерти Идзанами. Богиня Солнца Аматэрасу-оо-ми-ками (Аматэрасу), Бог Луны Цукуёми-но-микото (Цукуёми) и Бог Земли Такэхая-Суса-но-о-но микото (Сусаноо) появились из тех нечистот, которые смыли с себя Идзанаги после своего посещения Идзанами в стране мертвых. Так, из омытого им левого глаза появилась Аматэрасу, правого — Цукуёми, а из омытого носа — Сусаноо. Поразительно то, что Идзанаги, несмотря на все свои страдания из-за преждевременной смерти Идзанами, главным образом, из-за того, что мир оказался еще не достроен⁶, был несказанно рад этим детям, которые оказались и выше, и лучше тех, кто был рожден в иерогамии: «Я детей рождал — рождал, и напоследок трех высоких детей получил», — так сказал и тут же снял с шеи ожерелье из жемчужин

⁶ «Моя возлюбленная женушка-богиня! Страна, что я и ты создавали, еще не до конца создана. Потому должно тебе вернуться» [6, 17].

(драгоценные камни, как символ божественной силы “мусуби”. — М.Э.) и... передал [его] Великой Священной Богине Амата́расу оо-миками и сказал: “Ты, богиня, ведай Равниной Высокого Неба” [6, 23]. Так, Идзанаги (Бог-Неба) передал бразды правления на Небе своей дочери — богине Солнца Амата́расу⁷, которая с этого момента становится правительницей Такама-га-хара, где уже проживают Небесные боги и где теперь поселяется он сам. Богиня Солнца Амата́расу становится главной богиней Японии, подобно тому, как Будда, так же отождествленный с Солнцем⁸, был господином мира.

Другим своим «высоким детям» — Цукуёми (имя которого содержит слово «Ёми», которым называется Луна⁹) и Сусаноо он оставил в наследство, соответственно, Луну и Землю. Сусаноо был первым богом земной истории и земледелия, который, однако, во время своего правления ничего не делал, а только рыдал, из-за чего на земле происходили различные бедствия, а вскоре и совсем отказался от своего наследства, желая последовать за своей матерью в страну Ёми. «И вот в то время, как [другие боги] ведали, согласно наказу, что каждому был дан, бог Суса-но-о-но микото страной, что была [ему] наказана, не ведал, а плакал в голос... Таков был тот плач, что зеленые горы... иссохли, все реки-моря... иссякли. Из-за этого... во всех делах происходили разного рода бедствия». «Тогда Великий Бог Идзанаги — но ооками, сильно разгневавшись, сказал: “Если так, не должно тебе в этой стране быть”... и тут же изгнал [его] божественным изгнанием» [6, 24]. Так, в самом начале земной истории шаг за шагом (рождение бога Огня, смерть матери Земли Идзанами и, наконец, изгнание первого правителя Земли бога Сусаноо) японский миф устраняет все то, что каким-либо образом было связано с Землей и земледелием — женским началом мироздания, во имя утверждения власти Неба — мужского начала мироздания.

Дальнейшее противостояние между Небом и Землей персонифицируется в образах Амата́расу, воплощающей собой свет, порядок, кра-

⁷ Божество Солнца буквально на японском языке звучит как Хи-но ками, где слово «хи» указывает на его огненную природу.

⁸ «В роли чакравартина — господина мира — Будда издавна отождествлялся с Солнцем; отождествлялся настолько, что Э. Сенар даже написал шокирующую работу, в которой попытался свести всю жизнь Шакьямуни к ряду соляных аллегорий. Вне всякого сомнения, он перегнул палку; но все же соляные элементы действительно играют главную роль и в легенде о Будде, и в его мистическом апофеозе» [5, 147].

⁹ «По Хирата, имя Цукуёми говорит само за себя, и причин для выявления связи Ёми с Луной несколько. В первую очередь элемент Ёми в имени Цукуёми но микота...» [7, 59].

соту, и Сусаноо, имя которого — Доблестный Быстрый Ярый Бог-муж, само говорит за себя — он есть темное, яростное начало Земли. Более того, Сусаноо отождествляется с богом разрушения и бедствий Магацухи-но ками, а Аматаэрасу с богом Наоби — богом избавления от бедствий и разрушений, которые устроили на земле Магацухи-но ками и Сусаноо. Буйство Сусаноо, в сопровождении Магацухи, умирялись Великой Богиней Аматаэрасу. «Бог бедствий Магацухи-но ками и бог избавления от них — Наоби-но ками воплощают буйную и мирную природу божеств Аматаэрасу ооми ками и Сусаноо-но микото. Непостижимой волей богов, пребывающий в мире бог Наоби, подчинен великой богине Аматаэрасу, а пребывающий в духе возмущения Магацухи-но ками — богу Сусаноо-но микото» [2, 315].

Очное противоборство этих двух начал состоялось во время посещения Сусаноо Аматаэрасу, когда Сусаноо, прежде чем отправиться в страну Ёми, решил попроситься с сестрой и поднялся на Небо. Узнав о приходе Сусаноо, Аматаэрасу испугалась его претензий на власть и стала готовиться к бою, облачившись в одежду воина. Но Сусаноо успокоил ее, предложив родить совместных детей, чтобы доказать, что намерения его «чисты и светлы»: «Обменяемся клятвой и родим детей» [6, 25]. Родились дети: мальчиков Аматаэрасу забрала себе, а девочек отдала Сусаноо. По Мотоори, именно такое распределение детей раскрывает подлинную природу богини Солнца Аматаэрасу и бога Земли Сусаноо. Несмотря на очевидное изображение Аматаэрасу как богини-женщины, а Сусаноо как бога-мужчины, по своей сути, Аматаэрасу является мужским, а Сусаноо — женским божеством. «Если судить по такой связи событий, то, по словам учителя Норинага, для рожденных при обмене обетами детей великая богиня Аматаэрасу является отцом, а мощно-стремительный бог Сусаноо — матерью» [2, 332]. Тем самым, завершается описание образов Сусаноо, воплощающего в демиургическом мифе женское начало Земли, и Аматаэрасу, воплощающей собой мужское начало Неба.

В конечном итоге противоборство между ними закончилось победой Аматаэрасу. Хотя борьба эта было непростой, и Сусаноо своими разрушительными действиями даже вынудил богиню Солнца укрыться в гроте, из-за чего Вселенная погрузилась в вечную тьму, что вызвало тревогу в стане Небесных богов, которые поручили Токоё-но-омоканэ-но ками — Богу Размышления из Вечного Царства — «размышлять», как выманить Аматаэрасу обратно. В результате совместных усилий Солнце было возвращено на Небо, и свет восторжествовал над тьмой, а день над ночью. Для японского мифа это была победа солярно-уранической мифологемы, персонифицированным образом которой выступала Аматаэрасу, над лунарно-хтонической мифологемой, персо-

нифицированными образами которой выступали Сусаноо и Цукуёми, ведь Земля — это тьма, а Луна — это ночь. Согласно гипотезе Хирата, Сусаноо, после того, как он оказался в стране Ёме, трансформировался в Цукуёми — Бога Луны. «Поскольку Сусаноо-но микото управляет этой страной Цукуёми, еще одно его имя — Цукуёми-но микото» [2, 325]. Хотя, как отмечает Эрнест Сатов, летописных подтверждений этой метаморфозе Сусаноо нет¹⁰. Но, в «Нихон сёки», действительно, земледельческие функции Сусаноо будет выполнять Цукуёми, подобно тому как Аматаэрасу будет выполнять функции Небесных богов.

В любом случае, борьба между Аматаэрасу и Сусаноо/Цукуёми или, что то же самое, «диалектика Неба и Земли» [8, 55] в японском мифе разрешилась в пользу Неба и дневного света, персонифицированного в образе богини Солнца Аматаэрасу. «Таким образом, процесс постепенного превращения небесных божеств в божества солнечные — это такой же процесс, как и превращение их, в других условиях, в богов атмосферы и плодородия, какими являются лунные божества» [5, 130]. Для Японии присуща «соляризация» Небесных богов. Японская Аматаэрасу символизирует собой повышение Бога Солнца до ранга солярного демиурга, который, с одной стороны, продолжает дело Небесных богов, а с другой — управляет всеми земными делами. Теперь Солнце, а не Земля будет главным подателем всяческих благ и будет играть главную роль в истории мира. История страны и история земледелия Японии теперь будет вершиться на Небесах (Солнце), а не на Земле, среди хтонического низа, что полностью исключает любую возможность развития теллурического земледелия и открывает дорогу демиургическому (солярному) земледелию Японии.

Происхождение «небесных семян» синтоизма

В исследовательской литературе, как правило, в качестве главной причины изгнания Сусаноо с Небес выставляется земледельческий аргумент, согласно которого Сусаноо, разрушив межи на полях Аматаэрасу, совершил «преступления против древнего земледельческого общества» [9, 77]. Но если обратиться к тексту «Кодзики», то сама Аматаэрасу не увидела в этих действиях Сусаноо состава преступления и оправдала его. «И вот, хотя [он] так сделал, Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, [его] не упрекнув, сказала: “А то, что межи снес, каналы засыпал, — это, наверное, братец мой — бог, землю пожалев, так сделал, — так оправдала [его]”» [6, 28]. Здесь, как видно, главный оправдательный аргумент, прозвучавший из уст Аматаэрасу,

¹⁰ «У Хирата Цукуёми и Сусаноо — это два разных имени одного бога Луны, хотя подтверждение этого нет ни в одном древнем тексте» [7, 75].

это — «землю пожалев», который имеет явный буддийский акцент, согласно которому «раздирание лона земли» считается тяжким грехом. «Буддизм напрочь закрыл землю для производственного процесса, объявив ее неприкосновенной. Концепция “неприкосновенности земли”, запрет на нарушение ее целостности, рождена страхом, боязнью причинить вред всему живому... В Пятимокше именно земледелие, прежде всего, считалось греховным, потому что копание земли рассматривалось как “раздирание” лона земли...» [4, 71—72]. Из этого сюжета видно, какой тип земледельца представлял сначала сам первый правитель Земли — Сусаноо (не в этом ли причина запустения и разорения земли во время его правления), а затем будущая правительница Японии — Аматаэрасу. Это означает, что по отношению к земле синтоизм повторяет буддизм, и земля не является основной производительной силой ни буддийского, ни синтоистского земледелия.

В этом объяснение тому, почему на протяжении тысячелетий в Японии существовало неглубокое вспахивание почвы, т. е. отсутствовало то, что называется культивированием земли. И лишь сравнительно недавно, как утверждают историки земледелия, только в XVII—XVIII вв., Япония перешла к глубокому вспахиванию. И сделала она это под влиянием Запада, а не под влиянием своего соседа Китая, из которого еще в VI—VII вв. китайско-ориентированным императором Нинтоку были заимствованы основные приемы обработки земли и были «вырыты ирригационные каналы, проезды и канавы... разбиты рисовые поля в отдаленных районах» [10, 40]. Но одно дело заимствование, а другое дело, как это было воспринято японцами. Судя по всему, религия в Японии оказалась сильнее того влияния, которое оказала на нее китайская техника земледелия. И мы можем говорить не только о существовании буддийского, но и синтоистского, депрессора, препятствующего развитию в Индии и Японии производительного земледелия, в отличие от Китая, где конфуцианство способствовало развитию производительного земледелия страны. «И в этом отличие китайской системы земледелия от буддийской (и синтоистской. — М.Э.) систем, где отсутствуют понятия труда и земли в качестве основных производительных сил земледелия» [11, 62]. Словом, с точки зрения буддизма и синтоизма, скорее полноценная обработка земли считалась преступлением против земледельческого общества Индии и Японии, а не наоборот.

Поэтому не разрушение межей и ирригационных систем стали причиной сокрытия Аматаэрасу в гроте, а другие дурные деяния Сусаноо. «В то время, когда Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, находясь в священном ткацком покое, ткала одежду, что положена богам [бог Суса-но-о], крышу тех ткацких покоев проломил и небесно-

го пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил. Тут небесные ткачихи, увидев это, испугались, укололи себя челноками в тайные места и умерли» [6, 28]. Учитывая мнение Ф.Г. Бок, который в пунктах, касающихся животных (а именно «пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил»), не увидел для Японии сугубо национального элемента, основной причиной сокрытия Аматаэрасу остается преступление Сусаноо против ткачества. «И вот тогда Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, увидев [это], испугалась и, отворив дверь Амэ-но-ивая — Небесного Скалистого Грота, укрылась [в нем]... Из-за этого вечная ночь наступила» [6, 28—29].

Окончательной же причиной изгнания Сусаноо с Небес, на наш взгляд, является убийство Сусаноо Богини Пищи Оо-гэцу-химэ. В противоположность исследователям, считающим, что это убийство Сусаноо было лишь «дополнительным проступком последнего» [12, 72], мы считаем это убийство является главным преступлением Сусаноо против демиургического порядка, который выстраивается на Земле. Это видно из текста «Кодзики», когда, по повелению Небесных богов, в знак своего искупления за совершенные ранее деяния, Сусаноо должен был «тысячу столов заполнить [искупительными дарами]» [6, 31]. Для этого он попросил еды у Оо-гэцу-химэ-но ками — Богини Пищи. «Тогда богиня Оо-гэцу-химэ достала [у себя] из носа, изо рта, а также из заднего места разные аппетитные яства, и когда по-всякому их приготовив, поднесла, бог Сусано-о-но микото, эти действия [ее] узрев, подумал, что [она], осквернив [еду], ему подносит, и ту богиню Оо-гэцу-химэ-но ками убил» [6, 31]. Этим убийством Сусаноо, будучи богом земледелия и естественного, природного происхождения пищи, показал свое негативное отношение к продуктам питания, «полученным из экскрементов или пота божества» [13, 39]. Тогда как Небесная богиня Камимусуби-но ками, напротив, не увидела в этом ничего дурного. «И вот то, что в теле убитой богини родилось — в голове шелко-вичные черви родились, в обоих глазах рис-рассада родился, в обоих ушах просо родилось, в носу фасоль родилась, в тайном месте пшеница родилась, в заднем месте соевые бобы родились. Потому-то Камимусуби-но-ми-оя-но микото — Богиня Божественного Творения (Производства. — М.Э.) — Священная Мать все это подобрала и превратила в семена» [6, 31—32]. Так, в «Кодзики» описано происхождение еды из «скверны», а семян пищевых растений — из тела убитой Богини пищи. Здесь главным земледельческим демиургом-собирателем выступила одна из трех Небесных божеств синтоизма — богиня Камимусуби-но ками, которая не просто собрала, но и сохранила для

Японии основной источник ее земледелия — «семена»¹¹, полученные в результате «убийства мифического предка» [13, 39].

Замечательно, что мифы «Нихон сёки», несмотря на то, что по всем вопросам мироздания в них была дана противоположная мифам «Кодзики», концепция развития, в вопросе о происхождении «семян», сохраняют единодушие — они произошли из «скверны» и тела убитой Богини, хотя участники мифа и другие. В «Нихон сёки» уже богиня Аматэрасу, а не Камумисуби, играет главную роль бога-демиурга. Она заинтересовалась, проживающей на земле богиней Священной Души Еды, по имени Укэмоти-но ками (Оо-гэцу-химэ-но ками в «Кодзики» Богиня Пищи) и послала к ней Тукуёми-но ками (Цукуёми в «Кодзики» Бог Луны), чтобы он все разузнал о ней. Тукуёми-но ками нашел ее жилище и увидел, как: «...Укэмоти-но ками головой вертит: повернет в сторону страны — выходит изо рта варенный рис, повернет в сторону моря — выходит изо рта то, что с плавником широким, и то, что с плавником узким, повернет в сторону гор — выходит изо рта то, что с грубым волосом, и то, что с мягким волосом (разновидности еды-подношения богам). Вот, все эти вещи всех видов на сотню столиков были поставлены и в дар поднесены. И разгневался тогда Тукуёми — но ками, раскрасневшись, и так сказал: “Это скверна и унижение. Какова дерзость — кормить меня тем, что выплюнуто из твоего рта!”. Сказавши так, он вынул меч, ударил и убил [тем мечом] Укэмоти-но ками» [14, 27], за это богиня Аматэрасу разгневалась на него, обозвала его «дурным божеством», и отдалилась от него.

За этим столкновением между Аматэрасу и Тукуёми стоит все то же противостояние двух мифологем — солярно-уранической и лунарно-хтонической, и соответственно демиургического (солярного) и теллурического земледелия. Ведь, Луна в древних мифах есть такой же символ плодородия, как и Земля. Именно она «управляет всеми областями природы, подпадающими под закон возобновляющихся циклов: водами, дождем, растительной жизнью, плодovitостью» [5, 159]. «Открыв земледельческий цикл, люди стали рассматривать Землю как родственницу Луны», ибо заметили, что то, что происходит с Землей, происходит и с Луной» [5, 160]. Поэтому Луна очень часто заменяет Землю, как, собственно, это и случилось в «Нихон сёки», где Цукуёми

¹¹ Это подтверждает гипотезу М. Элиаде, что в «Кодзики» отражен период палеолита, когда земледелие в Японии носило присваивающий характер, и где Камумисуби выступила в роли Богини — собирательницы и хранительницы семян.

заменил Сусаноо¹². А вместе они противопоставляются Солнцу, как источник вечной жизни и развития противопоставляется смерти и неподвижности, всегда равного себе, Солнца. И, как мы видим, и Сусаноо, и Цукуёми, воплощающие собой лунарно-хтоническое земледелие и предпочитающие в качестве источника пищи само производящие силы природы, в равной степени осуждают происхождение съедобных растений из «скверны» и «унижения». Поэтому сначала изгоняется Бог земли Сусаноо, хотя и не без труда, а при помощи Небесных богов, а затем, уж совсем без церемоний, Бог Луны Цукуёми.

Аматэрасу же посылает на землю Ама-но кума-пито (Человека Небесного Риса), который увидел, что божество Укэмоти-но ками и в самом деле уже скончалось. «А из его головы произошли коровы и лошади, из лба — просо, из бровей тутовые коконы, из глаз — куриное просо хиэ, из чрева — рис, из потаенного места — пшеница, бобы и фасоль» [14, 28], все это подбирает и, вернувшись обратно, преподносит Аматэрасу. «И обрадовалась тогда Аматэрасу-опо-ками, и рекла: “Все эти вещи будет есть, и тем жить Явленная в Мир Зеленая Жизненная Поросль” (“Зеленая человеческая трава” — это метафорическое наименование людей» [15, 381], в отличие от богов) и, так сказавши, взяла просо, хиэ, бобы и фасоль и сделала их семенем для сухоходных полей и, взявши рис, сделала его семенем для заливных полей. И соответственно сему определила старейшин небесных селений. «И вот, взяли [они] те семена риса и впервые засадили Небесные узкие поля и длинные поля. И той осенью уродились поникающие [от собственной тяжести] колосья в восемь кулаков размером, и была большая радость» [14, 28]. Главное, на что обратил внимание Хирата, комментируя это место «Нихон сёки», так это то, что Аматэрасу, «возрадовавшись, молвила...: “Эта пища для жизни наяву лучше зеленой человеческой поросли” [2, 320], т. е. тех, которые выращиваются людьми на земле. Так, впервые в японском мифе прозвучал главный аргумент ГМ-культуры, по отношению к традиционному земледелию: рисовые зерна, полученные противоестественным образом, «лучше», чем естественно выращенные на земле. Здесь бросается в глаза описание громадных, «в восемь кулаков размеров», колосьев риса, в которых мы видим изображение будущих ГМ-продуктов питания, которые, как правило, удив-

¹² Ошибка Элиадэ, когда он спутал бога Солнца с богом Луны, выглядит просто нелепостью: «Согласно Nohongi (Нихон сёки), Укемоки была убита богом Солнца (Луны. — М.Э.), Тсукиёми, и из ее мертвого тела зародились всевозможные виды растений и животных...» [3, 213]. В свете его же собственного противопоставления солярных и лунных мифов: «Мы видели, как в некоторых случаях делается попытка “объединить” Луну и Солнце, преодолеть противопоставление вещей, вновь сочетать их в первобытном единстве» [2, 180].

ляют нас своими противоестественными, громадными размерами. И второе, на что обратил внимание Хирата, это то, что «семена», полученные из «скверны и унижения», которыми Аматаэрасу засеяла небесные рисовые поля, предназначались отнюдь не для богов, а для землян. По мнению Хирата, именно это и вызвало гнев Сусаноо, который со злости разрушил ее рисовые поля.

Таким образом, разделяя общую буддийскую установку на землю, тем не менее Сусаноо не приемлет происхождение семян из «нечисти», точно так же как и Цукуёми, поэтому как один, так и второй убивают Богиню Пищи, за что и изгоняются с исторической арены. Семена в японском мифе возникают вообще без участия земли, они «подбираются и собираются» из тела убитой Богини в «Кодзики» Камимусуби-но ками, а в «Нихон сёки» Аматаэрасу. То есть в японском мифе производительная активность природы (в узком смысле плодоносящая способность Матери-Земли) замещается плодоносящей способностью «Богов плодородия», о чем говорит и перевод слова «мусупи» (которое входит в состав имен Таками-мусупи-но ками и Ками-мусупи-но ками в «Нихон Сёки») как «плодородие». «Эта пара богов встречается и в “Кодзики”, где общая часть их имен читается как мусуби. Здесь для обозначения этого слова используется другой знак. Таками-мусупи-но ками означает Высокий Бог Священного Плодородия, Ками-мусупи-но ками — Божественный Бог Священного Плодородия» [15, 373]. И в этом мы видим, закономерный процесс развития Небесных богов синтоизма от богов-производителей Вселенной до богов плодородия — богов, делающих продукты питания, или, что то же самое, в демиургов-производителей семян съедобных растений. Таким образом, центр тяжести в японском мифе смещен с понятия «плодородной (производительной) земли», основе хтонического земледелия, на понятие «бог плодородия», основе демиургического земледелия, который здесь выступает в роли демиурга-производителя семян. И если в христианстве, основой богатства выступает «земля», а в конфуцианстве — «земля и труд», то в синтоизме и не земля, и не труд человека, а «семена» — то, до чего в своей метафизике хозяйства не дошел и сам буддизм, и что стало возможным в демиургическом (солярном) земледелии Японии. Другими словами, ни земля, и ни труд, плоды которого были забракованы Аматаэрасу, являются основными производительными силами японского земледелия, а семена, полученные чудесным, т. е. противоестественным, образом.

Солярный герой синтоизма

Вот именно с этими «семенами» (проросшими ростками) риса, которые Аматаэрасу подготовила для землян и которые мы, в противовес

традиционным семенам, выращенным на земле, называем «небесными семенами», на землю спустился совместный внук Аматэрасу и Таками-мууби-но ками, первый император Японии — Ниниги, в имени которого окончание — «ги» — переводится как «пест для толчения риса» [15, 389]. Полное же его имя в «Нихон сёки» звучит, как Аматупикопико-пикопо-но ниниги-но микото, и означает Сын Неба, Юноша Колос (риса) Пышный-Пышный, Муж. В «Кодзики», так же как и в «Когосюи», имя Ниниги означает Небесный Юноша — Бог Небесного Изобилия, Земного Изобилия Рисовых Ростков. Везде в имени Ниниги идет акцентирование на чрезмерное, противоестественное в «небесных семенах» синтоизма — «Пышный-Пышный», «Изобилие — Изобилие», в котором сокрыты будущие аргументы ГМ-культуры, как лучшей по отношению к традиционному земледелию. В свете этого совсем иначе понимаются слова Мотоори Норинага, сказанные им 200 лет назад, по поводу превосходства японского риса над всем остальным. «Трудно даже рассказать во всех подробностях, в чем она (Япония. — М.Э.) превосходит остальные страны. Прежде всего, следует сказать о рисе. В жизни человека он важен как ничто другое. [Японский] рис лучше, чем в других странах, он не имеет себе равных... Люди, имевшие счастье родиться в божественной стране, хотя и привыкли питаться столь прекрасным рисом, должны всегда помнить, что он ниспослан им богиней (Аматэрасу — М.Э.) — прародительницей императора. Не подобает жить без осознания этого факта!» [16, 261—262].

Именно Ниниги, потомок солярной династии, и стал проводником демиургического (солярного) земледелия Японии. Таками-мууби-но микото напутствовал его: «Та страна великолепных тростниковых равнин, молодых рисовых ростков есть земля, в которой наши потомки должны стать государями. Царственный внук иди и управляй ею! И процветание трона будет безграничным, как Небо и Земля!» [17, 93]. Аматэрасу же в помощь Ниниги в земных делах дала ему управленца Токоё-но-омоканэ-но ками — Бога Размышления из Вечного Царства — бога, который участвовал в мифе об извлечении богини Аматэрасу из грота. И вот теперь он участвует в мифе о спуске Ниниги-но микото на землю, когда, именно, ему — воплощению разума — Аматэрасу доверила «вести свои дела на земле», а проще рационализировать землю и выхолостить из нее все признаки всего живого и самобытного. Отныне земля будет находиться под властью «солярного героя», демиурга — эффективного менеджера, а не земледельца-производителя, которого будут волновать не проблемы сельскохозяйственного производства, требующих знания техники земледелия, а распределение и перераспределение материальных благ. «Герой “спасает” мир, обнов-

ляет его, открывает новую эру, иногда даже изменяет всю организацию Вселенной; другими словами, он все еще сохраняет черты Верховного существа-демиурга» [5, 149]. Ясно, что герой не производитель, не труженик, он не будет вникать в процесс производства и его организацию. «Он стоит по ту сторону любой трудовой демиургии и потому ему ничего не известно об изготовлении вещей, об их технологическом происхождении. Герой владеет готовым продуктом на правах победителя и завоевателя. В хозяйственно-производственную сферу он вмешивается не как знаток и специалист, а извне, как обладатель и потребитель. Героя интересует не субстратные основания вещи и не механизм ее возделывания и обработки, а сама вещь, т. е. конечный результат трудовой деятельности» [8, 63], — пишет А.В. Семушкин, исследователь мифов Гомера, которые представляют собой классический образец демиургическо-героической модели мироздания, к которой принадлежат и мифы «Кодзики».

Литература

1. *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. Т. 1. СПб., 1903.
2. *Хирата А.* Истинный священный столп духа // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
3. *Элиадэ М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
4. *Элоян М.Р.* История философии хозяйства: буддийская философия хозяйства // Философия хозяйства. 2010. № 2.
5. *Элиадэ М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
6. Кодзики. Записи о деяниях древности // <http://litfile.net/book/285482/242000-243000>.
7. *Satow E.M.* The revival of pure Shin-Tau // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. 3 (1875). Appendix 1-87.
8. *Семушкин А.В.* У истоков европейской рациональности. М., 1996.
9. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Когосюи // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2.
10. *Китагава Дж.М.* Религия в истории Японии. СПб., 2005
11. *Элоян М.Р.* История философии хозяйства: производительное земледелие Китая // Философия хозяйства. 2013. № 3.
12. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Ками и космогония // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002.
13. *Элиадэ М.* История веры и религиозных идей: В 3 т. Т. 1. М., 2009.
14. Нихон сёки — Анналы Японии // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2.

15. Комментарии Нихон сёки // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2.
16. Мотоори Норианага Тама Кусигэ — Драгоценная шкатулка для гребней // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2.
17. Когосюи // Синто-путь японских богов: В 2 т. Т. 2.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской православной церкви

Аннотация. Статья посвящена православной концепции институциональной трансформации и развития России в XXI в.

Ключевые слова: государство, ответственность, сотрудничество, РПЦ.

Abstract. The article is devoted to the orthodox concept of an institutional transformation and development of Russia in the XXI c.

Keywords: the state, responsibility, cooperation, ROC.

В августе 2000 г. состоялся Архиерейский собор, принявший «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Задачей церкви Собор провозгласил спасение человека, его души, в качестве ее прямой обязанности, а также восстановление мирного сосуществования всего людского сообщества как обязанности производной. Церковь призывает мирян активно включаться в общественную жизнь, следуя нормам христианской морали.

Церковь и государство

В силу того, что церковь функционирует в государстве, вступая в различные отношения с государственной властью и с хозяйствующими субъектами, она не ограничивается только проповедью, но использует эти отношения с целью укоренения нравственности и мира, в том числе через благотворение независимо от религиозной принадлежности того, к кому она обращается. Основную задачу церковь видит в противодействии национализму и межэтническим конфликтам.

Выступая в качестве активного элемента общественной жизни, церковь занимает подчиненную позицию государственной власти. Возвышение церковью роли государства в православном, равно как и в католическом учении связано с тем, что, по церковному Преданию, после грехопадения Первого человека — Адама — стало распростра-

няться насилие, которое необходимо было сдерживать, чтобы сохранилось человечество. Для подобного сдерживания понадобился аппарат подавления насилия, чья функция была возложена на государство, точнее, на закон в лице государственной власти, поскольку церковь по своему статусу не должна проявлять насилие. Здесь мы видим фактическое принятие православием католического принципа субсидиарности.

Однако церковь недвусмысленно заявляет, что, несмотря на требование подчинения властям, государственная власть не должна заменять Бога, не должна абсолютизироваться. Так, задачей церкви является спасение душ людей, а государства — гарантия их благополучия. Для этого государство использует силу, а церковь — проповедь и таинства. Взаимодействие церкви и государства на субсидиарной основе, с точки зрения Собора, идет на благо народу, если государство позволяет церкви посредством проповеди укреплять этическую составляющую человека, не ограничивая свободу совести граждан, а церковь публично поддерживает государство в реализации его целей, направленных на заботу о благополучии граждан. Именно такой симбиоз, точнее, симфония церкви и государственной власти сформировались в странах православной традиции, начиная с Византии и продолжаясь до современной России.

Но не всегда отношения государства и церкви развиваются гармонично. Бывает так, что государственная власть принуждает верующих изменить их «Credo», тогда церковь выражает готовность вступить в диалог с властью и, как крайний случай, призвать своих последователей к акции гражданского неповиновения, которое, однако, должно проходить ненасильственными способами без причинения вреда кому-либо.

Собор представляет перечень тех сфер, в которых на момент опубликования его документов государство и церковь могут вести плодотворное сотрудничество, в частности, миротворчество, поддержка физического, душевного и духовного здоровья индивида, семьи и детства, общества и государства, а также благотворительность, культура и искусство, экология и проч. Также Собор 2000 г., ссылаясь на другой Архиерейский собор, проведенный в Москве с 29 ноября по 2 декабря 1994 г., перечисляет те сферы, где сотрудничество государства и церкви невозможно. Речь идет, прежде всего, о политических акциях, военных и разведывательных действиях. Данный перечень не означает, что церковь должна самоустраняться из политической жизни. Напротив, ей следует при необходимости всегда выражать свое мнение посредством соборов и уполномоченных на то лиц, а позиция православных мирян с учетом христианской морали должна быть еще активнее.

Православные политики же должны аккуратно принимать решения, понимая степень своей ответственности.

Итак, в отличие от Католической Православная церковь в лице Московского Патриархата считала государственную власть не столько богоданной, сколько продуктом исторического развития, отводя себе более весомую роль в хозяйственной этике, претендуя де факто на место нового субъекта хозяйства (пп. 1 — 5).

Труд и собственность

Концепции труда и собственности в православном социальном учении только начинают разрабатываться. Это объясняет, можно сказать, конспективный характер их представления в документах Собора по сравнению с католическим учением. Отметим высокую степень схожести основных идей данных разделов, связанную с общностью исповедания религиозных ценностей, к которым относятся труд и собственность.

Собор указывает, что изначально в труде человек по своей природе проявлялся как сотворец, но со временем, после грехопадения, творческий элемент уменьшился и труд стал лишь источником средств существования. Развивая концепцию труда, Собор подчеркивает, что труд становится ценным тогда, когда он осуществляется не в эгоистических и аморальных целях, а в целях пропитания и подаяния. Если труд идет на благо человека, то церковь не разделяет его по видам и не дает предпочтения каким-либо из них. Но она осуждает труд, направленный против человека, против его души. Собор указывает на необходимость его временного прерывания с тем, чтобы человек не отступал от Бога, т. е. от нравственной практики. В отличие от католического учения еще не получила развития тема общения в и с семьей.

Важным моментом в учении Собора выступает безусловное требование церкви о праве работника на заработную плату. Те же, кто не могут трудиться по уважительной причине, должны поддерживаться обществом, которое, в свою очередь, должно следить за справедливым распределением продуктов труда. Стоит отметить, что Собор пока не указывает прямо на необходимость различия нагрузки по полу и возрасту, как это делает католическое и протестантское учение.

Говоря о собственности, Собор начинает с ее определения в духе теории прав собственности Рональда Коуза: «Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам. В число основных полномочий собственника обычно включают право владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности» (п. 7.1).

Церковь понимает необходимость наличия определенной собственности для обеспечения достойного существования человека, однако она подчеркивает, что, во-первых, не дело церкви определять права людей на собственность, во-вторых, не следует слишком сильно превозносить материальные блага и, в-третьих, наличие собственности не означает, что человек более угоден Богу, чем тот, у кого ее нет. В третьем пункте мы видим прямое противопоставление православного социального учения с протестантизмом в лице протестантских цвинглианства и кальвинизма.

Церковь признает наличие разнообразных форм собственности, не отдавая предпочтения какой-либо из них, и напоминает, что использование собственности может иметь как негативные, так и положительные последствия. Погоня за богатством может скорее навредить человеку, нежели сделать его счастливым. В такой трактовке собственности мы видим определенные отличия православного учения от католического. Ведь в глазах католических канонистов собственность дает человеку уверенность в будущем, открывает перед ним двери к благосостоянию и делает человека скорее счастливым, чем несчастным. Однако Католическая церковь рассматривает собственность как инструмент, а не как самоцель, осуждая ее превознесение вплоть до обоже-ния, что вновь сближает католичество и православие.

Тем не менее церковь, ссылаясь на Священное Писание и Предание, не осуждает богатство, если оно используется на благо собственника и его ближних. Собор выступает в защиту права собственности. Если право собственности нарушается, то пострадавшей стороне должна быть предоставлена соответствующая компенсация, иначе это оборачивается социальными осложнениями.

Поднимая вопрос налогообложения, церковь особо выделяет собственность религиозных организаций и настаивает на том, чтобы пожертвования не облагались налогом. Собор подчеркивает, что облагаться налогом должны предпринимательские доходы; обложение же пожертвований есть преступление против верующих.

Итак, хотя православное учение о собственности (пп. 6 — 7) не отличается детальностью католического, здесь есть одно важное новшество, а именно требование РПЦ о недопущении налогообложения пожертвований, чего нет у католиков.

Международные отношения

Тема международных отношений в православном социальном учении сводится к обоснованию и при необходимости восстановлению справедливости в отношениях субъектов хозяйства разных стран и

созданию условий, гарантирующих реализацию максимального блага и мирного удовлетворение их взаимных интересов.

В области международных отношений Православная церковь развивает канонический принцип солидарности, что проявляется в ее рекомендации народам создавать единый организм многонационального государства. Церковь предупреждает, что этот союз не должен быть направлен против третьей стороны, но она допускает разделение многонационального государства, если это идет на пользу какому-либо народу или не во вред большинству общества. Собор упоминает о необходимости любви к ближним и к отечеству, а также понимания нужд других народов и недопустимости использования безнравственных средств в служении своему народу.

Церковь, по сути, признает завышенность предлагаемых моральных норм и трудность их практической реализации, однако считает, что именно благодаря им удалось разработать высокие правовые нормы и ограничить агрессию. На основе Писания Православная церковь рассматривает мир глубоко трансцендентно — как плод правды в союзе с Богом. Однако для человека это не только дар Божий, но и задача, возложенная на него Творцом. Если эта задача не выполняется, то мир теряется.

Церковь заявляет, что делает все для поддержания мира во всем мире, обращаясь с призывами к обличенным властью направить все силы к восстановлению мира и остановке пропаганды насилия. Если все же справедливость и мир нарушаются, то для их восстановления развивается теория оборонительных войн на основе канонического средневекового учения о справедливых войнах как крайнего средства восстановления прав народа на мирное существование. В данном случае РПЦ позиционирует себя более активной в деле миротворчества по сравнению с Католической церковью. Не высказывая прямо приверженность принципу субсидиарности, Православная церковь ратует за создание таких политических и экономических союзов, участники которых ставят целью взаимную защиту интересов в политической и экономической сферах, а также в деле противодействия агрессии.

Рассматривая вопросы международных договоров, Православная церковь вслед за Католической усматривает в них опасность их превалирования над суверенитетом стран в экономической, политической и военной областях. Собор указывает на плюсы и минусы глобализации как следствия развития сотрудничества между странами в виде ускорения темпов экономического роста и вовлечения в него новых стран, но и в опасности доминирования сильных и богатых государств над слабыми и бедными.

Участие в международных организациях требует от правительства раскрытия гражданам всей информации о последствиях такого членства и принятия различных договоров, а также поддержки интересов своего народа. Международные организации, с точки зрения РПЦ, должны обеспечивать условия равенства, самоопределения всех стран-участниц, соблюдения интересов их граждан, но не агрессию внутри страны.

Развивая вопрос о глобализации, церковь весьма негативно высказывается о транснациональных корпорациях, остающихся неподконтрольными правительствам, особенно о финансовых спекуляциях, оказывающих негативное влияние на мировую экономику. Вследствие этого природа труда становится подчиненной природе капитала, что противоречит каноническому социальному учению как Православной, так и Католической церкви. РПЦ обеспокоена тем, что плодами глобализации пользуются в основном богатые страны часто за счет бедных. В связи с этим Собор настаивает на установлении контроля над крупными компаниями и над финансовой сферой, призывая государство, граждан и международные организации к сочетанию культурного и информационного обмена с поддержкой самобытности наций и сообществ. Решение вопроса контроля над экономической и финансовой сферой церковь видит в заботе о духовном совершенстве людей и их социальном равенстве. Собор выступает против разрушения национальных культур и коммерциализации творчества, отождествляя их с разрывом культурно-этнической общности.

Церковь уделяет большое внимание экологии и охране природы, подчеркивая недопустимые масштабы отходов, хищнического потребления и неправильной агротехники, что препятствует справедливому распределению ресурсов в мире и ведет к глобальной катастрофе. В этом вопросе Православная церковь также разделяет точку зрения Католической церкви, однако православие идет дальше. Оно призывает к защите экологии и строительству производственно-хозяйственных отношений с природой на основе геоцентризма, точнее, теоцентризма, когда природа воспринимается как целокупность человека и окружающего его мира в качестве Божьего дара, а ее уничтожение — как действие, направленное против источника бытия — Бога. Объясняя существование экологических проблем в современном мире, РПЦ связывает их с испорченным и противоречивым внутренним миром человека.

Итак, в международных отношениях наравне с Ватиканом Собор акцентирует важность контроля международной деятельности в духе субсидиарности и солидарной поддержки экономически слабых наций без лишения их прав самоопределения. О нуждах других народов РПЦ по сравнению с Ватиканом говорит без какой-либо конкретики, веро-

ятно, из-за тяжелого положения в самой России. Способы решения проблем предполагают выход в сферу трансцендентного. Отметим более серьезный подход РПЦ к анализу экологии природы и человеческого духа (пп. 8, 13, 16).

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**



В.Т. РЯЗАНОВ

**Хозяйственная система России: новые приоритеты
в условиях возросших системных и геополитических рисков**

Аннотация. В статье раскрываются внутренние и внешние ограничения функционирования сложившейся хозяйственной системы России. Они указывают на истощенность экспортно-сырьевой модели экономического роста. Дополнительным фактором ее усиления стали введение санкций в отношении России, а также появление тенденции падения цен на нефть. Этим обуславливается важность выдвижения новых приоритетов в развитии хозяйственной системы. Они нацелены на восстановление воспроизводственной целостности экономики страны, которая обеспечивается курсом на проведение новой индустриализации страны.

Ключевые слова: экспортно-сырьевая модель роста, факторы экономического роста, экономические санкции и их последствия, цена на нефть, экономический суверенитет, новая индустриализация, импортозамещение.

Abstract. In the article the internal and external limitations of the functioning of the prevailing economic system of Russia are revealed. They indicate the exhaustion of the export-raw model of economic growth. The complementary factor of its strengthening became the introduction of sanctions with respect to Russia, and also the appearance of a tendency of a drop in the prices of the oil. They render for the exhaustion of the export-raw model of economic increase, which is intensified the introduction of sanctions with respect to Russia and by the emergent tendency of a drop in the prices of the oil. They are aimed at the restoration of the reproductive integrity of the economy of the country, which is ensured by course on conducting of the new industrialization of the country.

Keywords: the export-raw model of increase, the factors of economic growth, economic sanctions and their consequence, price of the oil, economic sovereignty, new industrialization, import substitution.

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется усилением взаимовлияния негативных факторов, обусловленного сочетанием системных ограничений и резко возросших геополитических рисков. В наиболее зримой форме оно проявляется в набирающей силу тенденции экономического торможения развития страны. После достаточно глубокого падения в период мирового кризиса 2008—2009 гг. российская экономика, как и другие страны, всту-

пила в фазу восстановительного роста в 2010 г. При этом были продемонстрированы неплохие результаты: рост ВВП составил 4,3%, промышленности — 8,2, инвестиций — 6,0%. Однако в последующие годы возникла затухающая экономическая динамика. В результате в 2013 г. ВВП страны вырос всего на 1,3% в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, а рост в сфере промышленного производства практически прекратился (табл. 1). В 2014 г. ситуация в экономике России по-прежнему сохраняет стагнационные признаки, что не исключает опасности перерастания в фазу рецессии.

Оценивая социально-экономические процессы в РФ после мирового кризиса, прежде всего следует обратить внимание на то, что само зарождение и затем нарастание тенденции торможения роста происходило в 2011—2013 гг. и было связано с фактической исчерпанностью экспортно-сырьевой модели экономического роста. В 2014 г. усилению данной тенденции способствовало действие двух важных и взаимосвязанных внешних факторов — введение санкций в отношении РФ из-за событий на Украине (первый пакет в марте 2014 г.¹³) и начавшееся летом этого года падение цены на нефть на мировых рынках. Поэтому даже при возможной нормализации внешней среды для российской экономики проблема обеспечения ее устойчивого и динамичного роста сохраняется, что подтверждает необходимость серьезных изменений в сложившейся хозяйственной системе.

В этих целях полезно разобраться с факторами экономического роста в России — как они действовали в посткризисный период (2010—2013). Для этого периода, так же как и для предшествующей фазы восстановительного роста (1999—2008), основными факторами роста оставались внутренние факторы — конечное потребление, прежде всего домашних хозяйств, а также используемые инвестиции в производстве (табл. 2). Такая их роль находит подтверждение в изменении структуры использования ВВП. Так, доля потребления домашних хозяйств в 2000 г. в текущих ценах составляла 45% и в 2013 г. увеличилась до 51,5%. При расчете ВВП в постоянных ценах 2008 г. его доля увеличилась с 38% в 2002 г. до 55,6% в 2013 г.

Факторный анализ экономического роста России, представленный в табл. 2, подкрепляет сделанный вывод, позволяя сформулировать следующие выводы.

Во-первых, российская экономика с точки зрения действия первичных факторов не является экспортно-ориентированной в чистом виде. Хотя формально экспортная квота достигает 28%, а доля импорта в ВВП составляет 22%. Тем не менее непосредственно экспортно-

¹³ Экономические санкции введены в отношении российского энергетического, финансового и оборонного секторов.

ориентированной она выступает применительно к формированию доходной части бюджета и образованию сверхдоходов в сырьевых компаниях.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели РФ (2007—2014)
(прирост/падение в % к предыдущему году)

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
ВВП	8,1	5,6	-7,9	4,3	4,3	3,4	1,3	0,8
Промышленность	6,3	2,1	-10,8	8,2	4,7	2,6	0,3	1,5
Сельское хозяйство	3,3	10,8	1,2	-11,9	22,1	-4,8	6,2	7,7
Розничный товарооборот	15,2	13,5	5,5	6,3	7,2	6,3	3,9	2,3
Инвестиции	21,1	9,8	-17,0	6,0	6,2	6,6	-0,3	-2,6
Инфляция	9,0	14,1	11,0	6,9	8,4	5,1	6,8	7,2
Реальные доходы населения	10,4	1,9	1,9	4,1	0,8	4,6	3,3	0,7
Валовая добавленная стоимость:								
добыча полезных ископаемых	1,9	0,2	-1,2	3,6	1,9	1,6	0,9	1,0
обрабатывающая промышленность	9,3	3,2	-16,0	11,8	6,3	2,7	0,8	2,3
Экспорт	15,4	40,3	-30,1	31,9	31,8	3,1	-1,2	1,1
Импорт	36,7	34,8	-36,3	29,6	32,0	5,3	2,2	-5,8

* 2014 г. — 9 месяцев.

Источник: [1].

Вместе с тем благодаря увеличению доходов от экспорта углеводородов и сырья в значительной мере поддерживался рост как конечного потребления, так и инвестиций, что благоприятствовало экономическому развитию страны. Это означает, что за счет высоких цен на нефть и значительным экспортным доходам благодаря действию перераспределительного механизма обеспечивалось до 2/3 прироста конечного потребления в стране. Соответственно можно считать, что и экономический рост опосредованно примерно на 50% поддерживался экспортом.

Таблица 2

Основные факторы роста ВВП России (2010—2013)

Факторы роста	В текущих ценах		В постоянных ценах 2008 г.	
	трлн р.	%	трлн р.	%
Прирост ВВП	28,0	100,0	5,4	100,0
Прирост конечного потребления	18,5	66,1	5,5	101,8
В том числе:				
• домашних хозяйств	13,4	47,9	5,2	96,3
• государственного управления	5,0	17,9	0,4	7,4
Прирост валового накопления	7,7	27,5	3,0	55,5
Прирост накопления основного капитала	5,8	20,7	1,8	33,3
Прирост чистого экспорта	1,0	3,6	- 2,8	- 51,8
Прирост емкости внутреннего рынка за счет:	27,0	100,0	8,2	100,0
• внутреннего производства	19,9	73,7	3,7	45,1
• импорта	7,1	26,3	4,5	54,9

Рассчитано по: [2].

При этом особо подчеркнем, что обеспечение динамичного экономического роста в РФ на нынешнем этапе за счет использования экспортно-сырьевой модели экономики может быть достигнуто не просто при высоких экспортных ценах на энергоресурсы, а в случае если они будут непрерывно расти. Данное обстоятельство обязательно надо принимать во внимание. Ведь получаемые текущие доходы уже абсорбированы внутри экономики России и могут лишь поддерживать ее сложившийся уровень.

Во-вторых, современную российскую модель точнее определять как импортно-ориентированную. Так, если в приросте внутреннего рынка в 2010—2013 гг. доля импорта в текущих ценах достигала, казалось бы, незначительной величины в 26,3%, в постоянных же ценах она равнялась 54,9% (табл. 2). Это означает, что оказался задействованным мощный механизм тотального импортного давления. Когда прирост импорта в сопоставимых ценах превышает прирост экспорта, то это приводит к возникновению отрицательного значения чистого экспорта. Его отрицательное выражение свидетельствует об активизации процесса вытеснения отечественных товаропроизводителей со своего внутреннего рынка. Иначе говоря, с точки зрения факторов ро-

ста оно должно оцениваться как тормозящий фактор, препятствующий потенциальному росту ВВП страны.

Отрицательное значение эффектов сырьевого экспорта еще в большей степени усиливается, если растущий внутренний спрос будет удовлетворяться за счет роста импортных поставок готовой продукции как потребительского, так и инвестиционного применения. Тем самым оборотной стороной экспортно-сырьевой модели, сложившейся в нашей стране, стало подавление импортом отечественных производителей готовой продукции. Реально данный разворот фиксируется возникновением отрицательного значения чистого экспорта при расчете в постоянных ценах. Причем такая ситуация уже возникла в предкризисный период в 2007—2008 гг., а затем после произошедшего мирового кризиса она значительно ухудшилась.

Потери, которые понесла российская экономика и прежде всего ее обрабатывающий сектор от опережающего роста импорта, весьма внушительны. Так, восстановительный рост ВВП после кризиса 2008—2009 гг. мог быть на 2—2,5% выше в среднегодовом значении в сравнении с достигнутыми результатами, а промышленное производство увеличивалось бы со среднегодовыми темпами не менее чем на 6—6,5%.

Назревшая потребность в смене сложившейся хозяйственной системы, основанной на экспортно-сырьевой модели роста, приобрела дополнительную остроту и значимость в условиях введения санкций в отношении РФ. Тем более что не исключена опасность их дальнейшего расширения, также как вероятность продолжения тенденции снижения цен на энергоресурсы. Нарастающие геополитические риски становятся вполне реальной угрозой для дальнейшего развития нашей страны, усиливая действие ранее возникшего тренда к экономической стагнации.

Не секрет, что в истории России уже не раз появление внешних угроз выступало в качестве финального аккорда в проведении назревшего разворота в экономике. Чаще всего не столько формирующаяся внутренняя потребность, сколько внешние обстоятельства побуждали правящие круги страны к смене экономического курса. Исторически так получалось, что наша страна в условиях жесткого внешнего пресинга проявляла свою способность сосредоточиться и успешно решать поставленные задачи.

На данном этапе санкции уже оказали свое негативное влияние на доступ к относительно дешевому кредитованию российских компаний и банков и на привлечение инвестиций на международных финансовых рынках. И это серьезная проблема для крупного российского бизнеса. Дело в том, что в период 2010—2014 гг. наблюдалось значительное наращивание внешнего долга компаниями и коммерческими бан-

ками. За этот период общий внешний долг увеличился более чем в 1,5 раза и на 1 июля 2014 г. достиг объема в 731 млрд дол., из которого на банки пришлось 209 млрд дол. и на нефинансовые компании 449 млрд дол.

Причем достигнутый объем внешнего долга уже почти в 1,5 раза превышает его объем перед началом последнего мирового кризиса. Следует учитывать и то, что при формально низкой доли госдолга существует значительный объем долга банков и небанковских корпораций, в которых доля государства превышает 50%. С учетом данного обстоятельства фактический государственный долг достигает почти 50% от всего внешнего долга, а это свыше 350 млрд дол. Хорошо известна роль данного фактора в кризисном развороте российской экономики. Тем самым в отечественной экономике воспроизводится потенциально опасный фактор риска.

Потери, которая несет финансовая система России, связаны с фактическим разрушением отлаженного механизма перекредитования долга через его рефинансирование за рубежом. Лишившись возможности получать на западных финансовых рынках более дешевые кредиты, в нашу экономику вносится достаточно значимый фактор, тормозящий экономический рост и ухудшающий инвестиционную активность в стране. К тому же необходимость погашения внешних долгов, по которым наступили сроки платежей, вынуждает российских должников прибегать к закупкам иностранной валюты на внутреннем рынке, что создает дополнительный на нее спрос и усиливает давление на обменный курс рубля. Попутно отметим, что за период июль—сентябрь 2014 г. внешний долг РФ сократился на 53 млрд дол. и эта сумма в основном формировалась на валютном рынке страны, оказав соответствующее влияние на понижение обменного курса рубля.

Второй канал негативного влияния санкций обусловлен введенными ограничениями на поставки некоторых видов оборудования и новых технологий, что также скажется на производственной деятельности ряда важных отраслей народного хозяйства. Безусловно, наиболее остро санкционная политика коснется оборонно-промышленного комплекса страны, который выполняет главную роль в обеспечении и защите геополитических интересов России. Так, по оценкам, разрыв производственно-хозяйственных связей с украинскими предприятиями, участвующими в выполнении оборонного заказа РФ, потребует до 50 млрд р. дополнительных вложений в ближайшие три года для организации производства замещаемой военной продукции.

Еще одна уязвимая отрасль — это нефтедобыча. Поставки бурового оборудования, использование технологий добычи на морском шельфе и труднодоступных месторождениях, а также сервисное обслуживание

нефтедобычи — все это в значительном объеме обеспечивалось внешними поставщиками.

Даже введенные Россией контрсанкции не столь однозначны по последствиям для ее экономики. Ограниченные возможности отечественного аграрного сектора не позволяют оперативно заместить импортную продукцию из США, Канады, ЕС, Норвегии и Австралии, в отношении которых были введены санкции. Проведенный анализ сложившейся ситуации Счетной палатой РФ показывает, что проблемы возникнут с некоторыми видами мяса и молочной продукции. Хотя в 2013 г. уровень свободных производственных мощностей в мясоперерабатывающей отрасли составил около 34%, но при этом на импорт приходилось почти 59% от всего объема потребления говядины в стране, доля завезенной из-за рубежа свинины достигала 31%, мяса птицы — 13%. Самый заметный разрыв в молочной отрасли. В стране оставалось незагруженным 41% мощностей по выпуску цельномолочной продукции, а доля импорта в пересчете на молоко достигла 60%. Однако загрузить даже имеющиеся производственные мощности будет проблематично, так как не хватает отечественного сырья, которое в значительном объеме поступало по импорту из стран, в отношении которых введен запрет. Такого рода трудности окажут влияние на рост цен на продовольствие.

Не менее существенны негативные последствия для России от возникшего понижающего тренда на мировом рынке нефти. Пиковое значение цены нефти (Brent) в середине июня 2014 г. составляло 115 дол. за баррель и к концу октября этого года цена упала до 85 дол. за баррель, т. е. снизилась более чем на 25%. Курс рубля за данный период по отношению к американскому доллару упал с 34,5 до 42—43 р. за доллар, т. е. на 22—23%. Можно считать, что в анализируемом периоде рубль вел себя как типичная «нефтяная валюта».

Последствия падения цен на нефть в первую очередь скажутся на формировании доходной части бюджета. Ведь, согласно имеющимся расчетам, снижение цены на нефть на 1 дол. оборачивается недополучением бюджетом до 80 млрд р. нефтегазовых доходов. Достаточно указать, что российский бюджет в настоящее время формируется из расчета среднегодовой цены в 100 дол. за баррель нефти при прогнозном значении в 104 дол. В сложившейся геэкономической ситуации особенно надеяться на возвращение высокого уровня цен на энергоресурсы вряд ли оправданно, хотя в правительственном прогнозе на 2015 г. его среднегодовое значение определяется в 96 дол. за баррель нефти. Во всяком случае, надежда на благоприятный прогноз сомнительна и не подкрепляется действующей тенденцией. Вообще же в политике всегда надо принимать во внимание худшие сценарии развития событий.

Отметим также и то, что ослабление национальной валюты на 10% приводит к увеличению инфляции в нашей стране примерно на 1—1,5%. При этом потери от падения цен на нефть несут не только бюджет страны и потребители, при долгосрочном закреплении цены нефти на уровне ниже 80 дол. за баррель и при сохранении сложившегося хозяйственного устройства вполне вероятно вступление российской экономики в фазу рецессии.

Тем самым, возникшие геополитические риски и угрозы для российской экономики в еще большей степени подкрепляют острую потребность в смене модели экономического роста, что, в свою очередь, требует разворота в хозяйственном устройстве страны. Даже если предположить, что нынешняя санкционная практика стран Запада не станет долгосрочной, об ее уроках не следует забывать, трезво и реалистично оценивая возможности и перспективы развития России в современном глобально-устроенном мировом сообществе. Ведь стратегия, которая реализуется нынешним мировым гегемоном (США), такова, что главная ставка сделана на политику «управляемого хаоса». Она же последовательно и достаточно успешно осуществляется ее разработчиками на Арабском Востоке и запущена на Украине. Цель — создать зону напряженности и хаоса вблизи стран, которые обозначены в качестве экономических и политических конкурентов. Сама же стратегия «управляемого хаоса» рассматривается как наиболее приемлемый способ обеспечить реструктурирование мирового хозяйства под свои геополитические интересы с тем, чтобы сохранить существующую систему доминирования в мире. Поэтому ее следует рассматривать как фактор долгосрочного действия.

Новейшая история с санкциями полезна еще и тем, что помогает избавиться от чрезмерных иллюзий по поводу международного права и соблюдения установленных правил и обязательств. Вступление России в ВТО, как видим, не обеспечило нашей стране надежную защиту от внеэкономического давления. Это дает основание относиться к таким правилам и ограничениям без излишнего трепета. Экономика и даже взаимовыгодные интересы чаще всего приносятся в жертву геополитики, когда страны-лидеры видят опасность для созданного ими режима доминирования и властвования в мире. Не следует тешить себя надеждой, что при нормализации международной экономической ситуации для нас будет создан режим благоприятствования в торговле и технико-экономическом сотрудничестве. В любом случае законы конкурентной борьбы ограничат нашу возможность получать новые технологии и прямые инвестиции в лидирующих отраслях и наукоемком производстве.

Таким образом, вся совокупность внутренних и внешних факторов, в которых оказалась современная Россия, определяет принципиальную

важность разобраться со стратегическими приоритетами в трансформации экспортно-сырьевой модели роста экономики России, необходимость которой признается как обществом и бизнесом, так и правительством. Самый сложный вопрос в том, как ее обеспечить: остается ли по-прежнему преимущественный курс в диверсификации на подключение к международному разделению труда с встраиванием в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, а также с поиском локальных ниш в глобальных сетях; или главный акцент перемещается на проведение глубокой диверсификации экономики на основе новой индустриализации страны и восстановления полноценного народнохозяйственного комплекса.

Выбор между двумя альтернативными траекториями развития страны является непростым, но одновременно и ключевым. По сути дела, от его обоснованности зависит будущая судьба российской экономики. Каждый из двух представленных вариантов стратегии имеет свои достоинства и недостатки. Вместе с тем на данном историческом отрезке такой выбор в большей степени определяется уже не столько сопоставлением возможных выгод и потерь, сколько степенью вынужденности и наличием угроз, учитывая нынешний характер обострения геополитического противостояния и даже просто сохранение перспектив выживания нашей страны как независимого субъекта мировой политики. Именно с такой принципиальной позиции следует рассматривать потребность в проведении глубокой диверсификации экономики России на основе разработки и реализации масштабной программы новой индустриализации.

Необходимое перестроение сложившейся хозяйственной системы с формированием модели устойчивого и сбалансированного роста не произойдет, если не будет пересмотрена сама неolibеральная концепция дерегулирования и первенства финансовой сферы с восстановлением ведущей роли реального сектора экономики. Причем сама вынужденность смены приоритетов в социально-экономическом развитии не противоречит действию объективных закономерностей экономического развития. В период высокой турбулентности в мировой экономике обеспечение устойчивости и защищенности хозяйственной системы от внешних шоков приобретает решающее значение. Неслучайно на современном этапе международные экономические центры задачу восстановления «устойчивого динамизма» выдвигают в качестве приоритетной [3].

В этой связи вполне оправдано повышенное внимание к характеристике экономической системы с позиции теории «пространственной экономики» [4]. При таком подходе ее характеристиками выступают как достаточно широкий набор количественных показателей, так и не менее разнообразный по составу набор качественных параметров. В

первом случае речь идет о показателях, которые раскрывают особенности хозяйственной деятельности в границах конкретной национальной территории (природно-климатическое и институциональное своеобразие, масштаб производства и плотность хозяйственных связей, территориальное размещение производительных сил и обеспеченность необходимыми ресурсами и т. п.); во втором — данное экономическое пространство должно оцениваться с точки зрения ее воспроизводственной целостности и однородности, что и определяет устойчивость и жизнестойкость сложившейся национальной хозяйственной системы.

Важно подчеркнуть, что обеспечение национальной воспроизводственной целостности придает такой стране системное конкурентное преимущество, обеспечивая не только устойчивость экономики к внешним шокам, но и возможность реализовывать экономический суверенитет в наиболее полном масштабе. Ведь отсутствие воспроизводственной целостности по сути дела равнозначно утрате суверенности в экономическом развитии. Конечно, она может иметь вполне разумную и продуманную направленность, обусловленную экономическими и политическими выгодами от участия в интеграционных проектах, что допускает передачу части прав и полномочий в регулировании и управлении социально-экономическими процессами наднациональных интеграционных органам. Но не следует исключать худший вариант, когда те или иные страны могут попадать в ситуацию фактически полного экономического подчинения каким-либо государствам или интеграционным союзам, что объясняется как слабостью их экономического потенциала, так и чрезмерным погружением в глобальные хозяйственные сети.

Для современной России проблема восстановления разумной воспроизводственной целостности приобретает значительно более острый характер в условиях возникшего геополитического вызова. Во-первых, следует учитывать, что восстановительный процесс в экономике России с началом рыночной трансформации еще не завершен. Хотя по показателю ВВП экономика страны, согласно официальным данным, превзошла уровень 1990 г., но при этом общий объем промышленного производства все еще ниже дореформенного периода.

Во-вторых, в народном хозяйстве России произошла масштабная структурная деградация, которая имеет множество проявлений. Ее можно наблюдать, в частности, сопоставляя усиливающийся разрыв застойного состояния реального производства и ее научного обеспечения с опережающим ростом торгово-финансовой и деятельности.

В-третьих, мировой экономический кризис и трудности выхода из него подтверждают исчерпанность экспортно-ориентированной моде-

ли экономического роста, основанной на рентно-сырьевой специализации экономики России в международном разделении труда.

Все эти причины в своей совокупности определяют объективную потребность в проведении новой индустриализации России как стратегического приоритета (подробнее см.: [5]). С точки зрения факторов, обеспечивающих экономический рост, такой выбор предполагает необходимость переориентации с модели экономики внешнего спроса на сырье на экономическую модель, базирующуюся на активном включении внутренних факторов роста. В этих целях целесообразно не только расширять практику стимулирования развития высокотехнологического и наукоемкого производства с поиском более выгодного места в мировом хозяйстве, но и не исключать возможность использования импортозамещения, как это не было бы сложно в условиях вступления в ВТО. Сохранение же в России деиндустриальной инерции с рентно-сырьевой специализацией не только чревато дополнительными потерями и высокой уязвимостью от действия внешних шоков и угроз, но неизбежно ослабляет экономическую независимость страны, лишая ее внутренних рычагов развития и возможности проводить самостоятельную экономическую политику.

Политика импортозамещения в условиях введенных против РФ санкций становится вынужденной защитной реакцией. В такой критической ситуации она представляет собой вполне мотивированный и целенаправленный вариант ослабления от чрезмерной зависимости от импорта. Вместе с тем ее следует рассматривать и в более широком контексте — как начальное звено в реализации курса на новую индустриализацию с ориентацией на внутренний динамизм в социально-экономическом развитии страны. В этом случае она приобретет значительно более надежную опору. Отметим, что положительный опыт политики импортозамещения в нашей стране имеется. Благодаря такой политике в 1999—2001 гг. удалось вывести российскую экономику из тяжелого кризиса и обеспечить последующий экономический рост (подробнее см.: [6]).

Формируя и реализуя политику импортозамещения на практике, важно учитывать как позитивную направленность, так и присущие ей недостатки, суть которых сводится к опасности оказаться в ситуации закрытого и изолированного внутреннего рынка. Тем самым неизбежно возникновение в перспективе ограничений в развитии страны хотя бы из-за узости емкости внутреннего рынка и отрыва от мирового инновационного процесса, что в совокупности с другими негативными проявлениями закономерно ведет к застою и отставанию от мировых лидеров. Поэтому программа импортозамещения, еще раз подчеркнем, должна исполнить роль запускающего механизма в последовательном развертывании активной промышленной политики, избежав при этом

варианта перехода к закрытой модели экономики. Это означает, что она изначально должна иметь селективный характер и стимулировать инвестиционно-инновационную деятельность перспективных отраслей и предприятий с их нацеленностью не только на решение задачи по замещению импорта, но, в конечном счете, на повышение эффективности производства и выпуск конкурентоспособной продукции на внутреннем рынке с последующей ориентацией на мировые рынки.

Еще на одно обстоятельство следует обратить внимание. Дело в том, что условиях кризисов и застойных явлений импортозамещение является достаточно стандартной реакцией государств на возникающие экономические трудности. Можно сказать, что все государства ее реализуют в той или иной версии. К примеру, в США антикризисная политика опиралась на движение «Покупай американское», а затем продолжилась, став составным звеном курса на реиндустриализацию страны. Аналогичная программа «Поддержки отечественного производителя» активно применяется во Франции. И таких примеров можно привести немало.

В этой связи полезно учитывать накопленный международный опыт в использовании такого рода программ. Во-первых, успех политики импортозамещения зависит от создания целого комплекса защитных, поддерживающих и стимулирующих мер, которые создают благоприятную среду для активизации хозяйственной и инновационной деятельности национальных производителей. Обращаясь к опыту США, отметим, что ее реализация начиналась с выделения государством 800 млрд дол. на финансирование инфраструктурных проектов с условием использования американской стали и других необходимых промышленных товаров. Это только отдельный пример, подтверждающий необходимость системных мер по стимулированию внутреннего производства.

Важность такого системного подхода не требует особых доказательств. Поэтому и в нашем случае политика импортозамещения не должна сводиться к поиску новых импортеров готовой продукции, что пока в большей степени просматривается в предпринимаемых действиях и в риторике правительственных чиновников. Также не следует надеяться только на использование механизма резкого ослабления обменного курса национальной валюты, облегчая конкуренцию отечественных производителей с импортерами. Более существенную роль играет разработка целого комплекса стимулирующих и поддерживающих мер, именно на его создание следует ориентировать деятельность государства.

Во-вторых, в формировании благоприятной макросреды для политики импортозамещения важную роль играет соответствующая поддержка как со стороны бизнеса, так со стороны основной массы потре-

бителей. Что касается бизнеса, то уместно сослаться на пример США. Созданный комплекс стимулирующих мер в этой стране, а также признание бизнесом важности возвращения рабочих мест на американскую территорию нашли подтверждение в его адекватной реакции на поставленную задачу. Все в большей степени американские компании делают выбор в пользу размещения производства на своей территории. Так, по одному из проведенных опросов управленцев крупных компаний, доля бизнесов, уже перемещающих производство обратно в США, за год увеличилась с 13 до 16%. Всего же более половины (54%) респондентов рассматривают возможность переноса мощности в США, из них 8% готовы это сделать в ближайшие два года. В результате, согласно прогнозу, через пять лет на США придется в среднем 47% от общего производства их компаний. В Китае останется лишь 11% производственных мощностей, в Европе — 8, в Мексике 7% [7].

Не в меньшей степени требуется поддержка политики импортозамещения со стороны потребителей. Поэтому должна проводиться активная разъяснительная работа среди населения в обосновании целей и последствий ее реализации для судьбы страны и конечной пользы для его самого, имея в виду сохранение рабочих мест, наполняемость бюджета, обеспечение экономической безопасности и социальной защиты и т. д. Такая работа должна носить систематический характер, в частности, через развертывание программы «Поддержки отечественного производителя». Можно считать, что реальный патриотизм как раз выражается в том, насколько общество созрело в понимании важности успешного и динамичного развития своей экономики и готово при этом отказаться от каких-то привычных зарубежных брендов, особенно из области демонстрационного потребления.

Вновь обращаясь к опыту США, отметим такую принципиальную деталь. Программа «Покупай американское» не только специально поддерживается и финансируется государством, но активно и главное успешно внедряется в потребительском сообществе, формируя патриотическую потребительскую позицию относительно товаров, сделанных в США. Как показывают опросы, свыше 80% американцев заявили о том, что предпочитают товары, изготовленные в США, и готовы платить за них на 10—60% больше, чем импортные аналоги [8, 55].

Подводя итог проведенного анализа, сделаем такой общий вывод. Пока хозяйственная система России сохраняет основные характеристики кредитно-долговой и экспортно-сырьевой модели с неэффективно работающим каналом перевода сбережений в инвестиции в производственную сферу, простая корректировка макрополитики и манипулирование финансовыми рычагами не принесут должного результата. Преодоление экономической стагнации предполагает глубокое эконо-

мическое реформирование с последующим технологическим прорывом в сфере производства, поддержанным социальными и экологическими приоритетами.

Литература

1. Социально-экономическое положение России (2007—2014 гг.) // <http://www.gks.ru>.
2. Национальные счета России в 2002—2013 гг. // <http://www.gks.ru>.
3. *Рязанов В.Т.* Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник СПбГУ. Сер. Экономика. 2013. № 4.
4. *Кульков В.М.* Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции // Философия хозяйства. 2014. № 1.
5. *Рязанов В.Т.* Время для новой индустриализации: перспективы России // Экономист. 2013. № 8.
6. *Рязанов В.Т.* Импортозамещение и новая индустриализация России, или Как преодолеть стагнацию // Экономист. 2014. № 11.
7. Коммерсантъ. 2014. 23 окт.
8. *Толкачев С.* Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада? // Экономист. 2014. № 10.

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика и экология

Аннотация. Экономика (ekonomika) — однеженная, или стоимостная, экономика (economic). Она мало совместима с экологией. Отсюда потребность в иной экономике (economic), контролирующей экономику (ekonomika) и идущей навстречу экологии. Перспектива за постэкономикой (postekonomika).

Ключевые слова: экономика (economic), экономика (ekonomika), экология, постэкономика (postekonomika).

Abstract. Economy (ekonomika) is monetary or cost economics (economic). It is of little compatibility to ecology. Hence there is the need for another economics (economic), supervising economy (ekonomika) and meeting the needs of ecology. Post-economy (postekonomika) is a prospect.

Keywords: economy (ekonomika), economics (economic), ecology, post-economy (postekonomika).

Для меня экономика не домоводство, не производство с потреблением, не собственность на ресурсы, труд и орудия, в общем, не то, что обычно имеется в виду, хотя обычно ничего определенного и общепринятого в виду не имеется — тут каждому свое! Я различаю экономику и хозяйство, когда хозяйство (economy) есть жизнеотправление человека, а экономика (economics) — лишь часть этого жизнеотправления, или хозяйства, та самая часть, которая обязана своей специфической наличию и действию стоимости, выраженной деньгами, товарным обменом, ценами, капиталами, инвестициями, кредитами, денежными доходами, бюджетами, ценными бумагами, вообще всякими финансами.

Можно сказать, что экономика (economics) не что иное, как оденуженное хозяйство (economy), как оденуженная, т. е. обусловленная стоимостью, жизнь. Стоимость есть одновременно отношение, оценка и субстанция, находящая выражение в по-особому признаваемых обществом цифрах и числах, как раз тех самых, которые фигурируют в качестве денег и служат совершению оценок. Место расположения этих цифр и чисел — человеческое сознание, человеческие головы, человеческая память, а не предметы, какие-либо, включая и человека, которые они в экономическом процессе представляют. Никаких объективных, т. е. внесознательных, денег и цен, как и всего остального экономического, не существует. Любое объективное неэкономическое только учитывается субъективным началом в ходе экономических акций, хотя экономика имеет и свое собственное объективное начало — это как раз вращающиеся в экономическом процессе деньги и цены. Объективное здесь порождается субъективным, а не наоборот. Всё в экономике в сознании и из сознания — и только уже действующее экономическое выступает как объективное.

Задавшись вопросом, что есть экономическое в экономике, мы отвечаем: стоимость, что то же самое на поверхности — деньги и цены, как и всё от них производное.

Экономика — это особого рода счет, непрерывный и всеобъемлющий, причем счет в особого значения цифрах и числах. На этот счет влияют разные внешние (неэкономические) и внутренние (экономические) обстоятельства, на которые счет реагирует. Здесь важен счет на счет! Каждый экономический агент — счетчик, причем в той или иной степени самостоятельный. Из одного частного счета на другой получается общественный счет, его макродвижение. Каждый из агентов считает с учетом других счетов и движения общественного счета. Экономика — необъятное и необглядываемое счетно-решающее устройство, однако, имея многие вроде бы механические черты, все-таки не механическая. Это не часы, это социальный механизм, это мир взаимодействующих цифр, чисел, счетов, внутри которого немало относитель-

ных свобод, хотя и непременно ограниченных — как отдельными счетами, так и общим счетным процессом.

Отсюда любой экономический (денежно-ценовой, стоимостной) параметр никогда не является жестким, стабильным, непреклонным, наоборот он всегда подвижен, гибок, ловок. Он может быть в реальности любым, но не каким угодно. Да, реальность многое диктует, но не всё, а главное — последнее слово всегда за субъектом, его намерением, волей, силой. Здесь власть на власть! Каждый владеет своими цифрами и числами, что позволяет ему стремиться к любому результату, но, встречая на пути другую власть — что частную, что общественную, — не к какому угодно результату. Так формируется баланс — подвижный, гибкий, ловкий!

Экономика, или стоимостной процесс, всё основное экономическое решает сама. Отсюда и экономический либерализм. Всякая попытка решать за экономику обречена на провал, хотя вмешиваться в экономический процесс, конечно же, можно и нужно, но... лишь до некоторых пределов. Вмешиваться, не мешая! У экономики своя имманентная математика, которую никакой внешней математикой не заменить. Это метаматематика! Всякая внешняя математика, выходящая за пределы собственно экономической математики, — либо иллюстрация, либо аналитическое подспорье, либо шарлатанство. Иного тут не дано!

Тайна экономики в ее скрытой стоимостной математике, в счете, который всегда наличествует в экономике и осуществляется *сам*. Такой счет — основной продукт экономики, ее экономический продукт, ради чего экономика с ее стоимостным механизмом и существует.

Правда, она существует и ради проворачивания под себя и через себя части хозяйства, жизнеотправления, жизни, но такого проворачивания, чтобы существенная часть этой части присваивалась бы собственниками экономики, т. е. стоимости, цен, капиталов, инвестиций, кредитов, ценных бумаг, причем не только в стоимостном виде, что понятно, но и в натуральном — в виде реальных, а не стоимостных, ценностей. Экономика — не только необходимый посредник-организатор хозяйственного бытия человека, но и организатор-властитель, эксплуататор этого самого бытия. Владеющий экономикой, ее главными параметрами, владеет всем. Одно дело деньги вообще, совсем другое — деньги во владении и распоряжении субъекта, особенно ежели без денег в хозяйственном бытии ни туда, ни сюда, а только на натуру в лес, в горы, в пещеру или на погост.

Экономика — не общество вовсе, а общественная субстанция, в обществе как раз и реализуемая. *Субстанция!* Идеальная, эфирная, оцифренная. Она в сознании и через сознание, но сама по себе она вне сознания. Это, может, и субъект, но неодушевленный, хотя и не так субъект, как механизм, не имеющий сам по себе ни сознания, ни души,

ни сердца. Экономика — не сознательна, она бездушна и бессердечна, а потому и не моральна, не совестлива, не стыдлива. Она вообще не религиозна, не софийна, не божественна. Господь экономики человеку не вручал, экономика — изобретение человеческое, но... внечеловеческое изобретение, пустое и механическое.

Следуя экономике, человек следует только *экономическому расчету* — и никакому другому, — и ежели делает вдруг что-то полезное для человека, то делает это лишь по мотивам экономической — нейтральной к человеку — выгоды. Экономика делает и человека экономическим: *экономический человек* — человек экономики, экономического счета и расчета, экономической выгоды. Такой человек, как и вся экономика, не может быть экологическим, ибо экология мало где и когда соответствует экономике, а точнее, наоборот — экономика мало где и когда может соответствовать экологии. Экология — дело в основе своей не экономическое, экология фундаментально противоречит экономике, а экономика — экологии. Экология — феномен природный и отприродный, а экономика — явление неприродное, искусственное, мало того — антиприродное!

Экологию надо навязывать экономике, заставлять экономику служить экологии. Экология — дело прежде всего хозяйственное, жизнеотправительное, жизненное. Экологическая экономика — результат насильственного разрешения противоречия между природой и неприродой. Экологическая воля взнуздывает экономику, ее направляет. Нет преступления перед природой и человеком, на которое бы не пошла экономика как таковая: деньги, капитал, прибыль. И только внешнее давление способно заставить экономику считаться с экологией.

Отсюда и явление экономической экологии, или экономики экологии, когда экономический субъект заранее учитывает экологические параметры и предусматривает соответствующие им экономические меры: траты, траты и траты, либо прямые — с инвестициями, либо косвенные — на экологические разработки. Частный субъект не любит экологических трат, ибо они редко оборачиваются экономической выгодой, а потому общество вынуждено иметь общественные (государственные) расходы на экологию, возмещаемые за счет в основном налогов, в том числе и экологических.

Так или иначе, но противоречие между экономикой и экологией в той или иной степени, как и в том или ином месте, разрешается, а лучше бы сказать, ограничивается, ослабляется, но вряд ли насовсем устраняется.

Взятый в ренессансной Европе курс не научно-технический прогресс, на переделку природы, на максимальное производство и потребление благ, подкрепленный экономической (капиталистической) революцией, вызвавшей джин накопления богатств через стоимостной

накопительный механизм, принципиально не совместим с глобальной экологией, в которой уже остро нуждается земной шар, все человечество. Выход к экологическому равновесию возможен только через экономию — тех же ресурсов, а это уже совсем другая экономия — не экономическая, а хозяйственная, что просто так, минуя глобальную катастрофу, вряд ли наступит.

Дело за постэкономикой, а где и когда она?!

М.Л. ХАЗИН

О посткризисной экономике

Аннотация. Рассматриваются процессы, факторы посткризисной экономики, основные механизмы мирового экономического кризиса.

Ключевые слова: посткризисная экономика, мировой экономический кризис.

Abstract. The article is devoted to the processes, factors of post-crisis economy, the main mechanisms of the world economic crisis.

Keywords: post-crisis economy, world economic crisis.

Сегодня мы уже с большой долей уверенности можем говорить о масштабе предстоящего экономического кризиса и об основных механизмах, которые его определяют. Главная проблема сегодняшней экономики — невозможность расширения рынков сбыта в ситуации, когда вся планета представляет собой единую систему разделения труда.

Эта проблема усугубляется тем, что политика рейганомии, проводившаяся с 1981 г., привела к серьезным дисбалансам в мировой экономике и экономиках крупнейших стран, в частности, к превышению общего объема частного спроса над уровнем доходов домохозяйств. Как следствие, даже сохранение нынешнего уровня мирового ВВП невозможно, расходы и доходы домохозяйств должны прийти в равновесное состояние, что повлечет за собой существенное падение мирового потребления, которое и формирует значительную часть ВВП во всех странах мира.

Исследования структурных диспропорций, которыми мы занимались последние полтора десятилетия, показали, что совокупный спад мировой экономики составит порядка трети, но в так называемых развитых странах (в которых стимулирование частного спроса было особенно сильным) оно будет значительно выше — до 60%. Но возникает принципиальный и самый главный вопрос: а какой будет экономика после подобного спада?

Дать на него точный ответ достаточно сложно, поскольку кризисов такого масштаба экономика еще не знала. А если учесть, что и модель экономического роста после кризиса не очень понятна (нынешний кризис — падения эффективности капитала — принципиально отличается этим от традиционных циклических кризисов, после которых рост наступает практически автоматически), то говорить о том, как будет развиваться ситуация, крайне сложно, если вообще возможно. Однако есть некоторые аспекты, которые можно учитывать уже сейчас.

Если мы рассмотрим второй в истории кризис падения эффективности капитала, начавшийся во второй половине 1920-х гг., то увидим, что он привел к довольно серьезному падению ВВП и жизненного уровня населения, но вот структура экономики, во всяком случае в США и Западной Европе, изменилась по его итогам не очень сильно. Иными словами, относительные «веса» отдельных отраслей экономики остались прежними: промышленность как была около 70%, так и осталась, финансовый сектор как был 5%, так и остался, и т. д. Однако с тех пор ситуация стала сильно меняться.

Если мы посмотрим на структуру современной экономики, то увидим, что она радикально изменилась с 1930-х гг. Так, в США доля промышленности упала ниже 20%, а финансовый сектор, напротив, существенно вырос. Сегодня доля общей прибыли в экономике, которую перераспределяет в свою пользу финансовый сектор, составляет более 50%, в отличие от 5% до Второй мировой войны и 10% в конце 1940-х гг. Отметим при этом, что под финансовым сектором здесь понимаются не только чисто финансовые компании, но и финансовые подразделения компаний традиционной экономики — главное тут — механизм формирования доходов.

Такая ситуация во многом связана со спецификой Бреттон-Вудской финансовой модели, основанной на перераспределении прибыли, образующейся от эмиссии доллара. Если выразиться старой как мир формулировкой, то «кто девушку кормит, тот ее и танцует». Если прибыль в экономике образуется от эмиссии (мы сейчас не будем расшифровывать этот тезис, хотя к нему и могут быть вопросы), то и основными бенефициарами такой экономической модели будут те, кто эту эмиссию осуществляет или перераспределяет, т. е. финансовый сектор экономики, банки в первую очередь.

Но избыточная прибыль, концентрирующаяся в отдельных секторах экономики, неминуемо меняет и структуру потребления. У каждой отрасли есть своя, подчас достаточно специфическая, структура расходов, она формирует собственную систему оплаты труда, модели престижного и типового поведения. Как следствие, те отрасли, которые получают «дополнительную» (по сравнению с «естественной», т. е. безэмиссионной моделью экономики) долю создаваемой в экономике

добавленной стоимости, перераспределяют общую структуру экономики в свою сторону.

После кризиса 1970-х гг. ситуация еще более ухудшилась. Политика рейганомики, направленная на кредитное стимулирование частного спроса (с ее базовыми элементами, постоянным снижением стоимости кредита и рефинансированием частного долга), привела к тому, что структурные искажения в экономике США стали достигать 25—30%. В качестве примера можно привести дисбаланс между доходами и расходами домохозяйств. Если рассмотреть более или менее равновесную ситуацию, при которой доходы и расходы сбалансированы, то нынешние расходы по сравнению с такой моделью выше более чем на 3 трлн дол. в год. Это значит, что если прекратить стимулирование, то экономика США будет снижаться, причем, поскольку снижение расходов неминуемо влечет за собой и падение доходов, падение будет больше, чем на 3 трлн дол. Более или менее аккуратный подсчет показывает, что ВВП США упадет ниже нынешнего официального уровня на 55—60%.

Такой масштаб спада трудно себе представить (кризис 1990-х гг. в России и падение начала 1930-х гг., приведшее к Великой депрессии стоил нашим странам падения всего в 35%), однако дело в том, что спад этот будет абсолютно неравномерным. Финансовый сектор, существенно выросший за последние десятилетия, может упасть в разы (по самым предварительным прикидкам — раз в пять), а вот реальный сектор — на те же 35%, что и раньше. При такой ситуации общий спад вполне может составить и 60%.

Но вот что будет в такой ситуации с реальным сектором? Мы хорошо помним 1998 г., когда, в частности, резко изменилась структура потребления населения. Дело даже не только в том, что потребление стало меньше, дело в том, что по одним продуктам оно изменилось очень сильно (например, резко упало потребление услуг мобильной связи), а по некоторым значительно менее. Появился спрос на услуги, которые, вроде бы, начали сокращаться (например, ремонт одежды, бытовой техники), а некоторые товары из разряда «ширпотреба» перешли в премиум-сектор.

Предстоящий кризис будет серьезнее, и не в одной стране, а по всему миру. А это означает, что он неминуемо вызовет принципиальное изменение всей структуры производства, которое, по большому счету, всегда завязано на конечный спрос (т. е. спрос домохозяйств или государства). Да и государства принципиально изменят свой спрос, поскольку необходимость социальной поддержки населения в условиях сокращающихся бюджетов изменит возможности по поддержанию тех или иных проектов.

Очень интересен вопрос о том, как будут происходить эти процессы. Понятно, что будут падать и доходы производителей, и их издержки. Но у одних предприятий доходы будут падать быстрее расходов — и они будут банкротиться, у других — наоборот, и они могут начать получать сверхприбыль. И сегодня нет никаких оснований для того, чтобы определить, какие отрасли будут среди первых, а какие — среди вторых.

Не очень ясно также, как будет меняться ситуация не по конкретным предприятиям, а по отраслям. Грубо говоря, может получиться так, что целые отрасли станут принципиально убыточными, и их придется закрывать, компенсируя соответствующие позиции за счет альтернативных товаров или услуг. Не исключена и ситуация, при которой спрос появится — но уже после того, как большая часть производителей исчезнет. В России такая ситуация была, но ее компенсировали за счет импорта. Будет ли такая возможность во время глобального кризиса — вопрос.

В общем, как нам кажется, ключевой практический вопрос, который хозяйственники должны бы задать сегодня (а лучше — вчера) экономистам, состоит в следующем: каковы хотя бы предварительные раскладки по изменению межотраслевого баланса в экономике отдельных стран и мира в целом? К сожалению, эта работа даже не начата. Это представляется большой ошибкой экономистов, поскольку задача не просто очень важная, но *принципиально* важная. И в некотором смысле в рамках концепции философии хозяйства эту тему стоит максимально пропагандировать и развивать!

П.С. ЛЕМЕЩЕНКО

О рациональности экономической науки и понимании теоретических конструкций реальности

Выбирая себе направление исследования, экономисты поддаются стадному чувству, и тот, кто не прельстится общими темами, может многое выиграть.

Р. Шиллер

Аннотация. В статье автор затрагивает широкую проблему гносеологических возможностей современной экономической науки, обращаясь к категории рациональности. На конкретных примерах анализируются условия перехода рациональности к иррациональности, ко-

торая усиливает эффекты нестабильности современного мирового хозяйства.

Ключевые слова: экономическая наука, рациональность, иррациональность, кризис, нестабильность.

Abstract. In article the author mentions a wide problem of gnosiological possibilities of a modern economic science, addressing to a category of rationality. On specific examples conditions of transition of rationality to irrationality which strengthens effects of instability of the modern world economy are analyzed.

Keywords: an economic science, rationality, irrationality, crisis, instability.

Рациональность (лат. *ratio*) — разумность, т. е. характеристика знания с точки зрения соответствия наиболее общим принципам человеческого мышления, претендующего на адекватность принятых решений существующим условиям. Невзирая на многовековую историю эволюции человеческого рода по совокупности результатов этой эволюции трудно не заметить ее крайне противоречивых *итогов*, а также не задуматься, а действительно ли человек в отдельности, группами или сообща мыслит и поступает абсолютно рационально? Действительно ли человек, вооруженный сегодня компьютерными технологиями, имея имперские замыслы и амбиции, может предвидеть неблагоприятные для себя события и, сообразуясь с этим, принять соответствующие решения, минимизируя, например, хотя бы кризисные явления? Вопрос можно поставить и несколько шире: а почему все-таки в человеческом обществе, где правит разум, случаются не просто экономические кризисы, а постоянно ведутся острые политические баталии, переходящие, к сожалению, в войны? Какая рациональность закладывается в экономические войны или в войны реальные, объяснение которых может сопровождаться не одно столетие? Почему, в конце концов, ни один экономический кризис не был предсказан экономической наукой, что дало бы принимающим решения рациональную основу для верного оптимального поведения в обществе в целом или в фирме? Или кризис все-таки прогнозируют одни, формируют и провоцируют другие, а результаты со знаком «плюс» или «минус» пожирают третьи?

Для постсоветских исследователей характерен весьма прямолинейный и шаблонный поиск ответа на вопрос, как сделать национальные экономики более эффективными: в более развитых странах найти лучшие институты, организации и импортировать их в свои национальные системы как «образцовые». Но по истечении времени, а почти три десятка лет это уже вполне экспериментально доказуемый период, оказывается, что внедренные за короткий период времени формальные

институты и правила в экономиках «работают» далеко не так эффективно, как предполагалось. Оказалось, что культура и история страны имеют, по сути, первостепенное значение и для экономического благосостояния. Но мышление человеческое легче воспринимает и изучает то, что на поверхности, что легче усвоить сначала на визуально-явленческом уровне. Весь же спектр неформальных отношений и их влияние на экономические процессы более глубоки и поэтому более скрыты, но менее поддаются количественному измерению. Следовательно, и влияние последних в отличие от математическо-формализованных выводов и аргументов тоже менее убедительно. Так, уже сформирован аналитический аппарат на текущий период. Руководитель фирмы заинтересован производством (в лучшем случае) и извлечением денег, а для политика надо доказать, что, например, увеличение расходов из бюджета на 2% на культуру принесет не менее тех же процентов ВВП. Власть денег стала фанатично определяющей, где индивидуальная и коллективная мысль теряется в мутных и мощных денежных потоках, выходящих за пределы сознательного.

Но значимость неформальных правил обусловлена тем, что именно последние определяют систему страны, ее ген и основу. Исторический генотип, по сути, есть результат прошлого рационального начала. И сегодня уже одни и те же формальные институты в каждом обществе приводят к различным последствиям из-за тех же разных ментальных свойств и сложившихся отношений. После распада СССР появилось огромное количество исследований, посвященных быстрому внедрению (трансплантации) формальных институтов: это требовали реформаторы с их, надо отметить, неискренними мотивами изменить страны к лучшему. Главное — ликвидировать старое советско-социалистическое наследие. Поэтому главное внимание исследователи уделяли не тому, каким образом и как, например, политическое устройство, судебная система, законодательная и избирательная система и прочие формальные институты определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, а где и какие институты более результативны. Тональность и методологическую заданность при этом задавали разного рода фонды, комитеты, комиссии более развитых западных стран. К неформальным отношениям и институциям начали более внимательно относиться в реформирующихся странах сравнительно недавно, когда потребовалось более глубокое осмысление по стандарту проводимых реформ и итогов приватизации, либерализации и других мер государственного дирижизма, отвлеченного от социально-культурного исторического контекста каждой страны.

Но при сопоставлении ценностей систем — «западной», американской и «восточной», российской — хозяйственной культуры оказыва-

ется, что они не только не совпадают, но и противоречат друг другу. Безусловно, это создает не только условия для конфликтов в социально-экономических отношениях между различными слоями и классами общества, но и к размытости в массовом и индивидуальном сознании ориентиров и ценностей, которые крайне нужны для формирования общности страны как единого целого, а также для определения критериев мотивации и стимулов трудовой активности. По сути, сегодня исчерпал себя вульгарный тезис о том, что «сам хозяин» лучше знает, как стимулировать и влиять на работника для повышения активности последнего и для его творческой активности. Ведь как раз-таки различные формы и системы заработной платы, системы поощрения и стимулов были созданы в период поиска оптимальных партнерских отношений между капиталом и трудом как ведущих экономических феноменов. А частная собственность была здесь всего лишь как институциональная предпосылка, условие.

Термин «ментальность» впервые ввел в научный оборот французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе «Первобытное мышление». На его работы оказало сильное влияние труды Дюркгейма о «коллективном представлении». Применял он его с уничижительным оттенком, и воспринимая как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов», противостоящих «высоколобым творцам». Центральной особенностью менталитета считалась его нечувствительность к социальным и логическим противоречиям, зафиксированным в преданиях, мифах и сказаниях. Говоря языком Фрейда, менталитету присуща амбивалентность. Как научная категория «ментальность» была впервые разработана исторической школой «Анналы экономической и социальной истории». Именно эта школа увидела в менталитете систему образов и представлений различных социальных групп, в которых все элементы тесно связаны друг с другом и «помогают друг другу» в регулировании поведения людей. Причем на разных этапах своего развития содержание этой категории менялось. Школа «Анналы» прошла в своем становлении и развитии несколько этапов. Если систематизировать взгляды авторов школы «Анналы», то первоначальники категории «ментальность» (от позднелат. *mentalis*, где лат. *mentis*—ум, *alis*—другие; от франц. *mentalite*, — образ мышления) понимают под ней систему образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, тем самым определяя мысли, поведение и поступки людей. Это значит, что у каждого общества есть общий психологический стержень, который позволяет всем его членам воспринимать окружающие вещи и явления более или менее одинаково, т. е. ментальность — не просто набор характеристик, а целостная система взаимосвязанных качеств, закладывающая в основу поведения людей общее основание. Также следует

отметить, что, несмотря на разнообразие исследований на эту тему в рамках этой школы, в основном исследования имеют психобиологическую окраску.

Подводя итог развитию категории «менталитет», можно сделать вывод, что хотя сейчас в западной мысли проводятся попытки синтезировать и интегрировать различные научные подходы и объединить общенаучные позиции (К. Бюлер, В. фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коула), все равно единого общенаучного определения менталитета, его функций, особенностей пока не существует. Одни считают, что менталитет — «психологическая оснастка» единой социальной общности («Анналы»), другие — коллективное бессознательное (К. Юнг, В. Кантор), третьи видят в менталитете не связь с бессознательным, а, наоборот, связь с сознанием человека (П. Динцельбахер). Итак, в западной науке менталитет — нечто общее, то, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, логического и интуитивного, рационального и эмоционального. Менталитет является глубинным, трудно фиксируемым источником мышления и эмоций. Это понятие тесно соприкасается с феноменом национального разнообразия и различиями в траектории развития разных стран и народов. Именно менталитет и определяет зависимость, или эффект, «исторической обусловленности» в развитии той или иной страны. Как использовать этот или другие эффекты — это уже выбор экономической политики, имеющей, видимо, уже свою теоретическую платформу, зависящую от понимания происходящих процессов, а еще больше — от проведения и реализации довлеющего интереса.

Как стало известно, королева Великобритании после кризиса 2008 г., собрав титулованных экономистов в известной Лондонской школе экономики, спросила у них: а почему экономисты «проворонили кризис»? По словам профессора Л. Гарикано (Luis Garicano), которому королева адресовала свой вопрос, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако с социальной точки зрения во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи». В этой фразе можно увидеть, где и какая конкуренция подвела к широко обсуждаемому кризису современности, который, кстати, еще и не завершился. Естественно, сегодня те же экономисты, как правило, из стран самых влиятельных игроков в мировом сообществе, никогда не определяют правильно и искренне природу и причину не только экономического кризиса, но и других существующих проблем. Дело в том, что выход из мирового общего кризиса не имеет одного пути или инструментов, мер для всех стран с одинаковой степенью выгоды. К сожалению, сложившаяся даже не конкурентная, а нестабильная современная мировая политико-экономическая среда породила ситуацию, когда одна группа стран или же некая одна

страна, предлагающая некие меры по изменению ситуации, «выживает» за счет других. Рациональность одних стран не совпадает с рациональностью других, в результате чего достигаются разные результаты хозяйствования. Иначе говоря, институционально созданная и юридически подкрепленная неопределенность и нестабильность ситуации являются именно теми условиями, которые позволяют через вновь созданные действенные инструменты перераспределять добавленную стоимость и богатство. На текущий период 2/3 населения мира владеют лишь 3% мирового богатства или 86% этого же богатства находится в собственности 10% населения. Не думаем, что это население, владеющее такими ресурсами, аккумулирует доли интеллекта и разума, соответствующие параметрам присваиваемого богатства. Риторика об активности, предприимчивости и пр., порождающей неравномерное распределение, не может считаться сколь-нибудь серьезной. И если период истории первоначального накопления капитала нами может вычитываться из каких-либо литературных источников, то мы являемся очевидцами очередного передела собственности и можем отделить зерна от плевел при определении доли какой-то рациональности, активности, предприимчивости и результатов передела этой собственности. Когда мы критикуем с разной долей эмоциональности рациональность политического мышления, то мы просто-напросто упускаем из вида тот очевидный факт, что это мышление, речь идет о действующем политико-экономическом мышлении почти во всех постсоциалистических странах, не что иное, как производная от зафиксированного собственника, если хотите — от капитала. Иррациональность массового поведения населения, позволившая своей безучастностью без революций «взять собственность» в свои руки, также очевидна, она строится на иррациональной формуле, но воспринимаемой на уровне эмоций: частная собственность всегда наиболее эффективна. Не вступая в дискуссию по этой теме, заметим, что Р. Коуз со своей теоремой, которую вроде бы никто не отрицает, значительно поколебал высказанный выше тезис. И в условиях частной собственности права собственности не являются четко специфицированными, а сама организация рынка требует значительных затрат и охраны. Правда, кто за него платит и согласен платить — это уже вопрос другой.

Научный метод имеет первостепенное значение перед фактами рациональности и даже перед отдельными открытиями. Именно он задает направление и способ исследования, поиск фактов, отражаемых в определенных категориях, определяет результаты и, в конечном счете, право экономики считаться наукой. Однако необходимо подчеркнуть, что в выборе метода или частных методик экономических исследований, во-первых, должно быть обращение к экономике как устройству, имеющему конституирующие начала. Во-вторых, необходимо закла-

дывать в ней эволюционные установки и способность к самоорганизации и порядку. А в-третьих, теоретическая экономика в своем фундаментальном понимании обеспечит эвристическую функцию лишь при условии заложенной *a priori* гуманистической позиции. Такое утверждение позволительно по той причине, что экономическая наука — прежде всего, наука о человеке, его будущем. Таковой она возникла в своем классическом варианте. Обращение же к ее основам необходимо, чтобы зафиксировать сложившиеся нарушения в логике и, естественно, в выводах экономической науки. История логики экономических исследований показывает, что первая целостная картина экономической реальности принадлежит классической политической экономии. Мир богатства выступил предметным миром науки, а объективные законы-тенденции стали эвристической целью и главной функцией экономической науки того периода. «Стержнем» общей экономической картины мира было движение или кругооборот общественного продукта с его составляющими элементами. Классиками выясняются причинно-следственные и функциональные взаимосвязи между главными источниками богатства, его формами и законами распределения доходов. В движении богатства классики искали универсальные закономерности и законы экономии, стремясь объяснить и предвидеть тенденции экономического развития. Это первый уровень рациональности науки экономики. Мышление вынуждено признать ограничения в тех объективных экономических законах, в которых проявляются индивидуальные и коллективные действия субъектов хозяйствования.

Используемая парадигма марксизма позволяет считать это учение, т. е. марксизм, продолжением эволюции классической школы. Конкретный мир на теоретическом уровне воспроизводится Марксом как совокупность противоречиво развивающихся производственных отношений между трудом и капиталом, внутри различных видов капитала, между исторически сложившимися институтами (частная собственность, государство, религия, мораль, семья и пр.) и новыми институциональными изменениями (демократическая мораль, буржуазное право, новая роль банков, капиталистическая и акционерная собственность, производственная кооперация на уровне капиталов, монополистические объединения). В исследовательской программе Маркса диалектическая позиция воплощалась непосредственно через метод восхождения от абстрактного к конкретному, дополняемая принципом единства логического и исторического. И в этом новизна методологии марксистской политэкономии. Как бы приняв вызов исторической школы, Маркс делает дедуктивные заключения об эволюции общества в целом и экономике в частности как естественно-историческом процессе, в котором товар как элементарная форма общественного богатства фиксирует в себе начала истории и логики.

Историческая школа не восприняла парадигму классической политической экономии, что создало научный конфликт. Но формирование исторической школы в противовес классической было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики, поскольку впервые в истории науки отчетливо и критически осознанно была сформулирована сама проблема метода экономического исследования. Представители исторических традиций в экономике своими работами дали возможность зафиксировать национальное самосознание европейских стран, для которых понимание экономики возможно лишь в контексте освоения культуры в широком смысле слова. Это второй уровень рациональности, обеспечившей через призму использования специфики культур и психологии лучшее и эффективное использование имеющихся ресурсов.

Следующий значимый парадигмальный сдвиг в теории экономики был связан с австрийской школой и в целом с маржиналистами. Объективная картина экономического мира сменилась субъективным восприятием экономического агента. Здесь предельно чувственное каждого из них все-таки выводилось из некоего абстрактного субъекта, который наделялся теми или иными чертами. Реальная же картина экономического мира уже интерпретируется как образ этого субъекта. Маржиналисты своими теориями обратили внимание на то, что *экономическая реальность сама рождается в процессе активной деятельности субъекта*. По сути, это расширило внутренний потенциал энергии самого человека. Итак, эволюция экономической науки выкристаллизовала четыре главные картины сложного и динамичного реального хозяйственного мира. Это, во-первых, мир богатства и модель развития классической политической экономии и политэкономии Маркса. Во-вторых, хозяйственная картина всей культуры национальной экономики, к чему в своих исследованиях обращаются представители историко-институционального направления. В-третьих, мир хозяйствующего субъекта маржиналистов. В-четвертых, активный деятельный мир Кейнса. В каждом из этих подходов осуществляется в свою очередь и интерпретация рациональности, к которой обращаются экономисты. Рациональность в теории уже не индивидуальная или групповая, а общественно-необходимая, регулирующая совокупность разных интересов и социальных групп, чем обеспечивала целостность и динамичность системы сингулярного хозяйства.

Анализ методологии экономической науки в конце XX и начале XXI в. не позволяет за последнее столетие в развитии экономической мысли обнаружить какие-либо новые парадигмы теории. Для эволюции практически всех сложившихся направлений и школ экономической науки характерно использование плюралистических парадигм. Можно вести речь не о парадигмах, а об исследовательских програм-

мах. Вероятнее всего, плюрализм экономической теории XXI в. вполне соответствует усложнившейся реальности мировой экономики, в развитии которой преобладают интеграционно-хаотические процессы не только на уровне политико-экономических, но и на уровне хозяйственно-психологических связей. Он не только включает в себя параметры, вытекающие из традиционной экономики, но и впитывает глубинные аналогии между забыванием прошлой истории и актуализацией будущего, психологическим временем и наследственным процессом психологического забывания, наследственной и социальной обусловленностью поведения людей, психологической оценкой денежных явлений с постепенным затуханием во времени и эффектом запаздывания регулятивных политико-экономических мероприятий.

Интегрированный анализ истории, философии, права, собственно экономики, природно-региональных особенностей обнаруживает этическое начало английской политэкономии, конституционно-правовую основу американской теории, историко-культурные корни западноевропейской науки и патриархально-самодержавные элементы экономической науки Российско-Белорусско-Украинского региона. Эти особенности теории четко проявляются в реальных политико-экономических моделях со всеми очевидными и неизвестными последствиями.

Итак, *факт* влияния научно-мыслительного процесса, его результатов на наше бытие, хозяйственное и экономическое поведение, вряд ли кто будет отрицать. Это, по сути, те «случайные величины», на которые мало обращают внимание, но от которых, если обратиться к Фришу и Слуцкому, при определенных условиях формируется кумулятивный эффект развития, даже если не будет никакого ресурсного обеспечения. Есть прямая связь, которую никто не будет отрицать, между уровнем развития экономической науки, ее соответствующих элементов и форм, и уровнем национального благосостояния. «Истинная редкость в мире — это не ресурсы и даже не добродетели, а понимание происходящего... — как пишет П. Кругман. — Единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей [1, 296].

Экономическая наука — больше чем наука. Это и аналитика, и теория, и религия, и искусство, и политика, и мировоззрение, и деятельность, и, безусловно, *мудрость*, и ориентир справедливости. «Справедливость... представляет главную основу общественного устройства. Если она нарушается, — подчеркивает А. Смит, — то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах» [2, 101]. Собственно, не впадая в большой пессимизм,

можно сказать, что современная хозяйственная практика вряд ли отвечает, а точнее — вообще не отвечает, *тем предпосылкам о рациональности*, которые ранее закладывали теоретики мейнстрима в свои исследования и, естественно, рекомендации. И если экономические кризисы могут с более или менее точной вероятностью указать на уровень эффективности эволюционирующей некой политико-экономической модели, отрицая не перспективные, то в экономической науке к факту сложившегося в ней неблагоприятного положения с точки зрения адекватности отражения ею той же хозяйственной реальности надо подойти через активное обсуждение и оценку всего теоретического арсенала и оценку влияния института экономической науки через политический процесс на хозяйственное бытие. Как показывает история науки, это процесс весьма сложный, противоречивый и не всегда оперативный.

Если классическая политэкономия под влиянием научно-естественного сциентизма той эпохи *априори* заложили полную, хотя и не прописанную заранее рациональность мышления, предполагая при этом по преимуществу все же оптимальный конструктивизм державного (!), даже не государственного, а именно национального интереса, то неоклассики осознанно заложили в свою исследовательскую парадигму такие предпосылки, как полнота информации индивида о рынке, узкий корыстный интерес, его универсальные счетно-аналитические способности. И если рациональность классической политэкономии базировались на необходимости познания и признания объективных экономических законов, то неоклассика закладывает в исследовательский процесс субъективистский индивидуализм, распространив мотивы и признаки его поведения на коллективы, на все общество. Доминирующая познавательно-эвристическая функция науки сменяется узко прагматическим значением исследовательского процесса. Но все-таки целое не есть механическая сумма частного, а мышление и поведение даже большой группы индивидов, руководствующихся своими узкоутилитарными стратегиями, еще вовсе не обеспечат общего благосостояния и целостности. Ссылка на западные страны может быть принята во внимание, но лишь как дополнительная информация к более глубокому анализу, поскольку содержание работы Эрнандо де Сотто «Загадка капитала, или Почему капитал торжествует на Западе и терпит поражение в остальном мире» обостряет данную проблему.

Впервые на несоответствие предпосылки об уровне рациональности и хозяйственных процессов обратил внимание Г. Саймон, сформулировав гипотезу о «*неполной рациональности*», зависимой от когнитивных способностей индивида, процедуры исследования и других условий. Что значит несоответствие? Это значит, что в рамках определенных традиций теория «развивалась» (?) на собственных, неверно

сформулированных предпосылках о «разумности человеческого поведения», а практика функционировала, конечно, не сама по себе (!), но не в соответствии с выработанными принципами и прогнозами. Особенно это касается предпосылки о равновесии рыночной экономики, после каждой новой представленной модели «неожиданно» случался очередной экономический кризис. Например, кризис 1929—1933 гг. абсолютно не подтвердил прогнозы известных Дж. Кейнса, И. Фишера, Р. Хоутри и У. Митчелла. Иначе говоря, это был кризис всей неоклассической теории и особенно ее монетарной ветви. На тот период профессор И. Фишер был одним из самых популярных и авторитетных экономистов. Еще 17 октября 1929 г. он утверждал: «Цены акций достигли того, что можно назвать постоянно высоким плато» [3, 210]. Но уже 24 октября 1929 г. пришло первое катастрофическое известие с бирж об обвале цен на акции. И. Фишер потерял не только свой научный авторитет, но и все свои сбережения.

Серьезную брешь в теорию экономической рациональности внесли Д. Канеман и А. Тверски — нобелевские лауреаты по экономике 2002 г. На эмпирическом уровне ими было доказано, что решения индивидами принимаются далеко не в соответствии с теми условиями, которые бы оптимально соответствовали сложившимся конкретным институциональным рамкам. Канеман с коллегами экспериментально доказали не просто нелогичность поведения людей, но и показал, что *человеческими поступками (следовательно, экономическими тенденциями, а следовательно — и всей Историей человечества) руководит не только и не столько разум людей, сколько их глупость*. Более мягко данная формулировка может звучать иначе: индивиды, хозяйствующие субъекты и пр. обладают весьма разными когнитивными способностями и способностями действовать в соответствии с принятыми решениями. Но это не просто нелогичные поступки сами по себе. Они есть следствие сложившейся политико- и социально-экономической системы, в строительство которой экономисты внесли и сейчас активно вносят свой довольно немалый вклад. Экономист-теоретик, прежде всего, формирует фокус мышления политиков, населения и пр., в котором парадигмальные атрибуты имеют доминирующее значение. Например, действительно ли у всех сегодня свободный и одинаковый выбор? Действительно ли мозг любого человека работает как вычислительная машина? Действительно ли человек руководствуется чисто эгоистическим мотивом по максимизации индивидуальной полезности даже в ущерб полезности нравственной?

Иррациональность людей такова, что они охотней верят в то, что знают ответы на любые непознаваемые вопросы и отказываются признавать очевидность того, что на деле не видят дальше собственного носа (как правило, аргумент тут бывает один: «это моя вера!»). Здесь

данная формула является единственным и решительным аргументом. *Р. Шиллер, получивший в 2013 г. очередную Нобелевскую премию, это сформулировал так: людям вообще свойственно ошибаться и наслаждаться при этом сообща, нежели мучиться с истиной в одиночку.*

Что же получили в итоге, если оценивать современную практику и почему доминирует иррациональное, усиливая эффекты общей дестабилизации. Во-первых, человек, хозяйствуя, породил экономику, из которой выделились деньги, банки, финансы и многие производные. Последних сегодня больше реального мирового богатства (350 трлн дол.) приблизительно в пять раз — 1500 трлн дол. И этот фиктивный сектор стал преобладающим в формировании тех условий поведения, которыми руководствуются люди. В иррациональном мире можно выиграть — не заработать, только действуя иррационально. «Игра» на бирже рассчитана на обычную случайность, но слухи о выигрышах привлекают большое внимание к этому, по сути, неэкономическому процессу. Об этом пишет постоянно Дж. Сорос. А вот как сказал уже цитируемый лауреат Р. Шиллер в работе «Иррациональное изобилие»: одно из величайших заблуждений в истории экономической мысли состоит в том, что любое изменение на фондовом рынке имеет разумное объяснение.

Во-вторых, законы права подавили и узурпировали законы экономические, законы хозяйства. Сегодня экономические законы потеряли «объективный характер» в трактовке современных экономистов и приобрели статус именной: закон Бивериджа, Питу, Тобина и т. д. Поэтому сфера права и политики получили хорошую основу собственной интерпретации социально-экономических явлений. А в результате, как пишет Нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [4, 55]. Итог: законы права не нарушены, хотя экономические законы «возмутились» бы, что и проявляется в периоды кризисов. За последние же никто не отвечает — ведь кризис же...

В-третьих, мы уже писали о сложившемся распределении богатства на текущий период 2013 г.: 86% богатства мира находится в собственности 10% населения мира, а 2/3 населения мира имеют в собственности всего лишь 3% богатства. Добавим: в России 1% богатых владеют 71% личного богатства. Самыми богатыми (?) странами (2012 г.) «признаются Катар (88 222 дол. на душу населения) Люксембург (81486 дол.), Сингапур (56694 дол.), Норвегия (51959 дол.), десятку замыкают Нидерланды (40973 дол.). А еще недавно была Исландия с ее 140 000

дол. на душу населения. *Парадокс* — эти страны имеют доходы, занимаясь лишь трансакционными операциями и извлекая институциональную ренту в процессе обмена. Но ведь богатство создается в сфере производства, а чтобы получить доход, надо еще пройти стадию обмена.

В-четвертых, этот пункт можно назвать парадоксом Роберта Солоу (он же — компьютерный парадокс, сформулирован еще в 1987 г.). Автор пишет, что мы видим компьютеры повсюду, но только не в официальных цифрах роста производительности, к чему стремились, когда начинали компьютеризацию. Статистика показала, что инвестиции в компьютеризацию производства, с одной стороны, не приводили к увеличению прибыли или улучшению производительности труда; с другой стороны, как ни странно, приводили к еще большим инвестициям в компьютеризацию производства. Мы до сих пор возлагаем на развитие и внедрение компьютерных технологий в реальную хозяйственную жизнь слишком большие надежды, считая, что они могут повлиять на качество и количество социально-экономических изменений.

Есть эта проблема рационально-иррационального и в белорусской экономике. Действительно, Белоруссия — одна из немногих бывших республик, которая сохранила свое отечественное производство. Но парадокс в том, что чем больше мы экспортируем, предполагая что мы поступаем рационально, тем больший отрицательный торговый баланс имеем — 1 дол. экспорта требует примерно около 90 ц импорта. Критика звучит справа и слева: но как преодолеть эффект исторической колеи?

Пожалуй, больше иррационального, чем рационального и в принятом на вооружение показателя ВВП. Собственно, это оценочно-полезностный показатель, где стоимости места нет. Точнее — почти нет. Но проблема здесь в том, что чем ВВП больше, тем как бы (?) лучше. Но где предел роста? Как писал К. Боулдинг (США), что тот, кто верит в непрерывный экономический рост, — тот либо безумец, либо лжец... Мы еще не замечаем и того, что ВВП будет больше, чем, например, будет больше аварий на дорогах, поскольку будут затраты на восстановление дорог и автомобилей. Но как следует из последнего анализа кризиса, в каждом проценте роста богатые существенно выигрывают, а средний класс проигрывает. Необходимый, но не подтвержденный деньгами продукт, также не включается в величину ВВП.

Иррациональность уже достигла и самой науки, которая по странной случайности приобрела статус «экономической теории». Есть физика (не физическая теория), химия (не химическая теория), биология и пр. Однако научный статус экономике, пожалуй, приставка «теория» никак не добавляет. Как строится современная мировая экономическая

теория? «К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, — пишет П. Кругман, — поскольку слишком многие люди, облеченные властью, ...многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологически удобными предубеждениями [5, 9—10]. Так известный лауреат оценивает ситуацию интеллектуального экономического потенциала, сложившегося на текущий период.

Наконец, последнее. Глобальную экономику мы уже не отрицаем, хотя странного и мифического в ней больше, чем в самой мировой хозяйственной системе [6, 106—108]. Построили глобальную экономику, в которой стала доминировать *глобальная рента как форма дохода*. Капитал как исторически вышедшая экономическая форма утратил свои преимущества эффективного развития. Стагнация частично пока разрешается новым экономическим империализмом, в основе которого лежат институциональное неравенство и неэквивалентность торгово-валютных отношений. Возникли и новые *переходные экономические формы*, которые мало изучены или изучаются не системно. Произошел также подрыв института частной собственности: его сегодня невозможно сохранить в рамках классических законов экономики — сберегать нельзя инвестировать. «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дела, — пишет Дж. Кейнс, — трудно ожидать хороших результатов» [7, 224]. И далее: если что и погубит капитализм, то его рантье-способность. И действительно, рентные доходы разного вида в структуре мировых доходов растут. Но это уже не рыночный доход, в получении которого когда-то была заложена рациональность сложного утилитаризма: богатым можно быть, но только за счет производства благ и услуг для других.

Т. Веблен о противоречии производственных и денежных сфер заметил весьма смело для своего времени следующее: «Денежная деловитость в целом не совместима с производственной эффективностью» [8]. Нельзя не заметить и того, что люди создали деньги, но не они владеют деньгами, а деньги людьми, что в принципе нарушает разумность человеческого существования. Но все-таки, время — не деньги, как принято утверждать сегодня. Время — это, прежде всего, жизнь, ибо деньги приходят и уходят, а жизнь только уходит, как заметил один из мыслителей. Людям же свойственно или приятно заблуждаться вместе, например, ругая предстоящую девальвацию, чем истиной владеть одному. У экономиста-теоретика это чувство ответственности заменено на полезность, на деньги и пр. Итог текущего развития, таким образом, нуждается не только в переосмыслении, но уже и в ре-

конструкции. Теоретической в том числе, где рациональность будет соответствовать человеческой природе бытия, а не братья некой кем-то заданной мифической предпосылкой или задаваться заинтересованным фондом. «Науку часто сравнивают с поиском истины, где истина — нечто абсолютное, существующее независимо от наблюдателя. Но я рассматриваю науку больше как поиск *понимания*, где последнее связано с наблюдателем, ученым. Такое понимание лучше всего достигается путем изучения взаимосвязей — между различными идеями, различными явлениями; между идеями и явлениями» [9, 454].

Литература

1. *Кругман П.* Возвращение великой депрессии. М., 2009.
2. *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997.
3. *Anderson В.М.* Economics and the Public Welfare. Indianapolis, 1979.
4. *Кругман П.* Великая ложь. М., 2004.
5. *Кругман П.* Выход из кризиса есть. М., 2013.
6. *Лемещенко П.С.* Глобализация: миф, виртуальность или реальность? // Проблемы современной экономики. СПб., 2005. № 1—2.
7. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
8. *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984.
9. *Ауманн Р.* О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона, У. Барнетта. М., 2010.

В.В. КАШИЦЫН

Санкции как фактор стимулирования развития внутреннего рынка

Аннотация. В статье раскрывается преходящий характер современной системы мирового хозяйства ввиду исчерпания основных факторов воспроизводства ядра системы, общественного капитала, а именно факторов неэквивалентного обмена и освоения новых рынков. Санкции и их регулятивная неэффективность трактуются в свою очередь как показатель рудиментарности системы. А необходимость и неизбежность современного вызревания новой системы рассматриваются в проекции трехслойной реинтеграции внутреннего рынка страны (страна, регион, мировое хозяйство). В качестве основных базовых предпосылок выхода страны на новую траекторию развития анализируются человек, государство и их взаимовлияние.

Ключевые слова: система мирового хозяйства, воспроизводство, общественный капитал, неэквивалентный обмен, поглощение новых рынков, внутренний рынок, трехслойная интеграция, человек, государство, мотивация, траектория развития.

Abstract. In article passing character of modern system of the world economy in a type of exhaustion of major factors of reproduction of a kernel of system, public capital, namely, factors of a nonequivalent exchange and development of the new markets reveals. Sanctions and their regulatory inefficiency are treated in turn as an indicator of a rudimentariness of system. And need and inevitability of modern ripening of new system is considered in a projection of three-layer reintegration of domestic market of the country (the country, the region, the world economy). As the main basic prerequisites of an exit of the country to a new trajectory of development, the state and their interference are analyzed the person.

Keywords: system of the world economy, reproduction, public capital, nonequivalent exchange, merger of the new markets, domestic market, three-layer integration, person, state, motivation, development trajectory.

Учащающиеся периоды турбулентности всех аспектов общественной жизни, пропитанные экономической нестабильностью, стали в той или иной степени знаменем не только экономик развитых крупных стран, но и мирового хозяйства в целом в течение новейшего времени. А масштабность, скорость и глубина последствий переплетающихся событий все настойчивее вызывают к оценке системы в целом и перипетий ее трансформации. Очевидно, это происходит потому, что сложность накопившихся противоречий такова, что предполагает переход мира к новой системе всего комплекса общественных отношений в целом, в ядре которой содержатся экономика и механизмы ее регулирования.

Рудиментарность уходящей системы мирового хозяйства в зеркале санкций

Каковы же критические реперные черты данной системы мирохозяйственных отношений и почему она является судя по всему уходящей?

Прежде всего необходимо иметь в виду, что стержневым основным экономическим отношением существующей в течение последних, минимум, 300 лет экономической системы является капитал. А капитал по своей природе и содержательно-функциональной моторике воспроизводится на основе неэквивалентного обмена (общественный капитал особенно в вилке внутреннего и внешнего рынков) и освоения-захвата новых рынков. Особенно отмеченные выше свойства капитала значимы при переходе на новый технологический уклад, так как данный

переход предполагает колоссальную иммобилизацию средств, первоначальное накопление капитала по отношению к которой является «невинным процессом». И поскольку закон неравномерности развития стран помимо всего прочего историко-логически сужает базу неэквивалентного обмена и «пространство» освоения новых рынков и научно-технический прогресс все время накачивает спрос на капитал при переходе к очередному технологическому укладу, капитал по мере развития НТП сталкивается все острее с исчерпанием базы своего самовозрастания (подробнее см.: [1, 32—33]). А регулятивный механизм, обслуживающий воспроизводство общественного капитала (все виды монопольных механизмов), вынужден воспроизводить условия его, капитала воспроизводства, не только искусственно, но и чем дальше, тем более иезуитски жестко и варварски. Отсюда усложнение ведущих войн (от мировых до современных гибридных).

Помимо всего прочего, процесс сопровождается и «балансируется» все время мезальянсами группировок всевозможных конкурентов. Именно отсюда и проистекают иррациональность, бескомпромиссность и беспощадность борьбы на уничтожение. И иллюзиям здесь определенно не может быть места. Особую остроту система противоречий приобретает в случаях исчерпания факторов-ресурсов продления жизненного цикла капитала: а именно, несопоставимость с реальным сектором накопленных долгов, критическое влияние реальных и потенциальных конкурентов, неэффективность-исчерпанность результативности регулирующего противоречия инструментария и т. д.

И так получилось в современном мировом хозяйстве, что с 2008 г. все эти факторы-ресурсы в своем сочетании-наложении сложились синхронно. Ввиду того, что персонификатором, гиперсубъектом, символом этого сложения объекта выступила Россия (ресурсы, пространство, военно-стратегический потенциал, возврат к независимой политике, мессианский развительный потенциал и авторитет и т. д.), то и реакция на ее бытийность оказалась столь панически-жесткой и истерически-санкционной. Таким образом, санкции здесь выступают в роли «последнего гвоздя в крышку гроба» собственной экзистенциальной системы, так как случает их (санкций) эффективности в истории мировой экономики не зафиксировано. Чистый блеф в банальном покере — и ничего больше, причем блеф по отношению к союзникам (ЕС, Япония, Канада, Австралия и т. д.) в том числе.

Ну на самом деле: и Куба, и Иран, и Россия (которая всю свою полуторотысячелетнюю историю ни дня без санкций не жила) подтверждают, что санкции всегда являются стимулом и существенной помощью возрождения любой, и уж тем более огромной, потенциальной, экономики. Конечно, в краткосрочной и даже среднесрочной перспективе санкции доставят России дополнительные неприятности, особен-

но в доступе к ряду новых технологий, обслуживании и реструктуризации долгов крупных российских банков и корпораций (734 млрд дол.), снижение импорта конечной продукции для населения (например, электроника, часть сельскохозяйственной продукции), что приведет в ряде случаев к частичному росту цен и даже повышению инфляции и снижению курса рубля. Но импортозамещение и переориентация на другие рынки в целом в течение 1—2 лет вполне способны самортизировать ущерб. Тем более что большинство развивающихся рынков для страны продолжают быть открытыми.

Но самое главное, в любом случае санкции объективно будут способствовать реинтеграции российского внутреннего рынка, приданию эффективности его работы мощного импульса, нивелировке его пороговой дифференциации — как ценовой, тарифной, так и доходной, канализации сбережений с последующей трансформацией их во внутренние источники инвестиций и тем самым активизации внутреннего рынка капиталов. А острейшая потребность в инновационной модернизации промышленности открывает неограниченные возможности как для государства, так и для частного бизнеса в решении основной проблемы российской экономики — создании благоприятных коммерческих условий для востребованности инноваций и технологий прежде всего отечественного происхождения, чем давно и сверхприбыльно пользоваться производители в развитых странах.

Но санкции как наносят ущерб, так и приносят пользу не только для экономики России, но и для стран Запада, так как приводят не только к прямым экономическим потерям, но и — самое главное — к потерям развивающихся и перспективных рынков. Важно, что санкции окончательно лишают иллюзий широкие слои предпринимателей и среднего класса западных стран в части понимания роли национально-странового суверенитета и субъектности стран в современном политико-экономическом спектре интересов, особенно долгосрочных.

Искусственное и вероломное введение санкций, конечно, резко снижает доверие и перспективы в сотрудничестве с западными партнерами, что в преддверии второй волны мирового суперкризиса чревато самыми серьезными последствиями для экономики ЕС и других стран в части долговременной утраты способности вызывать доверие и выстраивать взаимовыгодные экономические отношения. В сочетании же с лоббируемой США зоной свободной северо-атлантической торговли с ЕС (экспертная оценка ежегодных потенциальных потерь Евросоюза от которой составляет около 40 млрд евро) и частичной утратой энергетической безопасности Европы в случае срыва поставок энергоносителей в Европу Россией, Европа может утратить хрупкое равновесие между ростом и рецессией. Так что санкции все более от-

четливо вступают в роль бумеранга, так как в ближайшие годы конкурентоспособного заменителя у ЕС российских энергоносителей просто нет.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что в краткосрочной перспективе, как подтверждает и ряд исследований экспертов (см.: [2—5]), баланс последствий санкций США и ЕС против России и наоборот будет складываться не в пользу России, но серьезных последствий на состояние российской экономики не окажет. А вот в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе, скорее всего, соотношение последствий санкций изменится при прочих равных условиях в пользу России. Но подобный сценарий возможен и даже вероятен при условии не столько точечного импортозамещения и даже системного мирохозяйственного маневра, сколько в случае мотивирования и инициирования последних посредством системного, структурно заточенного на освоение Сибири макроэкономического запуска механизма активизации работы внутреннего рынка страны.

Внутренний рынок России в проекции его трехслойной реинтеграции

Разумеется, под запуском механизма активизации работы внутреннего рынка страны мы понимаем не запуск классического, конкурентного, основанного на соответствующей самоорганизации рынка, так как подобная модель рынка при современном уровне концентрации и централизации факторов производства с соответствующей монопольной формой реализации их взаимосвязи не может быть дееспособной даже теоретически, тем более в российских политико-экономических условиях. Но накопленный как в России, так и в мире историко-экономический опыт государственно-монополистического регулирования рыночной в своей основе экономики позволяет продуцировать такое качество экономической среды, которое позволяет, используя модель смешанной системы экономики, реализовывать самые смелые перспективные проекты.

Имея в виду сложившуюся структуру размещения производительных сил в России, а также системные закономерности расширенного воспроизводства, богатства и специфику его факторной реализации в стране с учетом современных трансформационных мирохозяйственных реалий, можно с известной степенью достоверности предположить, что наиболее предпочтительным проектом возрождения экономики России с точки зрения соискания ею структурной сбалансированности является проект освоения Сибири. Конечно же, на первый взгляд, особенно с учетом российской трансформации последних 25 лет, задача выглядит утопично. Но природа общественных отношений, экономических в особенности, такова, что чудо здесь не исключение, а

самый что ни на есть императив. Именно поэтому данный термин так часто встречается в экономической истории трансформации разных стран, но а родом он всегда был из России. Чем больше пространства, тем меньше времени на его освоение. Чем больше времени, тем меньше пространства, так как оно расцветает во всем своем цветистом многообразии. Перемножение времени и пространства диверсифицирует экономику и ускоряет процесс его освоения. Чем больше пространство, тем меньше времени уходит на его освоение. При современном уровне и качестве развития НТП в России и в мире и возможностях вариативного проектного экономического маневрирования трудно представить себе значимые заметные препятствия в реализации данного проекта, если подойти к нему системно и на базе российских интересов развития страны в целом. Ускоренное освоение Сибири способно дать России то, о чем она мечтала и к чему стремилась всю свою историю: функционально-пространственную структурную экономическую сбалансированность и гармонию. Причем этот проект способен иммобилизовать и поглотить всю промышленную, финансовую, инженерную, креативную энергию не только страны, но и мира в целом, отодвинув фронт кризиса на неопределенное будущее. И в этом смысле проект выгоден всем. Таким образом, проектная реинтеграция внутреннего рынка России образует первый и главный слой его реинтеграции.

Второй сопряженный слой реинтеграции внутреннего рынка как единого механизма образует реинтеграция (экономическая) ближнего зарубежья. От СНГ к Таможенному союзу и далее — к Евразийскому союзу. Этот слой реинтеграции образует макрорегиональный слой внутреннего рынка России (внутреннего рынка макрорегиона мирохозяйственной экономической группировки союза).

Но и третий слой реинтеграции работающего внутреннего рынка России образует мирохозяйственный мегарегион, прообразом или инвариантом которого может быть БРИКС в случае интегративного асимметричного сближения стран участниц группировки.

Хотелось бы особо отметить, что ни одна группировка с участием России и уж тем более с ее лидерством в ее истории никогда и никому не угрожала и угрожать генетически не способна. Это хорошо просматривается в российской экономико-культурной исторической генетике, ее действиях, мотивациях, природе и рефлексии, причем как во внутренних отношениях, так и во внешних.

Поэтому уход старой мирохозяйственной системы, исчерпавшей себя антогонистическими противоречиями, войнами, культом обмана и применения силы и, главное, искусственно поглощающей и создающей мнимые виртуальные рынки, исторически и логически очевидно предопределен. Но а темней всего, как говорится, перед рассветом.

Поэтому важно в наше тревожное время не утратить нить Ариадны, ведущей нас к возрождению. Но об этом далее.

Базовые проектные предпосылки выхода экономики страны на долговременную траекторию развития

Обозначенные в предыдущих двух частях реалии и потенциальные проектные возможности внутрирыночного, регионального и мирохозяйственного аспектов макроэкономического развития таковыми и останутся, если они не просочатся и не прорастут в обществе и во власти, если они не станут своими, родными, если не станут близкими, солидарными и востребованными, если не превратятся в мечту и если не выкристаллизуют единство нации. А история страны и мира показывает, что подобное состояние общество обретает либо в условиях светлого осязаемого образа будущего, понятного и желанного для каждого человека, ощущающего себя членом солидарной общности, но членом, востребованным обществом. Не последнюю роль играют и материально-доходные факторы бытия современного человека и их вероятная перспектива.

История России и других стран знает и изучает периодичность циклов чередования радикальной общественной пассионарности и убийственной инфантильности, безразличия и уныния общественного сознания. Особенно рельефно это проявляется в бытии молодежи. Образ энергичного предпринимательского материального преуспевания, ведущего к материальному благополучию и карьерному росту, поистерся, потускнел и потемнел. Да и потребление как сквозное мотивирующее начало поистерлось. Постепенно кристаллизуются тоска по утраченным духовным началам и осознание того, что человек вне нации ничто. Худо бедно, но постепенно актуализируется интерес к корням, традициям, истокам. До осознания проблемы смысла бытийности еще далеко, но потребность погружения в смыслы на горизонте общественного сознания уже блекло мерцает. А нехватка или отсутствие национальной идеи все чаще перемежается разговорами о востребованности достойной идеологии. Однако идеология сверху не спускается, а генерируется снизу в процессе мучительного общественного поиска ответов на вопросы: кто мы, откуда мы и куда мы. Собственно этот триединый вопрос и приводит, как правило, прямехонько к ответу, кристаллизуя тем самым национальную идею. В любом случае человека мы сможем возродить, если вернем его в человеческую среду с присущими ей человеческими ориентирами, симулякрами и предпочтениями. Речь идет о культе детства и старости, семьи (разумеется, многодетной), любви и дружбе, героизме и самопожертвовании, но и, разумеется, чутком внимании общества во всех его проявлениях к человеку. Вот тогда производительность труда, неприятие кор-

рупции и эффективность властвующего механизма начнут стремительно повышаться.

Нельзя, естественно, бросаться в крайности, но движение встречное и энергичное навстречу друг другу должно происходить и сверху и снизу. Тогда в совместном поиске начнут появляться и формы эффективной смешанной организации общества, включая и экономические. Не последнюю роль играют и национальные проблемы, и общестрановые алгоритмы их разрешения. Например: проблема доступности жилья, образования, социальной и карьерной лестницы (никаких лифтов), возрождение системы массовой творческой, особенно детской занятости и т. д. Иначе говоря, без возвращения человека к его нормальному осознанию себя как ответственного субъекта общества мы не возродим эффективность государства и самого человека, так как неразрывная взаимосвязь этих двух начал продуцирует культуру. А там, где возрождается культура, право уходит на второй план, так как право оперирует насилием, культура — самоорганизацией через самоограничение. А культурное государство как противовес правового есть высшее проявление общественной самоорганизации, и все его проекты максимально эффективно и быстро реализуются и становятся явью.

Так что проектное возрождение должно опираться на два, повторимся, встречных процесса: очеловечивание государства (для начала, например, можно национализировать государственные институты и прежде всего ЦБ, так как без доступного человеческого кредита любая экономика рухнет (см.: [6, 13—20])) и способствование огосударствлению человеческого сознания (эффект общественной самоорганизации).

Литература

1. *Кашицын В.В.* Развитие мировой экономики и позиционирование России в современном мировом хозяйстве // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 2.
2. *Цытин И.С.* Стратегия развития России в условиях экономических санкций США и ЕС // Микроэкономика. 2014. № 4.
3. *Коломейцева А.А.* Возможные последствия экономических санкций ЕС и США для энергетической отрасли России // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 8.
4. *Шепелев И.Г., Морозов С.Г.* Анализ санкций против России, определение их влияния на развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом // Экономика, управление, инвестиции. 2014. № 2 (4).
5. *Портанский А.П.* Карт бланш. Три заблуждения вокруг санкций // www.ru/politics/2014-06-27/3_kartblansh.shtml.

6. Глазьев С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. № 9.

Л.Ю. АНДРЕЕВА, А.В. АНДРЕЕВА, М.С. ТИМОФЕЕВА

Изменение стратегии развития российских коммерческих банков: финансовые инновации и маркетинговые технологии

Аннотация. Стремительно меняющаяся глобальная финансовая система и возникшие геополитические риски оказывают существенное влияние на развитие российских коммерческих банков. В условиях реализации глобальных дисбалансов финансово-кредитные институты становятся все более уязвимыми к экзогенным угрозам и эндогенным шокам. Сложившаяся в настоящее время ситуация в российской экономике и отечественном банковском секторе требует изменения стратегии развития кредитных организаций на основе применения финансовых инноваций, а также новых маркетинговых технологий. Без финансовых инноваций и изменения модели регулирования сложно обеспечить устойчивость коммерческих банков и управляемую волатильность финансово-кредитному рынку. Изменение стратегии развития российских коммерческих банков должно обеспечить реконструкцию финансовой системы, стабильность развития хозяйства и функционирования финансовых институтов.

Ключевые слова: глобальная финансовая система, геополитические риски, волатильность, финансово-кредитные институты, финансовые инновации, маркетинговые технологии, долларизация, реконструкция финансовой системы, кредитоспособность.

Abstract. Rapidly changing global financial system and emerging geopolitical risks have an essential impact on development of the Russian commercial banks. Under the conditions of global imbalances financial and credit institutes become more and more vulnerable to exogenous threats and endogenous shocks. Present economic conditions and domestic banking sector acquire transformation of development strategies of credit institutions on a basis of financial innovation implication and new marketing decisions. It is difficult to provide financial stability of banks and regulated volatility on financial and credit market without financial innovation and change in a regulation model. The latter is supposed to provide some reconstruction of financial system, stability of economy and functioning of financial institutions.

Keywords: global financial system, geopolitical risks, volatility, finance and credit institutions, marketing technologies, dollarization, redesigning of financial system, creditworthiness.

Проблемы и перспективы развития российского рынка банковских услуг связаны с ограничением ликвидности, которое возникло в связи с введением экономических санкций против крупнейших российских коммерческих банков и других агентов отечественного рынка. Основными рисками для российской экономики являются снижение цен на нефть при высокой зависимости национальной экономики от ее экспорта, падение курса рубля и высокая инфляция, что следует из осеннего прогноза Еврокомиссии по глобальной экономике. Экономический рост в России имел тенденцию к снижению в течение некоторого времени, поскольку его модель основывалась на экспорте природных ресурсов, которая продуцировала ограничение развития и кризис.

Профессор Ю.М. Осипов в своей статье «Российское перестроение как неизбежная актуальность», вышедшей еще в 2009 г., отмечал, что проводимые реформы не только не вывели страну из кризиса, но еще более усугубили «имевшуюся кризисную ситуацию, дополнив ее уже своим собственным ею же самой порожденным кризисом» [1, 9]. В этой работе Осипов справедливо отмечает, что «в итоге пореформенная Россия оказалась обладательницей сложного многоуровневого и высококачественного кризиса, сделавшего ее прямо-таки фундаментально кризисной страной» [1, 9].

В настоящее время выделенные автором особенности развития экономики усугубляются усилением геополитической напряженности, в том числе санкциями, которые препятствуют развитию финансовой сферы, продуцированию новых финансовых потоков. Экономические санкции вызывают финансовые дисбалансы в российской экономике, подрывают доверие агентов к российским коммерческим банкам и тяжким бременем ложатся на финансово-кредитную и инвестиционную политику.

Российский банковский сектор после произошедших кризисов, сопровождавшихся переоценкой сформировавшихся подходов к регулированию банковской деятельности, отличается новой стратегией, когда появились ограничения в вопросе привлечения ликвидности с глобального рынка капитала, осложняющие ведение банковского бизнеса.

Оценка опыта развития банковского сектора с учетом использования финансовых инноваций необходима для выявления и оценки рисков, привнесенных расширением розничного кредитования и использованием финансовых инноваций. К финансовым инновациям можно отнести инструменты и методы, применяемые с целью осуществления сделок с новыми видами финансовых активов или в виде новых опера-

ций с действующими активами, что позволяет эффективнее использовать финансовые ресурсы российских коммерческих банков.

Особенность развития коммерческих банков в современных условиях посткризисного рынка состоит, прежде всего, в том, что они пытались сформировать эксклюзивную стратегию развития своего бизнеса, но при этом остаться в фарватере основных тенденций рынка. После 2010 г. отечественный рынок банковских услуг рос за счет высокорискового сегмента необеспеченного кредитования. В настоящее время отечественный рынок розничного кредитования практически не растет. Это объясняется тем, что многие российские банки испытывают в настоящее время проблемы с качеством активов, прибыльностью и в отдельных случаях с капиталом.

Влияние экономических санкций на динамику развития отечественного банковского сектора ограничивает рост кредитного портфеля. Российский рынок розничного кредитования постепенно насыщается, хороших заемщиков становится меньше. Если позволяет капитал, то банки наращивают кредитный портфель, качество портфеля всегда в приоритете. Например, коммерческий банк может иметь большую долю на рынке, но снижать доходность и разориться из-за плохих кредитов.

В условиях финансовых дисбалансов российские коммерческие банки снизили темпы роста, а некоторые сократили кредитование, стремясь изменить стратегию развития за счет концентрации усилий на качестве кредитной политики, на повышении эффективности. Стремясь снизить кредитные риски, банки используют финансовые инновации, ужесточают процедуры оценки рисков, совершенствуют скоринговые методики, сокращают сети и расходы на подготовку и переподготовку персонала.

В ближайшее время на российском рынке розничного кредитования сокращение доли частных банков, поскольку у них высока доля плохих кредитов и им потребуется дополнительные ресурсы и время на то, чтобы улучшить качество активов, вернуться к прибыльности и восстановить темпы роста кредитного портфеля.

Рост кредитной активности банков с государственным участием в меньшей степени сдерживается финансовыми факторами, однако рост этих операторов рынка замедляется из-за насыщения рынка. У банков с государственным участием растут операции в розничном сегменте рынка вследствие повышения закредитованности населения, а также из-за роста стоимости ресурсов на рынке банковских услуг, ухудшения общеэкономической ситуации, влекущей за собой падение курса рубля, рост цен и снижение уровня потребления.

Замедление экономического роста пока не оказывает выраженного сдерживающего влияния на темпы роста потребительских цен, по-

скольку в значительной степени обусловлено причинами структурного характера. Загрузка факторов производства находится на высоком уровне, в то время как производительность труда растет медленно.

Также негативное влияние на экономическую активность агентов рынка банковских услуг оказывают специфика пореформенного кризиса в России и возросшая внешнеполитическая неопределенность, которая негативным образом влияет на реализацию концепции корпоративной идентичности российских коммерческих банков, что требует изменение маркетинговых инструментов и технологий их развития. Эти инструменты и технологии достаточно широко представлены в статье Л.Ю. Андреевой [2, 133—136].

В настоящее время под действием ограничительных экономических санкций находятся: ОАО «Сбербанк России», ВТБ, «Россельхозбанк», Банк «Россия», «СМП банк» и их «дочки» — Собинбанк и Инвесткапиталбанк и ряд других банков. В настоящее время институционального механизма оспаривания соответствующих санкционных решений на финансовом рынке не существует. Например, суд Евросоюза недавно принял к рассмотрению иск ОАО «Сбербанк России» по отмене решения Совета ЕС о применении санкций против нашей страны в рамках предпринятых санкционных мер в отношении нашей страны в связи с известными событиями на Украине. Вместе с тем рассмотрение иска может занять порядка двух лет. Со сходными исками в отношении ЕС в суд Евросоюза ранее также обратилась компания ОАО «Роснефть».

Важно отметить, что введение санкций в отношении отечественных банков в условиях экономической глобализации резко ограничивает их конкурентоспособность, так как неизбежно снижает их рейтинг и ухудшает их кредитную историю. Главная особенность глобальной экономики, согласно концепции Ю.М. Осипова, представленной в статье «Экономическая глобализация», состоит в ее способности осуществлять себя как бы вне и до производительной хозяйственной реальности, иметь собственный расклад и подчинять ему собственно производительную хозяйственную реальность» [3, 272].

При этом практическое негативное воздействие обусловлено не столько официально прописанными, сколько подразумеваемыми ограничениями в условиях преодоления последствий мирового экономического кризиса. Краткосрочное негативное влияние экономических санкций на развитие российских коммерческих банков проявляется в усиливающемся ограничении валютной ликвидности, что, в свою очередь, усиливает потребность в методичном поиске новых финансовых инструментов и дополнительных источников финансирования.

Новым финансовым инструментом на российском рынке можно считать «валютное репо», который работает 12 месяцев. Это инструмент, предполагающий регулярное и предсказуемое предложение

коммерческим банкам валютной ликвидности. Такая финансовая инновация призвана стабилизировать рынок, снизить «валютную панику» в настоящее время, а также сглаживать влияние всплесков спроса на иностранную валюту в перспективе.

Вместе с тем в условиях усиления рисков экономической глобализации предоставление валютной ликвидности может уменьшить сложившиеся дисбалансы российского финансового рынка, но, по нашему мнению, не остановит ослабление рубля, пока внешняя конъюнктура не улучшится. В связи с тем, что фиксация курса доллара осуществляется на основе случайной величины в результате спекулятивных операций операторов рынка, прежде всего, самих коммерческих банков, то этот курс может динамично меняться в любом направлении, двигаясь в сторону как повышения, так и снижения.

Валютную позицию российской банковской системы ухудшают экономические санкции, введенные для ограничения развития финансово-кредитного сектора, поэтому и банки ищут варианты валютного фондирования. В условиях нестабильности финансово-кредитной системы валютный курс зависит от множества факторов, например, от действий Центробанка, цены нефти, экономических санкций, маркетинговых инструментов, влияющих на поведение агентов рынка. Дефицит долларов был зафиксирован в середине августа, когда банки для их получения стали размещать средства дешевле, чем получали в Банке России.

В этих условиях планировать новую стратегию развития на рынке банковских услуг достаточно сложно. Привлекая валютные ресурсы, крупные банки стремятся застраховаться от рисков финансовой неустойчивости, а также боятся потерять взятые в репо деньги.

Например, если коммерческие банки приобретут большое количество валюты в Центробанке и пополнят корсчета за рубежом, то может возникнуть риск блокировки этих ресурсов. Следует отметить, что применение этого инструмента выгодно в связи с тем, что репо нет в списке запрещенных санкциями США и Евросоюза инструментов. Под долгом на финансовом рынке понимаются облигации, кредиты, продление кредитов, гарантии по кредитам, аккредитивы, тратты, банковские акцепты, учетные векселя, коммерческие векселя. Другие операции, например, клиринговые, в долларах или наличие корреспондентского счета в США, не запрещены.

Таким образом, долгосрочное негативное влияние экономических санкций на российский финансовый сектор связано с усилением рисков в финансовом секторе и развитием глубокого системного кризиса в российской экономике. Как справедливо указывал в своей работе Ю.М. Осипов, в России «имеет место не просто “филиальный” экономический кризис, занесенный извне, а самый настоящий, вполне и

собственного происхождения, глубокий системный кризис, ставший фактически уже кризисом кризиса, не подлежащим в силу своей фундаментальности и сложности скорому, конъюнктурного характера, преодолению» [1, 17].

Влияние экономических санкций на российский банковский сектор усиливается несогласованностью действия европейских санкций с аналогичными санкциями США, которые отличаются силой влияния и на другие отрасли российской экономики. Вследствие непредсказуемости ситуации крупные операторы глобального рынка финансово-кредитных услуг в настоящий период времени вынуждены воздерживаться от осуществления операций с российскими кредитными организациями, поскольку неизвестно, каковы сегодняшние пределы санкций и не будут ли они усилены завтра. Именно на такой эффект и рассчитывают глобальные регуляторы, достигая эффекта кумуляции действия пакета санкционных мер.

Саммит «большой двадцатки», прошедший в ноябре 2014 г. в австралийском Брисбене, выявил отсутствие у России и Запада общих интересов для проведения конструктивного диалога. Саммит проходил в ситуации предельной напряженности между Россией и мировым сообществом, вызванной продолжающимся кризисом на Украине. Российский президент принял участие в саммите, что свидетельствует о том, что Россия по-прежнему включена в обсуждение международной экономической проблематики. В ходе саммита обсуждались вопросы, связанные с разработкой антиоффшорных мер, проблемами оттока капитала, безработицы, реформирования международных энергетических институтов, налогового администрирования и развития кредитных институтов.

В ходе дискуссий выяснилось, что иностранные партнеры ждут от России изменения политики в отношении юго-востока Украины, но Россия не может ограничивать оказываемую поддержку этой территории. Таким образом, давние противоречия между основными участниками глобальной экономики обнаруживают себя с небывалой остротой в условиях развития «санкционных войн». И привлечь ресурсы с глобального финансового рынка российским банкам в среднесрочный период не удастся.

Ужесточение денежно-кредитных условий развития российских банков в настоящее время не компенсировало влияния негативных факторов на инфляционные ожидания. Вместе с тем применение инновационных финансовых продуктов в банковской сфере и динамика денежно-кредитных агрегатов создают предпосылки к снижению инфляции в среднесрочной перспективе.

В конце октября 2014 г. Совет директоров российского Центробанка повысил ключевую ставку с 8 до 9,5%. Это самое значительное по-

вышение ставки с марта 2014 г., когда Центробанк поднял ее с 5,5 до 7%. Такое решение обосновано тем, что изменились внешние условия, в частности, снизились цены на нефть, были ужесточены санкции в отношении ряда российских компаний, а также в сентябре—октябре 2014 г. инфляция увеличивалась более быстрыми темпами, чем ожидалось.

Ускорение инфляции происходило в основном за счет роста цен на продовольственные товары, ослабления рубля и ограничения на импорт товаров из ряда западных стран. Можно ожидать, что совокупный вклад этих факторов в годовой темп прироста потребительских цен по итогам 2014 г. составит около 2,5 п. п.

Оценка пакета регулятивных мер показывает, что Центробанк продолжит принимать меры, направленные на замедление роста потребительских цен до целевого уровня 4% в среднесрочной перспективе, а в случае улучшения внешних условий и замедления инфляции регулятор будет готов начать смягчение денежно-кредитной политики.

Использование финансовых инноваций и изменение условий привлечения ресурсов, например, рост ставок по депозитам населения продолжился, должны стимулировать склонность к сбережению у экономических агентов, а также создавать предпосылки для перетока наличных средств на банковские вклады. Вместе с тем для снижения инфляции необходимы разработка и внедрение новых финансовых инструментов регулирования, иначе этот процесс будет происходить более медленными темпами.

Несмотря на то, что розничное кредитование является высокодоходным сегментом рынка, управление развитием этого сегмента приносит кредитным организациям дополнительные риски, связанные с вовлеченностью банков в разные споры с физическими лицами по поводу регулирования кредитных рисков. В сложившихся условиях повышенный интерес в системе совершенствования механизма кредитования физических лиц представляет системная кредитная политика коммерческого банка на розничном рынке.

Повышение ставки Центробанка означает рост стоимости денег, в результате будут повышаться рыночные ставки (кредитные, депозитные, рублевые и валютные). Рынки должны отреагировать повышением, аналогичным росту стоимости денег, но с неким временным лагом.

Увеличение стоимости фондирования банков влияет не только на корпоративные кредиты, но и на розничные кредиты, при этом наиболее чувствительна к повышению стоимости ресурсов ипотека. Вместе с тем ипотечные ставки реагируют на изменение стоимости фондирования наиболее медленно, так как ипотека — продукт долгосрочный, и его переоценка на рынке банковских услуг происходит медленно.

Своими действиями регулятор дал сигнал к повышению кредитных ставок, но заметного повышения ставок на розничном рынке не произошло в связи с тем, что эти ставки на российском рынке банковских услуг уже достаточно высоки. На рынке розничного кредитования лучшие ипотечные ставки на долгий срок для клиентов без личного страхования, которые предлагают крупные отечественные банки с государственным участием в капитале, составляют 12—13%. Кредиты наличными на рынке розничного кредитования в начале ноября 2014 г. можно было взять под 19—20%.

В краткосрочной перспективе кредитные ставки могут еще вырасти на 1,5 п. п., несмотря на то, что фактором, влияющим в сторону понижения, выступает усиливающаяся конкуренция отечественных банков в сфере депозитной политики и на рынке розничного кредитования.

Используя новые продукты и технологии (интернет-банкинг, специальное обслуживание, консалтинговые услуги и финансовые инновации), кредитные организации стремятся увеличить количество качественных заемщиков, которые имеют ликвидные залоговые объекты и готовы использовать сложно структурированные продукты. В качестве ответной реакции банков на реализацию геополитических рисков, прежде всего, на удорожание и ограничение фондирования, следует ожидать пересмотр применяемых маркетинговых технологий и стратегий развития российских коммерческих банков.

Банки стали уходить от рискованных маргинальных стратегий при реализации продуктов беззалогового кредитования, увеличили требования к надежности заемщиков и обеспечению кредитных позиций. Вследствие ограниченной ликвидности отечественные банки замещают рыночное фондирование средствами клиентов, повышая привлекательность процентных ставок по депозитам для своих клиентов. Таким образом, экономические санкции и ограничение ликвидности на российском кредитном рынке определили необходимость пересмотра бизнес-модели развития российских банков, структуры фондирования и активов.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российское перестроение как неизбежная актуальность // *Философия хозяйства*. 2009. № 5.
2. *Андреева Л.Ю.* Маркетинговые инструменты реализации концепции корпоративной идентичности // *Terra Economicus* (Экономический вестник РГУ). 2012. Т. 10. № 1.
3. *Осипов Ю.М.* Экономическая глобализация // *Философия хозяйства*. 2011. № 3.

И.А. СУШКОВА

Предпосылки формирования политики неоиндустриализации

Аннотация. В статье обосновываются новые условия общественного воспроизводства и новые факторы, обеспечивающие устойчивую и пропорциональную сбалансированность экономики, важные предпосылки формирования политики, способной обеспечить новый, социально-экономический курс развития России. Анализируются содержательные элементы политики неоиндустриального развития, которые закладываются в устанавливаемых соотношениях содержательных элементов самой новой модели экономического развития в ходе ее формирования.

Ключевые слова: неоиндустриализация, политика неоиндустриализации, инновационная экономика, содержательные элементы политики неоиндустриального развития, знания

Abstract. The new conditions of public reproduction and new factors providing steady and proportional balance of the economy, important prerequisites for the formation of the policy capable to provide a new social-economic policy of the development of Russia are proved in the article. Substantial elements of the policy of neoindustrial development which are put in the established ratios of the substantial elements of the newest model of economic development during its formation are analyzed.

Keywords: neoindustrialization, policy of neoindustrialization, innovative economy, substantial elements of the policy of neoindustrial development, knowledge.

Новые условия общественного воспроизводства и новые факторы, обеспечивающие устойчивую и пропорциональную сбалансированность экономики, являются важными предпосылками для выработки политики, способной обеспечить новый, подлинно прогрессивный и созидательный социально-экономический курс развития России.

Новая модель экономического развития обязательно должна включать формирование и проведение единой социально-экономической политики, охватывающей все сферы хозяйствования. Вместе с тем единая политика вовсе не отрицает адресность влияния различных функциональных структур экономики, а наоборот, их с наибольшей тщательностью обязана учитывать.

Очевидно, что в новой модели хозяйствования должны быть задействованы такие способы организации хозяйственных связей, такие формы собственности и такое их соотношение, которые способствова-

ли бы использованию плановых начал в механизме хозяйствования, вели к обобществлению и централизации производительных сил. Введение плановой системы хозяйствования с необходимостью предполагает реальное расширение сферы государственной собственности и государственного сектора и, несомненно, выступает основой выстраивания государственного регулирования экономики и политики неоиндустриализации.

Предпосылки формирования содержательных элементов политики неоиндустриального развития закладываются в устанавливаемых соотношениях содержательных элементов самой новой модели экономического развития в ходе ее формирования.

В первую очередь следует обратить внимание на установление такого адекватного соотношения, как «собственность — власть — методы управления». Установление этого соотношения диктуется многими обстоятельствами: наличием различных форм собственности (в условиях России все еще акцент делается на частную собственность); действием рыночных механизмов; использованием бюджетного планирования; слабыми подвижками в вопросах вертикальной интеграции производства; расточительным использованием природных ресурсов; угрозами нарастания дефицита электроэнергии; неопределенностью в теории труда и в решении практических вопросов оплаты и организации труда; нестабильностью экономического роста.

В зависимости от значимости этих обстоятельств в соотношении «собственность — власть — методы управления» в большей или меньшей степени проявляет свое влияние взаимодействие личности и общества. Дело в том, что для принятия неординарных решений в различных областях деятельности хозяйствующего субъекта необходима свобода творчества — оптимальный баланс свободы творчества и ограничений, определяемый и хозяйствующим субъектом (личностью), и обществом.

Минимальная регламентация в индустриальной экономике позволит лучше использовать творческий потенциал людей. Нет сомнения, что творчество всегда присутствовало в человеческой деятельности. Всегда ценился труд, основанный на знаниях, интеллектуальный труд, труд профессионалов.

В настоящее время творчество часто называют «креатив». По мнению Р. Флорида, название новой стадии развития экономики — «информационная», или «экономика знаний» — неточно. Человеческая креативность воздействует на экономику, а креативность становится «основным источником конкурентного преимущества» [1, 19]. Автор предлагает инновационную экономику называть *экономикой креативной*, в которой происходят выделение производства новых товаров в самостоятельные виды деятельности, создание новых креативных от-

раслей, формирование креативного класса, в том числе его суперкреативного ядра, а также обслуживающего класса. От прежнего членения остались рабочий класс и сельское хозяйство [1, 62, 359]. Так характеризует ученый инновационную экономику, в которой растущее число людей зарабатывают творчеством. Однако известно, что креативный класс рожден бизнесом, в частности, потребностями компаний и корпораций в рекламе, продвижении товаров и услуг, создании имиджевых технологий и необходимостью манипулировать потребителями товаров. Конечно, труд людей, занятых в этих нужных экономике сферах, необходим и относится к труду творческому. Но новой индустриализации необходимо творчество не только в обслуживании бизнеса, а, что наиболее значимо, в расширении знаний в технике, медицине, физике, химии, приборостроении, авиастроении, подготовке кадров, воспитании, образовании, культуре и т. д. Иными словами, неоиндустриализация требует профессионалов, а их интеллектуальный труд необходим как для сферы производства, так и для сферы распределения и управления. Поэтому творчество — необходимая составная часть трудовой деятельности, но творческий труд — труд сферы непродуцированной и с производством связан не прямо, а опосредованно, и доходным он становится, если востребован, применен и реализован бизнесом.

Люди творческого труда, к сожалению, люди зависимые от потребностей капитала, от финансирования с его стороны. Такой труд не может стать решающим при определении сущностных черт экономики. Творческий, интеллектуальный труд лишь определяет ее качественную сторону, но при этом становится фактором устойчивого роста и развития, и как таковой управляем, регулируем. Интеллектуализация труда не противоречит плановым методам его управления, а плановость реализуется как макроэкономическое явление и на микроуровне, и на уровне отдельных территорий. Кроме того, планирование скорее не регламентирует, а определяет вектор развития в расчете на наиболее полное и эффективное использование природных ресурсов и творческого потенциала людей. Реальная свобода творчества в этом случае становится основой, средством достижения определенных целей. Планирование, установление цели экономической деятельности актуально как для отдельного хозяйствующего субъекта, так и для национальной стратегии в целом. В рамках плановой системы могут успешнее функционировать и развиваться институты рыночных отношений, обеспечивая эффективное использование и ресурсов, и творческого потенциала людей, не ущемляя свободы творчества, а создавая условия для распространения результатов творческой деятельности в другие сферы.

Составляющей свободы творчества является предпринимательство. Чем более свободно предпринимательство, тем больше спрос на инновации и на интеллектуальные продукты.

Также абсолютно необходимое дополнение к свободе предпринимательства — конкуренция, способствующая развитию всей экономики, прежде всего посредством мотивации нововведений.

Важной предпосылкой формирования новой модели экономического развития, оказывающей влияние на содержание политики неоиндустриализации, становится соотношение «наука — инновация — власть». Необходимо отметить, что российская наука оторвана от практики. Большинство открытий не доводятся до коммерческого продукта.

Эффективность (или неэффективность) реализации модели неоиндустриального развития определяется степенью практического освоения результатов научных исследований, проводимых многими институтами и субъектами экономической деятельности на разных стадиях научно-производственного цикла. Российская инновационная система остается весьма несовершенной и неэффективной. В ней отсутствуют или остаются в зачаточном состоянии целые звенья, необходимые для должного поддержания инновационной активности, что свидетельствует о включении в политику неоиндустриализации соответствующих механизмов.

По важнейшим проблемам организации науки идут бесконечные дискуссии, но заметных продвижений пока нет:

- союз науки с образованием, создание исследовательских университетов, но без конкретного стимулирования науки и образования, без должного контроля расходования выделенных огромных средств на это из бюджета;
- сосредоточение ресурсов на основных направлениях фундаментальных наук, но без создания условий для индивидуального творчества, без разработок крупных проектов;
- принятие мер для создания максимальной открытости и интеграции российской науки в мировое научное сообщество, но слишком медленное продвижение по пути введения независимой научной экспертизы;
- признание необходимости первоочередного и массового развития индустрии инноваций, коммерциализация науки, но явно недостаточные меры для их реализации.

Нерешенность этих проблем объясняется слабой эффективностью финансирования исследований и разработок, а также государственного стимулирования инновационной активности, ограниченностью средств. Практически отсутствуют механизмы финансирования нововведений на ранних стадиях разработки технологий. В результате мно-

гие проблемы в инновационном цикле остаются для российских разработчиков практически непреодолимыми. Большая часть потенциально успешных российских научно-технических достижений по указанным причинам остается либо невостребованной, либо осваивается за рубежом. За годы реформ, в результате осознания нарастающего технологического отставания отечественной экономики от мирового уровня, произошло глубокое разрушение существовавшей ранее системы разработки и реализации новых технических решений, а новой пока не создано. Потому не созданы и новые стимулы по преодолению этого технологического отставания [2, 92].

Можно предположить, что проведение разъяснительной работы по вопросам важности здоровой конкуренции в освоении научных достижений и возможности борьбы с теми, кто ей противодействует, улучшило бы положение. Также конкуренции способствуют открытая экономика, снижение пограничных барьеров.

На уровне соотношения «знание — власть» важным становится вопрос об образовании. Как известно, образование должно, способствовать в создании условий для широкой образованности и получении профессиональной квалификации, а также обеспечивать выявление, отбор и подготовку наиболее талантливых людей. Эти задачи для экономики инновационного типа, реализации модели эффективного воспроизводства приобретают особую актуальность.

Исключительно важно для реализации неоиндустриальной модели хозяйствования — развитие творческих способностей обучаемых. Конкурентоспособность в инновационно-индустриальной экономике — важнейшая задача образования. В данном случае в образовательном процессе: необходимо сократить время аудиторной нагрузки преподавателей; оценить труд преподавателя как труд сложный и оплачивать его по достоинству сложного высококвалифицированного труда; перенести центр тяжести работы преподавателей на индивидуальную и аудиторную работу, на тесное общение преподавателя — носителя знаний с обучающимися — потребителями этих знаний; увеличить время самостоятельной работы обучаемых; дистанционное обучение применять лишь в индивидуальных случаях, как дополнительное консультирование или проверка выполнения заданий; усилить студенческое участие в научных исследованиях и дискуссиях, т. е. необходима внутренняя реформа в стенах образовательных учреждений, что значительно труднее, чем изменение общих институтов проверки знаний и финансирования.

Неэффективно складывающееся соотношение элементов «знание — власть» в системе повлияло и на соотношение в модели индустриального развития таких элементов, как «инновации — инновационное производство». Сегодня от решения этих вопросов зависит будущее

развитие страны. Масштаб инновационной активности должен быть увеличен на порядок, чтобы остановить сползание страны на сырьевую периферию мировой экономики и осуществить переход с инерционного пути развития на инновационный. Прежде всего, необходимо преодолеть проблемы, связанные с организацией финансирования и формированием механизмов поддержки исследований и разработок на ранних фазах разработки, а также на стадии практического освоения новых технологий.

Эффективность реализации неоиндустриальной трансформации в рамках новой модели экономического развития будет во многом определяться тем, насколько сформировавшиеся предпосылки обеспечат формирование политики неоиндустриализации, которая будет способной обеспечить российской экономике реалистичную гибкость (в отношениях с внешними более сильными партнерами, когда речь идет о выигрыше времени заимствования новых технологий), и жесткую стратегическую самостоятельность при формировании и реализации необходимой программы модернизации экономики. Это особенно важно, поскольку России, видимо, придется в построении новой экономики рассчитывать лишь на свои силы.

Сегодняшние посткризисные реалии часто требуют немедленных решений, выработать и реализовать которые в состоянии только государства и их локальные группировки.

Кроме выделенных соответствий, предпосылкой эффективности модели экономического развития является указание на выбор основного звена с опорой на сохранившийся потенциал страны, для того чтобы осуществить экономический прорыв и выход на интенсивный путь развития и на неоиндустриальную трансформацию. В качестве такого звена предлагались: обрабатывающий сектор, производство базового продукта, соборность, человеческий фактор и др. Считаем, что выбор в качестве звена — генератора экономического прогресса науки и ее творца — человека, наиболее приемлем с позиции перспективы обеспечения неоиндустриальной трансформации российской экономики с сохранением устойчивого экономического роста. В этом случае более определенной становится и роль государства в создании условий для научных поисков, в обеспечении соответствующих социальных и материальных предпосылок для их реализации. А каждый последующий цикл воспроизводства сопровождается появлением новых условий и факторов, которые способствуют устойчивости и пропорциональной сбалансированности закономерностей движения научно-технического прогресса, возрастания роли человеческого фактора, форм собственности и материальной основы индустриальной трансформации социально-экономической системы. Только в результате такой смены циклов возможно достижение социальной и экономической эффективности

общественного воспроизводства. И только такое воспроизводство становится доминантой всестороннего развития человека, науки, общества.

Реализация выделенных в предложенной модели экономического развития соответствий не исключает, а наоборот, предполагает включение в производственный процесс сохранившегося научно-технического потенциала страны. Это даст возможность максимально быстро продвинуться в производстве высокотехнологической продукции и услуг, имеющих перспективы сбыта внутри страны и выдерживающих конкуренцию с импортом за счет географического фактора, более низких издержек производства и сервиса. Значительное место на этом этапе в посткризисных мероприятиях будет, очевидно, занимать организация приобретения необходимых стране современных технологий в более развитых странах, особенно в тех случаях, когда неоправданно разворачивать по данному направлению весь цикл «исследование—производство» внутри страны. При этом предстоит в первоочередные программы посткризисного развития включать и далеко идущие задачи, связанные с преодолением глубинных противоречий капиталистической модели хозяйствования, которые стали фундаментальными причинами общемирового кризиса 2007—2008 гг.

Таким образом, условия реализации новой модели экономического развития можно разделить на следующие четыре основные группы: одни — обеспечат эффективность развития хозяйственной системы; другие — создадут возможности для взаимодействия интересов и удовлетворения потребностей всех слоев и групп общества; третьи — реализуют реальное следование властных структур установленным нормам и принятым законам; четвертые — поспособствуют перенастройке норм и нормативов для институциональных инвесторов в сторону обеспечения выгоды вложений в производство.

Одна из весомых причин включения в действие новой модели экономического развития и факторов устойчивого экономического роста кроется в решении проблемы повышения инновационной активности органов государственного управления экономикой. Реальные институты и инструменты государственного регулирования инновационных процессов пока используются слабо. Также недостаточна направленность распределения бюджетных ассигнований, федеральных и региональных целевых программ, кредитно-банковской и налоговой системы, государственных преференций на развитие высокотехнологического прогресса, производственных и управленческих инноваций [3]. Для эффективного функционирования новой модели экономического развития важно сочетать и применять разнообразные инструменты стимулирования и регулирования, создавать комплексные организационно-экономические механизмы государственного управ-

ления процессом новой индустриализации производственно-экономической системы, выстраивать устойчивые взаимосвязи научно-технического и технико-технологического процессов при наличии адекватной с государственной промышленной политики.

Однако пока не сложилось целостной концепции государственного управления нововведениями в производственную сферу с использованием современных информационных технологий, методов и средств регулирования воспроизводственных процессов.

Приходится констатировать, что модель неоиндустриального развития складывается медленно, сложно, кроме того, непросто обрисовать и ее приблизительные контуры, прогнозировать направления ее развития. Можно назвать следующие причины такого положения:

- наличие временного фактора — разработка и внедрение новшеств в производство всегда сопровождается длительными сроками ожидания и высокими рисками неполучения прогнозируемых результатов, в связи с чем субъекты рыночного хозяйства предпочитают инвестировать не в инновационные проекты, как правило, рассчитанные на длительные сроки окупаемости, а в кратковременные сделки, приносящие уверенную прибыль;

- действие затратного фактора — инновационные проекты требуют больших капиталовложений, которые сопровождаются отвлечением огромных денежных средств и на продолжительное время в научные исследования и разработки, в создание опытных образцов, в проведение испытаний; небольшие, а порой и крупные, венчурные фирмы нужным объемом инвестиционных средств не располагают, да и получить им кредиты у банков даже под высокий процент и на длительные сроки, практически невозможно;

- влияние организационного фактора — путь от зарождения передовых идей до их воплощения в конечном продукте в рамках единого цикла «наука—техника—производство» требует согласованного функционирования всех звеньев этой цепи, что с неизбежностью ставит вопрос об объединении усилий организаций-участников, включения в этот процесс крупных корпораций энергетического, нефтегазового, металлургического комплексов, задействования рыночных механизмов и государственной поддержки в условиях сложностей, обусловленных продолжающимся экономическим кризисом.

В настоящее время в России государственная организационно-финансовая поддержка инновационных проектов, современных информационных технологий недостаточна. Можно выделить следующие основные направления государственного регулирования технико-технологического прогресса:

- создание новой государственно поддерживаемой научной среды и государственно финансируемой научно-исследовательской ин-

фраструктуры, иницирующей передовые научные идеи, способствующие их воплощению в реализуемые инновационные проекты;

- организация повышенного спроса и государственного заказа на базовые инновационные товары и технологии широкого применения, используемые в оборонных и гражданских отраслях;
- формирование благоприятной налоговой и инвестиционной среды нового, патентного порядка, способных обеспечить приток денежных ресурсов в развитие инновационной деятельности;
- создание государственной и/или поддерживаемой государством единой системы и единых принципов страхования рисков инвестиционно-инновационных проектов;
- расширение возможностей государственного кредитования и поддерживаемого государственными гарантиями банковского кредитования инновационного производства.

Государственное регулирование инновационных процессов следует выстраивать с учетом неизбежности государственного бюджетного финансирования инновационных производств, их экономического и налогового стимулирования, особенно на стадиях поиска идей и оформления замыслов и их проектного оформления.

Одной из специфических форм поддержки государством инновационной деятельности в научно-производственной сфере являются налоговые льготы.

Важная роль в инновационном развитии экономики России принадлежит федеральным целевым программам.

Не в полной мере используется важный ресурс инновационного подъема экономики — закупка лицензий на инновационные технологии за рубежом, патентов, производство инновационных продуктов совместно с зарубежными компаниями. Недостаток бюджетных средств на развитие науки и проектно-конструкторских разработок, высокая стоимость освоения нововведений вынуждают закупать ноу-хау в других технологически развитых странах.

Также одними из задач экономической политики государства являются создание, развитие, поддержка инфраструктуры инновационной деятельности. Необходима единая федеральная инновационная система для координации функционирования элементов государственного управления инновационными процессами. В систему координации должны быть включены: минимальный стандарт благосостояния; высокий уровень образования; развитая наука; свобода творчества; конкуренция; свобода предпринимательства; индустрия инноваций; социальный капитал; доверие.

Если весь комплекс рассмотренных условий будет выполнен, и в достаточном объеме, то можно утверждать, что создание в России эффективной модели развития, которая способна обеспечить процесс

инновационной трансформации экономики, возможно, в перспективе. Стало быть, в процессе формирования новой модели экономического развития, способной обеспечить новую индустриализацию российской экономики и устойчивый экономический рост, происходит и создание основ и предпосылок формирования неоиндустриальной политики. Для актуализации процесса формирования неоиндустриальной политики предстоит развивать демократические институты, формировать общественную активность, задействовать специальные механизмы ее реализации.

Литература

1. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.
2. *Сушкова И.А., Калашиников И.Б.* Новая индустриализация российской экономики: идеи, практика, обоснование. Саратов, 2014.
3. Государственное управление инновационными процессами // Экономический портал // <http://institutiones.com/innovations/215-2008-06-17-11-15-34.html> (дата обращения 23.02.2014).

Р.А. МУСАЕВ, Ю.Д. МАГОМЕДОВА

Особенности деятельности Исламского банка развития и возможные пути сотрудничества с финансовой системой РФ

Аннотация. Анализируются особенности деятельности Исламского банка развития, оценивается его роль в развитии исламской экономики и различных образовательных, социальных и экономических проектов в странах СНГ. Рассматриваются возможные пути сотрудничества Исламского банка развития и России.

Ключевые слова: Исламский банк развития, финансирование, сотрудничество.

Abstract. This article analyzes the features of the Islamic Development Bank, estimates the role of IDB in the development of Islamic economics and various educational, social and economic projects in the CIS countries. The authors consider possible ways of cooperation of IDB and Russia.

Keywords: Islamic Development Bank, finance, cooperation.

Исламский банк развития (ИБР) был основан в 1975 г. в г. Джидда (Саудовская Аравия). Основные задачи ИБР — содействие экономиче-

скому и социальному прогрессу в странах — членах Банка и оказание помощи мусульманским сообществам в тех странах, которые не являются его членами (ст. 1 Устава ИБР). Для достижения этой цели ИБР предоставляет займы и гранты на финансирование деятельности по развитию стран-членов и мусульманских общин государств, не входящих в организацию. ИБР также обеспечивает техническую поддержку при реализации инфраструктурных проектов и является спонсором для развития человеческого капитала в странах-участниках [1].

У Банка имеются региональные офисы: в Рабате (Марокко) — 1992 г., Куала-Лумпуре (Малайзия) — 1994 г., Алма-Ате (Казахстан) — 1997 г., Дакаре (Сенегал) — 2007 г., есть представительства в Европе и Азии — 2008—2012 гг. Каждому из указанных региональных офисов подведомственны определенные государства-члены. Алмаатинский офис, в частности, курирует такие страны, как Албания, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Туркмения.

Группа ИБР является многосторонним финансовым институтом, состоящим из пяти кредитных учреждений: 1) Исламского банка развития (Islamic Development Bank — IDB) — 1975 г.; 2) Исламского института анализа и обучения (Islamic Research and Training Institute — IRTI) — 1981 г.; 3) Исламской корпорации страхования инвестиций и экспортного кредитования (Islamic Corporation for the Insurance of Investment and Export Credit — ICIEC) — 1994 г.; 4) Исламской корпорации развития частного сектора (Islamic Corporation for the Development of the Private Sector — ICD) — 1999 г.; 5) Международной исламской корпорации финансирования торговли (International Islamic Trade Finance Corporation) — 2008 г.

Исламский банк развития активно содействует развитию сферы исламских финансовых услуг. Группа ИБР сыграла лидирующую роль в создании и поддержке развития следующих финансовых организаций: Организации бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых институтов, Совета исламских банков и финансовых организаций, Центра управления ликвидностью, Международного исламского финансового рынка, Международного исламского рейтингового агентства, Исламского совета по финансовым услугам, Международного исламского центра по разрешению споров и арбитражу, Международной исламской корпорации управления ликвидностью.

ИБР развивает сотрудничество с зарубежными финансовыми институтами развития. В 2011 г. были заключены соглашения о сотрудничестве с Европейским банком реконструкции и развития, Азиатским банком развития, Международной организацией высших органов финансового контроля, Всемирным банком. ИБР активно использует в своей деятельности механизм государственно-частного партнерства, что позволяет привлекать дополнительные финансовые ресурсы для

поддержки социально значимых проектов. В качестве примера можно привести проект, реализованный ИБР на принципах государственно-частного партнерства совместно с Банком развития Малайзии, по строительству скоростной автомагистрали в штате Селангор.

Одобрение финансирования проектов в области образования и здравоохранения осуществляется ИБР в соответствии с Целями развития тысячелетия, к достижению которых стремится каждая страна — член ИБР. Важнейшим стратегическим направлением деятельности ИБР является повышение уровня образованности и профессиональной подготовки населения мусульманских стран.

По итогам деятельности ИБР в 2011 г. наибольшую долю в портфеле социально значимых проектов заняли проекты в сфере образования (52%), что иллюстрирует стремление ИБР к трансформации исламской экономики в экономику, основанную на знаниях. Вышеуказанные инициативы призваны снизить уровень безработицы и повысить эффективность деятельности трудоспособного населения стран — членов ИБР. Так, в Душанбе министром финансов Таджикистана Сафарали Наджмиддиновым и вице-президентом Исламского банка развития Ахмедом Тиктиком подписано Соглашение по финансированию «Программы по профессиональной грамотности для снижения уровня бедности» между Республикой Таджикистан и Исламским банком развития. Общая сумма проекта, который будет реализовываться до 2016 г., составляет 11 млн дол. Программа нацелена на то, чтобы снизить уровень бедности, особенно в сельской местности, обучить молодых людей (15—24 года) и женщин практическим навыкам и микрофинансированию, управлению проектами. Предполагается широкое использование тренингов [2].

Особое внимание ИБР уделяет преодолению бедности в странах-членах. С целью решения данной проблемы используются инструменты микрофинансирования. ИБР также оказывает поддержку проектам в сфере сельского хозяйства, учитывая при этом принципы охраны окружающей среды. В соответствии с лучшей мировой практикой деятельности банков развития ИБР значимую часть инвестиций направляет на развитие инфраструктуры. Финансирование предоставляется по проектам в таких инфраструктурных секторах экономики, как:

- производство и передача электроэнергии — повышение надежности и доступности ее источников (47% в портфеле инфраструктурных проектов);
- транспортная система (30% в портфеле инфраструктурных проектов);
- жилищное строительство (16% в портфеле инфраструктурных проектов);
- система очистки воды;

- информационно-коммуникационные технологии и др.

На ИБР также возлагается миссия осуществлять не только финансовую, но и техническую поддержку странам-членам, таким как Мавритания, Мальдивы, Таджикистан, Турция, Джибути.

Кроме того, ИБР является организатором размещения исламского эквивалента облигаций — сукук. В 2005 г. ИБР провел эмиссию сукук, чтобы в последующем стать активным эмитентом на международных рынках капитала. Общий объем эмиссии первоначально составлял 1 млрд дол., размещение было проведено на Люксембургской фондовой бирже. В рамках данной подписки ИБР выпустил облигаций на 550 млн дол. Полное погашение выпуска было проведено в июне 2010 г. Общий лимит в рамках подписки в сентябре 2010 г. был увеличен до 3,5 млрд дол.

В 2011 г. ИБР выпустил облигаций сукук на сумму 60 млн евро в режиме частного размещения и 750 млн дол. в режиме публичного размещения. Общий объем выпуска составляет 2,9 млрд дол. Таким образом, на будущие периоды в рамках программы существует возможность выпустить дополнительно облигации на сумму 0,6 млрд дол.

По состоянию на конец 2011 г. ИБР имел пакеты акций (доли владения) в 32 исламских банках и финансовых организациях в 21 странах, общая стоимость которых достигла 250 млн риалов.

Начиная с года основания и вплоть до конца 2011 г. (1976—2011) чистый объем финансирования группы достиг 54,6 млрд риалов (78 млрд дол.) по 7260 различным проектам. Из данной суммы на финансирование торговых операций было потрачено 28,5 млрд риалов (40 млрд дол.) по 2297 проектам, 25,3 риалов (37,0 млрд дол.) — на проектное финансирование (2398 проектов), на действия по оказанию специальной помощи — 556 млн риалов (723,4 млн дол.) и на техническое содействие — 264,1 млн риалов (371,7 млн дол.) по 1150 проектам.

В 2011 г. чистое финансирование группы ИБР составило 5,3 млрд риалов (8,3 млрд дол.) и было распределено на 398 проектов как в странах-участниках, так и в «третьих» странах.

С целью оценки и своевременного снижения кредитного, рыночного и операционного рисков ИБР использует в своей деятельности специальные инструменты управления рисками. Постоянный мониторинг финансовой устойчивости, кредитоспособности стран-членов и других заемщиков позволяет управлять кредитным риском ИБР. Особое внимание уделяется суверенным рискам и риску ликвидности. Для этого в ИБР внедрена система ограничений и лимитов по значениям вышеуказанных рисков, система внутреннего контроля над эффективностью деятельности риск-менеджмента ИБР. С целью совершенствования

системы управления рисками периодически к работе привлекаются внешние консультанты (см.: [3; 4]).

В 2011 г. (десятый год подряд) рейтинговое агентство Standard Poor's подтвердило присвоение ИБР высокого кредитного рейтинга: долгосрочный AAA и A-1+ в краткосрочной перспективе со стабильным прогнозом. Агентство Moody's также шестой раз подряд подтвердило самый высокий из возможных рейтингов Aaa на долгосрочные облигации в иностранной валюте и рейтинг Prime-1 на краткосрочные ценные бумаги со стабильным прогнозом. Кроме того, ИБР пять лет подряд сохраняет самый высокий рейтинг агентства Fitch — AAA на долгосрочные ценные бумаги и F1+ на краткосрочные облигации, выпущенные в иностранной валюте.

Базельский комитет по банковскому надзору определил ИБР в группу международных банков развития с нулевым риском. Комиссия Европейских Сообществ также классифицировала ИБР как безрисковый финансовый институт развития.

Подтверждение данных рейтингов ведущими мировыми рейтинговыми агентствами отражает уверенность в стабильном развитии ИБР, связанную с поддержкой стран-участников, взвешенное управление банком со стороны правления и совета директоров, а также стратегию консервативной финансовой модели в соответствии с лучшими практиками ведения бизнеса, отвечающими принципам Корана. В частности, группа ИБР не стремится к максимизации прибыли, принцип справедливости и оказание помощи бедным клиентам — основа деятельности всех подразделений группы.

Организация Исламского сотрудничества¹⁴ является самой крупной и наиболее влиятельной официальной правительственной мусульманской международной организацией. Организация Исламского сотрудничества была создана в 1969 г. в Рабате (Марокко). Цели создания ОИС: сотрудничество между мусульманскими государствами, совместное участие в деятельности на международной арене, достижение стабильного развития стран-участниц. Сегодня ОИС и входящие в нее организации играют важнейшую роль в становлении и систематизации институтов исламского бизнеса. В настоящее время объединяет 57 стран с населением около 1,5 млрд человек. Первоначально в ее состав входили 25 государств Азии и Африки и Организация освобождения Палестины.

¹⁴ Организация Исламская конференция (ОИК) решением участников 38-й сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), проходившей в Астане 28—30 июня 2011 г., переименована в Организацию исламского сотрудничества (ОИС).

Официальный статус наблюдателя при ОИС был обретен Россией в июне 2005 года. Интеграция России в такую авторитетную международную организацию, как ОИС, имеет под собой не только политические, но и экономические обоснования.

Казахстан — первая страна на территории СНГ, получившая финансирование со стороны Исламского банка развития. Казахстан является членом ИБР с ноября 1995 г. ИБР финансирует как государственные, так и частные проекты на территории республики: строительство дорог, объектов здравоохранения и образования, оказывает поддержку малому и среднему бизнесу. ИБР продолжает сотрудничество с крупными казахстанскими банками. Были выделены линии финансирования для «Казкоммерцбанка», банка «Туран-Алем», Народного банка Казахстана и других банков в республике.

Около 70% в операциях ИБР составляет торговое финансирование. Основные виды договоров, используемые при финансировании ИБР различных проектов, включают иджару (лизинг), мурабаху (продажу в рассрочку) и истисна (разновидность договора подряда).

Различаются два вида финансирования в зависимости от условий предоставления средств: льготное и нельготное. При определении срока погашения займа и льготного периода банк берет в расчет экономическую природу проекта, а также финансовое положение и экономическую ситуацию в соответствующей стране. При льготном финансировании срок предоставления кредита составляет 25 лет. За предоставленные кредиты ИБР берет процент, именуемый в документации банка маржей (наценкой). Размер маржи при льготном финансировании составляет 2,5% годовых. Такой невысокий процент призван покрывать расходы банка на администрирование займа. Максимальный срок реализации проекта в нельготном финансировании — 15 лет. За предоставленные кредиты ИБР также берет маржу, размер которой составляет 6%. При этом существует возможность 15-процентной скидки с маржи при своевременном погашении кредита. В таком случае маржа составит лишь 5,12%.

ИБР оказывал техническую поддержку Казахстану и Киргизии в вопросах развития исламского банковского дела. Данные государства получали помощь по внедрению принципов исламского финансирования по проведению технических семинаров и ознакомительных поездок.

Киргизия и Исламский банк развития подписали соглашение на реализацию проектов на общую сумму 46 млн 570 тыс. дол. В их числе: проект по улучшению электроснабжения Аркинского массива Лейлекского района Баткенской области — 16 млн 250 тыс. дол., реконструкция автодороги Ош—Баткен—Исфана — 21 млн 320 тыс. дол. и проект «Устойчивое развитие села в КР» — 9

млн дол. Также достигнуты договоренности с Международной исламской торгово-финансовой корпорацией по финансированию торгово-импортных операций в продовольственной сфере. Положительно решен вопрос приобретения пяти передвижных медицинских пунктов для сельской местности. За короткое время нужно разработать ряд вариантов по другому достигнутому вопросу о создании скотобойни и мясокомбината, направленного на экспорт мяса по стандартам «халаль» [5].

В Киргизии будет создана лизинговая компания, работающая на принципах исламского финансирования. Договоренность об этом была достигнута в ходе рабочей поездки вице-премьер-министра КР Тайырбека Сарпашева в Королевство Саудовская Аравия, где он провел серию встреч с руководством Исламского банка развития. По результатам встречи была достигнута договоренность о том, что ИКРЧС в следующем году предоставит государственным банкам кредитные линии на поддержку малого и среднего бизнеса в размере 5 млн дол. Также в 2014 г. ИКРЧС совместно с правительством Киргизии создаст лизинговую компанию, работающую на принципах исламского финансирования с уставным капиталом до 10 млн дол. Создание лизинговой компании позволит крестьянам и фермерам Киргизии получить доступ не только к приобретению сельскохозяйственной техники на льготных условиях, но и к лизингу оборудования по переработке сельскохозяйственной продукции.

В 2008 г. была разработана программа «Микрокредитование экономически активных слоев сельского населения Республики Казахстан». Данная программа, внесенная в перечень страновых программ ИБР, предполагала предоставление Исламским банком Развития Фонду финансовой поддержки сельского хозяйства долгосрочного льготного займа в размере 10 млн дол. В 2009—2011 гг. велись переговоры и встречи по обсуждению механизмов привлечения займа, а также по реализации меморандума о сотрудничестве. В июне 2011 г. во время VII Всемирного исламского экономического форума в Астане были подписаны Договор о предоставлении займа и Соглашение о технической помощи (Грант).

В рамках проекта в фонде внедрена методология исламского финансирования, в соответствии с исламскими принципами финансирования разработана микрокредитная программа «Сатти», проведено обучение сотрудников фонда. Для пилотного запуска были выбраны два кредитных продукта — «Салам» и «Мурабаха», целью которых является микрокредитование сельского населения и сельхозтоваропроизводителей для развития животноводства, растениеводства. Целевое назначение программы «Салам» — осуществление предоплаты за будущий урожай/актив/товар с определенным качеством, количеством,

ценой и датой поставки. По программе «Мурабаха» финансируется приобретение в рассрочку основных средств или биологического актива. В августе 2012 г. начался прием заявок на кредитование в трех пилотных регионах — Актюбинской, Павлодарской, Южно-Казахстанской областях.

В целом, Фондом финансовой поддержки сельского хозяйства, входящим в состав холдинга «КазАгро», в Южно-Казахстанской области профинансировано 13 229 проектов на сумму 3,8 млрд тенге.

Кроме того, ИБР выделил грант в размере 23 тыс. дол. для организации

1-й Международной конференции по исламским финансам в Казахстане. Региональное представительство Исламского банка развития в Алма-Ате ежегодно проводит Стипендиальную программу в области высоких технологий. Программа ориентирована на содействие выдающимся студентам обучаться в докторантуре PhD по научным дисциплинам, которые способствуют развитию стран-членов ИБР: например, в области здоровья/медицины, сельского хозяйства/производства продуктов питания, водных ресурсов/опустынивания, энергетики/развития инфраструктуры, нанотехнологий, а также в областях, ориентированных на развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Некоторые стипендии также доступны для исследований в области изобретательских абстрактных наук. Стипендия включает плату за обучение, пособие на проживание, медицинскую страховку, авиабилет в оба конца и оплату за участие в различных конференциях, а также пособие на пользование компьютером и надбавки на иждивенцев для докторантов. Наиболее успешный претендент должен благополучно поступить в один из университетов, перечисленных в Times Higher Education Supplement (THES).

Приоритет отдается претендентам, поступившим в университеты, которые заключили соглашение о сотрудничестве с ИБР, такие как Кембриджский университет, Ноттингемский и Бирмингемский университеты в Великобритании или в один из 50 лучших университетов по списку THES.

Как отметил член совета директоров Исламского банка развития от семи стран Ерлан Байдаулет, на 2012—2014 гг. была подписана страновая стратегия партнерства на сумму 1,2 млрд дол. Исламский банк развития на сегодняшний день проинвестировал Казахстан на 500 млн дол. [6]. По словам Байдаулета, в этом году планируется активизация работы с частным сектором. Кроме того, ожидается не только расширение проектного финансирования, но и совершение новых сделок.

Вице-премьер, министр индустрии и новых технологий Асет Исекешев отметил, что за два года в рамках страновой стратегии Исламский банк развития финансировал, в основном, государственные про-

екты Казахстана. Отметим, что Исламский банк развития вместе с холдингом «Байтерек» создал Центрально-Азиатский фонд возобновляемой энергии. Фонд начнет финансировать проекты уже в 2014 году.

В настоящее время Россия, не будучи членом ИБР, тем не менее может претендовать на финансирование Банком различных проектов на своей территории. Уже имеется небольшой опыт участия ИБР в финансировании различных образовательных семинаров руководителей духовных управлений мусульман, посвященных вопросам исламской экономики. В Казани в Российском исламском университете в 2008 г. при спонсорской поддержке Исламского банка развития состоялся 1-й Международный семинар «Исламские финансы — банкинг и страхование».

Руководство Исламского банка развития выразило готовность оказывать поддержку крымскотатарскому народу в развитии национального образования, оказывая содействие в строительстве школ с крымскотатарским языком обучения и дошкольных учреждений, финансирования банком обучения студентов в различных вузах [7].

Также в 2008 г. прошла Международная инвестиционная конференция под эгидой Банка с целью презентации Республики Татарстан как одного из самых динамично развивающихся регионов России и обсуждения с представителями деловых кругов стран-членов ОИС возможных направлений сотрудничества по различным инвестиционным проектам. Ранее, в мае 2007 г., между Татарстаном и ИБР был подписан Меморандум о взаимопонимании.

В марте 2010 г. была учреждена Татарстанская международная инвестиционная компания, акционерами которой являются Исламский банк развития, Инвестиционный венчурный фонд Республики Татарстан, инвестиционная компания Fogas и др. Приоритетным для новой компании являются проекты в сфере энергетики, телекоммуникаций, сельского хозяйства, финансов индустрии халяльных продуктов.

С 2009 г. в Татарстане ежегодно проводится Kazan Summit. Саммит проводится Некоммерческим фондом развития исламского бизнеса и финансов (IBFD Foundation). Фонд был основан в 2009 г., главной задачей его является содействие развитию двусторонних экономических и деловых отношений между Россией и странами—членами ОИС. Соорганизатор Саммита — Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан, орган исполнительной власти, созданный для сопровождения и реализации инвестиционных проектов в Республике Татарстан. Целью Kazan Summit является содействие улучшению и укреплению экономических и торговых отношений Российской Федерации и стран ОИС. Саммит предоставляет возможность вести открытый диалог о тенденциях в бизнесе, инвестиционных перспективах и торговых направлениях в России и странах ОИС.

Ежегодный Международный экономический форум России и стран Организации исламского сотрудничества — Kazan Summit стал площадкой для развития различных форматов сотрудничества российских регионов со странами и международными структурами Исламского мира [8; 9].

В рамках Kazan Summit 2014 участники обсудили портрет российских регионов и интеграцию экономики субъектов Российской Федерации в мировую систему. Площадка саммита стала центром проведения конференции по исламской экономике и финансам. На конференции были озвучены потребность в изменении действующего российского законодательства для привлечения исламских финансовых инструментов, заинтересованность в развитии исламского банкинга и наиболее востребованные продукты.

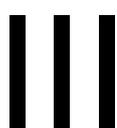
ИБР не может напрямую инвестировать в Татарстане, так как республика не является и не может быть членом банка, однако, в качестве инвесторов в республике могут выступить фонды — партнеры ИБР.

Для того, чтобы в полной мере использовать возможности ИБР, России необходимо стать его членом. Тогда России, как члену ИБР, открылись бы широкие возможности для привлечения льготных кредитов на долгосрочные проекты.

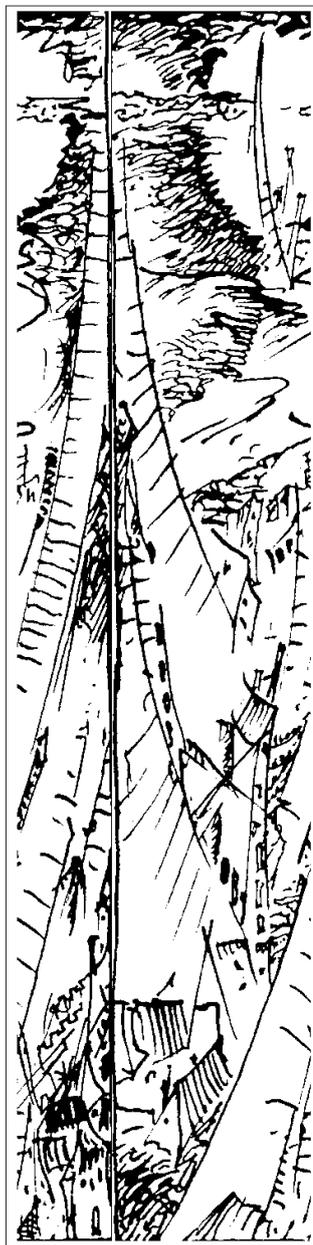
Сегодня Европа, США, Япония переживают затяжной экономический кризис. На этом фоне страны исламского мира, обладающие значительными инвестиционными ресурсами, могут помочь в реализации проектов в российских регионах.

Литература

1. Официальный сайт Исламского банка развития // www.isdb.org.
2. http://islam-today.ru/ekonomika/islamskij_bank_razvitiya_zajmetsya_podderzhkoj_tadzhikskoj_molodezhi_i_zhenshin/.
3. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М., 2010.
4. Хасбулатов Р.И. Международные финансы. М., 2014.
5. http://www.gezitter.org/politic/31176_islamskiy_bank_razvitiya_dast_kyrgyzstanu_kredit_v_razmere_46 mln_570_tyisyach_dollarov/.
6. <http://tengrinews.kz/money/islamskiy-bank-razvitiya-vlozil-v-kazahstan-500-millionov-dollarov-248821/>.
7. http://www.ukrinform.ua/rus/news/islamskiy_bank_razvitiya_gotov_pomoch_krimskim_tataram_1623300.
8. Официальный сайт Международного экономического форума России и стран ОИС // www.kazansummit.ru.
9. Официальный сайт Казахского национального университета им. Аль-Фараби // <http://www.kaznu.kz/ru/4159>.



**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**



Ф.И. ГИРЕНОК

Сознание: смена перспектив

Аннотация. В статье впервые в научной литературе объясняется смысл смены перспектив в исследовании сознания. Автор концептуализирует различие между понятийным сознанием и клиповым сознанием. Понятийное сознание связано с мышлением, клиповое — с визуализацией. Автор приходит к выводу, что источник клипового сознания находится в искусстве.

Ключевые слова: сознание, клиповое сознание, мышление, искусство, человек, субъективность, внутреннее время, язык.

Abstract. In article for the first time in scientific literature the sense of change of prospects in research of consciousness speaks. The author conceptualizes distinction between conceptual consciousness and clip consciousness. The conceptual consciousness is connected with thinking, clip consciousness — with visualization. The author comes to a conclusion that the source of clip consciousness is in art.

Keywords: consciousness, clip consciousness, thinking, art, person, subjectivity, internal time, language.

Современная философия все менее склонна к академизму в своих рассуждениях. И не потому, что ее потеснили писатели-интеллектуалы, а потому, что она, спасаясь от схоластических проблем познания, обживает поэзию и искусство, которые говорят человеку больше, чем может сказать ему наука. Сегодня нейронауки, ставшие модными, пытаются научиться говорить не только о мозге, но и о сознании. Они хотят вернуться к Аристотелю, полагая, что картезианство, трансцендентализм и феноменология слишком сложны, болтливы и пустопорожны.

Научному миру известны две большие стратегии в попытке окончательно разъяснить публике вопрос о том, что такое сознание. Это американский проект и европейский. Американский проект готов на каждый нейрон посадить наномашину для регистрации импульсов, европейский — желает создать действующую компьютерную модель сознания, замещая нейроны микропроцессорами.

Философия идет другим путем. Она полагает, что человек вообще рождается как художник. И это дает о себе знать в наборе практик, используемых человеком. Есть практики, в которых сознание не нужно. Например, сознание не нужно для игры в шахматы, для того чтобы

сделать рубило, для обучения компетенциям в школах и университете. Оно не нужно для того, чтобы получить Нобелевскую премию.

Сознание нужно для того, чтобы краснеть от стыда. А также для того, чтобы взрывались галлюцинации. Сознание и есть не что иное, как взорвавшаяся галлюцинация, синтез реального и воображаемого. Сознание нужно затем, чтобы форма, линия, цвет или слово могли причинить человеку страдание, чтобы они могли перевести его в экзотическое состояние. Эту же мысль Ницше формулировал иначе. Он говорил, что природа, которая не делает скачков, все-таки один раз его совершает. Результатом этого скачка является появление художника, философа и святого. С них начинается человек вообще. Все остальные люди являются лишь подготовкой к человеку.

Сознание художника имеет два свойства: изображение и воображение. На эти свойства указывает наскальная живопись. Сознание дает о себе знать в жесте, в смущении, в аффекте самовоздействия. Сознание не нужно для вычислений, для языковых практик и практик знания. Сознание требуется не для познания, а для практик самоограничения. Для того чтобы что-то знать, мы должны *уже* знать.

Но что происходит тогда, когда наше уже-понимание замещается интернетом и мы не доверяем своим ощущениям, если они не выражены в слове? Что происходит с сознанием, если оно, как зеркало, разбивается на осколки и теряет связь с символом? Сможет ли оно передать нам свойство целостности? Или оно не нужно нам, и мы, как звери, привязаны к жизни и для нас невыносима тишина одиночества?

Когда утрачивается связь с уже-пониманием, тогда возникает клиповое сознание.

Клип

Слово «clipping» обозначает всего лишь подборку газетных вырезок на определенную тему. Клип прост, как натюрморт. Это лоскут, часть, не отсылающая к целому. И одновременно клип требует грез, фантазий, которыми заполняется место отсутствующего целого. Клиповое сознание — это не понятийное сознание.

Понятие

Паровая машина, если верить Карлу Марксу, изменила общество, в котором появились новые классы. Но она не изменила сознание, которое осталось по-прежнему понятийным.

Что такое понятие? Это объяснил М. Шелер. У человека есть понятия, а у обезьяны нет понятий. Как это узнать? Если обезьяне, говорит он, дать полуошкуранный банан, то она в нем не узнает банан. Банан для нее должен быть либо с кожурой, либо без нее. А это значит, гово-

рит феноменолог Шелер, что у обезьяны нет понятия субстанции. А у человека есть понятие субстанции, и он легко справляется с бананом.

Книга

Символом понятийного развертывания текстовой последовательности стала книга, порядки слов в которой могли быть линейными, а также могли закручиваться в спираль, сворачиваться в круг, ветвиться, как дерево. Эта линия, несмотря ни на что, не должна была прерываться. Прервавшись, она создала бы опасный разрыв в порядке мысли и, следовательно, бытия, в котором мог бы обосноваться хаос. А хаос — это как броуновское движение атомов. О нем ничего нельзя сказать, в нем ничего нельзя сделать. Клиповое сознание — это разрыв линии и хаос в сознании, допустимый обществом. Зачем нам этот хаос? Затем, чтобы поймать смысл, а не информацию. Сообщают обычно информацию, а она равна тому, что сказано. Но что делать, когда мы встречаемся с недосказанным или со сверхсказанным? В коммуникации достаточно ссылок на информацию, но в общении приходится иметь дело со смыслами, которые отсылают к недосказанному или сверхсказанному. И вот в силу неразвитости символического сознания и доминирования в культуре знаковых структур, эти структуры и это сознание дополняются клиповым сознанием.

Компьютер

Компьютер изменил сознание, хотя не изменил общество. Началось время игры с сознанием. Что это за игра? Если нет символического сознания, то его отсутствие отчасти компенсируется клиповым сознанием. Это одна игра. Другая состоит в расширении возможностей знака при помощи клипа. Эти игры заметны даже в манере письма.

Нужно ли нам сегодня писать так, как писали еще в XX в.? Думаю, что нет, не нужно. В XX в. была тяга к гигантомании. Философы, такие как Сартр, писали огромные фолианты, в которых они двигались со скоростью повозки, заглядывая во все закоулки мысли, рассказывая обо всем, что они увидели или могли увидеть, ссылаясь на рассказы других писателей.

Секущие плоскости мышления

Нужно ли нам читать так, как читали в XX в.? Думаю, что не надо. Пример. Девочка двух с половиной лет просит прочесть сказку «Красная шапочка». Ей начинают читать. Она останавливает чтение и предлагает сразу же прочесть ту сцену, в которой появляются охотники. Ребенок внимательно слушает финальный рассказ известной сказки несколько раз подряд. Зададимся вопросом? Какое мышление у ребенка? На мой взгляд, у девочки клиповое мышление. Почему? Пото-

му что секущие плоскости ее мышления превратили сказку в серию эпизодов, из которых был выбран один, но самый интересный, самый главный и самый непонятный. А именно: появление съеденных волком бабушки и внучки целыми и невредимыми из живота волка. Девочку не интересует морализирующая сторона сказки. Это взрослым кажется, что сказка должна научить девочку не разговаривать с незнакомыми людьми. У взрослых — понятийное мышление. Ребенка занимают алогичность сказки, абсурдность произошедшего события. В ситуации абсурда, или, что то же самое, при больших скоростях общения, любая последовательность знаков становится обманчивой. Логика лжет. Она хороша при передаче мысли, при изложении, а не сочинении. Рожденные мысли стоят вне логики.

Сознание, которое извлекает логику из события, является понятийным. Сознание, извлекающее абсурдность события, является клиповым. Указанное различие позволяет по-новому взглянуть на сознание со стороны самости.

Самость

Под самостью человека понимается то, чего больше нет ни у кого в мире: область внутренней детерминации, определение себя в своем отношении к миру. Условиями самости являются прекращение внешней детерминации и превращение невозможного в естественной среде в единственную возможность существования. Эта возможность связана с освобождением из-под запрета реакции на воображаемое, реакции на то, что не существует наяву, но существует как сновидение, как греза, как означаемое без означающего. Закрытость самости противоположна открытости коммуникации, которая организована вокруг означающего без означаемого, т. е. Я. Отсюда следует, что самость по природе своей не коммуникабельна, а коммуникация в каждой точке своего пространства не принадлежит самости. То есть либо человек сам, и тогда у него проблемы с коммуникацией, либо он в коммуникации, и тогда у него проблемы с самостью.

Сознание

Сознание — это свойство самости, которая может двигаться в своей организации либо по направлению к Я, либо от Я. До Я сознание не обнаруживает себя и существует вне представления самому себе. Для него нет зеркала, в котором оно могло бы увидеть себя. И поэтому сознание существует в области не видимого человеком извне. Вот это сознание является темным. Оно существует как самоаффектирующая самость.

Темное сознание просто есть — как сон, как настроение, как крик эмоции. Но это «есть» недоступно для языка, ибо оно не отсчитывает-

ся от Я, принадлежа плану воображаемого. Точка отсчета возможна после слов «Я есть». С заполнения пустоты «Я есть» начинается язык. В точке пересечения языка и сознания возникает языковое сознание, «говорящее Я».

Движение сознания, отталкивающегося от факта существования Я, обнаруживает все, кроме себя, ибо в этом движении оно является движением от первого лица. Я может выразить через себя любой предмет из бесконечного множества предметов. В этой бесконечности есть все, кроме самого Я. Но это все — не-Я. Это все предметы. Вот это движение сознания от Я к тому, что Я не является, стали называть предметным сознанием.

Если сознание предметно, то оно не фрагментарно. Последовательным сторонником такой точки зрения был Гуссерль. Но если оно фрагментарно, то оно не предметно. Непредметное сознание науку не заинтересовало. Но искусству оно понравилось. И оно устроило за ним охоту.

Лоскутки

Все знают, что такое лоскутное одеяло. Практикой пэчворка владели наши бабушки. Они хорошо делали половички. Но вот теперь мы узнали, что и наше сознание может быть сшито из лоскутков. Но узнали мы об этом не от ученых, а от художников. Не наука, а искусство раскрывает перед нами клиповую сторону сознания. Именно в науке применение стандартных приемов сознания оказалось наиболее спорным. Апроприация, пастиш, палимпсест выявили в науке ее «свое иное», ее тяготение к скрытым заимствованиям и открытому плагиату. Сегодня даже аспиранты знают, что диссертации и книги носят не понятийный характер. Они сшиваются так же, как одеяло, из лоскутков фраз, из обрывков чужих мыслей, из фрагментов, которые называются открытыми цитатами, референциями, аллюзиями, скрытыми цитатами, пересказами и критикой. Даже ирония стала сегодня способом присвоения того, что принадлежит сфере чужого ума.

Школа

Первыми забили тревогу учителя школы. Они обнаружили неготовность своих учеников читать большие тексты и слушать длинные речи. Учителя обвинили учеников в том, что у них не развито понятийное мышление, что они не умеют обобщать, не способны связать концы с концами, не хотят читать книги, не могут сконцентрироваться. В чем причина такого положения дел? В плохой памяти? Конечно, память нужно тренировать. Но зачем? Чтобы запомнить длинный текст? Но не лучше ли его разбить на фрагменты? Педагоги видят причину в распространении интернета и вообще экранной культуры.

Они полагают, что все дело в клиповом сознании, которое не умеет анализировать и склонно к просмотру дайджестов, выжимке информации из разных источников. Но в интернете и взрослые ведут себя, как дети. Они чувствуют себя раскрепощенными и анонимными, будто попали в какую-то большую толпу и растворились в ней, ни за что не отвечая. В социальных сетях легко потерять чувство реальности и вернуться в детство.

На самом деле, в образовательных учреждениях столкнулись две реальности: книжная и экранная, нарождающаяся и отмирающая, ученики и учителя. Школьник смотрит на учителя как на экранного персонажа и ждет от него умения упаковывать мысль в образ. Образ — это не знак, не слово. Он не отсылает к другому образу. Знак — это всегда два знака. Знак отсылает к другому знаку, одно слово — к другому слову. Ученик еще не знает, что в школе не мыслят. В школе говорят. Это потом он поймет, что в школе учат. Поэтому понятнейшее мышление для него — это как бег с препятствиями. В нем смысла мало, а трудностей много.

В школе началась война между поколениями: школьники ориентируются на клиповое сознание, учителя приучают их к понятийному. Учителя привыкли говорить много, длинно, утомительно и обо всем. Школьники хотят, чтобы они говорили коротко, как на камеру, и по существу, полагая, что урок — это место еще и для когнитивных развлечений. Лектору нужно давать не 90 минут, а 10 минут для изложения своих или чужих мыслей. Все остальное время должно уйти на обсуждение.

У педагога складывается простой концепт ума: быть умным — значит быть послушным. Ученик понимает, что ум нужен не ему, а педагогу. Педагоги придумали ум для того, чтобы им было легче управлять недорослями. Для ученика думать — значит быстро думать. Быстро думать мешают детали. Следовательно, детали нужно вынести за скобки. А учителю кажется, что дети не готовы принимать взвешенные решения. Напротив, ученик склонен считать, что учитель не умеет мысль упаковать в картинку. Школьнику нужен афоризм, слоган, а не набор языковых штампов.

В музее, глядя на картины Пикассо, я могу видеть одновременно передний план и задний план изображаемого предмета. В магазине я прошу сделать мне нарезку. Секущая плоскость ножа превращает колбасу во множество фрагментов некогда монолитного куска. В школе составляют расписание. Секущая плоскость взгляда завуча превращает монотонное время во множество не связанных друг с другом уроков. Школьник в школе, как зритель перед телевизором, меняет один урок на другой. Смена уроков вызывает иллюзию огромной скорости дви-

жения, такую же, как у зрителя перед телевизором. Только у школьника — расписание, а у зрителя — пульт. Студента просят сделать конспект книги. Конспект — это монтаж мыслей, изложенных в книге. Книга требует медленного чтения, компьютер настаивает на быстром просмотре. Студент, как пассажир автобуса, может одновременно слушать музыку, читать книгу и общаться в социальных сетях. Кто плохо понимает чужие мысли, тот может изобретать свои, потому что чужие мысли носят, как правило, языковой характер.

Из вузов и школы исчезло главное — идея. А без идеи, без мифа школа — это не школа, а институт — это не институт, а место пребывания лоботрясов.

Идея

Идея — это социально приемлемая параноя, которая может быть выражена в линейном порядке слов. Но все эти слова, как рисунки в пустыне Наска, до недавнего времени должны были прочерчиваться одной линией. Эта линия не должна была прерываться, потому что, прервавшись, она создавала разрыв в порядке, трещину в бытии, в которой мог обосноваться хаос. А хаос — это, как броуновское движение атомов, ничем не связанные между собой серии и потоки множественного, образовавшегося на месте сингулярного (единичного). Поэтому логос запрещает своевольно прыгать с одной линии на другую, метаться между разными линиями, ибо в результате этих метаний будет существовать не что-то, а ничто.

Охранять линейную последовательность философия поручила категориям гармонии и субстанции. Но субстанция служит не сознанию, а языку. Язык линейен, сознание множественно. Язык говорит: все по порядку, всему свое время. Сознание говорит: не хочу ждать, хочу одновременно видеть все сразу. С. Эйнштейн придумал даже что-то вроде «книги-шара», в которой ссылки одной части на другую были взаимными. Кортасар выдумал «игру в классики», Борхес создал «Сад расходящихся тропок», а Павич вообразил «Хазарский словарь». Наконец, Витгенштейн, презрев свою аналитику, заговорил о «визуальной комнате». Иногда смотреть не легче, чем читать. Гринуэй говорит, что люди смотреть еще не научились, что смотреть труднее, чем думать. Теперь идея должна визуализироваться и приспособиться к серии множественного.

Клип заставляет сознание не продумывать мысли, а монтировать их. Быть не мыслителем, а режиссером мыслей. Сознанию нужна наглядность. Оно устало от абстрактного мышления, которое практикуют торговки на рынке и офисные менеджеры.

Любое мышление требует времени и сосредоточенности на чем-то одном. Нельзя думать и говорить. Когда говорят, тогда не думают. А если думают, то плохо говорят. Правильная речь — признак отсутствия мысли, т. е. указание на то, что речи не предшествовало размышление.

Имманенция

В момент, когда сознание перестает быть тем, что оно есть, оно скрывает свою истину. Ни психологи, ни лингвисты не могут говорить на языке его истины, ибо они объективируют сознание, делая его чужим по отношению к себе. Сознание гибнет в мире любых объективаций, прежде всего, предметных и языковых. Потому нам нужно поймать сознание в глубине его имманенции, в момент, когда оно находится у себя дома. Нам нужно живое сознание, не отчужденное от самого себя в языке и, следовательно, в знании. У себя дома оно у маленьких детей и, возможно, у сумасшедших.

Самоаффектация

Краснеть от смущения — значит находиться у себя дома, в глубине имманенции своего сознания. В самоаффектации сознание присутствует по отношению к самому себе, и это присутствие нельзя получить никаким внешним образом. Все знают, что если ты нарушаешь табу, запрет, то тебя будет мучить совесть. Человек может умереть от самонаказания. В лучшем случае у него могут произойти нервный срыв, психическое заболевание, и физически здоровый человек может оглохнуть или ослепнуть. Результаты работы сознания можно наблюдать телесно, как, например, парализованную руку или ногу, как вполне реальный ожог.

Когда тело начинает реагировать не на внешнюю причину, а на призрак, тогда возникает мое тело, которое я переживаю в отличие от другого тела, которое я только наблюдаю.

Время

Любое мышление требует времени и сосредоточенности на чем-то одном. Нельзя думать и говорить одновременно. Клиповое сознание нас спрашивает: вы хотите думать? Пожалуйста, думайте, но думать — значит быстро думать. Вы хотите понимать? Ради бога. Но понимать — значит быстро понимать, а не танцевать герменевтические церемониальные танцы. Все, что мешает быстро думать и быстро принимать решение, должно быть оставлено без внимания. Клиповое сознание — это монтаж. Оно не обобщает, а выдумывает.

Быстроте мысли мешает увальень-язык. Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие.

Поэтому первый признак клипового мышления — это языковой минимализм. Мгновенное схватывание сути дела происходит в образе или наглядной схеме. Клиповое мышление интересуется не способ связывания одного суждения с другим, а наглядное изображение мысли в целом.

Другим признаком клипового мышления является обращение не к опыту, а к воображению. Опыт закрывает возможность связи с априорными ресурсами мышления. Воображение, как раз, использует эти ресурсы. Визуальное мышление актуализирует их.

Особенность клипового сознания состоит в том, что его нельзя представлять как поток. Оно перестает течь куда-либо. Это сознание вне времени. Это серия взрывающихся галлюцинаций, лопающихся пузырей субъективности, обусловленных сжатием границ антропологического в человеке. Человеческое теперь задается технически, как то, что не воображает и расположено вне самоаффектации. Коммуникация съела самость. Человек перестал узнавать самого себя.

Мир как визуальная комната

Клиповое сознание не мыслит, а визуализирует мир. Оно делает невидимое в мире видимым. Где мыслят, там, конечно, не существуют, а где существуют, там не мыслят. Напротив, визуализируют там, где существуют, а существуют тогда, когда возможна визуализация. Клиповое сознание работает по принципу зеркального отражения в визуальной комнате.

Возможны два способа вовлечения сознания в социальную онтологию. В одном случае возможно мышление. В другом — визуализация. В первом случае точка зрения прикреплена к субъекту. Во втором — зрение никому не принадлежит, оно не прицеплено ни к какому Я. Точка зрения существует, как щепка, брошенная в ручей, без всякой заинтересованности в бытии ручья.

В визуальной комнате нет времени. Поэтому все восприятия одновременны и воспринимают себя. Если сознание уклоняется от мира и направлено на Я, то в зеркальной комнате оно ищет себя и не узнает себя. Когда мы видим себя в зеркале, мы знаем, что мы перед зеркалом, а не в зеркале. В зеркальной комнате бесконечное множество самоотражений, и мы не фокусе, не в центре. Мы не узнаем себя, мы не знаем, где мы стоим перед зеркалом. Все отражение. Если бы мы узнали себя в некоем центре, то тогда мы бы стали тем, что Гуссерль называл трансцендентальным Я.

Логос природы

Природа запрещает человеку отождествлять бытие и мысль о бытии. Она против Парменида и против Хайдеггера. Грезящая материя

должна лишиться грез, т. е. онтологического, чтобы оставить только онтическое. «Бытие не тождественно мысли», — говорят нам все живое и неживое. Жизнь — это не логика, а абсурд. Чтобы не было абсурда, грезы материи нужно закупорить. И только в этом случае будет возможна эволюция, возможен отбор. Если бытие равно пониманию бытия, то эволюция невозможна. И человек невозможен. Ведь человек — это девиация, отклонение от тождества. Как назвать того, кто не отличает бытие от мысли о бытии? Сумасшедшим. И первым это, видимо, понял Парменид. Что будет с человеком, если для него съесть банан и подумать о том, чтобы его съесть, одно и то же? Он умрет. Его забракуют эволюция. Поэтому для человека важно научиться соединять воображаемое и реальное.

Если сознание — это набор образов, склеенных между собой в одну эмоционально раскрашенную картину, то клиповое сознание — это монтаж картин-иллюзий, которые мы сами себе показываем. Но показываем мы их себе не потому, что хотим удовлетворить свою потребность в галлюцинациях, а потому, что мы знаем гораздо больше, чем можем высказать.

Клиповое сознание и априоризм

Сознание человека нельзя получить из опыта. В опыте есть все, кроме сознания опыта. Априорные структуры сознания позволяют человеку расширять свои знания без обращения к опыту. А поскольку опытом обычно называют то, что зафиксировано в языке, то доопытные структуры сознания будут носить неязыковой характер.

Априорные структуры сознания проявляют себя прежде всего в художественном опыте. В наскальной живописи, в картине, изображающей раненного бизона из пещеры Ласко, мы видим точки-следы, хотя никаких точек самих по себе не существует. Сама реальность изображения есть не что иное, как объективированная иллюзия художника, место которого не определено в этой реальности. Неуместность художника, его пластичность сделали возможной его свободу от отсылок к чему-либо в мире, кроме себя.

Клиповое сознание пытается сконструировать свой взгляд изнутри самостояния человека без опоры на априоризм. Априоризм расширяет знания без расширения опыта. Клиповое сознание расширяет опыт без расширения знания. Оно сжимает временную последовательность до одномоментного разнообразия.

Осязательное прикосновения к миру

Клип — это часть, которая не отсылает к целому. Если бы она отсылала к целому, то тогда она была бы символом, а не клипом. Но эта часть не отсылает также и к другой части. Если бы она отсылала к дру-

гой части, то тогда она была бы знаком. Но клип — это и не знак. Это часть, которая отсылает к самой себе. А это значит, что у нее нет горизонта ни вовне ее, ни внутри ее. Клип избавляет сознание от необходимости обобщать. В нем общее предстает осязательно. Посредством клипа сознание пытается проникнуть за пределы языка для осязательного прикосновения к миру. При этом сознание фрагментируется, ибо оно попадает в зеркальную комнату, в которой видит только свое отражение.

Осязательно пытались прикоснуться к миру два гения. Один жил в России, другой — в Германии. Первого звали Василий Розанов, второго — Фридрих Ницше. Оба они практиковали клиповое мышление в философии.

Пример клипа из философии Розанова

В XIX в. в России был популярен Чернышевский. Розанов не любил Чернышевского, но объяснять свою нелюбовь он не стал. Ведь если ее объяснять, то нужно анализировать взгляды Чернышевского, искать в них плюсы и минусы, создавать понятия, вступать в дискуссию. Розанов ничего этого не делал. Он создал «клип», образ, в основу которого он положил деталь, частность, одну фразу, сказанную Чернышевским.

К Чернышевскому Розанов подбирается как бы между делом со стороны Гоголя. Герои Гоголя, как куклы, не имеют внутреннего. Они просты и понятны. «Кто же, — пишет Розанов, — не поймет азбуки, понял даже Чернышевский, не умевший различить чубука (трубки) от жены (основная идея “Что делать”)». И далее идет цитата из Чернышевского: «Не обижает же вас, если кто покурил из вашей трубки: почему же сердиться, если кто-нибудь совокупится с вашей женой» [1, 94].

То есть Гоголя поймет даже тот, кто не понимает, что жена — это не трубка. Так Розанов поместил в частность и Чернышевского, и его теоретические взгляды.

Пример клипа из философии Ницше

В «Несвоевременных размышлениях» Ницше нужно сказать, что между животными и людьми нет никакого различия. И одновременно нужно сказать, что это различие есть. Как Ницше строит свое клиповое мышление? Он начинает делить людей на две части: одна и самая большая — это люди звери. Другая — это люди не звери. Ницше пишет в «Шопенгауэр как воспитатель»: кто нас поднимет из потока жизни? И отвечает: «Это те подлинные люди, которые уже не звери, — философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает свой единствен-

ный скачок радости...». В этом образе-клипе Ницше упакована ментальная энергия аффекта, которая равна теории эволюции Дарвина. То есть людьми нас делают художники, философы и святые, и это их дело нельзя объяснить естественными причинами. Художник — это пропуск, разрыв в причинной цепи, скачок к тому, кто самим собой начинает быть человеком.

Кошут

Тайну сознания понял студент-художник Д. Кошут и создал объект «Один и три стула». Его объект соединил в себе стул, фотографию стула и статью из словаря под титулом «стул». Тем самым Кошут дезавуировал заявление Ницше о человеке-художнике и объявил, что художник не тот, кто рисует, а тот, кто умеет говорить нарисованным. В искусстве стало важным не искусство, а концепт.

Концептуализм в искусстве на место сознания поставил язык. Искусство перестало быть событием сознания и стало событием языка. Одну из своих статей Кошут назвал «Искусство после философии». В этой статье он попытался выразить смысл современного искусства. Если под словом «философия» понимать «сознание», то современное искусство нужно трактовать как то, что случилось после сознания. Вернее, после того, как оно ушло.

Тем самым, главное открытие философии XX в. состоит в следующем: жизнь современного человека стала жизнью после сознания. А это значит, что язык — это теперь наше сознание. На агрессию языка сознание ответило клипом.

Жизнь после сознания — это уже не искусство, а перманентная война между событиями и смыслами. Чем больше в мире происходит событий, тем меньше в ней смысла. События — это то, что нарушает порядок бытия. Смыслы ведут в тихую повседневность быта, в мир обжитого и привычного. События обесмысливают смыслы и распространяют пустоту нового времени по всем сторонам света. Смыслы огрызаются, лишая события состава событийности и пророчествуя о скором наступлении нового средневековья. Антропологическое теряет свет художника, философа и святого. На мир опускается тень приближающейся антропологической катастрофы. Сначала мы перестаем замечать красоту, а затем и возвышенное.

Красота и возвышенное

В каждом из нас есть два чувства: чувство возвышенного и чувство прекрасного.

Чувство возвышенного сопряжено, как правило, с дикой природой. Прекрасное — с тем, что сделано, с искусственным. Высокий дуб вызывает в нас чувство возвышенного. Новогодняя елка воспринимается

нами как нечто прекрасное. Шторм, извержение вулкана, буря, снежные вершины гор обессиливают силу цивилизации, смещают человека из центра мира. Они лишают его сознания субъектности. Потеря привилегированного положения заставляет человека испытывать чувство растерянности и одновременно страха и грусти, а потом — восторга перед дикостью.

Дикое

Дикое просто. Одним тем, что оно есть, оно приводит нас к состоянию, в котором мы понимаем, что мы не вершина высокого, что есть еще то, что выше нас. Всякая высота, равно как и всякая глубина, поражает нас своей мощью, вызывая в нас ужас. Но это ужас, который возвышает нас. День, по словам Канта, конечно, прекрасен. Но возвышает нас все-таки ночь.

Быть диким — значит быть необработанным, невозделанным, неручным. Ручное, обработанное человеком относится к культурному. Например, цветочная клумба — это нечто возделанное, культурное, само по себе не существующее. А васильки в поле — это то, что не приручено человеком, то, что существует само по себе, естественно. Проблема состоит в том, что человек научается видеть красоту возделанного, культурного и разучивается видеть красоту дикого, необработанного. Нам нравится подстриженная травка на газоне, мы любим деревом, которому придана форма шара. Но от нас ускользает красота заросших дубрав, журчанье неприметных сельских ручейков. Нас радует пение канарейки в клетке, но мы перестаем замечать стрекот кузнечиков на поляне и щебет птиц в лесу. Для нас теперь природа — это дачный участок и горшочек с цветами на подоконнике. Все мы теперь горожане, которые предаются забвению память о том, что культурное восходит к культуре, а не к искусственному, в основе которого, в свою очередь, лежит не культ, а техника.

Город

Город — это ограда, забор, за которым начинается невозделанное, некультурное. Город победил деревню, искусственное в нем вытеснило естественное. Город симулятивен. В нем можно не быть, а казаться. Природа не симулирует. Дикая природа — это пространство подлинного, а не рефлексивного. Здесь нельзя делать вид. Здесь, чтобы казаться сильным, нужно быть сильным. В деревне, в отличие от города, возникало и непрерывно воспроизводилось осознание различия между тем, что делается, и тем, что может только вырасти. Между органикой и производством.

Страшная красота

Существует два разных взгляда на красоту. Один наиболее ярко представлен Сартром, другой — Достоевским. Что такое красота для Сартра? Для Сартра красива береза, нарисованная на картине, и некрасива береза, растущая под окном. Для него в основе красоты лежит активность трансцендентального субъекта, нечто сделанное. Для Достоевского красота — это страшная вещь. Почему она страшная? Потому что она неопределима. А почему она неопределима? Потому что в ней Бог задает одни загадки и парадоксы, или, как говорит Достоевский, в ней берега сходятся. Например, то, что для ума позор и уродство, то для сердца красота и наоборот. Достоевский пишет: «Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому что, Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей».

Литература

1. Розанов В.В. Мимолетное. М., 1994.

К.В. МОЛЧАНОВ

Некоторые вопросы осуществления диалектического рефлексивного изложения в Интернете

Не познается ничего, чего нет в опыте.

Г.В.Ф. Гегель

Аннотация. Статья посвящена анализу ряда проблем и диалектических положений, связанных с презентацией диалектической информации в Интернете.

Ключевые слова: диалектика, информация, Интернет, социальная сеть.

Abstract. This article is devoted to the analysis a number of problems and dialectical propositions related to the presentation of dialectical information on the Internet.

Keywords: dialectics, information, Internet, social networking service.

Очень часто звучит вопрос — почему изложение *диалектической философии* [1] трудно воспринимается? Ответ предельно прост: диалектическая философия имеет свой *язык*, на котором только и можно изложить ее знания и который надо знать, чтобы их понять.

В современной диалектической философии [2] изложение варьируется от наиболее сложного, синтез-идеализованного, имеющего явно выраженные объективные онтологические аспекты, до простого, рационально-объективного, приближающегося к традиционным научным нормам, и осуществляется, в основном, в следующих стилях [3]:

- *основной стиль*, основанный на *переходах и снятиях* диалектических моментов и определений, при этом существенные и несущественные для изложения значения терминов определяются его контекстом;

- *особый стиль*, в котором позиционируются *совокупности умозаключений, утверждений и идей* относительно смысловых значений отдельных определений, словосочетаний и подчиненных контентов (предложений);

- *коммуникационный стиль*, использующий диалектические формы изложения формально и даже объективно-рациональные формы изложения, достаточно приближенные к научным и научно-публицистическим формам изложения.

Кроме стилей диалектическое изложение характеризуется распространяющимися на них формами и моментами.

В последнее время интенсивно развивается *особая форма изложения* — *рефлексивное изложение*, которая оптимально подходит и для изложения диалектических материалов в Интернете.

Изложение диалектических материалов, во-первых, в смысле формы должно быть выражением содержания, причем содержания сложно структурированного, имеющего многочисленные обратные связи. Поэтому изложение диалектических материалов само по себе, во-вторых, оказывается рефлексивным. Но, в-третьих, его особенность становится особенностью, раскрываемой в смысле диалектичности содержания изложения и рациональности форм презентации¹⁵, однако в случае

¹⁵ Тут, во-первых, имеется некоторая аналогия с тем, что особенное в природе, по Гегелю, оказывается двоичным, и, во-вторых, проявляется специфика, органичная для указанных Гегелем свойств *разума*, в частности, возможна ин-

рефлексивного изложения она является отрефлектированной в себя особенностью изложения, что, в свою очередь, в-четвертых, раскрывается еще и во взаимосвязи с *образующимся содержанием изложения*, которое не всегда совпадает с исходным содержанием¹⁶, а его самого особенность оказывается присущей рефлексивному изложению. В этом смысле, в-пятых, имеется противоречие указанных диалектичности содержания изложения и рациональности форм презентации, которое решается известными из философии Гегеля приемами, а в Интернете — путем применения IT-технологий современной диалектики, однако основную линию изложения в нем можно выстраивать только на объективном противоречии, которое было найдено (см. ниже). При этом, в-шестых, рефлексивное изложение как *особенное* оказывается связанным с объективностью, факторы которой также необходимо учитывать, но оно имеет особенное содержание (например, изложение в Интернете), как оказывается, в-седьмых, находящееся под влиянием внешних факторов (к которым относятся моменты объективности: программные вопросы, социальные аспекты и др.). Внешние аспекты приходится учитывать в смысле опосредствования в излагаемом материале (и по этой причине содержание изложения тоже оказывается двойственным), и они не только оказывают непосредственное влияние, но и становятся моментами предмета изложения.

Обозначенное рефлексивное изложение дополнительно определяет и некоторые особые положения, которые следует акцентировать отдельно, ибо они затрагивают не только (1) диалектическую рефлексивную форму изложения, а также связанные с этим (2) рациональные формы презентации информации, в том числе в Интернете, но и (3) ряд аспектов содержания изложения и (4) ряд новых форм обработки информации, а также, (5) что очень важно, некоторые психологические факторы, которые нельзя игнорировать (см. ниже).

Итак, особенности рефлексивной формы изложения связаны не только со спецификой излагаемого диалектического материала, но и с определенными нюансами современных форм презентации информации, в том числе в Интернете, что принципиально важно для современной диалектики, получившей таким образом специализированный доступ к большим возможностям, которые предоставляет Интернет. Однако следует отметить, что это положение имеет большое значение

версия указанного состояния, что обуславливает различные формы как рефлексивного изложения, так и его применения.

¹⁶ Это происходит по ряду причин, в том числе и по вполне рациональным причинам: например, актуальны формы и условия размещения содержания в Интернете, мотивы сохранения ноу-хау, специфика разумного изложения и др.

и в смысле презентации информации, и в смысле методов ее обработки и подготовки (оформления), что, в свою очередь, связано с рядом вопросов, которые оказываются комплементарными современному диалектическому изложению. Одним из них является программирование (которое, правда, и само важно в смысле инструмента создания нужного программного обеспечения), причем оно связано с *диалектической гносеологией*. Таким образом, рефлексивное изложение (и его обеспечение) оказывается связанным еще и с диалектической гносеологией. Это — важное положение, которое в целом понятно, но его следовало акцентировать. Другим положением является *среда*, в которой реализуются информация (в том числе Интернет) и в которой, в свою очередь, реализуются гносеологические (программные) разработки. Это второе положение очень объемно, однако главным в нем является практика, причем разнообразная — как программистская, так и социальная. И хотя все это в целом понятно, но все же исследования соответствующих вопросов (в данном случае это рефлексивное изложение, хотя есть и другие диалектические направления исследований) вне диалектики проводятся очень редко. Однако, так как и практика составляет весьма значимый по объему вопрос, то пока остановимся только на одном его аспекте — изменения ситуации в сфере публичной презентации информации, точнее — в *социальных сетях*. Он и сам по себе важен, и некоторым образом изучен (см. ниже), так что будет понятен и весьма актуален для рассматриваемых вопросов — для рефлексивного изложения материалов современной диалектики вообще и в Интернете в частности.

Следует напомнить, что рассматриваемый в этой статье вопрос понимается как сторона рефлексивного изложения диалектических материалов и напрямую связан с аспектами и презентацией некоторого диалектического содержания, причем его трансцендентная по своей сути особенность становится особенностью в нашем физическом мире, раскрываемой поэтому, как указывал Гегель, в смысле двоичности. При этом в смысле указанных выше а) диалектичности изложения и б) рациональности презентации (например, за счет использования компьютеров) имеется противоречие, которое в Интернете в смысле формы поэтапно решается путем применения IT-технологий современной диалектики, а в смысле содержания — за счет снятия противоречия среды. Иными словами, для более эффективной презентации диалектических материалов и обеспечения обмена информацией необходимо было решить вопрос, как и полагается в диалектике, обобщения содержания, материалов изложения (например, в смысле диалектического метода Платона [4] — восхождения к идеям), но в смысле не текстов, а *понятия*, что потребовало поиска и решения противоречия в

самой среде. *Без противоречия в среде (в Интернете) эффективно реализовать рефлективное изложение было бы невозможно.* Это — новое и важное положение, которое недоступно наукам по причине их материалистичного недопонимания диалектики. А вот в современной диалектике этот вопрос был изучен и раскрыт достаточно полно. Но в настоящей статье коснемся лишь одной стороны этого вопроса, соответствующей предмету статьи: *изменения форм и некоторых современных аспектов презентации информации в социальных сетях.*

Этот вопрос а) важен сам по себе, б) важен для ряда тем диалектических исследований и некоторых диалектических наук (например, для *диалектического программирования* и для *диалектической психологии*) и в) напрямую связан с отдельным вопросом — с реализацией (практикой) диалектического программирования. Также понятно, что позиции указанного вопроса напрямую связаны и с обстоятельствами основы и реализации рефлективного изложения диалектических материалов, что, обратно, в рефлексировании оказывается связанным и с их содержанием. Последнее понятно: в частности, *вопросы познания и алгоритмизации напрямую связаны с построением рассуждений, которые, с другой стороны, выражаются при изложении.* (Это — еще одно важное положение, понятное и используемое в диалектике, но чуждое наукам и рационалистичному мышлению.) Но сейчас следует акцентировать не гносеологические вопросы, их можно будет обсудить отдельно, а лишь *практические социальные аспекты.*

В указанном смысле интересны, в первую очередь, следующие два положения.

Первое: люди все больше времени проводят в Интернете. Если усреднить данные различных социологических и иных исследований, то за последний год время, которое люди проводят в Интернете, возросло на 10%.

Второе: в то же время люди... все меньше времени проводят в социальных сетях. Согласно ряду исследований, некоторые пользователи вообще утратили интерес к виртуальному общению и даже удалили из социальных сетей свои аккаунты.

Любой желающий может найти в Интернете многочисленные социологические и другие данные по этим вопросам и сопутствующим им. Но тут следует различить источники информации (правда, это нужно в большей мере при внедрении результатов собственных исследований; это — тоже важное положение): во-первых, разнообразные информационные интернет-ресурсы, во-вторых, профессиональные исследования специализированных организаций (обычно приводятся данные компании YouGov), в-третьих, научные исследования (современная диалектика при изучении социальных сетей и Интернета часто

использует исследования американских университетов, например, Университета штата Алабама), и, в-четвертых, собственные диалектические исследования, проводимые на основе принципиально новых инструментов (например, диалектические инструменты исследований в области психологии). Информация, собранная в современной диалектике за многие годы, отличается от информации, собранной в многочисленных научных исследованиях, тем, что базируется на рефлексивном принципе ее сбора и оценки и является целенаправленной (в целях удовлетворения потребностей современной диалектики; *здесь*: цель следует понимать в диалектическом смысле), или предметной, в то время как в научных и иных публичных исследованиях в лучшем случае просто применяются те или иные методы к данным, имеющимся во всей их получаемой совокупности, а то и просто данные лишь обобщаются известным образом для получения выводов по неким общим правилам. Иными словами, в современной диалектике была собрана информация, позиционированная по ряду специализированных признаков и критериев, некоторые из которых к тому же являются целевыми. Это и позволяет делать выводы, теоретически и практически важные для современной диалектики и для достижения ее целей, а не просто говорить о цифрах (обработанных данных) и уже потом о следующих из их общего анализа некоторых выводах, как это обычно происходит в науках.

В рамках диалектических исследований в области психологии удалось обнаружить ряд новых актуальных психофеноменов, про которые в науках до сих пор ничего не говорится (на основе их инструментов и предметных областей исследований некоторые новые данные получить попросту невозможно).

Актуальны новые исследования и в области обработки информации. Речь идет, конечно же, не об алгоритмах, которые достаточно хороши и в науках, и не об аппаратных средствах. Речь идет о предметных анализе и подготовке информации (данных), что в науках имплицитно присуще естественным наукам, а в общественных науках игнорируется, сколько бы о *математизации* в них не говорилось.

Кроме того, можно указать и ряд других направлений исследований, например, новые формы PR, причем именно они сейчас наиболее актуальны для рекламных агентств и рекламодателей...

Обсудим некоторые положения диалектических исследований проблем социальных сетей и по ходу их изложения сделаем ряд выводов.

Первым положением, которое присутствует практически во всех обсуждениях проблем социальных сетей, является негатив рекламы. Людям она уже попросту надоела в социальных сетях. И пользователи

из-за этого уходят из них. *Теряют и рекламодатели, и социальные сети.*

Но в то же время, имея а) новые возможности исследований и б) данные о психологии современного Интернета и о новых формах презентации информации (которые, конечно же, в диалектическом программировании разрабатывались не для рекламы, но могут использоваться, как оказалось, и для ее нужд), можно по-новому корректно и эффективно организовать презентацию информации, и этим *заменить рекламу по форме* (но оставить ее суть, и в этом случае можно использовать гегелевское понятие единства содержания и формы, в науках, правда, почему-то не рассмотренное по существу; это — еще одно новое и очень важное положение). Следовательно, вопросы *замещения* рекламы, тем более с возможностью презентации коммерческой информации (так назовем эту не-рекламу), актуальны и могут быть весьма важны и интересны (особенно коммерческим структурам). Такова одна социальная практическая сторона рассматриваемого вопроса. А в противоречии тут находится конкретная задача, которая как противоречие решается обычным для диалектики способом, но в форме (за счет) новых инструментов презентации информации (в том числе не-рекламы), и это является важным для рефлексивного изложения.

Второе положение касается личной жизни людей. Многим пользователям не нравится то, что их личную жизнь может обсуждать любой человек, да еще зачастую с усмешкой, а то и вовсе ругать. Это частое явление в социальных сетях. То, что творится на большинстве открытых форумов, — это просто ужас: *троллинг*, ругань, *оффтопы!*.. Кому ж это, действительно, понравится? Но вопрос в другом: почему разработчики социальных сетей этого не учли (или преднамеренно создали такую ситуацию)? А сейчас уже поздно что-то исправлять: имеется устойчивый тренд. Вот многие пользователи уже и не общаются в социальных сетях и даже закрывают аккаунты. Это факты.

Но ведь можно сделать и выводы, которых в научных публикациях по указанным вопросам почему-то нет. Например, что именно беспокоит людей? Вопрос, как кажется, слишком общий. Но что если посмотреть на него под определенным углом зрения, обусловленным конкретным ресурсом? В этом случае общность (как диалектический аспект) будет снята, но в итоге, правда, при научном подходе ничего рационального не останется (именно по этой причине в науках исследования соответствующих вопросов не проводились). Поэтому требуются рефлексивные инструменты, которыми обладает только диалектика (и по этой причине в рационалистических науках соответствующих исследований не могло быть). При их использовании можно получить в конкретном случае (а ведь *каждого интересует именно его*

собственный конкретный случай — вот еще в чем вопрос!) предметные положения, которые и нужны для организации работы конкретного ресурса, ведения конкретной публичной деятельности, конкретной презентации информации (в том числе реклама) и т. д. (Правда, тут обнаружится извечная для наук *проблема абстрактного и конкретного...*) И почему бы, если есть возможности, не решить эту проблему хотя бы в частном? — но не вообще в частном, а для себя в частном. Да и посылка является очевидно гуманитарной: беспокойство о людях, в частности, забота об их личной жизни. Это многим понравится. Так это тогда и нужно делать (и можно делать за счет обнаруживаемых в исследованиях предметных положений)! Более того, люди отплатят добром на добро: например, они подскажут, что плохо, что хорошо, что нужно сделать, даже помогут дооформить ресурс и т. д. (и надо брать и делать то, что люди говорят: со стороны виднее). А это и есть, во-первых, весьма эффективный вариант решения обозначенной проблемы и ряда других, а также, во-вторых, как раз то общение, которое теряют социальные сети. Иными словами, внутри проблемы, которая может возникнуть для конкретного ресурса, обнаруживается источник ее решения. Но главное — учет пожеланий людей, касающихся защиты информации о них и об их деятельности. Причем следует учитывать актуальные для диалектических ресурсов положения, которые, быть может, будут интересны для коммерческих и некоммерческих ресурсов. Одно из них — реклама. Другим является приватная дискуссионная деятельность пользователей, что в сетях достигается известным образом — за счет ограничения доступа к записям, ибо многим не нравится деятельность троллей и других негативных интернет-персонажей. И др.

Так что второе положение оказывается многопозиционным, и мы указали лишь некоторые его позиции.

Третье положение, пусть и частное, касается троллинга в широком смысле и следует, в частности, из него. Пока не будем останавливаться на всех аспектах, а укажем лишь некоторые очевидные положения. Во-первых, троллинг порой вызван особыми состояниями или аспектами психики человека, т. е. человеку иногда нужно не просто выговориться, или самовозвеличиться за счет другого, или привлечь к себе внимание. Возможны одномоментные аффекты и др. При этом для таких людей именно психологические факторы порой являются раздражителями (например, цвета сайта). Данные диалектических исследований в области психологии, во-вторых, позволили сделать *вывод о возможности предположения конкретной реакции у некоторых людей, начинающих в Интернете*, причем, главное, тех, которые отличаются *флудом* (а это — *обильный информационный ресурс*, в котором содер-

жание словоблудия не так уж и важно). И этим, в-третьих, можно пользоваться, раз уж поведенческие функции достаточно предсказуемы. Так что троллинг и другие линии поведения оказались связанными не только с общеизвестными социальными и иными вопросами, но и с предметно-практическими вопросами, в первую очередь, с *управлением в Интернете некоторыми сторонними потоками информации* (это — третье новое и важное положение). А нужно ли это для презентации информации, для продвижения сайта и для рекламы? — об этом каждый может подумать сам.

Четвертое положение связано со вторым. Оно касается безопасности личных данных пользователей. Как так? — это, вроде, и так всем понятное положение! Но нет: в общепринятом смысле оно понятно с точки зрения методов защиты данных и т. п., а сейчас разговор идет о социальной стороне вопроса, которая вне диалектики (в программировании и при создании интернет-ресурсов) не рассматривается. Но она должна рассматриваться, и это тот принципиальный вывод, на котором следовало бы акцентировать внимание разработчикам интернет-ресурсов. Именно он позволяет найти обратную связь с формами презентации информации, а это — еще один важный вывод. Правда, в случае презентации диалектической информации следует учитывать еще и рефлексивный аспект, который, однако, и сам по себе может очень эффективно использоваться и в недиалектических ресурсах и проектах (это тоже можно принять за отдельный вывод).

Пятое положение заключается в том, что люди теряют интерес к общению в социальных сетях. Часто слышатся разговоры о том, что люди уже «наелись» форумами и социальными сетями. Фотографии алкоголиков, котиков и т. д. еще пользуются успехом, но, в-первых, уже наступает пресыщение и ими и им подобным, и всем хочется чего-то новенького, и, во-вторых, теряется интерес вообще к форумам и социальным сетям, так как в них нет того, что от них *теперь* ожидается. (Что — еще не известно, но то, что чего-то нет, это многим уже понятно.) В-третьих, при этом обычная форма общения, в том числе в виде форумов и журналов, уже изживает себя еще и потому, что соответствующие ресурсы забиты офтопами, троллингом, *флеймами* и т. п., но не тем, чему посвящается ресурс, не тем, чего хочется людям.

А вообще в Интернете форумы и журналы быстро превращаются в *информационную свалку*, причем фотографии алкоголиков, котиков и т. п. размещать на площадках, которые декларируют приверженность науке или другим конкретным темам, как-то не с руки. Вот и мельчают «научные» и другие форумы и попросту опустевают: если не в количественном смысле (модераторы обычно сами пишут под разными *ника-*

ми для увеличения объема материала), то в содержательном точно. С социальными сетями тоже дела обстоят плохо, так как а) общую для всех участников тематику создать невозможно, а различные приложения могут себе позволить только богатые ресурсы; б) фотографии — слишком уж частное дело, да и по сравнению с крупными ресурсами у малых ничего серьезного не получается; в) сама мода на социальные сети и их некогда пользующиеся большим спросом возможности проходит, и это закономерный процесс. Вот и ведутся поиски новых форм и тем — об этом уже много говорится, хотя пока во многих случаях без привязки к вопросу устаревания существующей формы презентации информации. И именно вопрос о новых формах презентации информации стоит на повестке дня на первом месте. Вот и возник он и в современной диалектике...

Шестое положение: следует поставить вопрос — с учетом того, что в целом в Интернете люди стали проводить время больше, то на чем же они останавливают свое внимание? Однако соответствующих исследований нет. Но почему бы не поставить такие вопросы и не решить их? Почему бы в конечном счете не предоставить людям новые грани удовлетворения их потребностей в общении, которые раньше они возлагали на социальные сети?

Седьмое положение обусловлено, казалось бы, совершенно отвлеченным фактом — тем, что из социальных сетей подростки практически не уходят. Более того, их виртуальное общение весьма активно, а, быть может, даже немного возрастает. Какой из этого можно сделать вывод, несмотря на то, что некоторые исследователи считают, что подростки не обеспечивают существенный платежеспособный спрос? А вывод можно и нужно делать, но опять же не на основе стандартных научных подходов и рассуждений. Существенны и другие положения.

Дополнительно следует сказать и о том, что указанные положения не рассматриваются в диалектике только непосредственно как таковые, а опосредствуются, в результате чего выясняются существенные моменты и обстоятельства их реализации, причем не только в смысле конкретного исполнения, но и во взаимной связи с той или иной спецификой диалектического изложения, например, при реализации рефлексивного изложения. Поэтому кроме указанных положений также существенны и аспекты изложения диалектической философии, являющиеся отдельной праксиологической реальностью, а не только указанной выше эмпирической данностью, и составляющие особый предмет изучения. Они касаются стилей и форм изложения диалектической информации и организации непосредственных форм ее презентации.

Укажем некоторые из аспектов из ряда групп направлений современных диалектических исследований.

Первый аспект — это, очевидно, та возможность, которая обеспечивает исполнение диалектического рефлексивного изложения в Интернете. Это — программирование, которое пришлось переосмысливать в диалектическом смысле. При этом, с одной стороны, при переосмыслении программирования важным становится решение новых задач, в том числе обеспечения однозначности диалектических исследований, полноты рассуждений, обработки большого объема данных (при рассмотрении большого числа аспектов проблемы за счет многих методов возникает очень большой объем данных, которые нельзя не только обработать в голове, но и даже «удержать» в ней) и др. С другой стороны, важной стала задача именно презентация информации. Однако следует отдельно отметить, что она важна как в смысле публикаций, так и в смысле обработки данных, т. е. в смысле развития познания, так как именно презентация информации, понимаемая как подготовка информации (это и известная файловая организация данных (на дисках), и сложные базы данных, и «окошечки», и другие формы), есть необходимая составляющая познания, которое обеспечивается в том числе и указанными выше мерами. И тут важно то, что возникает существенный сверхсуммарный эффект: вопросы презентации (изложения) информации (ее инструмент) оказываются тесно связанными с вопросами познания (предметными содержаниями), что является понятным и очень важным для диалектики, а фиксация и развитие этого положения позволяет проводить исследования в направлении новых форм познания (в том числе новодиалектических компьютерных форм).

Второй аспект обусловлен фактическими обстоятельствами — особенностью современного состояния дел в Интернете (см. выше), ибо в нем уже происходят серьезные трансформационные процессы, пусть порой и малозаметные, но имеющие существенное влияние и на ситуацию в нем в целом и на проводимые перспективные исследования в частности.

Третий аспект обусловлен формой первого, но в своем содержании раскрывается в силу объективных факторов, или второго аспекта, — это моральное и функциональное устаревание многих известных форм презентации информации — энциклопедий, форумов и журналов. В целом это уже ясно многим. В частности, *размещать информацию длительного пользования на форумах и в журналах бесперспективно*. И это не простой, а многоаспектный вопрос. Например, одним из аспектов является то, что многочисленные совместные творчества и энциклопедии (создаваемые так, как они создаются) просто губят размещаемую в них информацию: конкретная информация становится и недоступной при смысловом поиске в силу обилия материала и неэф-

фективной в силу устаревшей формы презентации (речь не про компьютерный поиск по заданным ключам). По этим причинам, кстати, социальные сети предложили другие варианты, например, вариант «текущей информации» (но он обладает другими недостатками, некоторые из которых указаны выше). Поэтому следует искать новые формы, обозначению начал чего и посвящена эта статья, правда, в целевом смысле — в смысле форм рефлексивного изложения.

Отдельно скажем о том, что важным вопросом тут оказываются проблемы одной из самых распространенных в Интернете форм изложения — интернет-энциклопедий. Это можно определить как четвертый аспект: *энциклопедичность*¹⁷. Известно, что сейчас, в том числе в Интернете, плодится великое множество «энциклопедий», но энциклопедиями по своему существу не являющимися. Похоже, сейчас подавляющее большинство людей, особенно молодежь, даже и не понимают, что такое энциклопедия, и чем она отличается от других форм изложения знаний, каков ее особый признак. А ведь это важный вопрос, на который надо иметь ответ для организации эффективных форм презентации информации в Интернете, в том числе рефлексивного изложения.

При этом для изложения знаний современной диалектики актуальна еще и *диалектичность*, которая присуща диалектическим энциклопедиям (гегелевская *Энциклопедия философских наук*, новодиалектическая *Вторая энциклопедия философских наук* и др.).

Таким образом, диалектические энциклопедии отличаются от современных «энциклопедий», по меньшей мере, по двум существенным признакам.

Диалектическая энциклопедичность изложения диалектических материалов оказывается неизбежным его моментом, причем в смысле как формы презентации, так и формы познания, что не менее важно.

Комплексная характеристика изложения диалектических материалов — *диалектическая энциклопедичность*, во-первых, непосредственно связана с изложением материалов современной диалектики и, во-вторых, в частности, напрямую относится к теме, касающейся рефлексивного изложения диалектических материалов.

¹⁷ Как известно, Гегель изложил определенные диалектические знания в своей *Энциклопедии философских наук*. Не зря он выбрал эту форму, а не любимые прочими философами *начала*, *принципы* и т.п. Но этот очевидный факт прошел мимо сознания ученых и даже учеников Гегеля. Многие вообще начали говорить о *системе философии Гегеля*, хотя сам Гегель отдельно подчеркнул, что (т. е. не система) положено в основу его *Энциклопедии*.

Пятый аспект определен более широким рассмотрением предыдущих двух и вместе с тем акцентированием их различия. Другими словами, следует различать формы презентации информации. Вопрос не в ее проверке и оформлении. Это само собой, это надо учитывать, но тут ничего нового. Вопрос тут в том, что презентация информации кроме нее самой несет еще и определенную «модуляцию», весьма ценную саму по себе, — в современной диалектике на этот феномен было обращено особое внимание, так как он позволяет интенсифицировать презентацию информации и придавать ей дополнительные подспудные смыслы, что, в свою очередь, важно для решения многих вопросов (и даже рекламы в смысле указанного выше гегелевского понятия единства содержания и формы, см. выше первое положение).

Шестой аспект также определен различием, но в другой плоскости — в смысле обсужденного выше субъективного фактора — тем, что люди не общаются напоказ по серьезным темам, в том числе по причине деятельности троллей и других негативных интернет-персонажей, что приводит к ограниченным или даже закрытым формам общения, а это, в свою очередь, влияет на разработку информационной политики в Интернете.

Однако этот аспект является конкретным опосредствованием, выражением более существенного аспекта.

Седьмой аспект правильного и полного понимания комплекса и форм презентации диалектических материалов определен важным положением — *частной собственностью на знания*. Тут надо отметить, что в некоторых странах вопрос обеспечения и охраны частной собственности на знания решается не эффективно. При этом даже при наличии весьма продвинутых программных средств, позволяющих мониторить интернет-пространство, не всегда можно зафиксировать в нем несанкционированное использование частной интеллектуальной собственности (здесь речь идет и про знания). Поэтому *фундаментальные и практические знания просто так публиковать нецелесообразно*. Тут якобы возникает противоречие с общепринятым понятием ведения научной деятельности, включающей публикации. Но на самом деле это противоречие не ведения научной деятельности, а неэффективных систем законодательства и образования, особенно, если последняя не согласуется с мировым уровнем развития познания, отстает от него. Поэтому это противоречие диалектике решать не нужно, его в ней нет, и это, с другой стороны, соответствует одной из реализаций частной собственности за знания.

Хотя... вроде бы все же возникает рассогласование между изложением диалектических материалов и нецелесообразностью публикаций фундаментальных и практических знаний. Однако и тут нет ни противо-

речей, ни рассогласований с вопросами презентации диалектических материалов. Обычно излагается их «внешняя часть», которая достаточно проста в восприятии, чем решается сразу несколько задач: например, это и доходчивая презентация диалектических знаний и поиск единомышленников. А если говорить именно о том, что порой нецелесообразно публиковать фундаментальные и практические знания, то это означает, что их следует использовать в собственных интересах (например, решение собственных жизненных задач, развитие частного бизнеса и т. д.). При этом развитие частных знаний может происходить и публично, например, в ходе дискуссий или при сотрудничестве. В смысле изложения снятие (отсутствие в публикациях) фундаментальных и практических знаний реализуется в форме исполнения их в рефлексии в себя, когда в негативности остаются внешние материалы, которые как раз и годятся для широко публичного освещения и обсуждения, так как не изобилуют глубинными положениями и поэтому относительно просты, что, кстати, и нужно для публичного ресурса. (А те, кто хочет что-то узнать поглубже, всегда может прибегнуть к изучению диалектики и т. д. Так что опять же противоречия нет: отсутствие публичного изложения фундаментальных и практических тем диалектических материалов не отрицает сотрудничества и дискуссий по ним. Но главным является все же тезис о частной собственности на знания, даже возможность которой во многих странах попросту непонятна.)

Существенны и другие положения, например, образование, понимаемое в качестве формы познания, как это принято в диалектике, социальные процессы, некоторые аспекты права и т. д. Иными словами, рефлексивное изложение, присущее диалектике, особенно в Интернете, связано не только с обсужденными вопросами — особенность современного состояния дел в Интернете и следующими из этого выводами, но и с иными, порой гораздо более широкими вопросами, причем отражающими практически весь спектр общественного бытия, т. е. является одной из насущных форм современной диалектики, принципиально отличной от научных и весьма эффективной при ее применении.

Литература

1. Молчанов К.В. Философия сама. Диалектическая философия. Новейшая философия // Философские исследования. 2007. № 1.
2. Молчанов К.В. Современная диалектическая философия и российская диалектика // Философские исследования. 2008. № 1.

3. Молчанов К.В. Гносеологический вопрос современной диалектической философии // Философские исследования. 2008. № 2.

4. Молчанов К.В. Диалектический метод, или Диалектический метод Платона // Философия хозяйства. 2014. № 4.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Знание как механизм достижения интеллектуального совершенства

Аннотация. Рассматривается добродетель знания. С помощью знания рассудок человека, восходя по спирали бытия и своего существования, способен достичь совершенства. Это состояние связано с постижением абсолютного образа истины.

Ключевые слова: знание, истина, рассудок, совершенство, гармония, счастье, философия, власть, закон, покой.

Abstract. Article considers virtue of knowledge. By means of knowledge mind of the person, ascending on a spiral of life and the existence, it is capable to reach perfection. This state is connected with comprehension of an absolute image of truth.

Keywords: knowledge, truth, mind, perfection, harmony, happiness, philosophy, power, law, rest.

Проявлением антропологических аспектов понятий бытия и небытия в метафизике становится логическая способность ума человека, которая благодаря рассудку выводит его из сферы знаний о бытии в область небытия. Это значит, что знания, добытые рассудительной способностью ума, выступают механизмом перехода человека из состояния смутного расколотого представления о жизни к целостному знанию Абсолютной истины. Рассмотрим подобный механизм подробнее.

С антропологической точки зрения знания предстают как одна из изысканных форм удовольствия человеческой жизни. А так как всякий человек всегда стремится к удовольствиям, пытаясь избежать страданий, то он, иногда даже сам того не подозревая, вынужден тянуться к знаниям. Знания приобщают его к полноте раскрывающегося перед его чувствами бытия, гармоничная жизнь с которым расширяет диапазон радостных переживаний от самых простых — моральных, до самых утонченных — духовных. Так, самые первые формы бытия человеку открываются благодаря телесным чувствам, которые с первых дней

жизни погружены в область человеческих отношений. Поиск удовольствий и дальнейшее их приумножение в общественной сфере незримо для него принимает форму стремления к знаниям, которые помогают не только обнаружить новые пути к радостям жизни, но и сохранить их.

Количество и качество удовольствий, открывшихся человеку в процессе жизни, позволяло окружающим дать бескомпромиссную оценку состоянию его ума. Уже Демокрит предлагал свой метод, с помощью которого можно было отличить разумного человека от глупца [1, 75]. Оба они живут в одном мире и обществе, следовательно, вынуждены пользоваться одними и теми же благами жизни. Однако, если первый из них — разумный, испытывает чувство удовольствия и радости от их использования, то неразумный от тех же вещей страдает. Знание меры и своевременности употребления благ становится главным критерием отличия умного человека от глупца. Но если Демокрит выбирает главным критерием человеческой жизни качество переживаемых удовольствий, то альтернативные концепции отдают предпочтение количеству благ. Чем большим числом благ обладает человек, зная как их обрести и сохранить, тем счастливее его состояние, и наоборот. Человечество приходит к дилемме: *быть или иметь* [2, 22].

Различие между *знанием бытия* и *знанием, как овладеть и обладать*, представляет собой коренную проблему человеческого существования. Эмпирические антропологические и психоаналитические данные свидетельствуют о том, что обладание и бытие являются двумя основными способами существования человека, преобладание одного из которых определяет различие вначале в рассудительных свойствах разума людей, а затем и в присущих им знаниях. Так, если под знанием бытия можно понимать такой способ существования, при котором человек не жаждет иметь что-либо, но счастлив использовать свои разумные способности, которые неизбежно выводят его к единению и гармонии с миром, то под знанием, как овладеть и обладать, подразумевается такой способ существования, при котором человек стремится иметь как можно больше, идя на поводу у своих телесных чувств, которые заводят его разум в раздробленное существование преклонения перед множеством вещей мира. Иначе говоря, налицо психологическая проблема, когда внутренне переживаемое качество бытия подменяется количеством внешних форм его проявления. Но если знание бытия приводит человека к аскезе, ведь вещи мира, как внешние условия счастливого существования, уже не нужны, то знания, как обрести, приводят к еще большей проблеме — как сохранить то, что становится неотъемлемым условием радости бытия? Рано или поздно такой тип

людей приходит к универсальному способу решения этой задачи — *жажде власти*.

Власть становится высшей формой знания о способах сохранения и накопления внешних источников удовольствия. Вместе с тем она же свидетельствует и о том, что фокус внимания и интересов человека окончательно переместился на окружающий мир, заявляя о его полном внутреннем банкротстве [3,121]. Полная внутренняя несостоятельность человека, проявляющаяся в скуке и невозможности переносить самого себя, заставляет его искать подтверждение своей значимости хотя бы в глазах других людей. Поэтому три важнейших свойства несостоятельной натуры: алчность, страх одиночества и амбициозность — становятся существенными характеристиками бытия человека, готового бороться за власть, символизирующую способ приобретения и сохранения внешних источников удовольствия жизни.

Аналогичные представления о природе власти можно найти у Ф. Ницше, который в своем главном труде говорит, что глубочайшей сущностью бытия человека выступает воля к власти, в основании которой лежит жажда удовольствия [4, 284]. Однако итогом всякого удовольствия от власти становится неизбежное и глубокое разочарование в ней.

Из множества примеров, которыми изобилует история, можно привести случай отказа от власти императора Диоклетиана, удалившегося в свое имение во имя спокойной жизни [5, 248]. Римский император на примере собственного выбора проиллюстрировал мысль Аристотеля, изложенную им в «Политике», о том, что жизнь свободного человека лучше жизни господина (1325a25). Другой демонстрацией подобного пренебрежения властью может стать эпизод из платоновского «Государства», когда перед выбором своей будущей жизни душа Одиссея предпочитает удел далекого от государственных дел человека, мирно занимающегося своим приусадебным хозяйством [6, 419]. Окончательную и самую меткую оценку роли власти в жизни человека мы находим опять у Аристотеля, полагавшего, что благородного человека власть обременяет, а низкого — позорит [7, 222]. Таким образом, даже верховная власть обнаруживает свою бытийственную несущественность для человека, во всем стремящегося к удовольствиям, гарантом которых выступают только знания. Иначе говоря, удовольствия, которые сулят общественные блага, на поверку оказываются недолговечными, обманчивыми и даже иллюзорными. Именно поэтому в идеальном государстве Платона подлинных знатоков бытия — философов, буквально уговаривали взять «бразды» правления обществом в свои руки.

Разочарованность обществознанием вынуждает разум человека искать удовольствия в более надежной сфере, где ощущения радости обещают быть существеннее и устойчивее, чем в обществе. Общества и государства изменяются, гибнут и возникают вновь. Зато мир и его законы остаются неизменными испокон веков. Следовательно, и удовольствия, которыми одаривает человека природа, являются более стабильными по сравнению с общественными. Естествознание, как следующий этап поиска существенных удовольствий, можно условно разделить на физику мира и физику человеческого тела. После углубленного изучения законов обоих тел — мирового и человеческого, обнаруживается неразрывная связь между ними. Тело человека выступает продолжением тела Вселенной, а процессы, которые протекают в макрокосмосе, обнаруживают свое органическое сходство с явлениями микромира. И действительно, попытка человека гармонизировать свою жизнь не с законами общества, а с законами природы — подражание природе, дает значительно больший эффект глубины и продолжительности радости от бытия. Однако в конце концов и здесь человек неизбежно обнаруживает несущественность физического бытия. И хотя знания, благодаря которым достигаются удовольствия от здоровья, силы, красоты, продолжительной жизни, окружающих и любящих тебя детей и внуков, более существенны по сравнению с удовольствием от власти, они также обнаруживают дефицит, недостаточность, расколотость бытия.

Причиной разочарованности человека в попытках найти окончательное удовольствие в естествознании становится многообразие законов природного мира, которые часто имеют весьма отдаленное отношение к его бытию. Кроме того, весь природный мир флоры и фауны с необходимостью подчиняется законам природы, человек же наделен свободой, которая и становится причиной как его счастья, так и несчастий. И действительно, верное использование человеком свободы позволяет ему, став счастливым, занять только свое место в жизни и играть в обществе только свою роль. Ошибочное употребление свободы становится для человека источником множества дополнительных страданий, делающих его жизнь несчастной. Иначе говоря, человек нуждается в «инструкциях», при использовании знаний которых он смог бы единственно верным образом выбрать себе дорогу в жизни, обеспечив реализацию всей полноты своего наличного бытия, переживаемую в ощущениях человеческого счастья. Таким знанием становится философия, в которой лучшие, самые пытливые умы человечества всех времен и народов делились своим опытом и знаниями — как и во имя чего жить, с настоящим и будущим поколениями. Философия, таким образом, в отличие от предыдущих сфер знания — мо-

ральной и физической, обеспечивает человеку интеллектуальные условия для совершенствования. И теперь от самого человека и его рассудительной способности зависит, насколько добросовестно и точно он выберет из ее арсенала то наследие, которое ему необходимо для изысканного удовольствия самопознания.

Выясним теперь, что человек узнает из философии о своей природе, призвании, предназначении. Если философия есть любовь к мудрости, то мудрость — это знание тех законов и принципов, по которым существует и развивается универсальная гармония — главная, а во многих учениях и единственная форма существования бытия всего и, конечно же, человека. Определим, что такое гармония. Гармония — связь разнокачественных и разноколичественных частей, образующих благообразие целого. В чем ценность гармонии в жизни человека? Она является для него источником всех форм удовольствий — от моральных и до духовных, в то время как дисгармония становится причиной нарастающих конфликтов и страданий, делающих жизнь человека несчастной. Как устроена гармония? Она имеет два фундаментальных принципа своего устройства, которые и определяют ее структуру: вертикальный и горизонтальный. Вертикальный принцип устройства гармонии заключается в том, что любой порядок должен быть иерархичен. В иерархии высшее управляет низшим, а низшее подчиняется высшему. Горизонтальный принцип устройства гармонии заключается в том, что подобное порождает подобное и, кроме того, стремится к подобному.

Каковы пути приобщения человека к гармонии? Главным методом приобщения человека к гармонии остается знание, ибо знание и есть само бытие гармонии, меняющее свое состояние с онтологического статуса на антропологический [8, 174]. Уровень знаний человека есть уровень открывшейся ему гармонии и соответствующих удовольствий. Какую роль играет для человека знание принципов устройства гармонии в процессе самопознания? Вертикальный принцип предопределяет универсальную моральную установку, обязывая человека в детстве так же подчиняться воле родителей, как в молодости — указаниям своего учителя, в зрелости — распоряжениям начальства, а в процессе всей жизни — промыслу Бога. Горизонтальный принцип предопределяет умственные способности человека, которые должны находить свое оформление в его социальном статусе. Поскольку природа человека, как и природа всего, иерархична, то по ряду антропологических методик можно выявить природную предрасположенность человека к той или иной профессиональной деятельности, за которой и будет стоять его социальный статус, а следовательно, роль и место в обществе.

Воспользуемся для иллюстрации некоторыми из этих методик, позаимствованных, например, у Платона и Аристотеля.

Согласно Аристотелю, подобно тому, как всякая война ведется во имя мира, так и всякая работа осуществляется во имя досуга, ибо именно в досуге человек, не испытывая принуждения извне и предоставленный сам себе, стремится заниматься только приятной деятельностью, подтверждая принцип: подобное стремится к подобному и порождает подобное [9, 282]. Поэтому чему будет предаваться человек в досуге, то и станет с большой долей вероятности непроизвольным проявлением его природы, которая с должным развитием оформит его профессионально-социальный статус. Так, те люди, которые предаются в свободное время лени, порокам или не в состоянии организовать свой досуг, нуждаются в постоянном контроле и руководстве. А это значит, что в обществе им надлежит быть прислугой у тех, кто более организован и потому способен извлечь пользу и удовольствие не только из отдыха, но и из работы. Те из людей, кто в досуге предается играм, развлечениям, зрелищам, путешествиям и тому подобному, скорее всего относятся к ремесленникам, торговцам, предпринимателям. Третья часть людей, занимающаяся во время отдыха предпочтительно тренировкой тела и ума, имеют предрасположенность к военным профессиям, становятся учеными, учителями, судьями. Наконец, четвертая часть общества, по количеству чаще всего наименьшая, но по качеству — наилучшая, посвящая свободное время молитве, медитации, религиозным обрядам, вынашивает в себе дар священников и жрецов.

В тех обществах, в которых с древних времен сохранялось соответствие между склонностями человека, проявляющимися в досуге, и выбранной профессией, складывался кастовый уклад. В кастовом обществе всякий человек был максимально защищен от ошибок, связанных с выбором своего жизненного пути. Это объясняется тем, что его предназначение, как, впрочем, и социальный статус, было задолго до рождения предопределено кастово-профессиональной принадлежностью его рода. Опыт последнего, накапливаясь веками, переходил из поколения в поколение главным образом двумя способами: сознательным и бессознательным. К сознательному способу передачи родового профессионального опыта можно отнести подражательный метод передачи навыков наставника — родителя своему ученику — ребенку, скрупулезно повторяющему отточенные движения мастера. К бессознательному способу передачи родовой информации можно отнести генетический путь, обнаруживающийся на втором этапе становления мастерства и проявляющийся в интуиции, воображении и творческой свободе. Именно на этом этапе ученик начинал испытывать подлинное

профессиональное мастерство и связанное с ним удовольствие, которое позволяло ему в дальнейшем «перерасти» своего наставника за счет того потенциала, который был накоплен врожденным опытом предыдущих поколений. Таким образом, профессиональное творчество, основанное на знании своей природы, призвания, предназначения, становится источником высочайших интеллектуальных радостей, которые по силе и продолжительности переживаний получают неоспоримый приоритет перед знаниями и соответствующими наслаждениями морального и даже физического порядков.

А между тем и знание своей природы, призвания, предназначения, благодаря обращенности к философии, не дает человеку исчерпывающего удовольствия от бытия, дефицит которого он продолжает испытывать даже в интеллектуальной сфере, то есть в области бытия чистого рассудка. Почему так? Оказывается, познав свою природу, человеку становятся доступны изысканные удовольствия знаний, которые касаются только его природы. А потому истина, открывшаяся реализовавшемуся человеку, может именоваться только относительной, но не абсолютной. Знание только Абсолютной истины дает полноту радостных ощущений от бытия.

Возникает вопрос: как достичь Абсолютной истины, совершенное знание которой будет тождественно предельному блаженству? Известно, что проявления бытия природы всех людей отличны друг от друга. А между тем всех их объединяет универсальное состояние движения, или становления, от худшего к лучшему, от страданий к удовольствиям, от реального к идеальному. Движение человеческих чувств и мыслей, с одной стороны, становится средством для достижения предельного знания и удовольствия от него, а с другой стороны, в определенный момент начинает выступать непреодолимой помехой на пути к его достижению, ибо, как было рассмотрено ранее, в первой главе, любое движение осуществляется во имя покоя. Таким образом, окончательная остановка потока всех мыслей и успокоение чувств приводят бытие человека к новому по силе и глубине целостному состоянию, которое бытием назвать уже никак нельзя.

Успешная попытка остановить свои чувства и мысли со временем приводит человека к ощущению пустоты бытия и, как следствие, утраты себя, своего ограниченного самосознания [10, 133]. Зато взамен бездонная пустота бесчувствия и безмыслия позволяет ощутить высшее блаженство, именуемое *Благом*. Пустотное состояние Блага настолько просто для растворившегося в нем человека, что становится для него символом Абсолютной истины, свойствами которой выступают ее бесконечность, изначальность, неизменность и вечность. Таким образом, изысканное интеллектуальное удовольствие, доступное

человеку, приходит от обладания предельным знанием о том, что изначальное и конечное состояние его природы есть пустота небытия, переживаемая как высшее Благо, простота которого и есть Абсолютная истина [11, 126]. Благость и истинность простой пустоты небытия переживаются человеком, сумевшим не только остановить поток своих чувств и мыслей, но и укрепиться в этом состоянии в виде «нирванического» покоя незнания, выступающего началом, серединой и концом всякого знания.

Таким образом, дефицит знания, испытываемый человеком в процессе жизни, толкает его из одной сферы бытия в другую в поисках все более сильных интеллектуальных удовольствий. Это происходит до тех пор, пока его чувства и разум, возвысившись над бытием, окажутся в пустующей простоте небытия, выступающей подлинной природой ума человека, принимающей образ Абсолютной истины [12, 192].

Общий итог сводится к утверждению, что в основании человеческой природы лежат глубинные эманационные космо-антропные процессы отношений между бытием и небытием. Их «конфигурация» обуславливает рассудочно-циклический тип мышления, который онтологизирует уклад своей внутренней интеллектуальной жизни, превращая его в объективные, универсальные и идеальные проявления внешней, отчужденной от него реальности, получающей название метафизического образа мира.

Таким образом, бытийственно-небытийственной природой человека в метафизике становится «разница потенциалов» между небытийственным покоем *Блага, Истины, Красоты* и *Справедливости* и подвижным бытием человека — его заблуждениями, ложью, безобразием и произволом, а потому чем дальше природа человека от Истины — оси циклично изменяющегося бытия, тем слабее его природа, тем больше его расколотость. Здесь рассудочная способность человека, связанная с интеллектуальным знанием, возвышаясь над циклическим изменением всего, оказывается в осевой простоте, выступающей образом Истины как подлинной природы человека.

Литература

1. Гусейнов А. А. Античная этика. М., 2003.
2. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.
3. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. Л., 1991.
4. Ницше Ф. Воля к власти. М., 1995.
5. Фёдорова Е. В. Люди императорского Рима. М., 1990.
6. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1993.
7. Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

8. *Абу Хамид аль-Газали*. Наставление правителям. М., 2007.
9. *Аристотель*. Соч. Т. 4. М., 1984.
10. *Вивекананда С.* Практическая веданта. М., 1993.
11. *Чандракирти М.* Буддийское учение о пустоте. Введение в мадхьямику. М., 2009.
12. Тибетская «Книга Мертвых». Бардо Тхёдол. М., 2009.

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса

Аннотация. Закат либеральной культуры имеет как историко-философские, так и психологические основания. Догматический выбор в пользу материальных, индивидуальных, коротких смыслов бытия породил когнитивную «слепоту» в представлениях о путях гармоничного развития социума и патологический страх одиночества тех, кто отверг веру в достижимость любви человека и Бога.

Ключевые слова: кризис, либеральная культура Запада, индивидуализм, эгоизм, уровни смыслов бытия, философия и психология когнитивной слепоты и отчаянья.

Abstract. The article is devoted to the decline of liberal culture that has both the historical, philosophical and psychological bases. The dogmatic choice for benefit of material, individual, short meanings of life generated cognitive "blindness" in ideas of ways of society harmonious development and loneliness pathological fear of those who rejected belief in approachability of the person's love and God.

Keywords: crisis, West liberal culture, individualism, egoism, levels of meanings of life, philosophy and psychology of a cognitive blindness and despair.

Аналитические методы теории оптимума развития и философии хозяйства, как и описанные ранее теоретические принципы [1], позволяют перейти к формулированию и обоснованию ответов на вопросы, вызванные самыми чувствительными проблемами современного социального бытия России. Какие первоочередные условия необходимо выполнить, чтобы не жить лишь филистерскими «смыслами одного дня», увидеть ориентиры, а затем найти путь гармоничного движения в будущее? Для этого необходимо помнить о проявлениях принципа системности в организации мира и его познании. Сложность Мира и

Бытия принципиально необозрима: у человека нет возможности одновременно видеть и осознавать все. По этой причине «луч познания» должен последовательно высвечивать современнику лишь наиболее существенные стороны такого масштабного явления, как Бытие, те характеристики, которые отражают главные, системообразующие качества наиболее актуальных из происходящих процессов.

Логика исследования предполагает в качестве первичного уровня анализа рассмотрение философско-метафизических оснований исследуемых культур. Ранее, в качестве отражающего истину, нами было принято положение, выдвинутое представителями православной философской школы, софиологии и философии хозяйства, об отсутствии принципиальных противоречий между религиозно-мистическим и рациональным научным методом познания. Позже это позиция и многих европейских мыслителей. Так, А. Эйнштейн подчеркивал, что «наука без религии — не убедительна, а религия без науки — слепа». Этот консенсус Нового времени позволяет нам первоочередно сосредоточить фокус анализа на проблеме философских различий российской и западной либеральной культуры, учитывая то обстоятельство, что формат работы определяет необходимость лаконичного отражения основных соображений.

Теория оптимума развития (ТОР) видит несостоятельность философских оснований западной культуры в асоциальности, догматическом преувеличении роли «индивидуального», гиперболизации личностной самобытности человека до «индивидуализма» богоборческого уровня. В повседневной жизни это качество выглядит как вульгарный эгоизм и социальная безответственность. Результат чудовищен. *Западная культура утратила веру в любовь — и в любовь Бога, и в любовь человека.* Счастливая (временами — мучительная) любовь к человеку была заменена в либеральной культуре безопасным, безразличным, а потому и бессмысленным суррогатом любви — партнерством. *Обмануть Бога, Закон Жизни, Логос — затея, достойная лишь душевно пустого человека, пустая затея.* Только любовь дает человеку ощущение своей значимости, незаменимости, высокого смысла бытия. Партнер — временный, чужой, он лишь объект, заменяемый без затруднений, без волнения души, заменяемый так же легко, как отработавшая срок деталь машины. Конечно, партнер — человек, обладающий полезными качествами, особенно в работе, но он совершенно не способен избавить от чувства одиночества того, у кого нет настоящих друзей, настоящей любви. А любовь Бога? Если человек подобен Богу и не знает любви в либеральном обществе, то «либерал» должен предполагать, что по принципу взаимности, скорее всего, и Бог равнодушен к человеку. Именно об этом прямо и косвенно говорит такое чрез-

вычайно влиятельное в новой культурной истории Европы философское учение, как экзистенциализм. *Понять суть либерально-индивидуалистической философии Запада позволяет используемый в ТОР психолого-биографический метод анализа авторских социальных концепций, высший уровень которых представляют философско-метафизические модели.*

В первой половине XX столетия датчанин С. Кьеркегор, часто называемый отцом экзистенциализма, одним из первых осознает важность исследования бессознательного в душевной жизни человека. Он оппонирует объективизму Г. Гегеля, утверждавшего: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно». Кьеркегор создает философскую концепцию, акцентирующую внимание на уникальности человеческого бытия, суть которого он провозглашает иррациональной (неосознаваемой).

Гегель видел «истинное умозрение» в диалектическом процессе: первый момент — выдвигание рассудочным мышлением первичного суждения — «тезиса»; позволяющего далее обнаружить второй момент познания истины — неизбежное противоречие между ограниченностью понятия и безграничностью истины, которую оно лишь представляет, но не исчерпывает, — «антитезис»; что порождает третий этап собственно умозрительного процесса, который заключается в том, что первичное понятие примиряется с противоположным, уже в новом, более высоком, понятии. Это — заключительный этап диалектики познания — «синтез». Современная наука принимает гегелевский метод анализа как базовый, дополняя его принципом бесконечно длящейся спиральности развития процессов (синтез принципов повторения и перемен), в том числе и в аналитических и когнитивных методах ТОР.

Отказываясь от рационального постижения бытия, Кьеркегор делает акцент на глубине его эмоциональной (бессознательной) природы. Он выдвинул концепцию субъективной, «экзистенциальной» диалектики личности, понимая «экзистенцию» как переживания ни на кого не похожего, «отдельного» индивида, по сути отстраненного «от дела» (общего и большого), сосредоточенного лишь на «своих», частных, маленьких делах, которые в русской культуре и речи часто пренебрежительно (далеко не всегда обоснованно) называют эгоистичными «делишками». Философ акцентирует внимание на идее необходимости преодоления препятствий к росту личности. Отделяя себя от обывателя, не способного к постижению смыслов бытия, он пишет, что на первой стадии личностного возрастания человек-«эстетик» выбирает жизнь, которая полна удовольствий. Если их нет — ему становится скучно, жизнь его пуста. «Этик», преодолевший эстетическую стадию бытия, руководствуется разумом и чувством долга. Осознав ограни-

ченность и этического уровня бытия, он может прорваться на духовную стадию, где человеком руководят сердце и вера. Но первородный грех гарантированно приводит человека к отчаянию из-за неспособности преодолеть собственную конечность, «возвыситься до Бога». В итоге религиозный человек осознает «богооставленность мира» и собственное одиночество перед Богом. Так человеческая свобода порождает бесконечный страх, непостижимость конечных смыслов бытия.

Психолого-биографический анализ позволяет оценить личностные (психологические) свойства этого мыслителя. Биографы указывают, что С. Кьеркегор вел жизнь одинокую, сокрытую от людей. Его отец был во втором браке, старше матери на 12 лет, которую (служанку своего отца) соблазнил и женился на ней уже во время беременности. В своем «Дневнике» философ писал: «Я родился в результате преступления, вопреки воле Божьей. Будучи ребенком, я находился во власти невыносимой деспотии, подвергался суровому, безумному воспитанию». Дисгармоничным детством его личность была сформирована так, что в 27 лет он оказался вовсе не готов к браку и теряет свою восемнадцатилетнюю невесту, с которой был обручен в течение трех лет. Неожиданно для всех он возвращает ей обручальное кольцо с покаянным письмом: «Единственной моей радостью было воспевать твою красоту. Прости того, кто не способен сделать девушку счастливой».

Спустя столетие один из наиболее известных западных мыслителей XX столетия немецкий философ-экзистенциалист М. Хайдеггер в своей главной работе «Бытие и время» [2] отвергает самоочевидность понятия «Бытие» и создает «экзистенциальную аналитику». *«Подлинное бытие, по Хайдеггеру, является актом радикального обособления. Человек «заброшен» в «Ничто» (Космоса и Природы), обречен мучиться бессмысленностью и одиночеством. В этом и заключается жизнь. Единственно человеческий смысл, и даже радость, рождается из бездны отчаяния, не переставая быть отчаянием. С ним тесно связан ужас, который неопределен и безграничен как сам мир. В ужасе одежды значимостей спадают. Ужас не терпит рядом с собой никаких иных богов, он разрывает связь индивида с другими людьми и заставляет его выпасть из системы доверительных взаимоотношений с миром. Ужасом приоткрывается «Ничто». Ничего нет, но это ничто и пустота человеческого существования пробуждают страх и постоянную тревогу, которые становятся чуть ли не главным содержанием «здесь бытия».*

Знакомство с биографией Хайдеггера [3] объясняет личностные качества, безусловно, незаурядного мыслителя, проявившиеся в его философских взглядах и определивших этот невротический, поистине животный страх перед жизнью и смертью. Стыдясь низкого социаль-

ного статуса своих родителей, он с детских лет страдал комплексом «маленького человека» и был вполне прагматичным и эгоистичным индивидом, но не был нравственным и принципиальным человеком — ни в отношениях со своей женой, ни в отношениях со своей многолетней пассией, ни со своим знаменитым учителем Э. Гуссерлем, воспринимавшим его как сына, ни со своей страной, открыто сотрудничая с нацистами, но лишь пока они были у власти.

С. Кьеркегор и М. Хайдеггер своими трудами отражают время условного начала и конца эпохи преобладания философии экзистенциализма. *Период доминирования подобных взглядов отмечен многими яркими именами мыслителей, разочарованных в традиционном понимании Бога, в возможностях рационального постижения путей познания смыслов Бытия, разочарованных, наконец, в себе, в своей значимости для грандиозного Мира, в своей способности достигать удовлетворенности жизнью, в том числе высшей степени удовлетворенности — счастья.*

В конце XIX в. Э. Гартман, опираясь на взгляды своего предшественника А. Шопенгауэра, заявлял: «Если страдания жизни резко превышают удовольствия, то основной задачей следует считать не познание бытия, а достижение небытия». Для полного оправдания стремления к реализации греха самоуничтожения он делает не обусловленный ничем, кроме переживания крайне болезненной никчемности и бессмысленности собственного бытия, вывод — «эволюция влечет Вселенную к уничтожению путем осознания ее неразумия и нецелесообразности» [4].

Жизнь А. Шопенгауэра тоже не является примером счастливой человеческой судьбы. Биографы пишут, что современники, к середине его жизни, характеризуют Шопенгауэра как старого холостяка, мизантропа, недоверчивого и крайне подозрительного человека, подверженного немотивированным приступам страха. Для формирования таких личностных свойств несложно найти рациональные основания. Его мать была моложе отца на 20 лет. В 9 лет на целых два года отец отдает сына в семью знакомого. В 26 лет, разочаровавшись в иллюзиях личного блаженства в земной и загробной жизни, в возможностях научного и социального прогресса, он приходит к выводу, что, сосредоточив наибольшую сумму мировой воли, мыслящему человеку необходимо принять решение покончить с собой и через это уничтожить весь мир [5]. Он говорит, что «воля к жизни» (в современной психологии — проявление потребностей) непрестанно порождает в нас неосуществимые желания. Являясь активными участниками жизни, мы становимся мучениками. Единственным оазисом в пустыне жизни служит эстетическое созерцание, освобождающее на время от

ярма гнетущих страстей. Познание мира интуитивно, иррационально, мистично. Оно находит выражение в художественной концепции мира, которую дает гений. «Философию долго искали на дороге науки, вместо того, чтобы искать ее на дороге искусства» [6]. Философ-пессимист первым употребил термин «мотивация» в описании поведения и желаний человека, подошел к осознанию того обстоятельства, что Бытие, кроме религии и науки, позволяет постигать и высокое искусство.

Фридрих Ницше — еще одно имя, необходимое для понимания основ современной либеральной культуры Запада, формировавшейся в эпоху европейского нигилизма в конце XIX в. Он также был рожден в дисгармоничной семье. Интеллектуально утонченного отца Ницше воспринимал как аристократа духа, а мать — простую, физически гармоничную женщину, считал личностью примитивной. С детства слабый здоровьем Ницше никогда не был счастлив в личной жизни. В его судьбе был лишь эпизод своеобразной дружбы с женщиной из России по имени Луиза Саломе, бывшей подругой и Р. Рильке, и З. Фрейда, вдохновившей его на создание труда «Так говорил Заратустра». Конец жизни, как и у его отца, был сопряжен с серьезным психическим заболеванием. Лишения времени начала личного бытия сформировали не только судьбу Ницше, но и основные идеи его теории.

Как и у многих немецких мыслителей Нового времени, «воля» — одно из центральных понятий в философии Ф. Ницше. В германских языках оно означает не только осуществление выбора и действие в направлении к поставленной цели, но и само «желание». Ницше утверждал, что «дионисийское» начало Бытия древнее «аполлонического». Суть первого — тьма, хаос, избыток силы; второго (вторичного) — свет, порядок, гармония. Дионисийская воля — всегда воля к власти, управлению, но не подчинению. Слабые закономерно должны погибнуть, сильнейшие — победить. Отсюда принцип — «Падающего толкни!», смысл которого — дать человеку возможность постигнуть себя, достигнув крайности, чтобы возродиться или погибнуть. «То, что нас не убивает, делает нас сильнее!». Философ заявляет: «Бог умер!». Старые ценности исчерпали себя сами. На смену сверхчеловеку Христу должен прийти новый сверхчеловек — Антихрист. Он должен создать новые ценности. Смирненной и завистливой морали рабов (христианской, по утверждению Ф. Ницше) он противопоставит мораль героев, принимающих на себя ответственность за перемены и господствующих над выбирающими рабство. Однако неизбежно позже будет рожден новый Дракон и придет новый сверхчеловек, и так до бесконечности (принцип цикличности) [7]. В современной эсхатологии некоторые эзотерически ориентированные исследователи утверждают,

что М. Нострадамусом было предсказано пришествие двух антихристов — Наполеона и Гитлера, а третий, если доверять толкованию его катренов, появится в наши дни...

Но этика эгоцентризма в Европе стала получать философское обоснование еще во времена И. Канта, в XVIII столетии. Во второй половине XVIII в. Д. Юм, анализируя возможности человеческого познания, писал о том, что «мы закованы в черте нашего восприятия и никогда не узнаем, что находится за ней». Он утверждал, что вопрос об источнике наших ощущений — неразрешим, так как существование мира нельзя ни опровергнуть, ни доказать. На этих взглядах в дальнейшем формировались философские течения агностицизма, эмпиризма, феноменологии, позднее на этой основе было построено большинство теорий современной западной философии. В доступных нам биографических источниках нет сведений о существовании у Юма семьи, по-видимому, он относился к числу тех философов, которые свою связь с существующим и будущим человечеством могли воспринимать лишь как абстрактную проблему.

Особое значение в становлении социально-культурных норм современной атлантической культуры имели взгляды соратника и последователя Юма, основателя экономической философии либерализма Адама Смита, читавшего студентам того времени свой курс «нравственной философии». Аргумент ответственности нравственного человека перед Богом Смит отрицал. В качестве альтернативного принципа выработки нравственной системы жизни он предлагал ориентироваться на мнение симпатичных человеку (т. е. «сходно чувствующих», в современной терминологии — «референтных») людей. Утверждая объективность экономических законов, он не принимал во внимание объективность законов вышестоящих систем — социальных и духовных. Пропагандируя экономическую свободу, свободное предпринимательство, свободный рынок, Смит между тем критиковал неизбежно вытекающий из них меркантилизм. Подобные убеждения выглядят как позиция непоследовательного, во многом наивного и робкого в жизни человека, не готового принимать ответственность за бытие в полном объеме.

Главный источник экономического роста, социального порядка и общественного блага А. Смит видел в свободной конкуренции корыстолюбивых индивидов. «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника мы ожидаем получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах». Экстраполируя эту логику на отношения людей в семье, где присутствует элемент экономических интересов, можно предполо-

жить, что сторонник столь популярных в капиталистическом обществе идей вряд ли может рассчитывать на то, чтобы стать счастливым мужем и отцом. Ведь закон жизни филистера (безнравственный, редуцированный, малый, ложный Логос) основан на внимании лишь к коротким смыслам бытия, упускающим все остальные, которые делают человека не «одним из многочисленных животных», а «венцом природы» (Гомер, «Одиссея», миф о пиршестве Цирцеи). Гармония счастливой семьи возможна при условии гармонии всех смыслов бытия. Точно так же человеку, его семье, роду не дано быть счастливыми без гармонии с обществом, человечеством, Логосом.

Высказанное предположение подтверждает психолого-биографическое исследование. Детство А. Смита — печально и дисгармонично. Его отец умер за два месяца до рождения сына. В возрасте четырех лет, видимо, из-за недостаточного внимания к ребенку, он был похищен цыганами, но все же вызволен. В окружении книг он рос малообщительным и недоверчивым мальчиком, часто болел. Взрослым имел репутацию странного человека. Вечный холостяк. Дважды безуспешно пытался жениться, но об этих неудачах не жалел. всю жизнь был в тесной эмоциональной связи лишь с матерью, пережив ее всего на шесть лет.

Читатель, воспринимающий эти строки, скорее всего уже заметил важнейшую закономерность в биографиях и личностных свойствах Д. Юма, А. Шопенгауэра, А. Смита, Э. Гартмана, С. Кьеркегора, Ф. Ницше. Их философский пессимизм имел личное основание. Каждый из них был несчастлив в детстве, ни один из них не нашел пути к счастью во взрослой жизни, не нашел счастливой любви, не создал семьи, не оставил детей. Каждый был последним в длинной цепи поколений. Закономерность выглядит вполне убедительной, но неизбежным будет и ряд вопросов: какой закон бытия проявляется в судьбах мыслителей? самоубийство рода? фатум? наказание за богоборчество? почему в их ряду и М. Хайдеггер, имевший семью и продолживший род?

Сегодня, с позиций теории оптимума развития дать ответы на эти вопросы значительно легче, чем в XIX и XX вв. [8]. Прежде всего, следует отметить удивительное, на первый взгляд, обстоятельство, заключающееся в том, что Аристотель, Сенека, П. Гольбах, Д. Дидро, М. Монтень, Л. Фейербах, сторонники противоположного философского направления — эвдемонизма (от греч. процветание, блаженство, счастье) — были женаты и имели детей. Но к этому направлению относились мыслители и не имевшие семьи — Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Ф. Вольтер, которые обнаруживали черты дружелюбия в отношениях с людьми в целом. Они следовали своим нравственным правилам, вызы-

вающим уважение у большинства окружающих. Таким образом, среди высокоинтеллектуальных представителей общей для них европейской культуры можно выделить две противоположные группы философско-нравственных позиций, обусловленных особенностями начального периода формирования личности, событиями детства.

Мыслители, занимавшие принципиальную нравственную позицию в жизни, т. е. признававшие соответствие, подчинение закона коротких и среднесрочных смыслов жизни (нравственного, этического уровня) всеобщему Закону Бытия (Логосу), долгим и сверхдолгим (духовного уровня) смыслам Бытия, изначально, с детства, принимали роль социальности в жизни человека и общества как важнейшую для достижения основных смыслов жизни. Те же философы, кто не получил опыта счастливой социальности в родительской семье, опыта любви ближних, стремились в дальнейшем лишь талантливо рационализировать причины своей несчастью, причины так и не понятой жизненной неудачи. Они, в сущности, пытались перенести ответственность за неумение достигать состояния гармоничной любви со своих родителей на неспособность Бога (Отца Мироздания) любить свое творение. Упрекать пессимистов — не уместно, развитой теории бессознательного и взаимодействия различных уровней психики не существовало до последнего времени. Так же свойственно поступать всем частично незрелым нравственно и духовно людям: они не готовы принимать на себя ответственность за качество бытия. Их стандартная реакция — обида на окружающих, на судьбу, поиск защиты вне собственной личности. Это пассивная позиция, позиция наивного и перепуганного эгоиста, позиция детей, поссорившихся в песочнице, когда ни один из них еще не способен признать собственную ошибку и взять на себя ответственность за поиск выхода из негативной и неясной ситуации.

Психологическая наука показывает, что базовые метафизические установки человека определяются главным образом ранним эмоциональным, а не зрелым рациональным опытом, который лишь модифицирует начальное отношение к миру. Наличие смыслов всеобщего бытия, ценность любви, возможность достижения счастья — главные вопросы бытия личного. Основа ответов на них формируется той программой жизни, которая определяется ребенку родителями и представителями его рода еще в начале жизни, в сущности аксиоматически. Несмотря на «благие» рациональные педагогические намерения, «сценарий жизни» ребенка взрослые формируют в основном бессознательно (иррационально). Современная психология в рациональных установках родительского воспитания выявляет предельно много иллюзорного, искренних заблуждений и ошибок, незаметных родителям — «богам» маленького человека [9].

Исправление ошибок программы, заложенной в детстве («сценария жизни») и самостоятельными усилиями повзрослевшего человека и при поддержке специальных институтов общества, представляет собой сложную социально-психологическую работу по гармонизации отношений личности с сокровенными, истинными, а не профанно воспринятыми законами Бытия Мира. Осуществить такую задачу с традиционных в европейской культуре психоаналитических позиций — не реально. Кроме содержащихся в психоаналитической парадигме ошибок рационального свойства, принципиальной помехой для построения конструктивных психотерапевтических программ в рамках концепции З. Фрейда является важное обстоятельство, малозаметное для незрелого или бездуховного человека, часто не фиксируемое даже сознанием специалистов. Биографические сведения показывают, что культурная история семьи Фрейда и ближайших звеньев его рода не соответствовала принципам гармонии, нравственности и духовности.

Фрейдизм базируется на основаниях, близких к европейскому философскому индивидуализму. Суть собственного сценария жизни его основоположника, не умевшего любить людей, — попытка достичь успеха безнравственными способами. Результат закономерен — страдания автора концепции и его последователей, сторонников ошибочных сторон этого учения. Фрейд признавал влияние взглядов Шопенгауэра и Ницше на его концепцию. О себе он писал так: «Я не чувствовал никакой расположенности к занятиям медициной и профессии врача, и никогда настоящим врачом себя не считал». По сути, он использовал своих достаточно немногочисленных пациентов, которых чаще искал в среде богатых соотечественников для проверки возникавших у него гипотез, для собственных экспериментальных исследований, в своих личных интересах, при этом не принимая на себя полноценной ответственности за их судьбу. Радикальное упрощение (вульгаризация) причин наблюдаемого поведения людей, принципиальный отказ от исследования «смыслов жизни» у Фрейда проявлялись, например, в том, что религию он определял как массовую иллюзию, схожую с неврозом навязчивых состояний, позволяющую приспособиться к тяжелым условиям существования, как проецированную в мир психологию. Гораздо более глубокий, не только философский, но и психологический, вывод еще за полвека до Фрейда был сделан Л. Фейербахом (оптимистом и нравственным человеком) в «Лекциях о сущности религии», который писал: «Тайна религии — это тайна сочетания сознания с бессознательным. “Я” — ничто, без некоего “Не-Я”, перед которым человек испытывает ту же зависимость и страх, что и перед неуправляемыми стихиями природы».

Поскольку познание Бытия Мира в религиях, науке, искусстве осуществляется человеком, постольку человек не может не занимать в них центрального места. Но утверждать, что, кроме психологии, узкого интереса к душевному состоянию людей в них ничего нет — очевидная ложь (иногда искренняя ошибка), свойственная людям с инфантильно-эгоистической этической позицией. *Зрелый и гармоничный человек, овладевший нравственными и духовными способами реализации коротких и средних смыслов бытия, приступает к исследованию долгих смыслов радостно и заинтересованно, так как его «норма ожиданий» в процессе познания бытия была сформирована успехом предшествующих этапов развития, а не провалами и болью безрадостного детства пессимиста.*

Само мировоззрение З. Фрейда препятствовало достижению системно гармоничных отношений с людьми и миром. Анализируя итог его жизни, невозможно не видеть того, что мировоззренческая ошибка автора концепции стоила ему очень дорого (пристрастие к кокаину, длительное и мучительное психосоматическое заболевание, дисгармония в любви, бесконечные конфликты с учениками, роковое вмешательство в судьбу дочери и т. д.). Ошибка широко известного создателя цепких иллюзий в психологической науке неизбежно воспроизводилась и в судьбах его пациентов, свидетельства тому несложно найти в работах его биографов [10].

Психоанализ, в свое время сыгравший позитивную роль в привлечении внимания науки к сфере бессознательного, сегодня не состоятелен как инструмент познания и коррекции ошибок бытия, так как не гармоничен (не соответствует) Логосу, ибо декларирует безнравственность и бездуховность как принцип. Да, действительно, о человеке можно судить по тому, что он продуцирует. Но почему сущность человека следует искать в «нужнике»? Главный продукт деятельности человечества — экономика, наука, искусство, религии и культура в широком смысле этого понятия. В рамках российской культурной традиции странно доказывать, что «психология скотины» (понимая под этим психологию животных) никак не равна «психологии человека». Да, в человеке, несомненно, есть животное начало, но уже многие тысячи лет оно никак не исчерпывает суть гармоничного, зрелого, настоящего человека. Еще Гомер убедил культурный мир своего времени в том, что люди, которые боятся поднять свой взор к небу, к звездам, чтобы увидеть высшие смыслы своего бытия, свое Богоподобие — лишь пленники Цирцеи. Но не герои! Это люди с рабской душой, это предшественники современных либеральных филистеров. Даже в Античные времена такой зрелый человек, как Одиссей, достаточно легко и последовательно преодолевал искушение жить лишь короткими

смыслами. Именно поэтому духовно он жив и сегодня. Он и сегодня герой, образец подражания для не робких и не глупых испытателей Бытия. Имена его спутников история давно стерла из памяти потомков, их бытие — ошибка, которая, между тем, учит потомков негативным примером. Но человек сегодняшнего дня может несравненно больше, чем во времена Гомера. За минувшие тысячелетия пропорционально возросла и его ответственность.

Для коррекции личностной дисгармонии (в том числе нравственной и метафизической) гораздо больше способны дать современные социально-психологические и мировоззренческие подходы. Нравственный закон — чрезвычайно важный раздел социальных норм, отражающий соответствие мировоззрения человека основному закону бытия, Логосу, в том числе закону бытия в социуме (семья и общество), являющегося производным от основного. И. Кант вошел в историю не только как яркий мыслитель, но и как человек, предложивший для определения степени нравственности поведения человека принцип «категорического императива». Нравственный человек должен следовать ему, невзирая на внешние обстоятельства, а руководствуясь лишь чувством долга. Он утверждал, что мотивом морального поступка может быть только долг, но не стремление к счастью.

Между тем позиция И. Канта в отношении взаимосвязи нравственного поведения и счастья не совпадают со взглядами другого высочайшего авторитета в истории философии — с позицией Аристотеля. Этическая теория Аристотеля социально ориентирована. Основанная на ней этическая рефлексия показывает возможные практические решения в семейных и государственных отношениях. Практическая наука о нравственности (добродетели) в эвдемонистической традиции имеет целью научить молодых граждан тому, как стать добродетельным и счастливым. Позволяет ли тот факт, что идеи И. Канта были сформулированы спустя более двух тысяч лет после появления в культуре принципов Аристотеля, считать, что взгляды наследника античной культуры вернее? Вряд ли. Следует учитывать, что Аристотель имел семью и представление о счастливой любви, но Кант не обладал ни тем, ни другим. Кроме биографии великого немецкого философа об этом свидетельствуют и оставшиеся в истории многочисленные анекдоты, свидетельствующие об удивительной парциальной инфантильности, несостоятельности великого в остальных отношениях, но негармоничного человека, его чудачествах в суждениях о семье и счастье.

Дальнейшие проявления кризиса и декаданса европейской культуры второй половины XIX — начала XX вв. отмечены настроениями уныния, пессимизма, безнадежности, крайнего субъективизма, иммо-

рализма, непринятия жизни, пришедшими на смену европейскому Новому времени с его верой в прогресс и беспредельное могущество разума. Начало XX в. ознаменовано сменой классического типа мышления на неклассический, затем, во второй половине столетия, — на постнеклассический. Это состояние мышления, науки, искусства, общества и культуры в целом было названо Ж. Лиотаром состоянием постмодерна. Его суть — реакция на кризис идей эпохи Модерна, «смерть супероснований» — Бога (Ф. Ницше), автора (Д. Барт), человека (экзистенциальный антигуманизм).

Культурологический смысл постмодернизму, заключающийся в конце западного господства в религии и культуре, дал А. Тойнби [11]. Он считал, что в философии для постмодернизма характерно отдаление от научных (рациональных) методологий и гиперболизированный акцент на интуитивно-иррациональных методах, близких сфере искусства. В результате возникает индивидуалистический, принципиально безответственный хаос концепций. Преобладают механизм деконструкции, «нестрогое мышление», признание «договорного» (конвенционального) характера принципов и ценностей, утверждение неполноты любого дискурса, формирование китчевого философского дискурса с подчеркнутой антирациональностью. В результате утрачиваются какие-либо ценности и опорные точки в культуре. «Вечные ценности» объявляются тоталитарными и параноидальными идефиксами, препятствующими индивидуалистической творческой реализации. В качестве идеала предлагается состояние нескванных возможностей двух царствующих начал — «шизоидного» начала творческого становления и «параноидального» начала душающего порядка, «хаосмос» Ж. Делёза [12].

Ж. Сартр, представитель атеистического экзистенциализма XX в., утверждал, что «человек приговорен быть свободным» и в одиночку нести на своих плечах всю тяжесть бытия в мире. Экзистенция есть постоянно живой момент деятельности, взятый субъективно. В своем известном произведении «Тошнота» (1938) он утверждает, что мир не имеет смысла, «Я» — не имеет цели. Но только «Я» придает миру значение и ценность через акт сознания и выбора, деятельность человека придает смысл окружающему миру, а он сам приобретает индивидуальность. Современного ему индивида Сартр понимает как «отчужденное сущее», его индивидуальность стандартизирована институтами общества. Эта позиция демонстрирует протест против стремительно устаревающих порядков либерального общества (в терминологии ТОР — «музейного» восприятия Логоса).

Его современник А. Камю при жизни получил почетное имя «Совесть Запада». Неистощимый интерес к экзистенциальной проблематике

во многом связан с его ранним тяжелым заболеванием (туберкулезом), означающем близость смерти. Все это порождало фобии, депрессии, суицидальные мысли, ощущение одиночества. Единственным средством борьбы с абсурдностью бытия он считал принятие этой данности [13].

И Камю, и Сартр потеряли своих отцов в самом начале жизни, в их детстве не было объекта позитивной идентификации. Мать Камю болела, семью опекала бабушка. Его ранний брак оказался крайне неудачным и коротким — жена употребляла морфий, была неверна супругу. Неудача окончательно подорвала его слабую веру в счастливый брак. Семейные узы он стал называть неестественными. Но позже он все же нашел «серьезную» супругу, увлекавшуюся музыкой и математикой, стал отцом, однако при этом по-прежнему не считал свои многочисленные романы недопустимыми. Но смысл жизни? Он постоянно искал смысл и оправдание кратковременности пребывания человека (и себя самого) на земле. Его реакцией на ненайденный смысл был бунт, разрушительная активность не знающая цели, высшего смысла, Закона, Логоса, Бога. Собственный душевный хаос он назвал абсурдностью бытия.

Ж. Бодрийяр, ушедший из жизни в 2007 г., — близкий нам по времени представитель европейской философии. В известной работе «Символический обмен и смерть» (1976) он указывает на тождество фрейдизма и марксизма в их непонимании человека, подчеркивает изменившуюся роль «знака», который перестает указывать на реальные вещи, а направляет деятельность человека на другие знаки, симулирующие реальность, «симулякры». Симулякры первого порядка — суть копии, подделка, второго — функциональные серии, аналоги, лишённые индивидуальности, но главное его открытие — симулякры третьего порядка — «гиперреальность» — деньги и мода. Радикальным протестом против сложившегося порядка вещей он называет самоуничтожение как «процесс истребления смысловой ценности». В 1970 г. выходит его работа «Общество потребления», в которой он определяет его как общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура (пример тому — европейские музеи современного искусства). Это общество, где даже изобилие — мнимое, маскирующее дефицит подлинно ценного. Простым примером является фальсификация продуктов питания, лекарственных средств, произведений искусства, поводов для объединения (болельщики профессиональных спортивных команд) и т. п. Но главный дефицит этого общества находится в области душевных и духовных ценностей. Фальшь и одиночество, манипулирование потреблением — суть современной цивилизации. Трудно поверить в то, что автор этих взглядов видел «настоящую»

дружбу и любовь в детстве, следовательно, не мог их увидеть и во взрослой жизни. Виноваты ли только родители? Но всех будущих родителей, каждого взрослеющего человека воспитывает еще и общество. Соотношение влияний семьи и общества — тема, заслуживающая отдельного исследования.

Закljučая этот анализ, представляется важным напомнить принцип, известный не только людям науки, но и всем здравомыслящим индивидам — «крайности сходятся». Речь идет о позициях крайнего мировоззренческого оптимизма и пессимизма. Общее в них — ошибочность, вытекающая из безответственной позиции, пустой уверенности в том, что будущее не нуждается или безразлично к усилиям человека. В медицине такие крайние формы оптимизма и пессимизма сходятся в диагнозе «маниакально-депрессивный психоз». Здоровый и гармоничный человек способен, с одной стороны, видеть реальные опасности, с другой — способы их преодоления, зависящие от него и социума, понимая, что Бог, Мир, Логос создали его не для пустяков, а для сотрудничества в постоянном творении Нового Мира. Специально для наших либерально-пессимистических («западных») коллег ТОР предлагает правило: «Не верьте унылым учителям, даже если они талантливы! Свою ответственность за недостигнутую зрелость, свой личный неуспех, свою личную несостоятельность в реализации смыслов жизни, они тщетно пытаются объяснить неуспешностью Бога в его Творении». Мир дан человеку в ощущениях. Пессимист воспринимает мир искаженно, в виде мрачной иллюзии, ибо сигналы гармоничного мира, любящего Бога, мудрого Логоса он воспринимает через «приемник» самооценки, униженной всеобщей «нелюбовью» похожих на него эгоистов. Неразумно отвергать мир и думать о самоуничтожении, достаточно правильно «отрегулировать» восприятие бытия до уровня гармонии [8]. Раньше, с позиций европейской индивидуалистической философии и эгоистической культуры, основанной на стремлении ограничить человека лишь короткими смыслами бытия, это было невозможно. Сегодня, опираясь на российскую культурно-духовную традицию и возможности современной российской гуманитарной науки, — абсолютно реально.

Литература

1. Шелкопляс Е.В. Философия хозяйства и обновление культурной системы России // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 2.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
3. Шелкопляс Е.В. Мировоззрение философа с позиции философской антропологии // Мировоззренческая парадигма в философии:

культура определения бытия и сущего: Сборн. статей по материалам XI Международной научной конференции (Н. Новгород, НФ МЭСИ, 12 февраля 2014 г.). Н. Новгород, 2014.

4. *Гартман Э.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного (Из наследия мировой философской мысли: история философии). М., 2010.

5. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление // http://az.lib.ru/s/shopengauer_a/text_0040.shtml.

6. *Андреева И.С., Гулыга А.В.* Шопенгауэр. М., 2003.

7. *Марков Б.В.* Человек, государство и Бог в философии Ницше. СПб., 2005.

8. *Шелкопляс Е.В.* Мировая скорбь — уход от любви // Мировая скорбь как показатель заката культурно-цивилизационного цикла: Сборн. материалов конференции / Под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2013.

9. Руководство по телесно-ориентированной терапии. Первичная терапия А. Янова. СПб., 2000.

10. *Лейбин В.М.* «Толкование сновидений» как психобиография З. Фрейда // Вопросы психологии. 2000. № 5.

11. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. Сборник. М., 2001.

12. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

13. *Камю А.* Миф о Сизифе // http://modernlib.ru/books/kamyu_alber/mif_o_sizife/read/.

А.А. ФЕДОТОВ, М.С. РАКОВА

Одиночество человека в глобальном мире

Аннотация. Рассматривается проблема одиночества человека в глобальном мире, обусловленная процессами дехристианизации, утраты смыслов. Делается вывод, что глобальный мир — мир, в котором добро и зло так перемешаны, что человек почти не в силах разобраться, что хорошо и что плохо из того, что он совершает. Но это не отменяет свободы выбора, не отнимает возможности на перемены и обретение твердых нравственных ценностей для каждого, кто их захочет.

Ключевые слова: глобальный мир, человек, одиночество, постхристианская культура, экзистенциализм, миф, индивид.

Abstract. The article considers the problem of human loneliness in the world, due to the processes of de-Christianization, the loss of senses. It is

concluded that the global world is a world in which good and evil are so mixed up, that a person is almost unable to understand what is good and what is bad from what he's doing. But this does not negate the freedom of choice, does not take away opportunities for changes and gaining solid moral values for everyone who wants them.

Keywords: global world, man, loneliness, post-Christian culture, existentialism, myth, individual.

Человек в глобальном мире становится все более одинок. Одиночество проистекает из антихристианского характера глобальности этого мира, в котором перестает быть святым и ценным то, что свято и ценно для человека, имеющего основу своей жизни в традиционных ценностях. И в силу этого черно-белый глобальный мир — мир, в котором нет места счастью. Пытаясь ниспровергнуть христианские мифы, мыслящий индивид постхристианской культуры на их место придумывает новые, всю зыбкость основательности которых не может не видеть. Говоря о примитивности традиционных религий, известнейшие европейские литераторы порой проговаривались и показывали кроющиеся в наивных детских впечатлениях шаткие основания их неверия.

Как писал в своей знаменитой повести «Слова» Жан Поль Сартр, «дряхлое, обветшалое здание — мой самообман, это и мой характер, от невроза можно избавиться, от себя не выздоровеешь. В пятьдесят лет я сохранил свои детские черты, пусть и изношенные, стершиеся, поцарапанные, загнанные внутрь, лишенные права голоса. Обычно они прячутся в тени, подстерегают; чуть ослабишь внимание — они поднимают голову и, замаскировавшись, вырываются на белый свет» [1, 252].

Уильям Сомерсет Моэм — один из самых популярных авторов 1930-х гг., тонкий психолог, автор некоторых удивительных по своей глубине книг, в которых жизненная правда повествования оказывается зачастую намного сильнее попыток автора обрисовать ее сквозь призму своего мироощущения. Блестящие по своей психологической глубине «Время страстей человеческих», «Луна и грош», «Подводя итоги» показывают многое и из того, что самому автору не было видно. Как писал по поводу авторского восприятия собственных произведений В.П. Океанский (не в связи с У.С. Моэмом), «но стоит тут обратить серьезное внимание и на возможные возражения в наследии величайших русских философов, столь разных, как, например, метафизик отец Павел Флоренский и феноменолог И.А. Ильин: первый из них писал, что “сочинитель не есть надежный толковник своего труда, и сказать что именно написал он, нередко может с меньшей уверенностью, нежели любой из внимательных его читателей” (“Пути и средоточия”);

второй же отмечал, что “художник часто знает о своем произведении меньше, чем его произведение “высказывает” о самом себе” (“О чтении и критике”)» [2, 76].

Историю начала потери своей веры Моэм передает в романе «Бремя страстей человеческих»: мальчик молится об исцелении своей больной ноги, сопровождая свое обращение к Богу массой суеверных ритуалов: «на этот раз Филипп принял и другие меры, чтобы его заветное желание было исполнено: он загадывал его, глядя на молодой месяц или на коня в яблоках; ждал, не упадет ли звезда; во время короткой побывки дома им как-то подали курицу, и он ломал дужку с тетей Луизой, загадывая снова и снова, чтобы его нога стала здоровой, как у других. Бессознательно он взывал к богам куда более древним, чем Бог Израилев. Он засыпал Всевышнего своими молитвами во всякое время дня, когда бы он об этом не вспомнил, но всегда в одних и тех же выражениях: ему почему-то казалось, что точность слов очень тут важна. Однако скоро он начал чувствовать, что и теперь его веры не хватает. Он уже не мог подавить в себе сомнения. И дело кончилось тем, что свой личный опыт он возвел в общее правило. <...> Текст, где говорилось, что вера движет горами, был лишним примером того, что в книгах пишется одно, а на деле выходит совсем другое» [3, 53—54].

В книге «Подводя итоги» писатель описывает и дальнейшее развитие идей, заставивших его порвать с религией. Он пишет про своего дядю-священника: «...К нему наезжали священники из соседних приходов. Одного из них суд графства приговорил к штрафу за то, что он морил голодом своих коров, другого уволили за пьянство. Меня учили, что все мы ходим под Богом и что первый долг человека — заботиться о спасении души. Я видел, что ни один из этих священников не делает того, к чему призывает в своих проповедях. Как ни горяча была моя вера, мне до смерти надоело ходить в церковь сначала дома, потом в школе» [4, 519—520]. С детства воспитанный в том, что все кроме англикан пойдут в ад, оказавшись в Германии, где ему встретилось много истово верующих католиков, молодой Моэм задумался, что «вполне мог бы родиться на юге Германии и тогда, безусловно, был бы воспитан в католической вере. Мне показалось обидным, что в этом случае я без всякой своей вины был бы осужден на вечные муки. <...> верования, внушенные мне с детства, крепко переплелись друг с другом, и когда одно из них стало казаться нелепым, остальные разделили его участь. Все жуткое сооружение, основанное не на любви к Богу, а на страхе перед адом, рассыпалось как карточный домик» [4, 520—521].

В этой же книге Моэм пытается дать и более весомые основания своего неверия, которые, чем больше он их приводит, тем более шаткими представляются: «Я лично не могу поверить в Бога, который на

меня сердится за то, что я в Него не верю. Я не могу поверить в Бога, у которого нет ни чувства юмора, ни здравого смысла. <...> Но хотя люди приписывают Богу недостатки, которых сами стыдились бы, это еще не доказывает, что Бога нет. Это доказывает только, что религии, принятые людьми — лишь просеки, теряющиеся в непроходимой чаще» [4, 531].

В романе «Тошнота» Сартр беспощадно обнажает одиночество человека перед миром, воспринимаемым как ничто, как нечто бесконечно отвратительное, как Тошнота с заглавной буквы, о которой герой говорит, что она «робкая как занимающийся рассвет» [5, 310]. Мир же, в котором приходится жить, «так уродлив, так уродливы грязные кружки на столиках, коричневые пятна на зеркале и на переднике Мадлен, и любезная физиономия толстяка, любовника хозяйки, так уродливо само существование мира» [5, 310—311], что герой начинает считать, что уродство это естественно и единственно возможно, в нем он ощущает себя «в своей тарелке, в своей семье» [5, 311]. Но он ощущает в то же время и неестественность этого уродства; исход из которого пытается найти в реализации своего творческого потенциала, в создании творения, которое бросит вызов отвратительности мира: «надо, чтобы за ее напечатанными словами, за ее страницами угадывалось то, что было бы не подвластно существованию, было бы над ним. Скажем, история, которая не может случиться, например, сказка. Она должна быть прекрасной и твердой как сталь, такой, чтобы люди устыдились своего существования» [5, 317]. Впрочем, эта утопия также не может ничего изменить, как и любая другая, о чем писатель экзистенциалист признается в «Словах»: «Я долго принимал перо за шпагу, теперь я убедился в нашем бессилии. Неважно: я пишу, я буду писать книги; они нужны, они все же полезны. Культура ничего и никого не спасает, да и не оправдывает. Но она — создание человека: он себя проецирует в нее, узнает в ней себя; только в этом критическом зеркале видит он свой облик» [1, 251—252].

В 1938 г. Моэм написал «Подводя итоги» — в какой-то мере главную свою книгу. Потребность «исповеди» он объясняет в ней так: «Я пишу эту книгу, чтобы вытряхнуть из головы некоторые мысли, которые что-то уж очень прочно в ней застряли и смущают мой покой. Я не стремлюсь никого убеждать. У меня нет педагогической жилки, и, когда я что-нибудь знаю, я не испытываю потребности поделиться своими знаниями. Мне более или менее все равно, согласны ли со мной другие. Разумеется, я считаю, что я прав — иначе я бы не думал так, как думаю, — а они не правы, но их неправота меня мало трогает. Не волнуясь я и тогда, когда обнаруживаю, что мое суждение идет вразрез с суждением большинства. Я до некоторой степени доверяю свое-

му инстинкту» [4, 383]. Впрочем, писатель не хотел полностью открыться в этой книге, при этом пытаясь доказать, что это и в принципе невозможно сделать, а те вещи, которые говорить другим не хочется — в сущности малозначимы: «У меня нет ни малейшего желания обнажать свою душу, и я не намерен вступать с читателем в слишком интимные отношения. Есть вещи, которые я предпочитаю держать про себя. Никто не может рассказать о себе всю правду. Тем, кто пытался открыть себя людям, не только самолюбие мешало рассказать всю правду, но и самая направленность их интереса; от разочарования в самих себе, от удивления, что они способны на поступки, казалось бы ненормальные, они без нужды раздувают эти эпизоды, более обыденные, чем это им представляется» [4, 382].

Подавленное религиозное чувство иногда невольно прорывалось у Мозма в его произведениях. Так в «Острые бритвы» он описывает ощущения героя от лица, которого ведет повествование (предполагается, что это он сам), когда в соседней комнате католический епископ причащает умирающего: «Я остался один. Снова послышался голос епископа, и я понял, что он читает отходную. Потом снова молчание — это Элиот вкушал крови и тела Христова. Сам я не католик, но всякий раз, бывая на мессе, я испытываю чувство трепетного благоговения, должно быть унаследованного от далеких предков, когда звоночек служки возвещает, что священник поднял для обозрения святыне дары; и сейчас меня также пронизала дрожь, как от холодного ветра — дрожь восторга и страха» [6, 214].

В том же «Острые бритвы» священник говорит главному герою (так и кажется, что и автору): «если человек поступает как верующий, вера будет ему дана; если он молится искренне, сомнения его рассеются <...> Возможно, я знаю вас лучше, чем вы сами себя знаете. Стена, отделяющая вас от веры, не толще листка папиросной бумаги» [6, 227].

Но вера человека постхристианского мира — это не вера в Христа Спасителя. В своем сценарии «Фрейд» Ж.П. Сартр вкладывает в уста знаменитого психолога следующие слова: «Я один, а небо опустело. Я буду работать один, стану своим единственным судьей и своим единственным свидетелем» [7, 302].

Наряду с фрейдизмом — дарвинизм одно из любимых детищ империалистической цивилизации, приобретающей все более глобальный характер. О мифологическом характере популярного дарвинизма хорошо писал К.С. Льюис: «Без Мифа не было бы современной политики. Миф возник в Эпоху революций и только благодаря политическим концепциям этой эпохи был усвоен сознанием. Отсюда ясно, почему Миф сосредоточивается на одном холдейновском случае биологиче-

ского “прогресса” и отвергает десять случаев “дегенерации”. Если бы эти случаи дегенерации принимались во внимание, невозможно было бы не понять, что любое изменение в жизни общества ровно настолько же способно уничтожить уже имеющиеся свободы и блага, насколько и создать новые; что опасность оступиться и упасть так же велика, как возможность двигаться дальше; что разумное общество должно тратить на сохранение не меньше энергии, чем на улучшение. Осознание этих трюизмов оказалось бы губительным как для политических левых, так и для политических правых нового времени. Миф же затуманивает это знание. Большие партии заинтересованы в Мифе и вкладывают в него капиталы» [8, 436].

И Клайв Стейплз Льюис предлагает своим читателям верить совсем в иное; верить, даже, если весь мир будет говорить им обратное. Один из героев его сказки «Серебряное кресло» говорит колдунье, предоставившей ему «неоспоримые» доказательства того, что всего, во что он верил, не существует: «Все, что вы сказали, верно. Я всегда хочу знать худшее и держаться как можно лучше. Поэтому спорить не стану. Допустим, мы видели во сне или выдумали все это: деревья, траву, солнце, звезды и даже Аслана. Но тогда выдумка лучше и важнее реальности. Допустим, это мрачное место и есть единственный мир. Тогда он никуда не годится. Может, мы и дети, играющие в глупую игру. Но четверо детей создали игрушечный мир, который лучше вашей реальной ямы. Я не предаю игрушечного мира. Я останусь с Асланом, даже если Аслана нет. Я буду жить как нарниец, даже если нет Нарнии. Благодарю за ужин, но мы четверо покинем ваш двор, вступим в темноту и будем искать дорогу наверх. Не думаю, что жизнь эта будет долгой, но стоит ли о том жалеть, если мир таков, каким вы его описали» [9, 95].

Но большинство представителей европейской культуры предпочитают следовать не за Льюисом, а за Мозмом и Сартром, предпочитая «настоящие» страдания, «выдуманному» счастью.

В этой связи любопытна книга «188 дней и ночей», написанная польским писателем Янушем Вишневым в соавторстве с польской журналисткой Малгожатой Домогалик. Произведение составилось из писем, которые они отправляли друг другу по электронной почте. В принципе роман в письмах, причем композиционно и конструктивно намного более сложный и интересный, знаком европейской литературе уже давно; достаточно вспомнить «Опасные связи» Шодерло де Лакло. Но здесь нечто принципиально иное. Особенность этого произведения — обнажение внутренней незащитности и беспомощности внешне успешных мужчины и женщины перед миром, их щемящее одиночество, которое они прячут под маской уверенности, их незнание эле-

ментарных вещей, которое они выдают даже самим себе за высшее знание — для думающих людей зрелого возраста это создает потребность в ответе на многие вопросы. Решение этого они находят не в реальном общении, а в интернет-переписке.

Приведем несколько примеров из книги. Януш Вишневский выступает апологетом доктора Кинси, заявлявшего, что «существуют только три половые аномалии: воздержание, целибат и запоздалое супружество» [10, 253], саркастично высмеивает католиков (к которым себя при этом относит) и порой примеры, которые он находит, дают все основания и для того, чтобы поразиться уровню кощунств, совершаемых в современной Европе под маской христианства: «Перед лицом бегства паствы от религии и по заказу одного из приходов в Вюрцбурге (в Германии принадлежность к вере — это не только духовный акт: будучи католиком в Германии, я плачу особый налог) людей побуждают остаться в лоне Церкви плакатом, на котором изображены ягодицы молодой девушки с вытатуированным на них крестом» [10, 41]. Конечно, этот и подобные примеры не дают Вишневскому серьезно относиться к религии, потребность в которой в нем сильна, он называет себя католиком, молится в минуты опасности и при этом рассуждает на тему: «являются ли потребность и желание выжить главными причинами, в силу которых люди пришли к идее Бога и религии?» [10, 221] Он рассуждает о самоубийстве в форме эвтаназии как естественном праве, заявляя, что отрицательное отношение к этому католиков «является неправильной интерпретацией воли смерти. И если тяжелобольной человек, находящийся в здравом уме, говорит, что он хочет умереть, то религия тут же интерпретирует это так: он не может хотеть умереть, просто он просит больше любви» [10, 288].

И Малгожата Домогалик соглашается с ним, приводя следующий пример: «два года назад, когда близкий мне человек неожиданно потерял сознание и все небесные и земные знаки свидетельствовали о том, что он больше не очнется, а если даже и очнется, то обречен на “растительное существование”, я вспомнила его слова: “Запомни, ты не должна допустить, чтобы я вел вегетативное существование, прежде чем умру”. Мой отчим врач и прекрасно знает, что означает такое состояние. Случилось чудо, через сорок восемь часов он проснулся и очень скоро вернулся к прежней форме. Он играет в бридж, принимает пациентов, а уровень холестерина в его крови как у восемнадцатилетнего. Но я не раз задумывалась о том, что было бы, если бы все сложилось иначе. Если бы мой мудрый отчим стал “растением”... Знаю одно: если бы у нас была разрешена эвтаназия и если бы когда-нибудь передо мной встал выбор между красной кнопкой с надписью “вегетативное существование” и зеленой с надписью “смерть”, то я сначала по-

целовала бы руку своего отчима, а потом нажала на зеленую кнопку. В противном случае я не смогла бы смотреть ему в глаза, убеждая себя в том, что ему так лучше. Хотя он уже не выздоровеет, но еще поживет. Для нас? У меня в ушах наверняка звучал бы его вопрос: “А зачем?” [10, 289—290].

При этом оба собеседника — не просто средние, а думающие европейцы, считающие, что они живут в рамках христианских ценностей...

Глобальный мир — мир, в котором добро и зло так перемешаны, что человек почти не в силах разобраться, что хорошо и что плохо из того, что он совершает. Но это не отменяет свободы выбора, не отнимает возможности на перемены и обретение твердых нравственных ценностей для каждого, кто их захочет.

И сегодня, как и тогда, когда они были произнесены, также актуальны слова К.С. Льюиса о пути выхода из этого духовного тупика: «Самый первый шаг на этом пути — постараться забыть о себе. Ваше подлинное новое “я” (личное “Я” Христа, но и ваше, и ваше только потому, что оно — Его) не придет к вам до тех пор, пока вы стараетесь найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа. Принцип этот пронизывает всю жизнь. Отдайте себя — и вы обретете себя. Будете искать “себя” — и вашим уделом станут лишь ненависть, одиночество, отчаяние, гнев и гибель. Но если вы будете искать Христа, то найдете Его, и «все остальное приложится вам» [11, 200—201].

Литература

1. *Сартр Ж.П.* Слова. Повесть. М., 2010.
2. *Океанский В.П.* Средние века продолжают // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 3—4.
3. *Мозэм У.С.* Бремя страстей человеческих. Л., 1984.
4. *Мозэм У.С.* Подводя итоги // Мозэм У.С. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1984.
5. *Сартр Ж.П.* Тошнота. М., 2011.
6. *Мозэм У.С.* Острие бритвы // Мозэм У.С. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1985.
7. *Сартр Ж.П.* Фрейд. М., 1992.
8. *Льюис К.С.* Похороны Великого Мифа // Льюис К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 2000.
9. *Льюис К.С.* Серебряное кресло / Льюис К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 2000.
10. *Вишневский Я.Л., Домоголик М.* 188 дней и ночей. СПб., 2012.
11. *Льюис К.С.* Просто христианство // Льюис К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. СПб., 2004.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ



Ю.М. ОСИПОВ

О «Новом Домострое» Т.Н. Юдиной*

Аннотация. Рецензия на книгу Т.Н. Юдиной «Новый Домострой», раскрывающая и поддерживающая научно-практический (идейный и функциональный) поиск автора.

Ключевые слова: хозяйство, Россия, домострой, домостроительство, экономическая мысль, политическая экономия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the T.N. Yudina's book « The New Domostroy» opening and supporting scientific and practical (ideological and functional) findings.

Keywords: economy, Russia, domostroy, economic thought, political economy, philosophy of economy.

Тамара Николаевна Юдина — не поклонница и не защитница Сильверстова «Домостроя», как и не продолжательница, она его, если так можно выразиться — развивательница, ибо, как никто другой, поняла «Домострой», оценила и увидела его, а точнее — не «Домострой» даже, т. е. книгу, а *домострой* — уже как явление, причем явление в действии, в реальном бытии, в хозяйстве, в истории. По Юдиной, «домострой» — не только славный письменный памятник — «Домострой», но и реализующийся концепт, — меняющийся, конечно, по-разному выглядящий и действующий, — как раз тот самый концепт, который более представлен, быть может, не так домостроем, как *домостроительством*, то бишь строительством «домов» — личных, семейных, общинных, общественных, территориальных, народных, государственных, даже мирового дома, что как раз и соответствует первичным значениям понятий «хозяйство», «господарство», «экономика», — и никак не сводится к деньгам, товарообмену, капиталу, хотя близко к такому явлению, как предпринимательство, но лишь с учетом одновременного строительства предпринимателем дома, в котором все-таки массы домочадцев, а не эксплуатируемые предпринимателем = капиталистом пролетарии = бездомники. Дом — это дом — что-то це-

* Рецензия на книгу: Юдина Т.Н. Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. — М.: ТЕИС, 2014. — 448 с.

лостное, разнообразное, благое, это некий благоустроенный мир, в котором реализуется человек, социальная ячейка, общество.

Домострой — все-таки не домоводство, это прежде всего созидание дома, а потом уже его ведение, разумеется, в смысловом, а не временном различии. Хочешь жить, умей устраивать дом, а не всего лишь устраиваться в пространстве жизни, а устраивая дом, действуй не только для себя, в своих собственных индивидуальных интересах, но и для других, учитывая интересы семьи, коллектива, общества, мира в целом. Понятно, что здесь противоречие, которое ни концепт домостроя, ни практика домостроительства вовсе не исключают, но зато предполагают его разрешение: лишь с акцентом на личное (индивидуальное) начало, как это принято в той же Европе, лишь на общее (коллективное) начало, как это более принято в той же России. В обоих случаях реализуются в конце концов и то, и другое начала, но по-разному: в одном случае более через конкуренцию и борьбу, в другом — через солидарность и взаимопомощь. Домостроительство везде, в любой цивилизации, но разное домостроительство, как и разные в цивилизациях домострои.

Сильверстов «Домострой» — христианский, православный, соответственно и духовный, софийный, богоугодный. Это не только не атеистический домострой, но даже не католический, не протестантский. Так или иначе, но это святорусский домострой, не европейский. Плохо это (для тех же в России западников) или хорошо (для тех же «русофилов»), но это так — здесь Русь, здесь святость, здесь Русский путь. Как раз тот самый, который не устроил тех же Романовых, что привело сначала к церковно-религиозному расколу, а затем и принижению неистовым Петром Святой Руси. Тогда-то и был отвергнут Сильверстов «Домострой», а очередь Библии наступила позже, уже после Романовых, при большевиках.

Но реальная жизнь не терпит пустоты, а потому на место Сильверстова «Домостроя» и вдохновленного им посощковского труда («Книги о скудости и богатстве») пришла политэкономия, тоже вроде бы домостроительное учение, но, во-первых, атеистическое, во-вторых, западноевропейское (или просто европейское), в-третьих, сначала капитальное (от капитала, или капитализма, в смитианской базисной версии, а потом трудовое (от труда) в марксистской в основном интерпретации, чем Русь-Россия, а потом и СССР, и жили, правда, более всего идейно, ибо на практике все было сложнее, не столь однозначно. В России что-то все-таки сохранялось от «Домостроя», от православия, пока окончательно не выродилось в тоталитарный сталинский домострой, вполне или почти уже казарменный.

Т.Н. Юдина стоит, конечно, за христианский домострой, хотя и не Сильверстов в полном его развороте. У нее домострой всего лишь пронизанный христианской моралью в ее православной интерпретации, а не какой-то средневековый домострой в его тогдашней системной реализации. Ныне времена другие, и поскольку от домостроительства никуда все равно не уйти, то, конечно же, в ином, чем было когда-то при Сильвестре, исполнении. И вот тут-то и вопрос: в каком же?

Ясно, что не в западно-либерально-глобалическом, о чем негативно свидетельствует для России нынешняя пореформенная ситуация — субординационная и кризисная; ясно, что и не в сталинском тоталитарном варианте, который страна пережила и от которого в целом отказалась; но и ясно, если я правильно понимаю Юдину, не в каком-то «монастырском», или попросту православном, варианте.

Смею полагать, что Юдина стоит за некий российский вариант, который современная Россия должна выработать на постреформенном пути под себя, учитывая свою специфику и свои интересы, но при этом, решая по-своему и стоящие перед современным человечеством глобальные задачи: технические, технологические, культурные, нравственные и, уж извините, выживательные, что то же самое — антиапокалиптические (апокатастатические).

Да, Россия стоит сегодня перед *новым домостроительством*, вдохновляемым и *новым домостроем*. Факт! Как раз тот самый факт, который хорошо чувствует и понимает Юдина и о котором она хочет сообщить своей книгой людям — россиянам и не только нам. В реальности возможно всякое: и капитал с либерализмом, и государственность с дирижизмом, и гражданское общество с местными инициативами, и империя с мощным оборонным щитом, и народы со своими традициями и культурами, и единая многонародная нация, но все это должно быть в рамках некой *домовой гармонии*, пусть и не идеальной, но все-таки дееспособной, — и Россия, по убеждению Т.Н. Юдиной, не только достойна такой жизнотворной гармонии, но и способна ее достичь — ежели будет жить своим умом и исповедовать свой *Новый Домострой!*

Ю.В. ЯКОВЕЦ

**Евангелие интегрализма.
К 50-летию публикации монографии Питирима Сорокина
«Главные тенденции нашего времени»**

Аннотация. В связи с 50-летием публикации итоговой монографии Питирима Сорокина «Глобальные тенденции нашего времени» дается ее оценка как Евангелия интегрализма, которое лежит в основе новой парадигмы общественных наук. В монографии раскрыт кризис чувственного социокультурного строя и неизбежность замены его интегральным строем; предсказан сдвиг центра творческой активности на Восток; открыт социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы и закон моральной и религиозной поляризации.

Ключевые слова: интегрализм, социокультурный строй; конвергенция капитализма и социализма; социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы; моральная и религиозная поляризация, альтруистическая любовь.

Abstract. In connection with the 50th anniversary of the publication of Pitirim Sorokin's final monograph "Basic Trends of Our Time" it is given its assessment as the Gospel of Integralism that underlies the new paradigm of the social sciences. The monograph discloses the crisis of a sensate socio-cultural system and its impending replacement with the integral system; it predicts the shift of the center of creative activity to the East; it is discovered the social law of fluctuation of totalitarianism and freedom and the law of moral and religious polarization.

Keywords: Integralism, socio-cultural system; convergence of capitalism and socialism; social law of fluctuation of totalitarianism and freedom; moral and religious polarization, altruistic love.

В 2014 г. мировая наука отмечает два взаимосвязанных юбилея: 125 лет со дня рождения всемирно известного ученого, крупнейшего макросоциолога XX в. Питирима Александровича Сорокина (1929—1968) и 50 лет со дня публикации в США его итоговой книги «The Basic of our Times» [1] (русское издание — «Главные тенденции нашего времени») [2].

Сущность своего учения Питирим Сорокин характеризовал одним словом: *интегрализм*. Фундаментальный труд, в котором дано глубокое научное обоснование нового учения — четырехтомная монография «Социальная и культурная динамика» (1937—1941), и в 1952 г. в сжатом виде опубликована в одном томе. Этот том в переводе В.В. Сахова вышел в свет 2000 г. [3].

В «Главных тенденциях нашего времени» Питирим Сорокин со свойственным ему научным талантом и литературным даром излагает основные положения своего учения, подводя итоги полувековому творческому пути российского и американского периодов. Эта книга, рассчитанная на миллионы пытливых молодых умов, раскрывает глубинные основы происходящих в мире кризисов и открывает перспективу становления интегрального социокультурного строя. Поэтому я называю эту уникальную книгу *Евангелием интегрализма*. Скажу откровенно: ничего равного ему в российской и зарубежной литературе по общественным наукам я не встречал. У меня, как и у многих, кто ее внимательно проштудировал, во многом изменился взгляд на мир и перспективы его развития, в разгар кризиса появился свет в конце тоннеля. Это стало основой моей брошюры «Великие прозрения Питирима Сорокина» [4] и главы в монографии «Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего», изданной в США в 1999 г. [5], базой для создания в 1999 г. Международного института Питирима Сорокина—Николая Кондратьева, который в 2014 г. отметил свое 15-летие.

Почему я придаю такое значение этой книге?

Во-первых, потому что в ней в системном виде изложены основы новой парадигмы общественных наук, которая выражает закономерность и пути нового интегрального этапа в развитии человечества — *интегральной цивилизации* [6]. Интегрализм идет на смену либерализму и марксизму — двум главным течениям общественных наук индустриальной цивилизации (XIX—XX вв.), казалось бы, взаимоисключающим, но по существу представляющим две стороны одной и той же индустриальной научной парадигмы. Воспринимая и интегрируя ценное, что дали лучшие представители этих двух течений научной мысли, интегрализм в то же время придает новое качество, освещает факелом знания сложные и противоречивые тенденции переходной эпохи. Это важно знать молодым пытливым исследователям, чтобы понимать, по какую сторону баррикады они находятся — на стороне защитников обреченных на уход с исторической сцены отжившего свой срок индустриального общества и чувственного социокультурного строя или в пока редких рядах смело закладывающих основы интегральной цивилизации, будущего, интегрального социокультурного строя.

Во-вторых, в книге кратко изложена сущность главного научного открытия Питирима Сорокина — *закона смены социокультурного строя*. Он понимает введенное им понятие социокультурного строя весьма широко, включая сюда науку и философию, религию и этику, экономику и политику, систему ценностей — все то, что мы относим к генотипу цивилизации. Его подход разительно отличается от односто-

ронного доминировавшего экономизма в либерализме и марксизме, на смену которым идет интегрализм.

Питирим Сорокин не только вводит новую макросоциологическую категорию, но и открывает закон ее движения — периодическую смену идеационального (сверхчувственного), чувственного и интегрального социокультурного строя. Раскрывает процесс кризиса и разложения чувственного строя, преобладающего на Западе, и неизбежность смены его интегральным социокультурным строем.

Эти открытия, развитые современной российской цивилизационной школой, раскрывающие сущность и исход эпохальной борьбы между умирающим чувственным и восходящим интегральным социокультурным строем, пока слабо восприняты учеными и педагогами, остаются недоступными для лидеров нового поколения, что обезоруживает их. Между тем, подчеркивает ученый, «эпохальная борьба между все более возрастающими бесплодными и деструктивными силами умирающего чувственного строя и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного строя характеризует все сферы современной культуры и социальной жизни и глубоко влияет на образ жизни каждого из нас» [2, 30].

За прошедшие полвека влияние этой эпохальной борьбы стало еще более ощутимым, особенно при попытках правителей России в ходе неолиберальных реформ отказаться от собственных цивилизационных ценностей и воспринять распадающийся чувственный социокультурный строй, что ни к чему хорошему не привело и сейчас все более отторгается растущей долей лидеров нового поколения.

В-третьих, в книге раскрыта историческая тенденция перемещения центра творческого лидерства с Запада на Восток: «Творческое лидерство Запада, которое евро-американские народы монополизировали в течение последних пяти столетий, подходит к концу. Народы Африки и Азии сейчас играют все более активную роль... В результате творческий центр истории человечества, который был локализован в течение столетий в Европе и европеизированной Америке, окончательно перестал быть заключенным внутри этих границ» [2, 94].

По сути речь идет об исторической тенденции, которую я назвал *законом колебания исторического маятника* — с Востока на Запад и обратно. История цивилизаций началась в Африке и Азии: «в творческом лидерстве с доисторических времен и до четырнадцатого века н. э. народы Западной Европы и Америки, по-видимому, значительно отставали от народов Азии и Африки» [2, 95]. Затем в процессе технического прогресса, особенно после промышленной революции, не просто лидерство, но и доминирование и господство перешли к Западу,

который надолго отбросил назад великие цивилизации Индии, Китая, других регионов Азии и Африки.

Однако с середины XX в. и особенно в начале XXI в. маяк истории качнулся на Восток. Роль и влияние Запада стремительно падают, хотя он и пытается остановить ход истории, сохранить свое доминирование. Прогноз Питирима Сорокина оправдывается.

В-четвертых, Питирим Сорокин раскрыл тенденцию *конвергенции*, взаимного сближения капитализма и социализма на примере США и СССР в смешанный социокультурный тип. Конвергенция рассмотрена на широкой палитре областей — в науке и философии, этике и праве, образовании и спорте, религии, браке и семье, экономической, социальной и политической системе.

Это сопоставление привело ученого к принципиальному выводу: «Доминирующим типом возникающего не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип *sui generis*, который мы обозначили как интегральный тип... Он должен включать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьезных дефектов каждого типа. Более того, возникающий интегральный строй в своем полном развитии не будет, вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистического и коммунистического образцов» [2, 115—116].

Процесс конвергенции стал активно развиваться с 1990-х гг. и зашел слишком далеко в постсоветских странах. В то же время элементы интегрального строя все более четко прорисовываются не только на Востоке (Китай, Вьетнам, Сингапур и др.), но и на Западе (Австрия, Швеция). Процесс становления интегрального общества, интегральной мировой цивилизации займет, вероятно, десятилетие, но он неизбежен.

В-пятых, важное значение имеют открытые Питиримом Сорокиным социальные законы, отчетливо появляющиеся в период смены социокультурного строя, кризиса уходящего и становления восходящего строя. Это социальный закон *флуктуации тоталитаризма и свободы в острых кризисных ситуациях* и закон *поляризации борьбы между силами позитивной и негативной религиозной и моральной поляризации*.

«Типы экономик, систем управления и идеологий во всех странах не являются чем-то постоянным, но колеблются между полюсами тоталитаризма и совершенно свободных регионов... с минимумом правительственного контроля социальной жизни, взаимоотношений и поведения граждан. В течение чрезвычайного периода правительственный контроль может увеличиваться и соответствующие системы эко-

номики, управления и идеологии в разной степени подвергаются тоталитарной конверсии; в другой период в том же самом обществе масштаб и жестокость правительственной регламентации свободной экономики, управления, идеологии и образа жизни» [2, 123—124].

Причиной усиления государственной регламентации становятся острые кризисные ситуации: «Всякий раз, когда в определенном обществе возникает значительный кризис в форме войны или угрозы войны, большого голода, большой экономической депрессии или опустошительной эпидемии, землетрясения или наводнения, беспорядков и революции или в виде какой-либо другой крупной критической ситуации, тогда масштабы и суровость правительственной регламентации неизменно увеличиваются, и чем сильнее кризис, тем значительнее эта трансформация» [2, 124].

Именно такая трансформация наблюдается в мире и в России в период с 2008 г., когда в условиях череды глубоких кризисов забыты прежние неолиберальные иллюзии о дестатизации экономики и общества, усиливаются государственные регламентации всех сторон жизни общества, в том числе в таком оплоте рыночных свобод и демократических принципов, как США. Когда фаза кризиса будет пройдена, возобладает тенденция ослабления правительственной регламентации.

Другое проявление переходной кризисной эпохи — закон позитивной и негативной поляризации в периоды катастроф: «...поляризация происходит в массовых масштабах, когда катастрофы и невзгоды выпадают на долю больших коллективов. Некоторые из их членов становятся более агрессивными, жестокими, чувственными... или же ментально и морально разлагаются, в то время как представители другой части этого коллектива становятся более моральными, альтруистичными и безгрешными. Этот закон объясняет, почему периоды катастроф отмечены дезинтеграцией системы ценностей данного общества и ростом деморализации, преступности, войн и кровавых столкновений, с одной стороны, а с другой — созидательной реинтеграцией новой системы ценностей, особенно религиозных и этических, духовным и моральным совершенствованием позитивно настроенного сегмента данной популяции. Как правило, все великие религиозные и моральные системы возникали и затем облагораживались, главным образом, в катастрофические периоды жизни общества» [2, 318—319].

Такого рода процессы поляризации наблюдаются и в современную эпоху — например, в 1990-е гг. в постсоветских странах. Исход этой борьбы определяет судьбу народов и цивилизаций: «Всеобъемлющая борьба между силами позитивной и негативной поляризации является борьбой нашего века. Если в этом судьбоносном противостоянии силы позитивной поляризации, в конечном счете, будут превалировать над

силами негативной поляризации, с человечеством будет все в порядке. Если силы деморализации и дезинтеграции и победят, то будущее человечества окажется неопределенным» [2, 319].

К этому стоило бы добавить, что основным полем боя между силами позитивной и негативной поляризации является влияние на новое поколение, на его лидеров, которые должны определиться, с какими силами им по пути.

Развивая идеи Питирима Сорокина, я обосновал закон поляризации и социально-политического партнерства в острых кризисных ситуациях [7]. Поляризация в кризисных ситуациях становится не только религиозной и моральной, но и экономической, социальной, технологической и политической. Субъектами такой поляризации являются цивилизации, государства, социальные слои и поколения. В условиях цивилизационных кризисов, подобных современному, на первом этапе усиливается процесс поляризации. На втором этапе складывается социально-политическое партнерство на противоположных полюсах (в 2014 — на полюсах БРИКС и G7). На третьем этапе формируется национальное (или глобальное) партнерство, которое и обеспечивает преодоление кризиса. Этот процесс описан в книге «Диалога о закономерностях и путях выхода из цивилизационного кризиса» [8].

В-шестых, в книге Питирима Сорокина раскрывается значение *альтруистической любви* как главного мотива и движущей силы позитивной поляризации цивилизационного прогресса. Эта сторона интегрализма Питирима Сорокина до сих пор наименее известна и не воспринята в переходном обществе в период разгула негативной поляризации. Между тем это краеугольный камень не только гуманистической морали, но и основной принцип взаимодействия людей в условиях интегральной цивилизации. Он противостоит принципу «*Ното homini lupus est*» («человек человеку волк»), пониманию конкуренции как «войны всех против всех», развивает идею Петра Кропоткина о кооперации как основе межвидовых и внутривидовых взаимоотношений, основе человеческого общества.

Как ученый-социолог Питирим Сорокин всесторонне исследует феномен альтруистической любви, определяет ее виды и методы измерения, раскрывает влияние на здоровье детей, продолжительность жизни, раскрывает ее способность предотвращать войну и облагораживать общество. Он считает открытие мистической силы альтруистической любви прорывом научного знания [2, 243]. Он раскрывает принцип производства, распределения и накопления любви-энергии: «Творческая, неэгоистичная любовь действительно представляет собой одну из величайших известных энергий... Величайшая задача че-

ловечества на этом историческом этапе состоит в увеличении производства, накопления и использования этой энергии» [2, 298].

В периоды исторических разломов и бесконечного ряда катастроф возрастает сила ненависти. Противостоять ей можно лишь на основе воспитания и распространения энергии альтруистической любви, начиная с семьи, школы, университета, в трудовых коллективах разных видов и масштабов. Это миссия родителей, педагогов, сотоварищей, руководителей коллективов. Следует отметить, что дух рыночной конкуренции, стремления к прибыли любой ценой, коррупции противостоит этой цели. Поэтому необходимы усилия общества и государства, чтобы противостоять влиянию рынка, вернуть ему место, ограниченное рамками деловой и человеческой этики.

Приведенный выше краткий обзор шести главных с позиций зарождающейся интеграции цивилизации достоинств итоговой книги Питирима Сорокина показывает, что она должна выполнять роль Евангелия, символа веры для миллионов строителей этого общества в себе и вокруг себя. Но пока она не выполняет и сотой доли своего научного и нравственного потенциала — просто потому, что она мало кому доступна и известна, тем более новому поколению.

Что нужно сделать, чтобы преодолеть информационную блокаду и использовать великую созидательную силу этой книги, чтобы содержащиеся в ней идеи, овладев массами стали материальной силой?

1. Подготовить, опубликовать и разместить в Интернете новое издание монографии «Главные тенденции нашего времени», включив в него библиографию основных трудов Питирима Сорокина на русском, английском и других языках.

Книгу стоило бы разослать в ведущие университеты, национальные и научные библиотеки России и других стран СНГ. Тем самым основные идеи Питирима Сорокина станут доступными новому поколению исследователей большинства стран мира. Эту работу мог бы организовать МИСК, Сыктывкарский государственный университет и ИНИОН РАН совместно с Открытым университетом диалога цивилизаций, совместно с зарубежными партнерами.

2. Следует поддержать инициативу социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова об издании собрания сочинений Питирима Сорокина на русском языке, что будет способствовать включению его наследия в исследовательский и образовательный процессы.

3. МИСК открыл сайт «Питирим Сорокин» в научно-образовательном портале «Новая парадигма» (www.newparadigm.ru) и подготовил предложения о создании виртуального русско-американского научно-образовательного музея Питирима Сорокина. В этом могли бы принять участие Санкт-Петербургский, Гарвардский,

Московский, Сыктывкарский университеты, в этом заинтересована библиотека ученого в его особняке в Бостоне, где сейчас проживает профессор Сергей Сорокин. В экспозиции музея необходимо представить не только подвиг жизни и творчества великого ученого, его богатейшее наследие, но и основные труды на разных языках. Такой проект могли бы поддержать руководство Республики Коми, Минобрнауки и Минкультуры России, ЮНЕСКО, российские и зарубежные научные фонды. Этот проект стал бы пилотным проектом программы «Всемирное научное наследие» под эгидой ЮНЕСКО.

4. Нужно более активно включить научное наследие Питирима Сорокина, его учение об интеграции в программы ведущих российских и зарубежных университетов, а также международных университетов — Открытого университета диалога цивилизаций, Сетевого университета БРИКС и др. МИСК подготовил и издал несколько учебников для Открытого университета диалога цивилизаций, в которых отражены основные идеи Питирима Сорокина — «Цивилизации: прошлое и будущее» (издан на русском, английском и арабском языках), «Диалог и партнерство цивилизаций» (с предисловием С.В. Лаврова, издан на русском и английском языках), «Стратегия глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций» (издан в электронном виде на русском и китайском языках). Нужно продвигать эти учебники и в других университетах.

Эти меры помогут прорвать информационную блокаду, вернуть богатейшее научное наследие великого ученого в XXI в., передать его лидерам нового поколения, которым предстоит выполнить свою историческую миссию — заложить основы интегральной цивилизации, краеугольные камни которой заложены Питиримом Сорокиным.

Литература

1. *Sorokin P.A.* The Basic Trends of Our Times. New Haven, conn.: College and University Press Publishers, 1964.
2. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997.
3. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М., 2000.
4. *Яковец Ю.В.* Великие прозрения Питирима Сорокина. М., 1999.
5. *Яковец Ю.В.* Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего. Levington-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1999.
6. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. VI. Становление интегральной цивилизации. М., 2009.
7. *Яковец Ю.В.* Закон поляризации и социально-политического партнерства в кризисных ситуациях // Экономические стратегии. 2012. № 5.

8. Яковец Ю.В. Диалог о закономерностях и путях выхода из кризисов. М., 2014.

Е.С. ЗОТОВА

Методология исследования глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства*

Аннотация. В статье рецензируется первый том нового труда А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал».

Ключевые слова: глобальный капитал, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, социально-экономические трансформации, социопро-странственное измерение общественного бытия, модель структуризации и типологизации социально-экономических систем, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the first volume of A.V. Buzgalin's and A.I. Kolganov's new work «The Global Capital».

Keywords: global capital, A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov, social and economic transformations, social measurement of human being, structurization and tipologization model of social and economic systems, philosophy of economy.

Выход в свет нового, двухтомного, издания книги известных ученых, профессоров Московского государственного университета А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» стал важным событием в развитии того направления общественной мысли, которое его сторонники называют «Постсоветской школой критического марксизма».

В рамках этой школы уже опубликовано немало коллективных и авторских монографий («Глобальный капитал» стал 50-й работой в серии книг «Библиотека журнала “Альтернативы”»), но рассматриваемая нами монография стоит особняком — это концептуальная работа.

В данной статье хотелось бы высказать свои суждения только по поводу первого тома, оставляя за собой право вернуться в дальнейшем к анализу и второй книги этих ученых. Итак, в первом томе, названном

* Размышления над книгой: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 640 с.

весьма пространно — «Глобальный капитал. Методология. По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. Маркс reloaded», — авторы, как и анонсировано, реактуализируют и «перезагружают» методологическое наследие великого мыслителя XIX в. Воспользуемся основными авторскими разработками для представления основных достижений авторов в этом томе и затем дадим их критику.

Итак, в данной части своего фундаментального труда А.В. Бузгалин и А.И. Колганов поставили перед собой задачу показать, что именно и по каким причинам сохраняет свою актуальность и требует перезагрузки, реактуализации, а что устарело и требует критического обновления в методологии К. Маркса. Систематизация этих положений и основных направлений исследований в постсоветском марксизме — исходный пункт оригинальных разработок авторов.

Развивая традиции критического советского марксизма (наследие, которое в нашем пространстве все больше получает имя «ильенковского»), в работе реактуализированы ключевые положения *метода восхождения от абстрактного к конкретному и историко-генетического подхода*. В частности, применение историко-генетического метода к исследованию «позднего капитализма» позволило авторам, восходя от абстрактного к конкретному, показать, как видоизменяется в условиях позднего капитализма природа товара, денег, капитала, отношений воспроизводства и т. д.

К числу достижений А.В. Бузгалина и А.И. Колганова следует отнести и то, что они в основном смогли раскрыть специфику использования диалектического метода для исследования трансформационных состояний. В частности, ими разработана теория диалектики генезиса и «заката» социально-экономических систем; *про-* и *ре-*гресса, *э-* и *ин-*волюции; реформ и *контр-*реформ, революции и *контр-*революции как атрибутов исторического процесса. В монографии выдвигается гипотеза о том, что эти состояния доминируют в историческом времени. В книге показано, что для *трансформационных состояний* характерны мозаичность социального времени и пространства, принципиальная нелинейность и моногосценарность исторического процесса, его определяющая зависимость от «субъективного фактора»; раскрыта специфика противоречий, вызывающих *нелинейность трансформаций*. Эта методология использована для исследования процесса «заката» капитализма и нелинейной диалектики *э/ин*волюции товара, денег и капитала.

Едва ли не наиболее оригинальным и вместе с тем спорным положением работы является попытка показать специфику использования диалектического метода в социальном пространстве-времени *сетевых*

структур и со-творчества. Эта методология применена в работе для исследования природы сетевого рынка, рынка симулякров, виртуальных денег, специфики эксплуатации креативного работника, новых принципов социальной организации и структуризации позднего капитализма.

Среди других достижений этого тома можно отметить, во-первых, реактуализацию теории *превратных форм*; авторами показано, что современный капитал приводит к «удвоению превратностей»: фетишизм товара, денег и капитала мультиплицируется превратностью их симулятивных форм. Во-вторых реактуализация диалектического метода позволила авторам дать конструктивную *критику позитивизма и постмодернизма*. Показаны *причины и последствия* их господства в современных общественных науках. Эти тренды возникают вследствие объективных изменений в материально-техническом и социально-экономическом базисах — развитием сетевого тотального рынка и гегемонии капитала, ориентированного на прогресс превратного сектора. Господство этих подходов оборачивается отказом от фундаментальных методолого-теоретических исследований, следствием чего, в свою очередь, становится тотальное распространение в общественных науках прагматизма, узкотемья и, в конечном итоге, экономического империализма. Все это оборачивается не столько отрицанием «больших нарративов» вообще, сколько закреплением «нарратива» методологического индивидуализма и других атрибутов неолиберального тренда как якобы «естественной» основы социальных исследований.

Отмечая названные разработки авторов и их оригинальность, хотелось бы, вместе с тем, высказать и ряд критических замечаний. Дело в том, что *школа философии хозяйства* (Ю.М. Осипов), показала, что диалектический метод, при всей его пользе, не является универсальным и не может играть господствующую роль в общественных науках. Кроме того, авторы чрезмерно подчеркивают материалистическую составляющую этого метода, явно страдая чрезмерным рационализмом и объективизмом. Они не учитывают духовные слагаемые методологии *обществовидения*, сохраняя в этом смысле всю ограниченность классического марксизма. И соглашаясь в общем и целом с пафосом критики постмодернизма, следует подчеркнуть, что она ведется в книге с ограниченных позиций: не показана, в частности, аномальность постмодернистских «дискурсов» для традиционной духовной линии русского общества, русской культуры.

Продолжим наше рассмотрение основных положений первого тома книги.

Обращаясь к сфере *социальной философии* и отталкиваясь от разработок ряда марксистов-«шестидесятников», в книге обосновывается

несводимость марксистской периодизации истории к известной «пятичленке» и важность выделения системного качества мира [социального] отчуждения (в терминологии К. Маркса — предыстории, «царства [экономической] необходимости»). К числу оригинальных идей А.В. Бузгалина и А.И. Колганова можно отнести еще один тезис, который кладется ими в основу всей их концепции: они считают, что «закат» капиталистического способа производства неслучайно исторически и логически совпадает с «закатом», прохождением «царства необходимости». Диалектическое взаимоналожение этих двух процессов служит постоянным контекстом исследования позднего капитализма. В основу всех последующих разработок положена гипотеза: *начиная с XX в. человечество вступило в эпоху нелинейной (в социальном времени) и неравномерно-мозаичной (в социальном пространстве) трансформации «царства необходимости» в «царство свободы».*

Эта гипотеза подкрепляется в книге анализом взаимодействия производительных сил и производственных отношений. На основе обращения к методологии Марксова анализа подчинения труда капиталу авторами показана *не только прямая, но и обратная связь в этом взаимодействии и, в частности, социально-экономический механизм формирования особого типа производительных сил, стимулов и пределов их развития.* Эта методология позволяет авторам «Глобального капитала» раскрыть важные черты специфики производительных сил позднего капитализма и пределов этой системы.

К скорее философским, нежели политэкономическим положениям следует отнести и рассматриваемое в первом томе *противоречие общественного бытия, в котором человек выступает одновременно и как творец истории, и как функция объективных отчужденных общественных сил,* лежащее в основе исторического про/регресса и обуславливает основные черты *марксистской теории человека.* На этой основе А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым предлагается оригинальное системное представление социально-экономических основ последней, что, в свою очередь, легло в основу раскрытия системы отношений социального отчуждения и предпосылок социального освобождения Человека.

Продолжая эту линию, авторы, базируясь на своих разработках в области диалектики трансформаций, про- и ре-гресса предлагают совокупность оригинальных положений, характеризующих *социально-экономические трансформации* и вопросы *социопространственного* (а не только социовременного — теория формаций) *измерения общественного бытия.* Это позволило им, в частности, предложить гипотезу возможного выделения стадий (генезис, развитое состояние, «закат») и моделей (мутаций) *единого добуржуазного способа производ-*

ства (любопытная деталь: в книге отмечено, что гипотеза А.В. Бузгалина не в полной мере разделяема А.И. Колгановым), объясняющую многообразие исторических форм последнего. Предпосылкой этих выводов стал критический диалог с теоретиками мир-системного анализа.

Эти классические и новые положения социальной философии марксизма позволили авторам дать конструктивную *критику «цивилизационного подхода»* и показать, что ключевые проблемы современности и, в частности, *выделение специфики российского социума* находят свое адекватное объяснение и без использования этой методологии.

Следует подчеркнуть, что последнее положение заслуживает самой решительной критики. Попытка выведения специфики российского бытия, духа, традиций, культурной самобытности, всей великой цивилизации нашей страны исключительно из неких ограниченных историко-материалистических конструкций заведомо обречена на провал и не удивительно, что данный раздел авторам удался менее всего, если не сказать жестче.

Следует упомянуть и об их попытках критики цивилизационного подхода и попытке объяснения природы человека исключительно из социальных объективных противоречий. Отрицание духовных цивилизационных скреп души народов, особенно важных для понимания такой цивилизации, как русская, заслуживает самой решительной и последовательной критики.

Пожалуй, наименьшей критики заслуживает третья часть первого тома, где А.В. Бузгалин и А.И. Колганов обращаются к проблемам методологии политической экономии. Продолжая нашу линию выделения пунктов, которые сами авторы считают наиболее значимыми, подчеркнем прежде всего их действительно оригинальную гипотезу «*периодической системы*» элементов экономики. В первом томе книги А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым представлена *универсальная модель структуризации и типологизации социально-экономических систем*. Она базируется на выделении единой системы параметров, позволяющих показать структуру и основные свойства любой экономической системы (человека, предприятия, транснациональной корпорации, региона, национальной или международной макросистемы), а также ее «адрес» в многомерном социально-экономическом пространстве. Важно, что данная модель не постулируется, а *выводится* авторами как из анализа объективных процессов радикальных трансформаций («словом» экономического бытия, обнажающих структуру системы), так и из обобщения существующих экономических теорий (в основу последнего кладется марксистская теория структуры экономи-

ческой системы, в частности, разработки в области логики «Капитала» и результаты исследований «цаголовской» школы политэкономии).

Самый интересный и заслуживающий наибольшей поддержки раздел первого тома, на наш взгляд, это часть, посвященная *критике тотальной экспансии экономикса и являющегося его продолжением так называемого «экономического империализма»*. В книге раскрыты как причины массового распространения этого явления (прежде всего, тотальность рынка, все более подчиняющего себе не только экономическую, но и все остальные сферы человеческой жизни), так и негативные последствия этой экспансии для развития экономической теории и хозяйственной практики. Авторы доказывают, что в области теории «экономический империализм» приводит к редукции все более широкого круга социальных и гуманитарных исследований к узкофункциональному описанию взаимодействия различных акторов рынка, в области практики — к укреплению рыночного фундаментализма.

Наконец, к числу плодотворных разработок авторов следует отнести и их анализ феномена, который они обозначили как *«рыночноцентричность» господствующей ныне ортодоксальной экономической теории*. Такой подход, с их точки зрения, отождествляет экономику вообще с одной из исторически возможных форм хозяйствования — рынком — и сводит все нерыночные экономические отношения к его «провалам». Критика «рыночноцентризма», по мнению А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, позволяет, во-первых, развенчать довлеющий над современной экономической наукой дискурс «естественности» рынка как единственно возможной формы экономической координации и показать его исторически-ограниченные основания в отношении рыночного фетишизма и его более современных модификаций; во-вторых, переосмыслить природу так называемых «провалов» рынка и государственного регулирования, показав, что во многих случаях это не подлежащее минимизации «административное вмешательство в экономику», а ростки пострыночных экономических отношений, указывающих на начало самоотрицания капиталистической системы.

Суммируя наши размышления, подчеркнем: в целом первый том «Глобального капитала» А.В. Бузгалина и А.И. Колганова является важной вехой на пути развития современных марксистских исследований в области методологии общественных наук вообще и экономической теории в частности. Безусловно, взгляд на его основные положения ученых, разделяющих методологию школы философии хозяйства, видит немало недостатков в работе, упущений, характерных для методологии марксизма в целом.

Однако в своих ключевых выводах — как позитивных, так и критических по отношению к постмодернизму и экономическому импери-

ализму — эта работа является оригинальной, творческой, содержащей необычайно широкий круг новых оригинальных идей.

Особо следует сказать о научном аппарате книги. Уже в первом томе авторы критически используют до тысячи (!) источников из самых разных сфер общественных наук. Многие из этих работ написаны малоизвестными или вообще неизвестными в России англоязычными учеными. Работа снабжена прекрасным справочным аппаратом. Именной указатель включает сотни интереснейших авторов, принадлежащих к разным течениям общественной мысли и разным эпохам — от Античности до работ последних месяцев. Поражает предметный указатель, занимающий более 60 страниц убористого текста и позволяющий не только хорошо ориентироваться в книге, но и системно, структурированно представлять все основные разработки авторов.

Да и вообще от книги веет солидностью и фундаментальностью. Проработанностью и вместе с тем смелостью и оригинальностью. Эту работу следует читать. Критиковать. И читать снова.

А потом обратиться ко второму тому этой фундаментальной монографии, о котором мы поразмышляем в следующем тексте¹⁸.

Н.Н. РОСТОВА

Лентулов: между смертью человека и поисками первоначал

Аннотация. В статье анализируется с философской точки зрения творчество А. Лентулова. По мнению автора, художник Лентулов — это, по крайней мере, два художника. Один тяготеет к западной традиции,двигающейся по пути имманентизации человека, замещающей острые онтологические оппозиции трансцендентного и имманентного вялыми оппозициями тела и организма, стихии и социума, сакрального и профанного, обнаруживающими себя в рамках имманенции. Другой Лентулов — это исследователь истоков живописи и сознания. Тот, который стоит на линии между иконой и «Черным квадратом», по которой непрерывно можно перейти от субъективности до Бога.

Ключевые слова: А. Лентулов, сознание, человек, смерть Бога, смерть человека.

Abstract. In article A. Lentulov's creativity is analyzed from a philosophical point of view. According to the author, the artist Lentulov is, at least, two artists. One gravitates to the western tradition moving on the way

¹⁸ Продолжение следует.

of the immanentization of the person replacing sharp ontologic oppositions transcendental and immanent with the sluggish oppositions of a body and an organism, elements and society, sacral and profane finding themselves within an immanence. Other Lentulov is a researcher of sources of painting and consciousness. What costs on the line between an icon and «A black square» on which it is continuously possible to pass from subjectivity to God.

Keywords: A. Lentulov, consciousness, person, death of God, death of the person.

Недавно в Москве открылась выставка Аристарха Лентулова «Плоть вещей». В эти пронзительные осенние дни мне довелось побывать на ней вместе с неутомимыми авантюристами мысли Андреем Бычковым и Федором Гиренком.

Распятие

Ключевой картиной выставки, и, рискну сказать, в целом творчества Лентулова, мне кажется «Распятие», написанное в 1910 г. Что мы видим на ней? В ярких, лишенных дневного света красках изображен бюст, прикрепленный к черному кресту. Тело, с расцветченными во все цвета радуги ребрами, обрублено по талию. Лицо, свободное от предметности глаз и рта, искажено в мучительной гримасе, сочетающей испуг и проклятие боли. Образ обжигает, притягивает, трогает. Боль отзывается болью. Но кто этот распятый?

Конечно, не Христос христианства. Христос христианства — не тавтология, ибо XX в. не без помощи Ницше отделил христианство от Христа, сделав возможным понимание Христа вне христианства и христианства вне Христа. Почему распятый Лентулова — не Христос христианства? В нем слишком много жизни, как сказал Андрей Бычков, которая, кажется, противостоит черному кресту как христианству. Он слишком испуган, по словам Федора Гиренка, в отрицании формулы смирения «да будет воля Твоя». Распятый слишком человечен, чтобы быть Богом. Христос христианства — это воплотившийся Бог, пришедший в мир для спасения людей и победивший смерть на кресте в Своем Воскресении. Или, по формуле святых отцов, Бог, ставший человеком для того, чтобы человек стал Богом. Переводя эти слова на понятийный язык, можно сказать, что Христос христианства — это парадоксальное сочетание имманентности и трансцендентности в их нераздельности и неслиянности. «Распятие» Лентулова — поистине распятие, но не Богочеловека, а человека. На кресте агонизирует человек. Здесь нет места трансценденциям, а событию смерти не предуготовано Воскресение. Человеческая боль замкнута на боль. Лентулов

сделал из Христа человека, отделив его от христианства, подтверждением чему служит картина «Снятие с креста» 1910 г. с изображением зеленоватого трупа распятого. Для Лентулова Бог умер, и обе картины — это объективация самосознания смерти Бога. Но что есть смерть Бога?

Новый титанизм

Смерть Бога — это не то же, что атеизм. Атеизм выстраивает себя в отношении к Богу. Смерть Бога — попытка понимать человека вне живого личностного Бога. Это новый титанизм. Если титанизм эпохи Возрождения, поставившей человека на место Бога, мыслил человека, полным здоровья и деятельных сил в разумном мире, то титанизм Модерна и Постмодерна переосмысливает человека в его аффективности и болезненности в мире абсурда. Титанизм означает лишение человека трансцендентной перспективы. Новый титанизм отличается радикальностью в этом устремлении. Его бунтующий человек горд в своей одинокой жизни Сизифа.

Смерть Бога означает имманентизацию антропологического и, как следствие, художественного пространства. Делез, хорошо понимая последствия имманентизации, переосмыслил Достоевского в его утверждении, что если Бога нет, то все позволено. Напротив, заявляет Делез, если Бога нет, то ничего нельзя [1, 27]! Все сковано предметностью, объективировано, всему предпослан смысл. Если прежде высвобождение было обеспечено Богом, то теперь живопись ищет выход в телесности. Телесность — не то же, что организм, или, на языке Делеза, фигурация — не то же, что фигура. Всякой заданной природно и социально фигурации противостоит фигура. «Распятие» Лентулова — это игра телесности в лишенном трансценденций мире. В обрубленном теле, вывернутых ушах, оскале и буйствующей палитре красок художник использует плоть как экспериментальную площадку ее самоконфигурирования. Его картина по смыслу стоит в одном ряду с работами Мунка, Шиле, Сутина, Бэкона, в философии — наряду с дискурсами, привлекающими «третьи термины» для описания мира и человека, которые позволяют упразднить бинарные оппозиции «душа—тело», «идеальное—материальное», «трансцендентное—имманентное», «внутреннее—внешнее».

Распятие Лентулова — это художественный эквивалент терминов «машина желания», «тело без органов», «действие», «стихия», «интенсивность». Лентулов поистине пишет «плоть вещей», ибо его мир лишен различений. В нем не отличишь человека от вещи, тело — от эмоции. Это мир боли, отделенной от страдания. Подобно тому, как у Бэкона принципиально не отличаются багровые гладиолусы от дамы в

красном платье и черной шляпе или от разделанной туши, Лентулов в «Распятии» делает то же движение навстречу неразличения между распятым и куском мяса.

Неразличение

Неразличение предмета и человека обнаруживает себя в «Портрете дочери с детскими рисунками», на котором Лентулов изобразил зеленую массу кресла и одновременно тела девочки с воткнутой в нее головой. В его «Греке» 1910 г., на котором изображен сладострастно ухмыляющийся художник с обнаженным рельефным торсом, предвидится Филонов, достигнувший точки, в которой Христос становится десимволизированной рыбой («Пир королей» 1913 г.), а человек в пользу животного лишается второго плана. В жутковатой ухмылке «Грека» просвечивает лукавство коровы с картины Филонова «Коровницы», на которой сами коровницы подобны животным. На картине Лентулова «Дети с зонтами» 1912 г. изображены не дети, но неандертальцы, болезненные, лишенные сознания существа, головы которых художник с легкостью заменяет шапками зонтов.

В «Женщине с гармоникой» Лентулова те же звон, боль, стон и крик, что у Шиле, Мунка или Сутина. Этот портрет, словно изнанка благообразного портрета жены 1913 г. Ломаная гармоника в руках женщины подобна гангрене, вырастающей из шеи на автопортрете Шиле 1912 г. Гармоника, словно вывернутое наружу нутро. Пустые глаза женщины будто говорят нам о том, что гармоника вобрала в себя всю ее суть, выдавив душу. Есть в человеке то, что он сам о себе не знает, но что, по словам Августина, знает только Бог. Есть в человеке то, с чем он сталкивается в предельном одиночестве — то, что поэт назвал «черным человеком». Бесконечность божественного, непостижимость человеческого у Лентулова оборачиваются мучающейся плотью.

Но нельзя искать свободы там, где ее нет. Самоконфигурирование тел — это бесконечность конечного. Попытка говорить о необъективируемом вне Бога — о крике, смерти, эмоции, — ведет к антропологической редукции. Человек становится телом. Необъективируемое — объектом. Смерть Бога оборачивается смертью человека. «Распяtie» Лентулова — это движение навстречу смерти человека. Живопись боли и скрежета зубов захватывает, взрывает, отнимает почву из-под ног. Но в ней утрачено что-то самое главное, напряжения по вертикали.

Археология сознания Лентулова

Попытка художника мыслить человека вне Бога и попытка мыслить человека до Бога — не одно и то же. И то, и другое связано с распределением мира, ибо Бог имеет замысел о человеке и как источник

порядка дарит всякой вещи ее место, в этом смысле организуя сущностный мир. Если понимание человека вне Бога ведет к антропологической редукции, то исследование мира до Бога является антропологической археологией. Живопись Лентулова находится в самом центре художественной аутоархеологии человека XX в.

Взгляд на мир до Бога — это попытка эстетики проникнуть в начало начал, в мир первичного хаоса. В смысле онтологии — это движение от Бога к ничто. В смысле антропологии — это движение от человека к хаосу субъективности. В смысле искусства — это путь от иконы к «Черному квадрату» Малевича. Можно сказать, что от наскальной живописи до иконы в широком смысле слова, т. е. до мистериального образа, и обратно, от иконы до «Черного квадрата» располагается вся история человека — история его самособирания в иконе и его саморасщепления в ничто. Аналогично Малевичу в живописи можно говорить о Джоне Кейдже в музыке, заглянувшем в «4:33» за музыку, в молчание. В танце можно говорить о Мерсе Каннингеме, расщепляющем хореографию до перводвижений. В литературе — об обериутах, обращающихся к дословной стихии языка. В антропологии — о Сигизмунде Кржижановском, который в рассказе «Красный снег» схватывает чистую субъективность, предшествующую сознанию. В философии аутоархеология сознания проявляется в интересе к безумию как источнику ума и бессмыслице как источнику смысла. К тому хаосмосу, который вторым шагом может обнаружить космос.

Желание художника компенсировать отсутствие искусства эпатажем не имеет никакого отношения к этим философским поискам первоначал. Как, например, не имеет никакого отношения перформанс Германа Титова «Камуфляж» к Джону Кейджу. Титов показывает нам одинокий рояль на фоне заснеженного пустынного пространства, который молча методично закрашивает в розовый цвет мужчина в пуховике. Устроители московской выставки 2012 г. «Эксперименты Джона Кейджа и их контекст» усмотрели в видео Титова прозрение тишины и другие неожиданные смыслы. Однако этот незамысловатый перформанс на 15 минут, открытый бесчисленному числу интерпретаций, ибо сам по себе ни о чем не говорит, никак не связан с погружением в ту бездну эстетического хаоса, из которой рождаются предметность и сюжет.

Лентулов находится в самой сердцевине этих философских попыток дойти до первооснов предметности, разложить порядок до первоэлементов, первоцветов, первоформ, перво ритма, заглянуть *за* живопись. В этом все его разноцветные пейзажи и церковки, словно выложенные из нарезанных плоскостей. Аналогично он движется в исследовании человека. Его «Женщина в полосатом платье» производит

впечатление, будто части ее тела принадлежат не одной, но разным женщинам — голова — рабочей, кисти рук — интеллектуальной художнице, откровенно обнаженные ноги — уличной девке. Так же несуразен фон картины, сочетающий атмосферу будуара, подсобного помещения и, между прочим, украшенный Лентуловым аппликацией березы, сделанной из натуральной бересты. Распредмечивающий себя мир — это мир, утративший сущности, в котором все сдвинуто со своих мест. Это удвоение, раскраивание предметов у Лентулова видно в автопортрете со скрипкой, в котором художник отчего-то не рискнул подвергнуть и самого себя такому же лишению сущности.

Написанный в кубистической манере портрет А.С. Хохловой, пожалуй, одна из самых удачных попыток Лентулова обнаружить необъективированное, предшествующее всяким сущностям. В легкой, игривой, помещенной лишь в одной изогнутой линии актрисе, Лентулов, кажется, поймал тот самый свет, которым влюбленный любит, а художник творит. Здесь он по смыслу близок живописи Зверева, поимке той акварели состояний, которая предшествует эмоции.

Между антропологическими вертикалями и горизонталями

Художник Лентулов — это, по крайней мере, два художника. Один тяготеет к западной традиции,двигающейся по пути имманентизации человека, замещающей острые онтологические оппозиции трансцендентного и имманентного вялыми оппозициями тела и организма, стихии и социума, сакрального и профанного, обнаруживающими себя в рамках имманенции. Другой Лентулов — это исследователь истоков живописи и сознания. Тот, который стоит на линии между иконой и «Черным квадратом», по которой непрерывно можно пройти от субъективности до Бога. Путь от туши до Бога невозможен.

Литература

1. Делез Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения. СПб.: Machina, 2011.

А.А. АНТРОПОВ, Т.С. СУХИНА, Т.Г. ТРУБИЦЫНА

**Эссе о лукавых и истинных числах, экономистах,
юриспруденции и «палочке-выручалочке» философии
хозяйства**

Наука никогда не решает вопроса,
не поставив при этом десятка новых.

Д.Б. Шоу

Аннотация. Учитывая основной возрастной состав аудитории слушателей (школьники 5—10 классов), постараемся с их уровнем или же для их уровня ответить на вопросы, заданные д.э.н., профессором Ю.М. Осиповым для интерактивного семинара «Экономика: число и слово, счет и размышление» (11.10.2014 г.) на VII Фестивале науки.

Для этой цели были приведены четыре простые экономико-математические задачи.

Приведен наглядный пример несовместимости ценностей, психологии и менталитетов западных и восточных народов и наций (Запад и Япония).

Арифметика $\frac{3}{4}$ арифметикой, алгебра $\frac{3}{4}$ алгеброй, экономика $\frac{3}{4}$ экономикой, а разность, несовместимость ценностей, психологии и менталитетов западных и восточных народов и наций берет вверх, о чем уже 20 лет неустанно толкует отец оригинальной теории «философии хозяйства», наш выдающийся учитель, д.э.н., профессор Юрий Михайлович Осипов!

Ключевые слова: школьники, вопросы, простые экономико-математические задачи, несовместимость ценностей, психологии и менталитетов, западные народы и нации, восточные народы и нации.

Abstract. Considering the main age composition of listeners audience (school students 5—10 classes) we will try to answer the questions asked Yu.M. Osipov for the Interactive seminar «Economy: a number and a word, the account and reflection» (11.10.2014) at the VII Festival of Science.

For this purpose four simple economic-mathematical tasks were given.

The bright example of incompatibility of values, psychology and mentalities of the western and east people and the nations (The West and Japan) is given.

Arithmetics is arithmetics, algebra is algebra, economy is economy, and a difference, incompatibility of values, psychology and mentalities of the western and east people and the nations dominates, what our outstanding teacher Yury Mikhaylovich Osipov continues to interpret during 20 years.

Keywords: school students, questions, simple economic-mathematical tasks, incompatibility of values, psychology and mentalities, western people and nations, east people and nations.

Обозначим вопросы интерактивного семинара профессора Ю.М. Осипова на тему: «Экономика: число и слово, счет и размышление», проведенного в рамках VII фестиваля науки в МГУ 11 октября 2014 г. [1, 277].

1. *Каким быть современному экономисту¹⁹ — считающим или размышляющим?*

Ответ: не или, а и.

2. *Ясно, что и тем, и другим, но все-таки?*

3. *Работа экономиста — исполнение или творчество?*

Ответ: и это, и то в разных пропорциях для разных задач по назначению, сложности и степени новизны.

4. *Если творчество, то какое и в чем?*

В разных пропорциях для разных задач по назначению, сложности и степени новизны.

5. *Нужна ли экономисту философия?*

6. *Что есть философия хозяйства и чем она может пригодиться экономисту?*

Учитывая основной возрастной состав аудитории слушателей (школьники 5—10 классов), постараемся для их уровня ответить на вышеуказанные вопросы.

Дадим ответы на 1-й и 3-й вопросы.

1. Задача № 1

Условия задачи: 1) даны 9 монет одинакового орнамента, цвета и размеров; 2) из них одна монета фальшивая, и она по весу легче настоящих; 3) даны базарные весы с двумя чашами, но без набора гирь и без указательных стрелок.

Надо двумя взвешиваниями на базарных весах с двумя чашами найти фальшивую монету. Для решения этой простейшей задачи необходимо проявить настоящую смекалку и 100%-ю квалификацию экономиста-торговца.

Решение задачи: на каждую чашу положим по 3 монеты.

Подвариант № 1:

1.1) если чаши не уравновешены, то на чаше, которая выше по высоте другой²⁰, находится фальшивая монета;

1.2) из второй чаши весов убираем ненужные 3 настоящих монеты и в каждую чашу из первой чаши положим по одной монете из чаши, которая была выше.

¹⁹ Какому экономисту? Экономисту-практику или же экономисту-теоретику? И этому, и тому надо и первое, и второе!

²⁰ Раз выше, то легче.

Если чаши на одном уровне, то фальшивая — третья монета. Если же чаши не уравновешены, то на чаше, которая выше по высоте другой²¹, находится фальшивая монета.

Подвариант № 2:

2.1) если чаши уравновешены, то фальшивая монета находится среди оставшихся трех монет;

2.2) повторяем этап 1.2 подварианта 1.

Задача решена. Жаль, что ее не дали решить присутствующим школьникам.

2. Задача № 2

Условия задачи: 1) даны 10 стопок монет, и в каждой стопке по 10 монет одинакового орнамента, цвета и размеров; 2) в одной из стопок все монеты фальшивые, и вес одной фальшивой монеты — 95 г; 3) вес настоящей монеты — 100 г; 4) даны магазинные весы с одной очень большой и ровной чашей и указателем-стрелки на вес взвешенного товара.

Надо одним взвешиванием на магазинных весах с одной очень большой и ровной чашей и указателем-стрелки на вес товара найти стопку с фальшивыми монетами.

Эта задача предназначена для школьников, которые уже изучили раздел математики: арифметическую прогрессию.

Для решения этой простой задачи также необходимо проявить настоящую смекалку и 100%-ю квалификацию экономиста-торговца.

Решение задачи:

1) пронумеруем стопки с монетами: 1, 2 ... 9, 10;

2) на очень большую и ровную чашу положим рядом:

2.1) из первой пронумерованной стопки — 1 монету;

2.2) из второй пронумерованной стопки — 2 монеты;

2.3) из третьей пронумерованной стопки — 3 монеты;

.....

2.9) из девятой пронумерованной стопки — 9 монет;

2.10) из десятой пронумерованной стопки — 10 монет.

Итого, всего на очень большой и ровной чаше:

$[(1+10)/2] \times 10 = [(11/2) \times 10 = 11 \times 5 = 55$ монет.

Методика расчетов выявления стопки с фальшивыми монетами дана в табл. 1.

²¹ Раз выше, то легче.

Таблица 1

Расчеты по нахождению стопки с фальшивыми монетами одним взвешиванием на магазинных весах

№ пронумерованных стопок с монетами	Количество монет с пронумерованных стопок на чаше магазинных весов	Методика расчетов выявления стопки с фальшивыми монетами	Общий вес 55 монет с пронумерованных стопок на чаше магазинных весов
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
1	1	$((55-1) \times 100 + 1 \times 95)$	5495
2	2	$((55-2) \times 100 + 2 \times 95)$	5490
3	3	$((55-3) \times 100 + 3 \times 95)$	5485
4	4	$((55-4) \times 100 + 4 \times 95)$	5480
5	5	$((55-5) \times 100 + 5 \times 95)$	5475
6	6	$((55-6) \times 100 + 6 \times 95)$	5470
7	7	$((55-7) \times 100 + 7 \times 95)$	5465
8	8	$((55-8) \times 100 + 8 \times 95)$	5460
9	9	$((55-9) \times 100 + 9 \times 95)$	5455
10	10	$((55-10) \times 100 + 10 \times 95)$	5450

Примечание: вес настоящей монеты — 100 г; вес фальшивой монеты — 95 г.

В зависимости от того, на какой вес (г) (столбец № 4) укажет указатель-стрелка магазинных весов, по столбцу № 1 найдем нужную стопку с фальшивыми монетами.

Задача решена. Жаль, что ее не дали решить присутствующим школьникам.

3. Основное уравнение для отрасли МТС²² СССР — Госснаба СССР

$Q(t) = F[\text{ВОП}(t)$, все материальные затраты (без амортизационных отчислений, валовой прибыли, фонда оплаты труда, процентов за кредиты)(t);

где $Q(t)$ — объем оптовой торговли системы Госснаба СССР за t -й год, млрд р.; $\text{ВОП}(t)$ — валовой общественный продукт СССР за t -й год, млрд р. Все материальные затраты (без амортизационных отчис-

²² МТС — это аббревиатура материально-технического снабжения в целом по народному хозяйству СССР.

лений, валовой прибыли, фонда оплаты труда, процентов за кредиты t за t -й год, млрд р.).

Чтобы догадаться о таких факторах, нужно было: 1) хорошо знать все основные годовые показатели в целом по народному хозяйству СССР и по отдельным отраслям, считаемые ЦСУ СССР (ныне ГосСтат РФ); 2) проявить настоящую смекалку и 100%-ю квалификацию; 3) надо было хорошо освоить персональный компьютер и соответствующие компьютерные программы — электронные таблицы — (Lotus 1-2-3, Excel, Quattro.Pro), а также написать десятки программ в этих пакетах и т.д.

4. Простейшая экономико-математическая задача, решаемая по-разному²³ в странах Запада (США, Великобритания, Франция, Германия и т. д.), с одной стороны, и в странах Востока (РФ, КНР, Япония и т. д.) — с другой стороны

Исходные данные: на базаре две подружки торговали, например, яблоками одного сорта, но разного размера, причем у каждой торговли все яблоки были одного размера.

1. У первой торговли было 10 яблок по цене:

1.1) 3 (дол./шт., ф.ст./шт., евро/шт. и т. д.) — для отдельных стран Запада;

1.2) 3 (р./шт., юань/шт., йена/шт. и т. д.) — для отдельных стран Востока.

2. У второй торговли было 15 яблок по цене:

2.1) 5 (дол./шт., ф.ст./шт., евро/шт. и т. д.) — для отдельных стран Запада;

2.2) 3 (р./шт., юань/шт., йена/шт. и т. д.) — для отдельных стран Востока.

Одна из торговек в начале торговли отлучилась по семейным обстоятельствам и попросила подружку за нее продать ее яблоки. Подружки-торговки решили торговать яблоками по средней цене:

$$\bar{P} = (3+5)/2 = 4 \text{ ден. ед./шт.}$$

Общая сумма выручки получилась:

$$(4 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10+15 \text{ шт.}) = 100 \text{ ден. ед.}$$

Настоящая же общая выручка должна была быть:

$$(3 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10 \text{ шт.}) + (5 \text{ ден. ед./шт.}) \times (15 \text{ шт.}) = 30 \text{ ден. ед.} + 75 \text{ ден. ед.} = 105 \text{ ден. ед.}$$

Итого общая недостача составляет:

$$(105 \text{ ден. ед.} - 100 \text{ ден. ед.}) = 5 \text{ ден. ед.}$$

Возникает вопрос — как распределить общий убыток в 5 ден. ед. между двумя торговками-подружками? Естественно, сами договориться между собой они не смогли и пошли в суд рядиться-судиться.

1. В стандартном западном суде рассуждали бы так:

²³ В силу совсем разных, несовместимых ценностей, психологий и менталитетов народов и наций.

1.1) средняя цена: $\bar{P} = (3+5)/2 = 4$ ден. ед./шт. была установлена с согласия обеих торговок;

1.2) все остальные показатели даны выше.

Тогда первая торговка к своей законной выручке $(3 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10 \text{ шт.}) = 30$ ден. ед. недополучает: $(4 \text{ ден. ед./шт.} - 3 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10 \text{ шт.}) = 10$ ден. ед.

Итого у первой торговки общая присудимая выручка:

30 ден. ед. + 10 ден. ед. = 40 ден. ед.

Вторая торговка к своей законной выручке $(5 \text{ ден. ед./шт.}) \times (15 \text{ шт.}) = 75$ ден. ед. недополучает: $(4 \text{ ден. ед./шт.} - 5 \text{ ден. ед./шт.}) \times (15 \text{ шт.}) = -15$ ден. ед.

Итого у второй торговки общая присудимая выручка:

75 ден. ед. - 15 ден. ед. = 60 ден. ед.

2. В стандартном восточном суде рассуждали бы так:

2.1) средняя цена: $\bar{P} = (3+5)/2 = 4$ ден. ед./шт. была установлена с согласия обеих торговок, но она была ошибочной;

2.2) в силу первого условия убытки должны делить обе торговки.

2.3) общей средней ценой должна была быть:

$$\bar{P}_{\text{Средневзвеш.цена}} = \frac{(p_1 \cdot q_1 + p_2 \cdot q_2)}{(q_1 + q_2)} = \frac{(3 \cdot 10 + 5 \cdot 15)}{(10 + 15)} = \frac{105}{25} = 4,2 \text{ ден. ед.} \quad (1)$$

2.4). Все остальные показатели даны выше.

Тогда: первая торговка к своей законной выручке $(3 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10 \text{ шт.}) = 30$ ден. ед. недополучает: $(4,2 \text{ ден. ед./шт.} - 4 \text{ ден. ед./шт.}) \times (10 \text{ шт.}) = 2$ ден. ед.

Итого у первой торговки общая присудимая выручка:

30 ден. ед. - 2 ден. ед. = 28 ден. ед.

Вторая торговка к своей законной выручке $(5 \text{ ден. ед./шт.}) \times (15 \text{ шт.}) = 75$ ден. ед. недополучает: $(4,2 \text{ ден. ед./шт.} - 5 \text{ ден. ед./шт.}) \times (15 \text{ шт.}) = -3$ ден. ед.

Итого у второй торговки общая присудимая выручка:

75 ден. ед. - 3 ден. ед. = 72 ден. ед.

5. Наглядный пример несовместимости ценностей, психологий и менталитетов западных и восточных народов и наций (Запад и Япония)

Для западного экономического мышления характерно устанавливать отрицательную корреляцию между безработицей и инфляцией, причем уровень безработицы существенно ниже 5%, как считается, инициирует инфляционное давление. Однако в Японии многие годы

средний уровень безработицы составляет менее 3%, а уровень инфляции — 1,5% [2, 359].

К 1990-м гг. американские и японские экономисты определили основные различия двух экономических укладов. Единственный в своем роде низкий уровень импорта промышленных товаров в Японии «нельзя объяснить на основе общепринятых экономических факторов». «Японская экономика не следует западной логике, и что бы ни говорили западные прогнозисты, самая простая причина кроется в том, что это не свободно-рыночная экономика. Японцы создали такой тип экономики, которая ведет себя так, что ставит в тупик западных наблюдателей и не позволяет применять свои способности к предвидению» [3, 2—3; 4; 5, 36].

Среди ведущих промышленно развитых стран японская экономика является уникальной в своем роде потому, что японское общество уникально не-западное. Японское общество и японская культура отличаются от западных, в особенности от американских [2, 359].

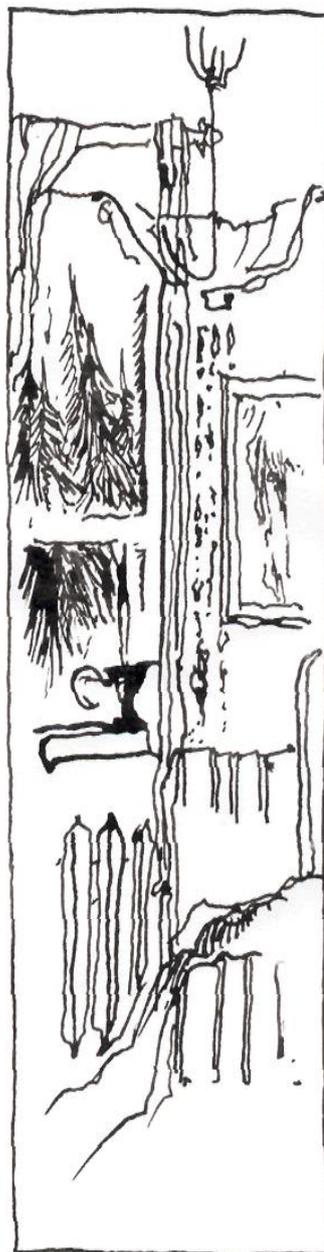
Выводы

Арифметика — арифметикой, алгебра — алгеброй, экономика — экономикой, а разность, несовместимость ценностей, психологий и менталитетов западных и восточных народов и наций берет верх, о чем уже 20 лет неустанно толкует отец оригинальной теории философии хозяйства профессор Юрий Михайлович Осипов!

Литература

1. Философия хозяйства. 2014. № 4.
2. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
3. *Lincoln E.J.* Japan's Unequal Trade // Brookings Institution. Wash., 1990.
4. *Bergsten C.F., Noland M.* Reconcilable Differences? United States-Japan Economic Conflict // Institute for International Economics. Wash., 1993.
5. *Sakakibara E.* Less Like You // International Economy. 1990. April—May.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**



Кончина А.К. Попова

Ушел из жизни выдающийся русский мыслитель, своеобразный и содержательный человек — *Александр Кондратьевич Попов*, верный товарищ по общему размыслительному фронту, по Академии философии хозяйства.

Любой человек в той или иной степени незаменим, а Александр Кондратьевич — в особенности. Остается крепиться и возносить Господу моления о вечном благоволении к душе Александра Кондратьевича!

* * *

Из нашей почты

...Ваше сердечное-щедрое приветствие по случаю моего, увы, грустного-невеселого неостановимого постарения животворяще влилось в мои душу, разум, кровь, раскрывшись-заиграв во мне всем расцветием своих волшебных смыслов, в частности, жаждой деятельности, крупно, рывком, с подъемом подвинув меня к завершению давно не получавшейся монографии. Вы сообща годы и годы особой, единственно вам свойственной творческой обстановкой радостно-доброжелательно возжигали мне мои идеи, творили-делали меня. Общение с ЦОН — главная радость, удача, счастье последнего двадцатилетия моей жизни. Благодарю, преклоняюсь, горжусь.

Василий Иванович Корняков

* * *

24 октября 2014 г. в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова состоялся Всероссийский круглый стол «Российское управление: формирование парадигмы — от заимствованных моделей к национальному опыту». Одним из информационных партнеров на мероприятии стал журнал «Философия хозяйства». В дискуссии принял участие директор ЦОН при МГУ, главный редактор журнала «Философия хозяйства» профессор Ю.М. Осипов. Ниже приводятся тезисы его выступления.

Ю.М. ОСИПОВ

Актуальные принципы организации российской экономики

Аннотация. От глобалического дирижизма к национальному, что то же самое — от присвоительно-потребительского к производительно-потребительскому. От пореформенной экономики к постреформенной через практику неодирижизма, сочетающегося с неолиберализмом.

Ключевые слова: Россия, национальное хозяйство, управление, государство, корпорации, государственно-корпоративный комплекс, теоретическая экономика, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the managerial principles of globalism and national dirigism, consumer and productive dirigism, post-reform economy and neodirigism which is combined with neoliberalism.

Keywords: Russia, national economy, management, state, corporations, state and corporate complex, theoretical economy, philosophy of economy.

То, что экономика управляется рынком — миф. Экономика всегда имела, а ныне в особенности, иную, более сложную и гораздо менее рыночную, систему управления, которую можно было бы определить как систему *организации самоорганизации*, в рамках которой доминирует волевое целенаправленное управление, сочетающееся непременно с таким же контруправлением (часто конкурентным) и неизбежно возникающими в больших системах стихийными процессами. Управление в экономике — война управлений, порождающая непредсказуемые процессы и с ними считающаяся. Рынок — коррекционная подсистема, но никак не доминирующая, мало того, еще и управляемая со стороны субъективных волей.

Российская пореформенная экономика сегодня — субэкономика, включенная в глобалическую экономическую мегасистему, от которой в определяющей мере и зависит. И дело тут не в мировом рынке, а в мировом мегауправлении: управление структурами, параметрами, потоками, массами, процессами, поведением, информацией, сознанием, правом, институтами, культурой. По большей части это косвенное, влиятельное, побудительное управление, но оно не чурается и прямого диктата.

Задача российского исторического момента состоит в волевом переходе к постреформенному национальному хозяйству, остающемуся, конечно, в мировой экономике, но в качестве более самостоятельного субъекта-игрока, способного действовать в своих собственных интересах. Для этого надо совершить почти невозможное — перестроиться

на ходу: поведенчески, структурно, системно. Задача грандиозная, ее надо выполнять, от ее решения стране не уйти. Пора распрощаться с внешним субординационным управлением и внутренним управлением экономикой ради частных присвоительно-потребительских интересов к внутреннему производительному управлению ради интересов всего российского общества.

Неуправляемых экономик, как и всего остального в человеческом мире, нет: если не управляешь сам, то тобой управляет кто-то другой. Сегодня Россия слишком управляется извне в пользу внешнего контекста и слишком мало управляется изнутри в пользу самой себя — как воспроизводственного целого. А если учесть обостряющуюся в мире борьбу за ресурсы, пространство, саму возможность быть и за будущее, то реконструкция системы российского управления оказывается попросту крайне необходимой.

Не предвосхищая всего устройства новой системы российского управления хозяйством, экономикой, социальными процессами, отметим главное: в центре такой системы должен находиться мощный, мобильный и инновационный *государственно-корпоративный комплекс* национальной ориентации, в распоряжении которого и национально ориентированные финансовые и любые институциональные подсистемы.

Переход к новой системе управления должен обеспечить *государственно-корпоративный дирижизм*, а учитывая особенности современного информационно-виртуального бытия, — *неодирижизм*, не отрицающий экономической самостоятельности хозяйственных агентов, свободы их управленческих действий, т. е. не отрицающий экономического либерализма, но либерализма, сочетающегося с дирижизмом, а именно — *неолиберализма*.

Строго говоря, в переменах, о которых речь, нуждается не одна Россия, а весь мир, включая и самоуверенный, передовой Запад, ибо иначе из нынешнего мирового апокалиптического кризиса не выйти, разумеется, без новой мировой войны (Армагеддона), которая не где-то там, а, увы, при дверях!

Россия на пути выхода из своего собственного апокалиптического кризиса, показателем чего служит подъем национального духа, обусловленный украинскими событиями, возвращением Крыма и западными против России санкциями. Да, мир не спокоен, он даже весьма опасен, но и Россия сегодня не спокойна, однако совсем не так, как это было в те же 1990-е гг., — не губительно, а возрожденчески, — и такие «речевки-метки», как «Россия сосредоточивается!», «Россия зовет!» или «Россия вперед!» вовсе ныне не случайны: *Россия идет к России!*

* * *

14 ноября 2014 г. в г. Лимассол (Кипр) состоялся Международный научный симпозиум «Современная экономика: новейшие тенденции», организованный экономическим факультетом МГУ по инициативе лаборатории философии хозяйства при содействии Никосийского университета. В симпозиуме приняли участие доктор наук, профессор экономического факультета МГУ А.А. Аузан, Ю.М. Осипов, М.В. Кулаков, кандидаты наук В.Х. Эченикэ, К.А. Зимарин, Е.С. Зотова, сотрудники факультета С.А. Трухачев, Т.С. Сухина, Ю.А. Каденко.

* * *

18 ноября 2014 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), Ф.И. Гиренок, Г.Р. Наумова, Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, М.Ю. Павлов, Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.Х. Хабибуллина, научный сотрудник С.С. Мерзляков, соискатель И.И. Рудяк.

* * *

19 ноября 2014 г. на экономическом факультете МГУ прошла международная научная конференция «Экономическая система современной России: пути и цели развития», посвященная 210-летию кафедры политической экономии МГУ. В рамках конференции под руководством профессора Ю.М. Осипова состоялось заседание круглого стола «Экономический неолиберализм в мировой и российской практике», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, А.А. Олейников, В.Т. Рязанов (СПб.); кандидаты наук М.Н. Глазунов, П.П. Жуликов, В.В. Кашицын (Новороссийск), И.П. Смирнов; научный сотрудник А.А. Антропов.

* * *

И.П. СМЕРНОВ

Неодирижизм в медиасфере современной Германии

Аннотация. Предлагается осмысление неодирижизма как нового феномена в управлении общественными настроениями, предпринятая на материале продолжительных наблюдений автора за развитием медиасферы современной Германии.

Ключевые слова: неодирижизм, медиасфера, национальное покаяние, тоталитаризм, однополярный мир.

Abstract. The article is devoted to the judgment of a neodirigism as new phenomenon in management of public moods, undertaken on material of long supervision of the author over development of the media sphere of modern Germany.

Keywords: neodirigism, media sphere, national repentance, totalitarianism, unipolar world.

С феноменом дирижизма мы знакомы в первую очередь по экономике Франции 1950-х гг. в связи с реализацией теории гармонизированного роста и индикативного регулирования, выдвинутой Франсуа Перру. С тех пор термин «дирижизм» как идея сознательного руководства жизнью государственного организма получал все более широкое применение, распространяясь на различные сферы не только экономической, но и общественной жизни и вступая в соприкосновение с такими понятиями, как, с одной стороны, нейтральным «планирование», а с другой стороны, идеологически нагруженным «авторитаризм». Философское осмысление дирижизма и характера его эволюции за последние десятилетия позволило ряду авторов говорить о нем с приставкой «нео». Как представляется, для этого имеются реальные основания.

Постараюсь проиллюстрировать этот тезис некоторыми наблюдениями, сделанными в Германии. Со времени знакомства с ней в конце 1990-х гг. по сегодняшний день меня не оставляет ощущение тотальной заданности и управляемости процессов, происходящих в головах современных немцев, убежденных в высочайшей степени своей свободы, интеллектуальной независимости и эмансипированности. На мой «взгляд со стороны», идеологическая прилаженность, а в ряде случаев вопиющая зомбированность немецкого общества не знает аналогов в советской эпохе и даст ей большую фору по степени тоталитарности. Рука дирижера здесь если и не так навязчиво заметна и очевидна, то явно более строга и виртуозна.

Наиболее свежие примеры дает, конечно, господствующая в Германии оценка актуальных событий на Украине, называемых здесь не

иначе как «русско-украинская война» — в том числе и в академических кругах. Но в этом, допустим, прямое воздействие основанной на новейших политтехнологиях пропаганды, в конце концов, à la guerre comme à la guerre. Сложилась уже традиция. Можно вспомнить в связи с этим удивительный, по-моему, разговор с епископом, долгие годы занимавшим один из ведущих постов в иерархии лютеранской церкви Германии, состоявшийся у меня в свое время по поводу бомбежек Белграда:

— Мы, немецкие пацифисты, в трудном положении. С одной стороны, война. Но с другой — Милошевич, а это Освенцим. В этой ситуации мы делаем выбор в пользу войны...

Другой областью, в которой ярко проявляется диктат средств массовой информации и создаваемой с их помощью общей атмосферы в обществе, является вся значительная проблематика, связываемая более всего с именем Тило Саррацина и поднятая в его книге «Германия самоликвидируется». Ее темой является смутное будущее страны как таковой, ожидающее ее при сохранении нынешних тенденций в демографии, образовании и миграционной политике. Не только любые ссылки на Тило Саррацина, объявленного популистом и провокатором, но и практически любые упоминания затронутых им социально-политических проблем осуждаются как некорректные, подозреваются в нацизме и встречаются крайне агрессивно. Чего стоит модное определение «нерукопожатный». При этом слепо игнорируются действительно серьезные вопросы, связанные с национальной безопасностью Германии. Недальновидность германских элит просто поразительна. Из разговоров с тем же епископом:

— Перед немецкими христианами дилемма. Приходы скудеют, церкви пустеют. Мы выбрали из двух зол меньшее и приняли решение продавать освобождающиеся кирхи под мечети, а не под светские цели: все-таки мусульмане верят в Бога, хотя бы культовый характер зданий сохранится...

Односторонность в подаче информации, касающейся этноконфессиональных сюжетов, стала правилом. Недавно состоявшиеся в Кельне и Ганновере демонстрации немецких «антисалафистов», прошедшие под лозунгом «Европа против исламского террора» (столь понятным и естественным для испытавшего его на себе российского общества), получили освещение в прессе и на телевидении Германии лишь с одной стороны — подробно показывались протестные контрдемонстрации, проведенные под лозунгами антифашизма. Кстати, еще одна старательно насаждаемая идеологема — постулат об идентичности и равной ответственности нацизма и коммунизма, объединяющий их в понятии «тоталитаризм», — для популяризации которого была использована дискуссия Эрнста Нольте и Юргена Хабермаса 1986—

1987 г. и последовавшая полемика вокруг нее, известная в Германии под названием «спор историков».

В немецкое сознание давно и прочно внедрена категория «покаяние», знакомая нам и по ранней постсоветской истории. Официальная идеология национального покаяния находит свое выражение главным образом в еврейском вопросе, где она зачастую принимает гротескные формы. Оставим в стороне спорную художественную ценность множества установленных и запланированных монументов, посвященных еврейским жертвам нацизма. Скажем, деконструктивистский мемориальный комплекс Петера Айзенмана, построенный в 2005 г. на площади 20 тыс. м² в центре Берлина, возле Бранденбургских ворот. Мне довелось быть участником торжественного открытия другого такого памятника в Ганновере. На поверхность массивного полого куба, который представляет собой это произведение, нанесено несколько тысяч имен погибших жителей городского гетто. Митинг заключался в затянувшемся на 3—4 часа зачитывании всего списка школьниками младших классов, которые падали в обмороки под палящим солнцем, но должны были дочитать все имена до конца. Воспитательный эффект от такого рода мероприятий вызывает у меня большие сомнения. Между прочим, само слово «воспитание» исключено из обихода немецких детских садов и школ. Читая лекции в немецком университете, я неожиданно столкнулся с аналогичным запретом на слово «мировоззрение» — оно запятнало себя связью с национал-социализмом и не может быть использовано в учебном процессе.

Спекуляции на еврейской теме могут иметь коммерческий успех. В этом убеждает карьера немецкого скульптора Гюнтера Демнига, сделавшего имя на создании и тиражировании так называемых «спотыкательных камней» (Stolpersteine): прохожий спотыкается о небольшой позолоченный камень, вмонтированный в мостовую напротив дома, в котором проживал погибший еврей, чье имя выгравировано на произведении. Таких миниатюрных монументов во всей Германии насчитывается уже примерно 45000, и заказы на их установление приняты Демнигом на много лет вперед.

Вопрос, который в этом обзоре нельзя не затронуть, — гендерный. Загадочным образом в глазах немецкого общества именно в нем сфокусированы политкорректность, толерантность, лояльность и благонадежность немецкого гражданина. Университеты Германии, как и другие работодатели страны, должны в соответствии с принятым в 2006 г. законом о равноправии полов добиваться равного числа своих сотрудников и сотрудниц и, подавая объявления о вакантных ставках, сопровождают их комментарием: «Предпочтение отдается женщинам» (как правило). Недавняя законодательная инициатива СДПГ и «зеленых» идет в том же направлении и предлагает устранить дискриминацию,

придав половине человеческих фигурок, изображенных на светофорах Германии, некие женские признаки. Известный журналист Юрген Эльзэссер, редактор журнала «Компакт», выступает с критикой официального подхода в означенном вопросе и приводит в своих публикациях массу примеров, от забавных до абсурдных, вроде кампании по замене отдельных общественных туалетов на модель «унисекс». Но критические голоса таких авторов тонут в общем хоре борцов за гендерное равенство, не желающих давать себе отчет в последствиях этой политики для нации.

Нет сомнений в том, что неодирижизм служит действенным инструментом в современной миропроектной борьбе. Чтобы обеспечить сохранение однополярного мира, Рах Атегісана, недостаточно традиционных военных или дипломатических средств. В соответствии с теорией управляемого хаоса, нет более эффективного способа внешнего контроля, чем стихийный и неосознанный самоконтроль подчиненных территорий. Германия как «локомотив Европы», тщательно и аккуратно направляемая из-за океана, сама нанесет своим национальным и общеевропейским интересам гораздо больший урон, чем это могли бы сделать американские конкуренты в открытой конфронтации.

Педалирование идеи национального покаяния привело к тому, что типичный житель Германии предпочитает считать себя, согласно опросам, во-первых, швабом-баварцем-саксонцем и т. д., во-вторых, европейцем, и лишь, в-третьих, немцем. Страна с великой историей и культурой теряет чувство исторической субъектности. Радикализация ислама внутри Германии в сочетании с потоками беженцев из исламского мира, как следствие примерно теми же средствами сдиржированной «арабской весны», дестабилизирует социально-экономическую и политическую ситуацию. Но обсуждать эти проблемы иначе, как в русле утопии о «мультикультурном обществе», у немцев считается неполиткорректным.

Современный человек постепенно утратил онтологизм. Его жизнь наполняют смыслами реклама и средства массовой информации и коммуникации. Сегодня нет необходимости регулировать общественное настроение какими-либо директивными способами. Достаточно контролировать медийное пространство и исподволь наполнять его нужными смыслами, за которыми изолированно действующий и демократически настроенный индивид придет сам.

Природа дирижизма претерпела коренные изменения в гуманитарной области. Главным орудием вступившего на историческую арену неодирижизма выступает медиасфера, самые разнообразные средства массовой информации от газет и телевидения до интернета и негосударственных фондов. Нельзя сбрасывать со счетов и школу, и университеты. С помощью именно этих регуляторов, а не через государ-

ственные органы, осуществляется организация самоорганизации — эффективное управление новой эпохи. А тот, кто отвергает тезис об отсутствии идеологии в современном западном обществе, — тот рас-суждает неполиткорректно...

* * *

3 — 4 декабря 2014 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)», на которой выступили 68 докладчиков — доктора наук: А.А. Аузан, Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, М.Л. Альпидовская, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), Л.А. Асланов, С.В. Бирюков (Кемерово), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), А.В. Бузгалин, Ф.И. Гиренок, С.Ю. Глазьев, Р.С. Гринберг, М.М. Гузев, Л.Н. Дробышевская (Краснодар), С.Г. Кара-Мурза, С.Г. Ковалев (СПб.), А.И. Колганов, В.И. Корняков (Ярославль), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.Н. Нечухрин (Гродно, Белоруссия), А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Олейников, П.В. Павлов (Ростов н/Д), С.П. Рамазанов (Волжский), В.Т. Рязанов (СПб.), С.В. Синяков (Киев, Украина), С.С. Слепачков, А.И. Субетто (СПб.), И.Ю. Фомичев (Тюмень), Г.Н. Цаголов, Н.А. Шапиро (СПб.), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, А.К. Шуркалин, Ю.В. Яковец; кандидаты наук: А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, А.М. Белянова, О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, С.В. Кайманаков, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.В. Кравчук (Киев), С.А. Марков, М.В. Маркова, Б.В. Межуев, А.А. Нагорный, М.Ю. Павлов, В.К. Петров, С.Л. Сазанова, Е.А. Сенаторова, М.Л. Симановская, Г.В. Фадейчева (Владимир), Е.Х. Хабибуллина, Е.В. Шелкопляс (Иваново); действительный государственный советник РФ (в отставке) М.Л. Хазин, научные сотрудники А.А. Антропов; С.С. Мерзляков, преподаватель Ю.А. Мирошников (Омск); соискатель И.И. Рудяк, специалист Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» С.П. Шевчуков, аспирант Н.Ш. Катамадзе; студент А.Б. Берберов.

* * *

4 декабря 2014 г. состоялось очередное ежегодное общее собрание Академии философии хозяйства, на котором была рассмотрена деятельность Академии за 2014 г. и представлены перспективы работы на 2015 г.

* * *

Анонсы

Ломоносовские чтения — 2015

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,

посвященная 260-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

«Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста: разработки и рекомендации экономистов МГУ»

Секция лаборатории философии хозяйства

М.В. Ломоносов как антикризисный дирижист

Ведущий Ю.М. Осипов

М.В. Ломоносов — ученый, организатор, управитель. Российский антикризис требует новых ломоносовых — антикризисных дирижистов. Кто, как, когда?

20 января 2015 г., вторник, в 15.00

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки на участие в конференции принимаются до 21 декабря 2014 г.

Информация на сайте экономического факультета <http://www.econ.msu.ru/science/conferences/Lomonosov-2015>

Необходимо пройти электронную регистрацию на сайте факультета и прислать свою заявку на электронный адрес лаборатории lab.phil.ec@mail.ru.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

***Концептуальный уровень управления
социохозяйственными процессами:
методология и практика***

Концептуальная составляющая в социохозяйственной жизни: первичность, базисность, непреходящая важность. Что есть социохозяй-

ственная концепция (аналог: военная доктрина)? Концептуальное обоснование настоящего и будущего, идейно-прагматическая поддержка текущих состояний и перемен. Концептуальное управление социохозяйственными процессами. Мировой опыт. Отечественный опыт. Современная российская ситуация. Возможные контуры национальной концептологии. Что делать и не делать? Нужна ли сегодня национальная идея и какая? Философия хозяйства как идейный резерв управленческой концептологии.

**17 февраля 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Этнонациональная проблема современности

Этносы, народы, нации: вчера, сегодня, завтра. Языки, культуры, история. Глобализация и нивелировка этнонационального фактора. Определение и самоопределение. Обострение этнонациональной ситуации в мире. Этнонациональное (и расовое) доминирование и ему сопротивление. Запад — Восток, Север — Юг. Европа: столкновение разнообразия с унификацией. Этнонациональная судьба Европы. Россия как мультиэтнонациональное ядро. Русский мир и его нынешний заявительный выход на историческую арену. Россия и соседи: взаимопонимание и мир, расхождения и коллизии. Украина как очаг этнонационального напряжения и кризиса. Пути-дороги в новый разнородный мир.

**17 марта 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Национальный неолиберализм как средство преодоления кризиса российской экономики и ее развития

Никакой свободно определяющейся, или неуправляемой, экономики нет и быть не может. Рыночная экономика как экономика, управля-

емая рынком, — миф. Наличие рынка не означает, что экономика ему подчинена как объект управления. Рынок, сам управляемый, не более чем вспомогательное и коррекционное относительно дирижизма средство. Адекватнее говорить сегодня о сложной системе взаимопереходящих друг в друга процессов организации (несамоорганизации) и самоорганизации, в рамках которой есть место как планам, так и рынкам, а также управляемым и произвольным акциям, ходам и процессам. Дирижизм всегда есть и никуда уйти из экономики не может, включая и центральный дирижизм — государственный ли, корпоративный ли, национальный ли, международный ли. Россия — дирижистская страна, в которой власть важнее денег. Перестройка, революция 1990-х и стабилизация 2000-х — дирижистские феномены. Сегодня на повестке дня — антикризисный и «развитийный» национальный (государственно-корпоративный) неодирижизм, ориентированный на управление контекстом, потоками, процессами, зонами экономики и, как следствие, решениями и поведением свободных хозяйствующих субъектов, исповедующих неолиберализм — лояльный к неодирижизму. Иного России не дано!

16 апреля 2015 г., четверг, в 15.00

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

на тему:

Сознание как основа, сфера и фактор человеческого бытия

Человек это сознание, а где сознание — там человек. Сознание как дар и как бремя. Сознание и бессознание, разум и инстинкт. Ноосфера, или общественное сознание. Разнообразие сознания, его уровни традиции. Сознание в реализации бытия, жизни, хозяйства, культуры, истории. Эволюция сознания: от примитивного к высокому. Возможность, если не факт, инволюции: от развитого сознания к простейшему. Что сегодня? Перемены в сознании и в человеке. Управление сознанием, его оснащение и переоснащение. Неосознание: миф или реальность, возможность или уже действительность? Традиция и сознание, новизна и сознание, резервы сознания и его пути. Тенденция к постчеловечеству.

Июнь 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Х ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ
Публичная дискуссия на тему:

Нужна ли экономистам философия?

Ведущий: д.э.н., профессор Ю.М. Осипов

Большинство студентов-экономистов скорее всего ответит, что нужна, но задумаемся над тем: какая философия, для чего, с каким сроком и объемом преподавания, наконец — с какой возможностью и перспективой применения? Но можно поставить вопрос и иначе: можно ли быть серьезным экономистом-практиком без философской подготовки, как и экономистом-теоретиком, не погружающимся в философию? Достаточно ли экономисту математики, информации, моделирования, компьютерных технологий? Интересно все-таки — надо прийти!

Октябрь 2015 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,

посвященная 25-летию Центра общественных наук при МГУ
имени М.В. Ломоносова

*Российская философско-хозяйственная,
обществоведческая и экономическая мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы*

Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительно качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!

В рамках конференции уместно провести и празднование 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр и его ученый актив этого заслуживают!

Секции:

1. Философия хозяйства как развивающаяся область мысли.
2. Обществоведение и философская антропология сегодня.
3. Современная экономическая мысль: между политэкономией и экономиксом к новой интерпретации.

Торжественное заседание по случаю 25-летия Центра общественных наук: «Четверть века служения науке, Отечеству и миру».

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2015 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2016 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

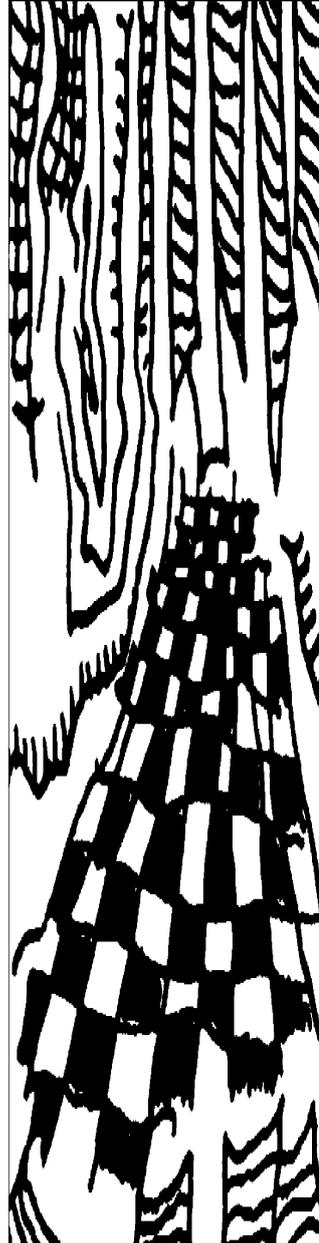
Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2015 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

2—4 декабря 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

BELLE-LETTRE



Ю.М. ОСИПОВ

Симпозиум Рассказ-очерк

Симпозиум был задуман как раз в той самой поездке, что ознаменовалась для московского профессора — директора незаурядного университетского Центра и президента оригинальной общественной Академии — посещением в компании с двумя чуждыми дамами из местного областного университета не только дома-музея великого русского композитора, пианиста и дирижера — поклонника и продолжателя Петра Ильича Чайковского, но и одного из райцентров, что на самом краю области, как раз того самого райцентра, где в десятке км от него трудился когда-то председателем колхоза его отец, прибывший на село из Москвы, да и сам он, будущий профессор первого вуза страны, постигал школьные премудрости, вышагивая пешком зимой и в межсезонную грязь, как и пролетая на велосипеде ранней осенью и поздней весной, положенные 5 км в сельскую школу, а также получая экстерном уроки французского прямо в райцентре — уже за 7—10 км от дома в зависимости от времени года.

Назван был симпозиум толково: «Средняя Россия: земля и люди». Не прошло и полугода, как он состоялся, в областном университете, но с заездом в тот самый крайний, но вовсе не маргинальный, а наоборот, почти что и процветающий, райцентр, — причем с посещением села, где был когда-то большой и в самом деле процветавший колхоз, руководимый отцом профессора, в том самом селе, где учился и закончил школу без золотой медали, ибо не хватило ему одного балла по сочинению, сам будущий профессор ведущего в стране университета.

Симпозиум отличился соединением за одним дискуссионным, а лучше бы сказать — разговорным, столом представителей двух миров: ученого мира и мира практического, что позволило узнать, что думают высоколбые интеллектуалы, с одной стороны, и практические насельники земли русской — с другой, мучаясь вопросом, поставленным профессором — инициатором симпозиума: «Возрождается ли, обновляясь, русский мир или продолжает болезненно хандрить, смертельно укушенный недавней, и весьма по сути антироссийской, реформой?».

Всякое говорилось на заседании: как утвердительно-оптимистическое, так и сомнительно-нерадостное. А как же иначе, ежели ситуация в стране оставался не просто противоречивая, но по-

своему и аховая — *кризисная*, причем не просто кризисная, а системно-кризисная, мало того — *апокалиптически* кризисная, когда сколько-нибудь явного выхода из кризисного состояния никак не просматривается. Большого и разнообразного производства нет, научно-технический прогресс по преимуществу импортного происхождения; будущее страны не отличается ни ясностью, ни уверенностью; жилища сносного не приобрести; молодое поколение неотступно исчезает за рубежом. Черноземная земля вроде бы обрабатывается, но при господстве монокультуры и зарубежной новейшей интенсивной агротехники, опасной для чернозема; капитал почти весь у внешних финансовых субъектов — инвесторов; аграрная занятость низкая; животноводство еле-еле теплится; молодежь устремлена в город и за границу. В общем — сложно, сомнительно, проблематично! Голоса на симпозиуме разделились: кто так, кто этак!

Обмен информацией, мнениями и чаяниями состоялся, заинтересованный диалог имел место, случился конструктивный контакт ученых и практиков: тех, кто на земле, и тех, кто только о земле. Там и там русские, а потому переживания и надежды у всех схожие, хоть картины в головах разные. Но отчаяния образца 1990-х уже нет, хотя нет еще и убедительной уверенности в будущем. Ораторы как бы боялись спугнуть робкую потенцию к возрождению, если не воскрешению, России. А потому ни раздраженного негативизма, ни опрометчивого позитивизма.

После заседания симпозиума и превосходного обеда был осмотр города, вовсе не заброшенного, а шаг за шагом поднимающегося. Город Гаврилы Державина, в нем губернаторствовавшего, еще и стихи мудрые писавшего, как и город кадетского музыканта Агапкина, сочинившего там свой бессмертный марш «Прощание славянки», как и город других замечательных людей, почему-то не без удовольствия и некоторой зависти прозываемыми на Руси «энскими волками». Знакомство с городом было кратким — за неимением, увы, времени.

Зато вечером случился прекрасный, можно даже сказать — изящный, банкет, данный участникам симпозиума ректором университета, убежденным, надо особо заметить, державником. Стол был замечательный, разнообразный, любовно приготовленный с добрыми напитками без каких-либо ограничений. Посреди торжества — чудесное пение одной молодой особы с приятным срединным тембром и одного молодого человека, тактично и виртуозно пропевшего аж самого Магомаева. Очаровательная, похожая на воспитанницу института благородных девиц, основанного когда-то самим Державиным, молодая особа не преминула выказать талант и по части исполнительского мастерства, сыграв привлекательные пьески на флейте и саксофоне. Не

оскудела, выходит, русская земля талантами, — и жаль, что слышать их можно только по случаю — в самой уже России!

На следующий день состоялась поездка в отдаленный уголок области, где не только работал самоотверженно отец профессора — инициатора и модератора симпозиума, но и где он сам — профессор — когда-то жилал юношей, учась в сельской школе, но где бывал также известный русско-советский поэт, отказавшийся в тяжкие идеологические годы от Нобелевской премии, правда, бывал он там всего лишь проездом, но зато каким! — увенчанным стихами, писанными молодым, но уже известным тогда поэтом в местной чайной, полной застарелых пищевых запахов и мириад настырных мух. И случилось это аккурат в 1917-м революционном году, на небыстром пути поэта к своей возлюбленной, азартно трудившейся где-то в среднероссийской глубинке по велению хоть и временной, но зато азартно-революционной власти.

И вот профессор вместе со стайкой коллег, друзей и сотрудников в знаменательном для него месте — в райцентре, где регулярно бывал его отец и где время от времени появлялся он сам, где находилась и находится до сих пор железнодорожная станция, с которой породнился в революционное лихолетье знаменитый поэт, увековечивший в стихах своих неказистую местную чайную с ее бесчисленными коварными мухами.

Встреча с местными администраторами — степенно-бодрыми мужчинами и, как и положено, покойно-очаровательными женщинами. Из первых должностных лиц — замы, начотделы, ответработники. Глава администрации района, побывавший на симпозиуме и там успешно выступивший, в тот момент был в отъезде — на встрече с выпускниками-одногодками в одном из русских городов. Студенческое братство — оно ведь не исчезает, оно всегда есть! К слову сказать, каждая, или почти каждая, российская губерния имеет землячество в столице, а что это на деле значит — нетрудно было и убедиться, стоя посреди центральной поселковой площади, окружавшей здание администрации — большой, крытой образцовой плиткой, всячески по сторонам обустроенной и бесспорно... праздничной! Как оказалось, все это великолепие было во многом результатом благотворительства земляков, а может, в основном и одного из них — крупного в стране управленца, заодно, видно, и финансового магната. Вот вам и землячество, вот вам и губернская в Москве диаспора!

Бывшая базарная площадь, на которой и сам будущий профессор когда-то бывал вместе с отцом на сельском торжище — на воскресной ярмарке. Тогда это был пыльный, бестолковый, невзрачный поселок со старыми дореволюционными постройками, чайной-столовой, обшарпанным белостенным лабазом. А теперь вот красота, пусть и несколь-

ко сумбурная, ибо создавалась она не по единому плану, а по зову ритмично пульсирующего муниципального сердца. Прежде всего церковь — большая, просторная, светлая, носящая имя Св. благ. князя Александра Невского, а перед церковью, уже на площади, памятник князю, выглядящему не по-корински, как Архангел Михаил, а совсем иначе, вполне по-земному — по-нашенски кряжистым. Напротив князя стоит другой владетель земли русской — В.И. Ленин, — и ничего себе — стоит! В стороне от церкви мемориал с огромным танком Т-34 на постаменте, а на броне танка надпись «Энский колхозник», как раз в честь крестьян-колхозников, собравших денежные средства на танковую колонну во время Великой Отечественной войны, причем вовсе тогда не жировавших, а исправно трудившихся и... изрядно голодавших (ели те же желуди, чем и спасались). Патриотизм, святое, русское! А вот и необыкновенный фонтан — «Ноев ковчег», как символ спасения и возрождения. Работа известного московского мастера-грузина — трудяги, богатея и мецената. Автора еще и двух других райпроизведений: стоящей на въезде в центр поселка женской фигуры — матери-крестьянки, за спиной которой призывная надпись «Поклонись матери!» и сидящего на бронзовой скамье с книжкой в вытянутой руке молодого поэта, воспевшего когда-то в любовно-философических стихах захудалое пристанционное село с его невзрачной чайной и назойливыми мухами. Ничего не скажешь: продумано, стильно, красиво! Чего, увы, не скажешь о примыкающей к площади торгово-экономической улочке, старательно одетой в однообразный сайдинг: практично, конечно, но скучновато как-то, не букетно, да и на старый голливудский Запад смахивает. Однако... новый облик поселкового центра, да что облик — новый центр, который профессору так и не удалось совместить с прежним — совершенно запутался он, пытаясь распознать площадную «розу ветров», ничуть об этой не пожалев.

Что говорить, здорово! Можно, оказывается, и сегодня делать что-то устойчиво доброе, включая и обновленные больницу, школы, дом культуры, новый спортивный центр с бассейном, реконструированный железнодорожный вокзал, новые магазины, кафе, кажется, уже и без полчищ легендарных мух, да мало ли еще что можно делать, сделано и будет сделано в примечательном для энской области краеугольном райцентре.

Обо всем этом, как и об иной социо-культурной работе, как раз и говорил на симпозиуме глава района, оставив чисто хозяйственные вопросы другим участникам симпозиума, тоже представлявшим этот сельский район. Да, как правильно отметил глава в своем выступлении, без всей этой непроизводственной сферы нет человека-патриота, любящего и ценящего свою малую родину, а мы добавим еще — в

особенности русского, немало сбитого сегодня с толку, что пропагандой, что глухой жизнью, что отсутствием перспектив.

Примечательно, что все это близко тому, чем упорно занимался когда-то отец профессора, думая не только о производстве и выполнении спускавшихся сверху заоблачных планов, но и о людях, об их жизни, о культуре, воспитывая у сельчан любовь и признательность к их малой родине, превращая деревню в место достойного на свете пребывания, обустроенной по-нормальному жизни. Вот она, переключка эпох, управленческих подходов, идеологий и культур!

Но самое поразительное впечатление, совершенно и любовно-восторженное, вызвал у прибывших ученых любознателей... Дворец бракосочетаний — красивый, барочный... э-э... воистину и дворцовый, что-то в духе павловского «Мон плезира», что радует глаз под Петербургом. Радужная хозяйка сказочного дворца охотно раскрыла перед воодушевленными посетителями все его секреты, включая и отсутствие, или почти отсутствие... разводов. Свадьбы, бракосочетания, опять свадьбы! Добрый знак — без всяких при этом социологических опросов!

Осмотр поселковых достопримечательностей весьма быстро закончился (опять нехватка времени!) и гости были приглашены ... э-э... к путевому столу, на котором алкоголь был удачно заменен... газированной водой... советского (если не досоветского) образца! Знаменитый «Дюшес», причем исключительно местного изготовления и разлива! Гостям, с великим удовольствием его вкусившим, было что вспомнить из своего детства, из своей прошлой жизни. Безалкогольно, а... хмельно! От приятного, чуть уже позабытого, вкуса «грушевки», от душевных воспоминаний, ну и от сердечного приема. И опять все легко, ненавязчиво, стильно!

Хорошо было всем за гостеприимным путевым столом — местному, по-людски, по-русски, но... программа брала свое и отправилась делегация на место бескорыстной службы отца и, что греха таить, вынужденного жительства матери профессора, как и бесстрашного пребывания его самого — тогда «тинейджера» — в сельской глубинке, где в 1955 г. не было ни шоссейных дорог, ни электричества, ни легковых автомобилей, ни водопровода, ни бани, ни радио, — и это прямо после Москвы, хоть и после коммуналки, но все-таки постоличному благоустроенной. А тут холод, темень, черная жирная грязь, русская печь, керосиновая лампа, снега по колена, вьюги по классу «ни зги», в общем — неприглядная, трудная, стоическая жизнь, прямо как в ссылке, чуть ли не в меншиковском варианте, разве с той разницей, что у петровского птенца было в Сибири Березово, а здесь оказалась всего лишь Березовка (первое село, в котором начал работать отец). Себя будущий профессор не очень-то жалел, а вот маму

свою, городскую жительницу, подавшуюся за супругом в энскую тьмутаракань, жалел, хотя в какой-то особой жалости стойкая женщина-казачка, мать троих детей, двое из которых, будучи уже взрослыми, остались в Москве, конечно же, не сильно нуждалась, точнее... нуждалась, конечно, но более всего через мужнину и сыновью помощь, их участие и поддержку. Это потом ей стало лучше, когда появились уютный дом, электричество, радио, телевизор, председательский УАЗ-ик, стиральная машина, а поначалу... поначалу было как-то очень и очень ссыльно!

Отец упорно поднимал доставшийся ему во владение отсталый колхоз, выводя его на путь процветания, даром что назывался колхоз «Путь к коммунизму». И вывел, и поднял, вопреки неверию давно уже во всем разочаровавшихся сельчан, как и вытолкнул деревенский люд на путь созидания достойной жизни. Трудно ему было, очень трудно, затратно, беспокойно, иной раз и горьковато, но... началось и пошло-поехало, правда, по большей части уже в «Заре», при новом названии все того же колхоза, более, кстати, подходившем тогда к прорывной ситуации. Но... не прошло и пяти-шести лет нараставшего из года в год процветания, как колхоз этот был слит с другим колхозом, соседним, в два раза бóльшим и в несколько раз менее успешным, если не попросту безуспешным. Образовался новый, уже гигантский колхоз, названный «Страна Советов» — по спонтанно высказанному предложению гостившего тогда в деревне будущего профессора. И вновь пошло-поехало! Возник новый и тоже вскоре уже процветавший колхоз, слава о котором гремела не в одной только округе, но и по всей энской области, да что по области — по всей стране! А почему? Нет, не из-за производства, которое было вполне на уровне, включая и непрофильное (16 вспомогательных предприятий!), а из-за развертывания в деревне действительно новой жизни, так сказать — из-за «гуманитарки» и «социалки». Мужики стали заметно меньше пить, женщины стали больше рожать, молодежь — оставаться в селе. В колхоз потянулись отовсюду переселенцы. Потянулись к уникальному председателю и журналисты с писателями, о колхозе и его руководителе заговорили в большой прессе, что привело колхоз и его руководителя к всесоюзной известности. И что важно — все в колхозе делалось отцом с опорой на трудовой коллектив и партийную организацию, а вот с руководившей тогда всем и вся партгосноменклатурой отношения у отца как-то не сложились, точнее, сложились, но очень противоречивые, не всегда и не во всем для него приятные. Слишком уж самостоятельно, независимо и по-своему вел себя председатель. И родилась трудно объяснимая, но вполне себе реальная, неприязнь, замешанная на зависти, да не отдельных «вышестоящих» персон, что понятно, а как бы всей управлявшей областью и районом властной системы. И

довелось стать удачливому и непреклонному преобразователю земли русской... э-э... чуть ли не врагом системы... прямо по ее же фактически желанию. Система все хорошо видела, и хорошо понимала, что работал ее же посланец во-многом вопреки самой же этой системе, даже против нее. Инспекционные десанты, прокурорские проверки, выверенные доносы, попытки снятия с должности, отдачи под суд и исключения из партии. В общем — настоящая борьба системы с нестандартным председателем и необычного председателя с системой! «Не вы мне давали партбилет, не вам я его и отдам!» Позиция! Ну и дождалась-таки система, когда он, искренний коммунист, дал слово своей родной партии, что уйдет со своего поста после шестидесяти лет, если партия сочтет нужным, — и партия, не слишком медля, непременно того захотела, воспользовавшись его опрометчивым словам: грубо, резко, исподтишка, а главное — незаслуженно! Система, потихоньку уже перерождаясь, убивала ею же вроде бы созданный контекст, все более системе мешавший, что и вело ее к расправе с наиболее яркими и весомыми представителями, держателями и спасителями контекста. Колхозники были готовы защитить своего председателя, как это бывало и прежде, не отдать его системе, но он — ОН! — сказал своим сельским чадам твердо: «Нет, не надо, я ухожу!». И ушел, ни разу после поспешного отъезда в Москву не побывав в дорогом его сердцу и разуму месте. Он приезжал из Москвы подписывать кое-какие бумаги, но как вышел он на тогда еще убогой станции, ныне неузнаваемо перестроенной, подписал привезенные колхозным бухгалтером бумаги, так и, дождавшись обратного поезда, никуда не заходя в райцентре, навсегда покинул место своего небывалого подвижничества.

Потом, сидя в Москве и глубоко вздыхая от получаемых им нежелательных известий из колхоза, где жизнь все более заслонялась нежизнью, подстегивавшейся равнодушием, разрухой и ликвидациями (имя его помянуть при новом начальстве было этим же начальством запрещено!), он написал книгу, назвав ее «Семнадцать лет, семнадцать зим», в которой поведал, насколько не затрагивая обидную для него проблему своего ухода, если не бегства, из села (это ведь был не толстовский уход из Ясной Поляны, вполне в общем-то личный и добровольный, а намеренное изгнание, еще и с характерными для номенклатурщины коварством и подлостью). Создав книгу, он поставил селу своему и его обитателям еще один памятник — на этот раз не материальный, а письменный. Сколько в книге имен, событий, проблем, разрешений, удач, неудач, побед!

Книгу-то он написал, даже подписал гранки в печать, но так ее и не увидел готовой, внезапно скончавшись на 68-м году жизни, а ведь был он от природы крепкого здоровья, с хорошей генетической закваской

— натруженное, надломленное ненужными, но устойчивыми переживаниями сердце не выдержало и отказало ему в заслуженном им старчестве. За полгода до этого, правда, ушла из жизни верная ему жена, мама профессора, на свежую могилу которой часто ездил отец-пенсионер и с женой своей о чем-то вслух разговаривал, наверно, рассказывал о судьбе деревни, о детях, обо всем текущем. На памятнике, который он заказал для жены, но не успел вывезти из оградочной мастерской, пришлось выбить и его имя, как и прикрепить к гранитной глыбе совместную фотографию — героя и героини!

Уязвленный проявленной к отцу несправедливостью, как и подлым его изгнанием, профессор четверть века не появлялся во вверенном когда-то его отцу селе. Но именно через четверть века, в 1998 г., что-то вдруг заставило профессора, уже весьма умудренного жизнью, знаниями и собственным творчеством, придти к неожиданной мысли: «Надо ехать!» И он поехал с супругой своей на вазовской «пятерочке» в деревню, — и вот, подъезжая к границе отцовского хозяйства, вдруг увидел фирменный трафарет, гласивший, что с этого места начинались земли колхоза... *имени отца!* Вот это был сюрприз! Оказалось, что примерно как с год, колхоз был переименован, получив имя своего, скажем так, главного конструктора. Иное дело, что это был уже не тот по качеству колхоз, не отцовский, но имя он носил вполне правильное, можно сказать, что и сакрально правильное. Выяснилось, что местные власти долго сопротивлялись переименованию колхоза, даже еще в 1990-е гг., но в конце концов, когда к управлению в районе пришли новые люди (уже нового поколения), согласие власти на это святое дело было колхозниками получено.

Профессор с женой были добросердечно приняты в колхозе, его тогдашним председателем, людьми, с которыми знали отец с матерью, с которыми был хорошо знаком и сам профессор. Была памятная встреча с одним из учителей профессора, тогда уже пенсионером. Состоялись и новые знакомства. И все это по-русски, по-энски — под водочку с закуской, с долгими разговорами.

Где-то лет через пять, профессор, получив приглашение от руководства колхоза приехать в село по случаю местного праздника, выступил с инициативой поставить на здании правления колхоза мемориальную доску в честь своего отца, что было безусловно поддержано колхозным руководством и районной администрацией, а через какое-то время и осуществлено. Так состоялась постановка памятной доски — аккурат на стене, сопряженной с председательским кабинетом — кабинетом вседеятельного отца.

Открытие памятной доски прошло в присутствии колхозного и местного начальства, гостей из райцентра, включая главу района, соратников и знакомцев отца, ветеранов колхоза, учителей школы во

главе с директором, жителей близлежащих домов. На событие откликнулись бывший водитель отца, последняя секретарша отца и работавшая с ним бухгалтер, привозившая ему аж три десятка лет назад на ж/д станцию бумаги для подписи — уже последней. Собралось человек 40. Перед освобожденной от материи мемориальной доской состоялся митинг. Были произнесены в адрес отца-председателя речи, выступавшие делились воспоминаниями, один из молодых учителей проникновенно прочитал чьи-то сокровенные стихи, очень подходящие к случаю, кто-то из женщин всплакнул, сам профессор тоже говорил об отце, едва сдерживая слезы. Было сердечно, памятно, хорошо! Потом возымела место коллективная трапеза, тоже с речами и воспоминаниями, как и с приличествующими событию тостами. Царила торжественная, живая и в то же время покойная атмосфера. Дух отца явно витал над местом его трудового действия, прямо над командным пунктом, который отец сам себе когда-то и воздвиг. Что ж, то была очередная виктория на пути возвращения отца в окаян своего главного в жизни деяния: сначала вернулось имя, теперь вот появилась мемориальная доска. Действовавшая власть и близкие к отцу люди отдавали славному человеку-председателю заслуженную честь, выражая ему, пусть и запоздавшую на три десятилетия, но вполне искреннюю признательность. Уместно отметить, что за трапезным столом звучали добрые слова в адрес бывшего руководителя колхоза и устроителя села и от бывших его противников, чуть ли не личных врагов, которые ведь тоже тогда были, прямо под боком, немало попортив крови славному председателю. Путь его совсем не был усыпан розами, а те розы, которые, быть может, и попадались ему на пути, тоже ведь были не без колких шипов, — что тогда говорить о беспокойной и жаркой колхозной были, полной противоречий, мытарств, столкновений!

Однако не все в происшедшем торжественном событии оказалось для профессора позитивным. Не мог он не заметить, что в целом-то деревня оказалась... равнодушной... к незаурядному событию: сельчане в массе своей не пришли поклониться легендарному человеку, столько для них когда-то сделавшему. Вот это для его сына-профессора стало неожиданным сюрпризом, если не настоящим шокком! Что же это, мучительно раздумывал профессор, покидая с женой на своей «пятерочке» деревню: леньность души, коварная неблагодарность, слепая забывчивость — что? На свадьбу какую-то поглазеть собираются толпами — медом не корми! На похороны, естественно, тоже, но почему же по столь необыкновенному для села поводу не сочли нужным явиться? Неприятно все это было, вопросно, занозисто! Только-только разобрались вроде бы с корявой историей, нашли разрешение затянувшемуся неблагоприятному историческому сюжету и вот-те раз — новая вспышка недоумения, досады и обиды! Господи,

что же это за люди такие на земле-то черноземной, где их человечность, признательность, сердечное участие?

И задумал тогда профессор написать об отце правдивый очерк; дать отцу и всему с ним происшедшему справедливую, насколько это возможно было от сына, оценку; высказать к уникальному феномену свое личное отношение; рассказать людям всю случившуюся некогда быль, не закрывая глаза и на острую драму, увенчавшую житие выдающегося человека-подвижника, им так и не пережитую.

Задумано — сделано!

Через какое-то время появилась книга, названная профессором просто и кратко — «Отец». Была она доставлена и на место отцовской страды — в колхоз, в село, в райцентр. «Спасибо за книгу, теперь я наконец-то поняла, что это был за человек», — написала профессору местная учительница — умная, развитая, искренняя. Любопытно, что люди ведь все видели, много знали, о многом свидетельствовали, но почему-то не очень-то понимали, что тогда на самом деле было, да и кто был тогда перед ними и с ними, хотя, разумеется, не все, далеко не все, но какое-то недоумение у многих сельчан все-таки оставалось. Странно, но это было так!

Профессор поведал об отце все, что знал и мог открыто сказать. Начал с его происхождения, родителей, семьи, людского круга, в котором находился смолоду и возрастал отец, как и кем он работал до переезда в деревню, о его семье, жене, детях, жизни до отъезда на село. Ну а главное внимание уделил, конечно же, сельской эпопее, как он ее видел, знал, понимал, как участвовал в ней сам и был в ней многому свидетелем. Рассказал, естественно, и о последнем периоде жизни отца с матерью, уже в Москве, на пенсии. Не преминул поведать и о протекавшей на селе современности: о своем первом через четверть века визите в деревню, о явлении перед ним колхоза имени отца, о постановке в его честь памятной доски на здании правления. Изрядно задетый за живое, не умолчал и о своем досадливом переживании по поводу состоявшегося у мемориальной доски митинга — почти и без колхозников, завершив повествование горьковатыми словами: «Остается лишь память, да и то в сознании немногих... Мир этому миру, который может вполне обходиться без такого человека, как NN!».

Но случилось-таки продолжение: новый визит в отцовское село, уже по случаю инициированного профессором и посвященного им памяти отца научного симпозиума, вместе с коллегами-друзьями и своими по университету сотрудниками. Состоялось подхождение к памятной доске, все еще покоящейся на весьма уже неприглядной стене постаревшего от времени и наступившей ненужности здания. Колхоза уже не было, правления тоже, в кабинете отца маячило что-то вроде частного магазина. Ничего не поделаешь, жизнь, какая она есть,

брала свое. Теперь оставалось одно — реквием! По отцу, по его деяниям и мечтам, по той самой жизни, по тем людям-труженикам, по всему когда-то произошедшему.

Теперь был уже не митинг, а просто дружеская встреча: московского профессора вкуче с его ученой командой и сельчан, включая местное начальство и учителей школы, которую когда-то закончил сам давно уже поседевший профессор, он же и сын славного виновника встречи. Народу собралось немного. Соратники отца уже ушли из жизни, какое-либо собрание не созывалось, село продолжало жить ставшей уже обычной разрозненной жизнью, хотя немногие пришедшие выглядели в своих выходных одеждах по-особому торжественно. Открыла встречу представительница районной администрации, вскоре предоставившая слово профессору. Что было ему сказать, если всей мучившей его правды все равно публично не скажешь. После слов благодарности за встречу, он кратко рассказал о причине своего появления в районе и в селе, о симпозиуме, акцентировав внимание на его главной идее: «Земля и люди», а потом обратился к присутствующим сельчанам с вопросом: «Идет ли сегодня возрождение России?», добавив, что по его мнению — оно как-то зачинается. На что получил решительное: «Нет, ничего такого нет! Может, у вас в Москве что-то и есть, а здесь нет, ничего нет!» Таков был ответ одного престарелого мужичка и стайки деревенских старушек, знавших отца и при нем, надо полагать, самоотверженно когда-то трудившихся. Преклонив головы перед мемориальной доской и возложив цветы, собравшиеся продолжили коллективный разговор. Говорила пожилая учительница: обстоятельно, горячо и проникновенно характеризуя человека, ради которого все в тот момент и собрались. Старушки только поддакивали, кивая своими мудрыми головами в знак согласия. Выступил директор школы, подтвердив сказанное пожилой учительницей и отметив особое внимание, которое уделял NN молодежи, школе, культурной жизни села, пропаганде здорового образа жизни. Когда речи завершились, заговорили и старушки, обращаясь не только к сыну-профессору, но и к его ученым спутникам: «Такое больше никогда не повторится; такого человека нет и больше не будет; это было чудо; он был дан нам свыше; без таких людей России никогда не подняться!» Это было признание, смешанное, пожалуй что, и с покаянием, своеобразный мгновенный катарсис, а выражаясь по-иностранному, имел место, разумеется, не музыкальный, и не поэтический, хотя и не бесслезный... реквием... не только растрогавший профессора и его спутников, но и вызвавший у профессора чувство явного облегчения: его примирение с деревней, несмотря на малочисленность пришедшего люда, на этот раз состоялось!

Да, не было уже колхоза, многое угасло, развалилось и исчезло, деревня стала другой, но, как внезапно выяснилось — вовсе не чужой ни отцу, ни его сыну, что жива в селе память об отце, горела в душах людей искренняя к отцу признательность!

То была вспышка — вспышка искрящегося контакта сельчан с духом их давнего командующего и... друга, — и обеспечен был этот памятный контакт простыми откровениями мудрых и трогательных старушек, среди которых была и последняя секретарша отца — скромная, тихая, ему до сегодня преданная!

А дальше... дальше было знакомство прибывших гостей с селом, его центром, посещение мемориального комплекса, созданного еще отцом — с именами четырехсот убиенных на фронтах великой войны мужиков (с гроздьями на памятных плитах одних и тех же сельских фамилий — родственников и однофамильцев); визит в Дом культуры, тоже построенный отцом, с неплохой в нем библиотекой, где гостеприимная библиотекарша получила в подарок от профессора новоизданные отцовскую и его собственную об отце книги, выудив их старательно и обезоруживающе у дарителя по максимуму («Очень уж пользуются вниманием читателей!»); подход к скромному дому, в котором жил NN со своей женой, и куда наезжал регулярно профессор, не будучи, конечно, тогда таковым, а будучи студентом, аспирантом, молодым университетским преподавателем (именно в этом доме, будучи на зимних каникулах, будущий профессор встретил внезапную дурную весть от вошедшего с побагровевшим лицом отца: «Собираемся, и чтоб через три дня нас здесь не было!»)

Дом был скромный, деревянный, обшитый дощечками в елочку, так называемая пятитенка, вполне и уютная. Отцу с матерью вполне хватало этого светлого, расположенного на высоком фундаменте дома (первые пять лет вообще жили с будущим профессором в дворовой пристройке 3 на 4 метра, — и ничего!). Сейчас отцов дом выглядит постаревшим, даже и жалким, за десятки лет не претерпевшим ни одного ремонта. Нынешние хозяева его где-то в отъезде, участок с огородом и садом не обработаны, хозяйственные постройки перекошены, в общем — запустение! Все, как надо, как и должно быть на Руси — убогой и обильной! А что еще сегодня ожидать от места поспешного... э-э... отъезда в невозвратное запределье самого строителя и первого хозяина дома?

Зато ежели стать спиной к дому-старика и всмотреться с откоса в открывающийся просторный среднерусский пейзаж, по грани которого протекает уютная деревенская речка, то сразу становится на душе вольнее, теплее и легче, приходит ощущение благодати и покоя, как и безотчетной радости за все еще бытующую русскую землю. Хорошо! А ежели еще узнаешь от принимающих хозяев, что круглый красно-

белый шатер на берегу реки воздвигнут по поводу приезда в село профессора с делегацией для проведения там товарищеской встречи под названием «хлеб — соль», то и совсем уж прекрасно становится на душе, не сильно и огорчаешься, узнав тут же, что встреча эта из-за нагрянувших утром дождей и прохлады перенесена в здание школы, где местные кулинарные умелицы уже давно ожидают дорогих гостей.

Следующий визитный пункт — школа, нынешнее здание которой тоже было построено отцом профессора. Правда, открыто оно было для учебного процесса уже после ухода отца из села. Профессор учился когда-то в совсем другом здании, деревянном, уже разобранном, но, тем не менее, он был выпускник этой самой школы, причем прошедшим обучение в ней, проживая тогда с отцом и матерью в другом селе, еще не очутившемся в большом едином колхозе.

Ученых гостей ожидал в школе прекрасный праздничный стол с вкусными, простыми и естественными блюдами, местными напитками, столь же, как и еда, простыми и естественными, среди которых всех потряс удивительный, похожий на кумыс, квас, не говоря о качественном, под стать виски, чистейшем самогоне и самодельном, вполне и чудесном, ягодном вине. Чего только не было на гостеприимном столе: вареный барашек, жареная рыба из местного озера, котлеты, блинчики, пирожки, соленья, да разве можно было все это попробовать, да еще и запомнить. Были, как положено, речи, произносились тосты, провозглашались здравицы. Никаких анекдотов, затяжных притч, стандартных изречений. Царствовала импровизация, говорилось от себя и от души, застольное слово лилось всем легко и непринужденно.

Хозяева приема, как стало известно профессору, были изрядно удивлены, что ученая делегация наполовину состояла из женщин, многие из которых были профессорами: «Что это профессор явился... э-э... с женским подкреплением?» Но когда сельчанам пришлось послушать от женщин совсем не женские речи, то они все поняли и даже растаяли, мало того, заявили, что не ждали, что ученые такие простые, контактные и понимающие сельчан люди. «Как дети!» — восхищенно и с любовью заметил потом один из местных. За столом царило полное взаимопонимание.

Ведший застолье профессор, как знавший своих, которых было за столом большинство, позволил себе признаться, что пережил во время встречи у памятной доски великое для себя облегчение, подаренное ему не столько даже ораторами, которые были превосходны, сколько пришедшими на поминальный праздник старушками, твердо заявившими о своем четком отношении к его отцу и им в деревне совершенному. «У меня отлегло от сердца, — заявил профессор, — все стало на

место, я избавился от сидевшей в сердце многолетней занозы. Да, дело отца не было поддержано наследниками, шаг за шагом оно сошло на нет, но осталась память — не только мысленная, но и материальная, — куда ни глянь везде они — стойкие, каменные плоды его бурной деятельности, ставшие прочными памятниками ему, его соратникам, самой тогдашней эпохе. Не было ничего подобного до него и ничего подобного, — как подтвердили авторитетно старушки, — не будет! Золотой был, по их мнению, человек!» Что ж, бабушки пропели гимн достойному человеку, чем и покаялись в память о нем за все местное население, может, чего-то важного и святого так и недопонявшее.

В общем — сошлось, сделалось, отпустило! И это стало самым примечательным для профессора событием дня. Не каждый, возможно, понял его до конца и оценил адекватно с ним случившееся, но были и те, кто это очень хорошо осознал: «Больше не держите на нас обиды, — спросили его организаторы торжества, — отлегло?» И остались довольны быстрым утвердительным ответом профессора, не говоря о соответствующем случаю его явно просветлевшем взгляде.

И опять новая досада, и опять на быстро бежавшее время: пора ехать дальше, хотя профессору очень хотелось продолжить праздничное сидение в столь гостеприимной и непринужденной обстановке. Профессор вручил директору школы хрустальный сувенир, несший в себе изящное графическое изображение первого вуза страны, номера журнала, им с коллегами издаваемого, и кое-что из своих книг, включая и вновь изданные «Семнадцать лет, семнадцать зим» и «Отец».

Прощались с местными жителями сердечно, придя с руководством к заключению, что следующий симпозиум по теме «Земля и люди» должен обязательно пройти прямо в месте добровольной службы отца и обязательного школьного учения его сына-профессора. И непременно с приемом гостей на речке и купанием в чистой привольной воде. Так это станется или нет, решит судьба, контролируемая высшими силами, но идея пришлась всем по душе, хотя давно ведь сказано, что лучше первого захода ничего потом не бывает. Может, оно и так, но разве закроешь в счастливый момент открывшиеся навстречу друг другу сердца, разве не соблазнишься возникшими вдруг светлыми мечтами? Нет, не закроешь, и... да-да — непременно соблазнишься, ибо это вполне по-человечески, да и почему, собственно, воображенное в духе не может осуществиться и наяву?

Далее по программе стояло посещение дома-музея великого русского композитора, пианиста и дирижера, поклонника и последователя непревзойденного Петра Ильича Чайковского, дома-музея, что находился в соседнем районе, как раз в направлении областного центра. Профессору очень не хотелось на этот раз так скоро покидать село: это явно был его — профессора — день, которого он ждал более сорока

лет. Но... коллеги, в особенности, конечно, женщины, рвались к настоящей, по их мнению, достопримечательности, тем более, что там гремел большой музыкальный фестиваль и давался симфонический концерт славным Российским национальным оркестром под управлением самого NN, да и очень уж им хотелось попасть в усадьбу и дом великого русского музыканта, — когда ж еще?!

Профессор не сопротивлялся, понимая своих коллег, и автобус, нагруженный празднично воодушевленной ученой ватагой, отбыл в путь. Вернулись сначала в уже свой райцентр, где несколько часов назад были превосходно встречены по прибытии из облцентра, распрощались с представителями районной администрации, среди которых всех покорила своей мягкой душевностью, естественной интеллигентностью и преданностью своему делу — public relations, понимаешь! — высокоорганизованная и ответственная дама, как показалось одна из фей загадочной местности, задевшей когда-то воображение русского поэта, а также привлек благодарное внимание знаток аграрного дела, заместитель районного главы, уроженец села, где трудился отец профессора, радушный на тот момент хозяин земли русской, не смогший принять делегацию на берегу родной речки, зато это превосходно исполнивший в родной для него и профессора школе.

Распрощались, понятное дело, не без искреннего сожаления, но разве можно было медлить с посещением дорогого для каждого россиянина мемориального места, еще и манившего в тот момент интеллектуалов превосходной живой музыкой. 28 лет провел там великий музыкант, написав среди степей и усадебного парка все свои основные произведения, прославившие на весь мир его имя. Оттуда он уехал с женой в 1918 г. за границу, надеясь через полгода, когда стихнут революционные потрясения, вернуться обратно — в этот любимый им уголок русского черноземья. Но... не вернулся, никогда уже не вернулся, окончив свои бранные дни в США, где не только концертировал, но и собирал для Родины денежные средства в период ужасной мировой войны. Музыкант-эмигрант, но и гражданин-патриот своей, никогда уже не увиденной, страны!

На музейной территории и в самом деле шел большой музыкальный фестиваль, а знаменитый оркестр исполнял произведения бывшего насельника красивой усадьбы. Сама эта усадьба была во время крестьянского восстания в начальные 1920-е гг. разграблена и сожжена. От ее построек остались одни фундаменты. Восстановлена усадьба была уже в позднесоветское время. Так что сегодня это в общем-то новодел, но максимально приближенный к оригиналу. И вот теперь над усадьбой раздавалась прекрасная симфоническая музыка, привлекая не только многочисленных паломников из разных уголков страны,

но и, надо полагать, могучий дух самого виновника грандиозного торжества.

Но... жизнь не была бы жизнью, если б не случилось одно неважное происшествие, как раз затронувшее московскую ученую братию: одна из профессорш, увлекшись лицезрением оркестра со знаменитым на весь мир дирижером, вдруг оступилась на краю, откровенно говоря, нелепо и даже преступно выполненной асфальтированной дорожки (вроде дамбы какой-то!) и... сильно повредила себе ногу, как потом выяснилось, с двумя переломами. И не смогла она, поджидавшая смиренно на скамье выехавшую ей на выручку из местного райцентра «Скорую помощь», посетить дом великого соотечественника, хотя и повезло ей получить квалифицированную помощь в местной районной больнице. Вела она себя мужественно, занимая потом в автобусе, уже бежавшем в Москву, почетное первое место, перекладывая лишь туда-сюда замурованную в гипс ногу — ногу, заметим, совсем даже не ординарного профессора. Об этом происшествии можно было бы и не говорить, но ведь оно случилось — прямо посреди счастливой в целом поездки, под звуки великолепной музыки, под духовной сенью великого русского гения. Срыв, попустительство, наказание? Кто ж знает?

На университетскую базу отдыха прибыли в половине первого ночи. Делегацию ждал ужин, опять же потрясающий, как потом оказалось, по кулинарному исполнению. Что было делать? Правильно, делегация принялись за ужин, самоотверженная часть которой просидела за разговорами и питьем до пяти утра. А в 7.30 уже был подъем, чтобы, позавтракав(!), ехать автобусом в Москву. Каково?! Но выдюжили, встали, позавтракали и, забрав ни в чем не повинную профессоршу, как раз ту самую, у которой была «какая надо нога», отбыли в Москву.

При отпавлении с базы простились благодарно с замечательными русскими женщинами из областного университета, которые весь ученый визит, включая и его неученую часть, блистательно организовали. Эх, хороши русские дамы, ежели скромны, добры, да и делом своим — спорительницы, целительницы и музы — занимаются!

Проезжая мимо города остановились, аккуратно на развилке дорог с прибывшей проводить ученую ватагу главной кудесницей среднерусского чудо-события — проректоршей (так лучше, чем с проректором!) гостеприимного университета, тихо, без шума, толково и эффективно все главное и проделавшей, опираясь на своих милых и деловых помощниц, — что оставалось для ученой братии около фырчащего нетерпением автобуса — только обнять по-русски замечательную начальницу и молча, ибо слов все равно не хватило бы, выразить ей и ее драгоценным послушницам самую искреннюю признательность — за все: за прием, за симпозиум, за переезды, за визиты, за русские

«хлеб-соль», за русскую музыку, за русский покой, вообще за добрую и добротную русскость, так всем сейчас не хватаемую!

Дальше уже была дорога на Москву. Никаких по дороге происшествий, слава богу, не случилось, а профессоршу с «ногой» забрала семья ее сразу на подступах к Москве, отправив прямым ходом в хорошую столичную клинику.

Вот какой оказалась ученая поездка в Среднюю Россию, где есть тучный чернозем и живут очень достойные русские люди.

Post scriptum

Профессор, сидя в автобусе, двигавшемся по воскресному (22 июня!) шоссе в сторону Москвы, поглядывал, не глядя, в окна, ничего за бортом особенно не замечая, время от времени подремывал от бессонной ночи и всю дорогу думал свою бесконечную думу, подводя итоги важной для него поездки, вспоминая все в ней ставшее и пытаясь что-то для себя уяснить. Кое-что у него получалось, а что-то никак и не складывалось в законченное целое, оставаясь тревожащим фоном для не покидавших его ни на миг сомнений.

«Примирение» с сельчанами, случившееся с ним на этот раз, касалось, конечно, только его — это было его и только его примирение, да не с сельчанами, а прежде всего с самим собой, ибо сами-то сельчане не очень-то испытывали какую-либо вину перед своим, пусть и бывшим для них благодетельным, вождем. Да, они понимали, что с вождем их несправедливо поступила тогдашняя властная система, даже хотели его от нее защитить, но он сам ведь отказался от их защитительного участия, а что касалось проявленной системой несправедливости, то к кому эта не особенно даровитая система, кроме разве ее собственных выдающихся прохвостов, была очень уж справедлива? Да, сельчане хорошо видели поступательное угасание результатов самоотверженной работы их славного председателя, неуклонное ослабление, а потом и разорение, созданного им богатого и продуктивного хозяйства, но разве это было первое разорение русской деревни, да и что они могли реально со всем этим поделать? А тот факт, что внешне равнодушно отнеслись к постановке в его память мемориальной доски, так это же было на селе в порядке вещей: власть решила, она и сделала, а сельчане... они как были, так и оставались от власти в стороне. И самого славного председателя, надо полагать, они рассматривали более представителем самой этой власти, чем собственно своим — деревенским! Нестыковка тут была, да и остается, аховая, постоянно слабируемая неугасающей в стране злостной несправедливостью.

Разумеется, безразличие, проявленное тогда сельчанами, да собственно и вновь в какой-то мере повторенное, невозможно было вполне оправдать, но как-то понять его все-таки можно — в стране с

давно устоявшимися и назойливо воспроизводившимися неправдами, умолчаниями, безразличиями. Россия — жесткая страна, — и слезы умиления, частенько в ней текомые, служат не более чем прикрытием или компенсацией за неизбывную и никуда не девающуюся несправедливость. Вот и сельчане, за редким исключением, вели и ведут себя по глубоко укоренившейся привычке — вполне и жестко, как раз в соответствии с дурной отечественной традицией. Да, делай мил человек, если хочешь, мы это примем, даже поможем и поучастуем в меру своих сил и соображений, но на человеческое себя признание никак особенно не рассчитывай: не до тебя ведь!

Безразличие сельской массы как было, так и осталось массовым, хотя и нет, наверно, в деревне, ни одного взрослого человека, который не понимал бы действительной роли прошедшего по сельской были героя и не оценивал бы достойно совершенного им деяния.

Короче — не до сердечной тут признательности!

Однако нашлись и те, кто выполнил святую благодарственную миссию, поклонился необычному и славному человеку, навсегда зафиксировав непреходящесть сего феномена.

Сын-профессор был тут, конечно, немало «виноват», проявляя пусть и скромные, но все-таки инициативы, — если б не он, то и оставался бы наш герой лишь в былинных сказаниях, да в случайных стариковских воспоминаниях.

Опять же время нужно, время — чтобы осознать, признать, сквалитифицировать. Христа разве сразу признали, а Александра Невского, а Сергия Радонежского, а Суворова с Ушаковым, а по поводу Ленина со Сталиным сколько в людских сознаниях заноз, так что удивляться тут нечему, хоть и странно, и обидно, и колочее!

В рамках обыденной внешности кажется, что властвовавшая тогда система запустила яркую комету в виде добровольного трудяги из Москвы, ту самую, что пролетела по всей сельской жизни, ее крепко задев и коренным образом изменив, — на самом-то деле система никакой кометы не запускала, но зато, успев вдосталь поистрепаться и перереформироваться, только потушила ярко горевшую комету, заодно и изгнав ее из пределов своих примитивных вождедений. Системе пришлось лишь признать явление неожиданной кометы, да и признать ее лишь на время, неустанно борясь с ней и при первой же реальной возможности навсегда погасить. Комета не вписывалась в заурядное бытие порочной системы, обозначая большой и опасный сбой в ее неустанной на себя работе, — а потому система была обязана избавиться от злополучной для нее кометы, слишком ярко и независимо от нее светившейся, легко перебивая тусклое и во многом инфернальное мерцание уже переродившейся системы.

Здесь все более или менее понятно, а вот с народом что-то не очень. Да, внезапное стихийное объяснение состоялось, отношения восстановлены, публичная проблема снята, хотя... куда было деться от невеселого заключения: не надейся, творец, ни на какое достойное признание и соответственную признательность, а уж тем более на продолжение своего необыкновенного дела — обыденность все сомнет и накроет, непременно и восторжествует, ибо она на Руси сильнее любой, даже и собственно русской, исключительности!

«Дух вашего отца, дорогой NN, — вдруг подала голос профессорша истории, сидевшая в автобусе неподалеку от главного инициатора поездки, — перетек необъяснимым образом в райцентр, где идет немалая и по-своему удивительная возрожденческая работа. Деревня ваша фактически отказалась беречь и держать у себя отцовский дух, она его как бы отпустила от себя. И дух отцовский перебрался в райцентр. Такова, видно, загадочная метафизика этого места. А то, что продемонстрировали старушки, это не более чем реквием по ушедшему от них духу, этакий запоздалый плач, смешанный с тщательно скрываемым покаянием, точнее, не так скрываемым, как еще просто не выявленным. И вот вопрос: почему же деревня отказалась? Наверное, потому, что колхозники, при всей их казавшейся соборности, не составляли собственно народа, а были все-таки некой сельской массой, которой, конечно же, до сих пор и остались. А масса есть масса, ничего более! Что же касается отдельных персон, то они всегда находятся в любой человеческой среде и, не особенно скрашивая ее, выражают что-то на ее фоне и обдуманно позитивное. Местные лидеры, конечно, понимают, кем был ваш отец, и это понимание им сейчас очень на руку, а сельский люд, не хуже их понимая то же самое, к ним не присоединяется, храня ко всему неординарному свое тихое презрение».

Весьма удивленный такой неожиданной речью, профессор не стал возражать умной профессорше, добавив: «Я им говорил раньше, что они не понимают всего значения акции по присвоению имени отца их колхозу, но не нашлось на деревне лидера, который бы ответил на это не вздохами и ахами, а реальными делами, тем самым и оправдав обращение сельчан к отцовскому имени».

«Да-а, здесь большая коллизия: попытка уберечь и использовать дорогое имя при одновременной ему измене».

«Может, не в измене дело, а в неумении?»

«Не скажите, тут силен все-таки факт измены. Но я не стала бы сильно винить этих непутевых “изменщиков”, они ведь как дети, да и наверняка им самим за себя же досадно, если не стыдно, — вот и молчат, не являются, прячутся».

«Из ваших уст, дорогая NN, только бы одну правду и слышать».

«Не знаю, конечно, но я, квалифицируя людские поступки, не склонна осуждать самих этих людей: отказались и отказались, что поделывать! Св. Петр тоже ведь трижды за одну ночь отрекся от Христа. А тут пока лишь, насколько я понимаю, дважды. Будет, наверно, и третий отказ».

«Вполне возможно! Но дальше-то уже мне, пожалуй, все равно».

«Не скажите, не скажите, здесь замес крутой, все только начинается. Пока лишь вы да несколько персонажей из местного руководства, прямо как апостолы, а может прийти время, когда уже сама метафизическая память будет возбуждать окрестную текущую реальность. А вот через кого, как, где и когда — это уже не нам с вами решать, а как раз вашей любимой трансцендентности. Я не настроена отчаиваться. Думаю, что вчера в деревне не финиш случился, как вам, думаю, показалось, а старт, а вот старт чему, кто ж из смертных знает?»

«Для меня сейчас важен именно финиш, хотя я и не против нового старта».

«Понимаю вас и благодарю за очень интересную поездку, точнее, за контакт с духом вашего отца, такой значительный и многозначный. А от людей не надо ничего особенного ожидать, тем более, требовать — любое особенное само всегда в мир приходит, как уже сегодня и произошло».

Бросив понимающий и благодарный взгляд на собеседницу, профессор вновь погрузился в себя. Через какое-то время он стал снова засыпать, придя к не слишком радостному предсонному заключению: «Все это происходящее русское можно хоть как-то понять и объяснить только в контексте неизбывной русской апокалиптики: и феномен отца, и феномен системы, и феномен людского безразличия, и феномен небезразличных деревенских старушек... Да, это реквием, вчера прозвучал именно реквием! ...Отец ушел в вечность, не покидая земли русской и людей русских, своей Средней России, где он родился и вырос, а потом, когда пришло время, куда он прибыл из большого города, чтобы работать, созидать, творить... пусть и с трагическим для себя концом, о котором он никак не думал, пусть и вовсе не с тем продолжением его дела, о котором когда-то мечтал... но... работал, созидал, творил... и это было и остается для него самым главным. Да-а... вчера прозвучал неслышно самый настоящий... реквием!».

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский филиал (*sslepakov@yandex.ru*).

ЯРКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,

д.ф.н., профессор, кафедра философии, Тюменский государственный университет (*mimus.lena@mail.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*sansanytch08@mail.ru*).

ГРИШИН ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (*vadimgrishin61@mail.ru*).

ШИЛОВСКАЯ НАТАЛЬЯ СТАНИСЛАВОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (*shilovskaya-nata@mail.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., доцент, Московский государственный университет приборостроения и информатики (*peterjulikov@yandex.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (*Orient-express@rambler.ru*).

РЯЗАНОВ ВИКТОР ТИМОФЕЕВИЧ,

вице-президент АФХ, действительный член АГН, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, экономический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*v.rjanzanov@mail.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный государственный советник РФ (в отставке), президент компании экспертного консультирования «Неокон» (*khazin@yandex.ru*).

ЛЕМЕЩЕНКО ПЕТР СЕРГЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, экономический факультет, Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия) (*liamp@bsu.by*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой политики, Государственный морской университет имени Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск) (*kashvic@mail.ru*).

АНДРЕЕВА ЛАРИСА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующая кафедрой экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

АНДРЕЕВА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

член-корреспондент АФХ, к.э.н., докторант, доцент, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*alya_andreeva@mail.ru*).

ТИМОФЕЕВА МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА,

к.э.н., доцент, докторант, кафедра экономики и финансов, Ростовский государственный университет путей сообщения (*andreevalarisa@mail.ru*).

СУШКОВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА,
к.э.н., доцент, кафедра экономики и финансового права, Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета (г. Саратов) (*irinasushkova60@mail.ru*).

МУСАЕВ РАСУЛ АБДУЛЛАЕВИЧ,
д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ (*rasmous@mail.ru*).

МАГОМЕДОВА ЮЛДУЗ ДЖАМАЛУТДИНОВНА,
аспирант, экономический факультет МГУ (*yulduzm@mail.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*rodzinskiy66@mail.ru*).

ШЕЛКОПЛЯС ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,
действительный член АФХ, к.мед.н., директор, Ивановский институт развития, изучения здоровья и адаптации человека (*evs-optimum@mail.ru*).

ФЕДОТОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член РАЕ, д.и.н., канд. богосл., профессор, заместитель директора, Ивановский филиал Института управления (*evs-optimum@mail.ru*).

РАКОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА,
аспирант, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*evs-optimum@mail.ru*).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, Россий-

ская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева (*misk@inesnet.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

АНТРОПОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*eszotova@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*tssmsu@mail.ru*).

ТРУБИЦЫНА ТАМАРА ГЕННАДЬЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*trubitsina@inbox.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ист.н., заместитель директора, Центр общественных наук при МГУ (*post123_2000@mail.ru*).

Содержание за 2014 г.

Год шестнадцатый (<i>Ю.М. Осипов</i>)	№ 1
Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ (<i>Ю.М. Осипов</i>)	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i> Из западни (к вопросу о вырыве России к развитию).....	№ 2
Философия хозяйства	
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим»	№ 2
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Власть (тезисы)	№ 6
<i>И.А. Горюнов</i>	
Государственный неолиберализм как базис устойчивого научно-технического и инновационного развития России	№ 4
<i>И.А. Горюнов</i>	
От субъективной реальности к идеальной: о некоторых особенностях работы человеческого мозга и сознания	№ 5
<i>А.А. Гриценко</i>	
Ноолиберализм	№ 2
<i>В.В. Гришин, Н.С. Шиловская</i>	
Человек и город: шаги навстречу	№ 6
<i>П.П. Жуликов, О.В. Жуликова</i>	
Иной взгляд на развитие человеческого хозяйства	№ 3
<i>П.П. Жуликов</i>	
Три базовые формы управления экономическим хозяйством	№ 6
<i>Г.В. Задорожный, О.Г. Коляченко</i>	
Свобода-ответственность как исток спасительного хозяйствования	№ 2
<i>В.К. Королев</i>	
Деньги — беда России?!.....	№ 4
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i>	
Философия хозяйства Константина Левина в свете экономических идей С.Н. Булгакова.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Апокалиптика как реальность и как учение	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российский антикризис как насущная актуальность (семь значимых тезисов)	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Российский антикризис	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философические откровения	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия на миру: абстракции и практики	№ 3
<i>Е.В. Пастукьян</i>	
Влияние изменения субординации факторов производства на культуру	№ 2
<i>Е.В. Пастукьян</i>	
Изменение доминирующего фактора производства как причина развития феномена культуры.....	№ 3

<i>Ю.А. Пирютко</i>	
Методологические аспекты анализа влияния духовности на экономику	№ 1
<i>В.Н. Прончатов, З.Н. Орлова</i>	
Труд и капитал как соавторы научных теорий	№ 4
<i>И.В. Пиеницын</i>	
Будущее Запада и России	№ 5
<i>С.В. Синяков</i>	
Социальная картина мира в структуре предпосылочного знания (на материалах исторического познания)	№ 4
<i>С.С. Слепаков</i>	
Деструкция национально-государственных интересов под воздействием «нового мирового порядка»	№ 6
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской православной церкви	№ 5
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской православной церкви (РПЦ)	№ 6
<i>А.А. Шевцов</i>	
Прикладная философия	№ 4
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Национальная идея России	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Пинок истории	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок</i>	
История в ноосфере философии хозяйства	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Конец науки: реальность или трансформация?	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Логос, София, Россия	№ 6
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: демиургическое (соляное) земледелие Японии	№ 6
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: мифологические предпосылки философии хозяйства синтоизма	№ 5
<i>М.Р. Эляян</i>	
Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (мандаринат)	№ 1
<i>М.Р. Эляян</i>	
Н. Якобс: конфуцианство и капитализм (этическая экономика Китая)	№ 2
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Новый домострой как конституирующая универсальная перспективная хозяйственная система без домостроевщины (новые идеи и концепты)	№ 5
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Теория народонаселения в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова	№ 3
<i>Е.Н. Яркова</i>	
Хозяйственная культура как ценностно-смысловая система (культурологический аспект)	№ 6

Евразийская интеграция

Резолюция Международной научной конференции — VI Малого университетского форума «Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика»	№ 1
<i>У.Ж. Алиев</i>	
Евразийский мейнстрим: многокритериальный подход к содержательной интерпретации.....	№ 2
<i>В.Г. Бодров</i>	
Интеграционные векторы экономического развития в треугольнике ЕС — Украина — ЕврАзЭС: противоречия, возможности, перспективы	№ 3
<i>Б.И. Бояринцев, Е.В. Рожкова, Ю.В. Чесноков</i>	
Инновационное развитие инфраструктуры здоровья населения евразийского пространства	№ 1
<i>А.В. Бредихин</i>	
Украинские еврорегионы как шаги к федерализации страны.....	№ 2
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим»	№ 4
<i>А. Вержбицки</i>	
Цивилизационные основания и важнейшие проблемы евразийской интеграции государств Центральной Азии.....	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Евразийский проект и Украина	№ 1
<i>С.Ю. Глазьев</i>	
Актуальные проблемы и основополагающие принципы евразийской (постсоветской) экономической интеграции	№ 1
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Формирование Евразийского союза: шансы и риски.....	№ 2
<i>А.А. Гриценко</i>	
Россия и Украина на острие европейской и евразийской экономической интеграции.....	№ 3
<i>С.Г. Кара-Мурза</i>	
Евразийская интеграция: главные трудности.....	№ 1
<i>В.В. Кашицын</i>	
Внутренний рынок в системе современных интеграционных евразийских возможностей	№ 1
<i>А.Н. Клепач</i>	
Евразийская идея: политический, идеологический, экономический, социальный феномен	№ 1
<i>Е.В. Косов</i>	
Соединенные Штаты России на евразийском пространстве	№ 1
<i>В.М. Кульков</i>	
Пространственный аспект теоретического анализа экономики и его значение для проектирования евразийской интеграции	№ 1
<i>С.А. Марков</i>	
Проблемы евразийской интеграции: конкуренция и борьба мировых проектов.....	№ 1
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Соединение финансов и интеллекта как платформа евразийской интеграции.....	№ 3

<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Соединение финансов и интеллекта как платформа евразийской интеграции.....	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность.....	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Русский вопрос.....	№ 3
<i>А.К. Попов, А.А. Соболевская</i>	
Имперские традиции России и евразийство	№ 3
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Интеграционные перспективы на евразийском пространстве	№ 1
<i>З.Э. Скрынник, Е.С. Зотова</i>	
Украина в контекстах российского самоутверждения.....	№ 3
<i>А.Н. Фатенков</i>	
Русско-евразийский реванш: противоречивые уроки крымской кампании.....	№ 4
<i>М.Л. Хазин</i>	
О евразийской интеграции	№ 1
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Евразийство как поиск русской правды.....	№ 2
Экономическая теория	
<i>А.А. Акинин, А.А. Шевелев</i>	
Дилеммы развития России в контексте институциональной экономической теории.....	№ 3
<i>М.Л. Альпидовская</i>	
Кризис и противоречия современного общества потребления, или По дороге к «новой» экономике	№ 4
<i>Л.Ю. Андреева, А.В. Андреева, М.С. Тимофеева</i>	
Изменение стратегии развития российских коммерческих банков: финансовые инновации и маркетинговые технологии	№ 6
<i>А.В. Антонов</i>	
Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества.....	№ 2
<i>Г.В. Астратова, И.В. Агафонова, Е.В. Баженова</i>	
Маркетинговые аспекты изменения управленческой парадигмы в сфере ЖКХ	№ 3
<i>А.А. Бабаева</i>	
Вызовы глобализации и проблемы инновационного роста национальной экономики.....	№ 1
<i>С.В. Бирюков</i>	
Политэкономика ренты и Россия: к уточнению проблемы.....	№ 3
<i>О.В. Брижак</i>	
Экономика деформаций: специфика российского бизнеса	№ 1
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Закон-тенденция опережающего роста общественного сектора хозяйства стран «золотого миллиарда»: причины, границы, последствия	№ 4
<i>А. Бэттлер</i>	
Западные марксисты о новом империализме	№ 5
<i>А. Бэттлер</i>	
Потенциал развития человека как фундамент движения человечества к прогрессу	№ 2

<i>М.И. Воейков</i>	
Запад, мещанство и политическая экономия в концепции А.И. Герцена	№ 3
<i>Р.С. Гайсин, Н.М. Светлов</i>	
Стоимость и ценность: пути синтеза классической и неоклассической теорий	№ 5
<i>Я.В. Григорова</i>	
Проблема прекаризации современных форм труда	№ 5
<i>А.А. Залетный</i>	
От «человека финансового» к «человеку творческому»: многообразие измерений и подходов	№ 3
<i>А.А. Залетный</i>	
Поведение экономических агентов и фиктивный капитал	№ 1
<i>Р.Т. Зяблюк</i>	
Эволюция рыночной системы и экономики России	№ 5
<i>В.В. Кашицын</i>	
Санкции как фактор стимулирования развития внутреннего рынка	№ 6
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Теоретическая основа марксистской типологии стран мира: двойственный характер переходного состояния российского экономического уклада XIX — начала XX в.	№ 5
<i>А.В. Козориз</i>	
Трансформация государственных финансов в цифровую эпоху	№ 2
<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i>	
Позвоночник общественного воспроизводства современной экономики	№ 2
<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i>	
Патогенный воспроизводственный реактор затратности-безресурсности русской экономики	№ 4
<i>Е.А. Кузьмин</i>	
Примат организационности в экономических системах	№ 4
<i>П.С. Лемещенко, К.И. Голубев</i>	
Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество	№ 1
<i>П.С. Лемещенко</i>	
О рациональности экономической науки и понимании теоретических конструкций реальности	№ 6
<i>И.В. Манахова</i>	
Концепция информационного государства благосостояния	№ 2
<i>Т.А. Медведева</i>	
Размышления о методологических основах современной теории социально-трудовых отношений	№ 1
<i>Р.А. Мусаев, Ю.Д. Магомедова</i>	
Особенности деятельности Исламского банка развития и возможные пути сотрудничества с финансовой системой РФ	№ 6
<i>А.З. Новак, К. Рыч</i>	
Европа нуждается в либеральном Кейнсе	№ 5
<i>А.З. Новак, К. Рыч</i>	
Злотый или евро?	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономика и экология	№ 6
<i>В.Г. Подлесная</i>	
Развитие либерализма в контексте социально-экономических циклов	№ 4

<i>В.А. Рубе</i>	
Развитие малого инновационного бизнеса в России: необходимость и возможность	№ 2
<i>И.Е. Рудакова</i>	
Наследство, которое стоит приумножать (о некоторых научных исследованиях кафедры политической экономики МГУ в 1960—1990 гг.)	№ 5
<i>В.В. Рышкус</i>	
К вопросу творческого наследия Карла Маркса	№ 5
<i>В.Т. Рязанов</i>	
Хозяйственная система России: новые приоритеты в условиях возросших системных и геополитических рисков	№ 6
<i>В.В. Смагина</i>	
Принципы индикативного государственного планирования в условиях международной интеграции	№ 3
<i>Д.П. Соколов</i>	
Перспективы трансформации отношений собственности в России	№ 4
<i>И.А. Сушкова</i>	
Предпосылки формирования политики неоиндустриализации	№ 6
<i>Н.М. Хабалашвили</i>	
В товарном производстве рынок и план не существуют друг без друга	№ 4
<i>М.Л. Хазин</i>	
О посткризисной экономике	№ 6
Актуальная философия	
<i>М.А. Альпидовская</i>	
Материальные и духовные ценности. Прерогатива выбора современного общества	№ 3
<i>Ю.М. Беспалова, В.А. Кондаков</i>	
Честность как социально-экономическая категория	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Антропология власти	№ 5
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Игра с сознанием	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Метафизика смысла: дороги и бездорожья	№ 4
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Самарин: русские и окраины России	№ 3
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Сознание: смена перспектив	№ 6
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Метафизика любви	№ 1
<i>А.Ю. Горбачев</i>	
Свобода (тезисы)	№ 4
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Гуманитарные приложения гипотезы очень больших систем	№ 3
<i>М.Ю. Зырянов</i>	
Медиация (посредничество) в контексте российской правовой культуры: комплексный подход	№ 5
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа»	№ 5

<i>А.В. Кузнецов</i>	
Экзистенциальная дилемма «финансового человека»	№ 3
<i>В.А. Кутырёв, А.Н. Уваров</i>	
Кто сегодня боится философии?	№ 4
<i>К.В. Молчанов</i>	
Диалектический метод, или Диалектический метод Платона	№ 4
<i>К.В. Молчанов</i>	
Индустриальное социальное общество как актуальная форма развития современного капитализма	№ 1
<i>К.В. Молчанов</i>	
Некоторые вопросы осуществления диалектического рефлексивного изложения в Интернете	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Кризис мира и мир кризиса	№ 5
<i>Г.С. Петренко</i>	
Символическая природа денег в финансовом универсуме	№ 3
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Знание как механизм достижения интеллектуального совершенства	№ 6
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Бог как антисакральное: от Юма и Фейербаха до Батая и Мейясу	№ 2
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Сакральное как структура, конституирующая антропологическое пространство	№ 1
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Символ как освящение реальности	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Соотношение «я» и «мы» в пространстве сакрального	№ 4
<i>А.В. Сакун</i>	
Социокультурная реальность в контексте эволюций типов мышления	№ 5
<i>Л.А. Солонько</i>	
Трансформации мифоритуальной системы в процессе становления человеческой деятельности	№ 4
<i>А.В. Ставицкий</i>	
Наука и миф: проблема соотношения	№ 2
<i>А.А. Федотов, М.С. Ракова</i>	
Одиночество человека в глобальном мире	№ 6
<i>Е.В. Шелкопляс</i>	
Закат либеральной культуры: философские и психологические корни развития кризиса	№ 6
Актуальная история	
<i>Г.Р. Наумова</i>	
Василий Никитович Татищев из рода Рюриковичей	№ 2
<i>С.В. Синяков</i>	
Проблемы исторической реконструкции	№ 2
Актуальная социология	
<i>Г.Ш. Аитова</i>	
Новые профсоюзы в России: этические аспекты рождения	№ 2
<i>Л.С. Воробьева</i>	
Социальное бытие человека как культурный процесс в эпоху глобализации	№ 2

<i>Н.Н. Малахова</i>	
Творческая личность и творческая деятельность в системе производственных отношений инновационной экономики	№ 2
<i>В.М. Юрьев, В.Г. Бабаян</i>	
Принцип Парето: «порядок» и «хаос» в социально-экономических системах	№ 2
Рецензии и отклики	
Из новогодних посланий	№ 1
<i>А.А. Антропов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына</i>	
Эссе о лукавых и истинных числах, экономистах, юриспруденции и «палочке-выручалочке» философии хозяйства	№ 6
<i>А.В. Бузалин, А.И. Колганов</i>	
Еще раз к вопросу о трактовке человека в марксистской теории	№ 1
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Два взгляда на философию	№ 2
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
О бже советской интеллигенции.....	№ 3
<i>Е.С. Зотова</i>	
Методология исследования глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства	№ 6
<i>В.К. Королев</i>	
Софийная метафизика в действии: есть контакт!	№ 5
<i>В.А. Кутырёв, А.С. Нилогов</i>	
Время высоких технологий: взлет и падение человека	№ 2
<i>А.С. Нилогов, В.А. Кутырёв</i>	
Надо ли людям «улучшать человека»?	№ 1
<i>А.С. Нилогов</i>	
Инставрация, или Ницета историософии.....	№ 4
<i>В.П. Океанский</i>	
На приход 2014 года	№ 1
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Крутая перемена.....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Наедине с Софией. Метафизические реалии	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
О «Новом Домострое» Т.Н. Юдиной	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и историософия	№ 3
<i>Е.В. Романов</i>	
Философия экономики образования: к вопросу обоснования предметной области	№ 2
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Бог философии	№ 1
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Лентулов: между смертью человека и поисками первоначал	№ 6
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Религия как шведский стол	№ 4
<i>И.И. Рудяк</i>	
Музыка сфер в пламени Булгакова: после крокодила как дирижера и бренда как языческого божества	№ 5

<i>С.Ю. Синельников</i>	
Домоустройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт)	№ 5
<i>Т.Г. Трубицына</i>	
Малые города России — жизненное пространство людей	№ 5
<i>Е.Х. Хабибуллина</i>	
Феномен русской благотворительности и предпринимательства как движущая сила инновационного развития имперской России	№ 4
<i>Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок</i>	
Софиасофия в поисках русской экологии	№ 4
<i>Д.Б. Эштейн</i>	
Книга, чтение и осмысление которой возвышает	№ 5
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Евангелие интегрализма. К 50-летию публикации монографии Питирима Сорокина «Главные тенденции нашего времени»	№ 6
Научная жизнь	
<i>А.М. Белянова, С.В. Кайманаков</i>	
Новое интегральное общество	№ 5
<i>С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына</i>	
Проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Актуальные принципы организации российской экономики	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Малые и средние города как опора России	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Международные интеграционные процессы в Евразии	№ 3
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Моя политэкономическая страда	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Открытое письмо проректору Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
По завершении симпозиума (итоговые тезисы)	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
По пути евразийской интеграции	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и кризис: бремя перемен	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и мир: время перемен	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и мир: момент истины (тезисы доклада)	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства и современный мир (вступительное слово)	№ 4
<i>П.А. Покрытан, С.В. Балацкая, К.А. Субхангулова, М.В. Гуторова, М.П. Фадеева, И.В. Антоненко, Т.З. Левандовский, Н.А. Бякова, А.В. Матчин, И.Д. Бурак, О.Ю. Горлов</i>	
Публикации журнала «The Economic Journal» об экономическом кризисе	№ 1
<i>С.Ю. Синельников</i>	
Домоустройство в рамках семейного хозяйства (современный опыт)	№ 3
<i>И.П. Смирнов</i>	
Неолиберализм в медиасфере современной Германии	№ 6

<i>Н.Б. Шулевский, О.Б. Лемешонок</i> СССР. Что это было?	№ 3
Belle-Lettre	
<i>Ю.М. Осипов</i> Интервью (из новой книги)	№ 4
<i>Ю.М. Осипов</i> Симпозиум. Рассказ-очерк	№ 6

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу. **Наш адрес:** 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.